PROPERTY OF TH
LIBRARY OF TH
MAY 3 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CARO

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

АЛЕКСАНДРОВ П. А. и др. **Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. Июнь 1941 г.— 1945 г.** М. «Сов. наука». 1959. 153 стр. 19 000 экз. 2 р. 25 к.

АНДРЕЕВ П. П. **Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны. Июнь 1941 г.— 1945 г.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 179 стр. 80 000 экз. 1 р. 90 к.

Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. В 3 томах. Т. 1. С древнейших времен до середины XVII века. Минск. Изд-во АН БССР. 1959. 516 стр. 2 000 экз. 12 руб.

ГЕРЦЕН А. И. **Собрание сочинений. В 30 томах. Т. 18. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864—1865 годов.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 751 стр. 19 500 экз. 15 руб.

ИСРАЭЛЯН В. Л. **Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941—1945 г.** М. Изд-во ИМО. 1959. 367 стр. 15 000 экз. 15 р. 50 к.

КАРАПЕТЯН С. Х. **Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении.** Ереван. Айпетрат. 1959. 467 стр. 2 000 экз. 8 р. 30 к.

КЕЛЬДИЕВ Т. Х. **Разгром контрреволюции в Ферганской и Самаркандской областях Туркестанской АССР. 1918—1923 гг.** Ташкент. Госиздат УзССР. 1959. 150 стр. 3 000 экз. 3 р. 50 к.

КОВАЛЬ Т. А. **Соревнование СССР и США в области сельского хозяйства.** М. Сельхозгиз. 1959. 157 стр. 30 000 экз. 2 руб.

Краткие сообщения. Вып. 77. О докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. Изд-во АН СССР. 1959. 135 стр. 1 500 экз. 6 р. 70 к.

В. И. Ленин и его соратники о борьбе за Советскую власть в Дагестане. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1959. 268 стр. 3 000 экз. 4 р. 40 к.

МАГОМЕДОВ Р. М. **Хронология истории Дагестана.** Махачкала. Дагкнигоиздат. 1959. 108 стр. 3 000 экз. 3 р. 10 к. Хронология охватывает период с древнейших времен до XIX века включительно.

Основы политических знаний. Учебное пособие для политшкол и самообразования. 3-е изд., перераб. и доп. М. Госполитиздат. 1959. 504 стр. 500 000 экз. 6 р. 50 к.

Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 4. М. Изд-во восточной литературы. 1959. 154 стр. 1 300 экз. 6 руб.

ПОРТЯНКИН И. А. **Редакторская и публицистическая деятельность В. И. Ленина.** Лекции. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 138 стр. 7 500 экз. 2 руб.

САВЕЛЬЕВ Я. В. **Партия большевиков в годы мировой империалистической войны. Вторая революция в России. 1914 г.— февраль 1917 г.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 103 стр. 80 000 экз. 1 р. 10 к.

СОЛОВЬЕВ С. М. **История России с древнейших времен. В 15 книгах. Кн. 1. (Т. 1—2).** М. Соцэкгиз. 1959. 811 стр. 35 000 экз. 17 руб.

40 лет пролетарской революции в Литве. Сборник статей. Вильнюс. Госполитнаучиздат. 1959. 205 стр. 2 000 экз. 2 р. 55 к.

ТРАПЕЗНИКОВ С. **Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства.** М. Госполитиздат. 1959. 447 стр. 15 000 экз. 9 руб.

ТУРСУНОВ Х. Т. **Коммунистические партии Туркестана, Бухары и Хорезма в период национально-государственного размежевания в Средней Азии.** Ташкент. Госиздат. УзССР. 1959. 84 стр. 10 000 экз. 1 руб.

ЦУКЕРНИК А. Л. **Синдикат «Продамет». 1902 — июль 1914 г.** Ист.-экон. очерк. М. Соцэкгиз. 1959. 303 стр. 2 000 экз. 10 р. 50 к.

ШАТАГИН Н. **Партия в период Великой Отечественной войны.** М. Госполитиздат. 1959. 239 стр. (В помощь изучающим историю КПСС.) 150 000 экз. 2 р. 85 к.

Всеобщая история

БОННАР А. **Греческая цивилизация. Т. 2. От Антигоны до Сократа.** Перевод с французского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 316 стр. 13 р. 10 к.

Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг. Сборник статей. Перевод с чешского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 660 стр. 14 р. 90 к.

Всемирная история. В 10 томах. Т. 7. М. Соцэкгиз. 1959. 830 стр. 165 000 экз. 40 руб. В томе рассматривается период от 1789 до 1871 г.

ЗУСМАНОВИЧ А. З. **Империалистический раздел Африки.** Популярные очерки. М. Изд-во восточной литературы. 1959. 147 стр. 4 000 экз. 4 руб. Рассматривается история закабаления Африки империалистическими державами в последней четверти XIX века.

ЛОПУХОВ Б. **Борьба рабочего класса Италии против фашизма. 1920—1922 гг.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 212 стр. 8 р. 80 к.

ЛЮБЛИНСКАЯ А. Д. **Франция в начале XVII века. 1610—1620 гг.** Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1959. 294 стр. 1 100 экз. 17 руб.

МАЦЕК И. **Табор в гуситском революционном движении.** Перевод с чешского. Т. 2. Изд-во иностранной литературы. 1959. 572 стр. 22 р. 25 к.

МИЛОВАНОВ И. и СЕЙФУЛЬ-МУЛЛАКОВ Ф. **Чрак вчера и сегодня.** М. Госполитиздат. 1959. 127 стр. 50 000 экз. 1 р. 50 к.

МИХАЙЛОВ Б. Я. **Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955. Из истории американского рабочего движения.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 627 стр. 1 700 экз. 25 р. 80 к.

НОВИЧЕВ А. Д. **Крестьянство Турции в новейшее время.** М. Изд-во восточной литературы. 1959. 290 стр. 1 100 экз. 12 руб.

Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г. М. Учпедгиз. 1959. 359 стр. 10 000 экз. 8 р. 20 к.

ПЕТРУШОВ А. **Положение крестьянства в капиталистических странах после второй мировой войны.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 58 стр. 16 500 экз. 75 коп.

V съезд Португальской коммунистической партии. Перевод с португальского. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий.) М. Госполитиздат. 1959. 319 стр. 6 р.

РОТШТЕЙН Э. **Мюнхенский сговор.** Перевод с английского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 427 стр. 9 р. 90 к.

Средние века. Сборник. Вып. 15. Изд-во АН СССР. 1959. 190 стр. 1 600 экз. 11 р. 10 к.

Суэцкий канал. (Факты и документы). Сборник статей. Перевод с арабского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 247 стр. 4 р. 60 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 3 МАРТ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. Р. Гершберг — Возникновение в СССР движения бригад и ударников коммунистического труда 3

Г. Д. Костомаров — В. И. Ленин и Московская организация КПСС . 19

Ш. Юсупов (Алма-Ата) — Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости 34

Л. М. Иванов — Состояние и задачи изучения истории пролетариата России 50

Б. А. Колчин, А. Л. Монгайт — Применение естественнонаучных методов в археологии 75

М. А. Кокорин, А. А. Стручков — О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 годах . . . 88

Йозеф Мацек (Чехословакия) — Чехословацкая историческая наука в период завершения строительства социализма 102

ДИСКУССИИ

Н. Ф. Филоненко-Алексеев — Некоторые общие и специфические черты вторичного закрепощения в Чехии 120

СООБЩЕНИЯ

В. С. Познанский (Алма-Ата) — О развитии массового рабочего изобретательства и рационализаторства в СССР 138

В. Д. Кульбакин — О роли фашистской партии в подготовке германским империализмом второй мировой войны (1929—1932 гг.) . . 154

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Н. Н. Яковлев — А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки 169

Н. Н. Улащик — Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. 175

Всеобщая история

Б. В. Родов — И. Я. Бедняк, А. Л. Гальперин, Л. Д. Гришелева, Г. И. Подпалова, В. А. Попов, П. П. Гопеха, Х. Т. Эйдус. Очерки новой истории Японии (1640—1917) 181

С. И. Ковалев (Ленинград) — Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи 186

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Н. А. Долдобанова — В археографической комиссии 189

Хроникальные заметки 192

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Эрвин Памлени (Венгрия) — Развитие исторической науки в Венгрии в 1957—1958 годах 194

И. В. Созин — Научная сессия, посвященная 15-летию Польской Народной Республики 207

С. Дернберг (ГДР) — Научная конференция комиссии историков СССР и ГДР в Берлине 208

И. Н. Мельникова (Киев), **Н. А. Шленова** — Съезд чехословацких историков 212

А. Л. Нарочницкий — Встречи советских и датских историков 217

К предстоящему XI Международному конгрессу исторических наук . 218

СТАТЬИ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ В СССР ДВИЖЕНИЯ БРИГАД И УДАРНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

С. Р. Гершберг

Движение бригад и ударников коммунистического труда еще очень молодо: оно возникло лишь немногим более года назад. Тем не менее это движение, порожденное творческой инициативой передовых советских людей, возглавленное партией, уже вписало яркую страницу в историю социалистического соревнования, в летопись борьбы за утверждение коммунистических форм труда. Оно служит новым подтверждением жизненности гениальных идей В. И. Ленина о социалистическом соревновании как неодолимой движущей силе развития общества, свободного от классовых антагонизмов.

Социалистическому соревнованию свойственна закономерность, подтвержденная всей его историей: новые формы соревнования возникают на новых этапах коммунистического строительства, отвечая назревшим задачам общественного развития.

В период иностранной интервенции и гражданской войны, когда партия выдвинула лозунг «работать по-революционному», рабочие проявили массовый героизм в тылу. Без этого невозможно было спасти страну от хозяйственной и военной катастрофы. Усталые, истощенные рабочие устраивали коммунистические субботники и достигали серьезного повышения производительности труда. Высоко оценивая самоотверженность рабочего класса, В. И. Ленин писал: «Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?»[1]. В статье «Великий почин» Владимир Ильич призывал бережно выхаживать ростки коммунизма. Этому завету неизменно следует Коммунистическая партия.

С изменением условий жизни и борьбы советского народа возникали новые многообразные формы социалистического труда. В. И. Ленин предвидел это, когда говорил: «Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные»[2].

После окончания гражданской войны советский народ приступил к восстановлению народного хозяйства. Партия призвала рабочий класс к дальнейшему повышению производительности труда путем социалистической рационализации производства, к созданию накоплений, необходимых для осуществления ленинского плана индустриализации страны. Одной из первых форм социалистического соревнования и действенным методом привлечения трудящихся к управлению производством, школой социалистического хозяйствования явились в то время производственные совещания.

В 1929 г., когда партия разработала первый пятилетний план, XVI Всесоюзная партийная конференция приняла обращение к трудящимся об организации соревнования во всех областях социалистического

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 393—394.
[2] Там же, стр. 392—393.

строительства. По инициативе рабочего класса в стране развернулись небывалые по своей массовости социалистическое соревнование и ударничество.

В годы второй пятилетки в ответ на призыв партии к трудящимся овладевать высотами новой техники в стране возникло стахановское движение — массовое движение новаторов производства. Советские рабочие устанавливали мировые рекорды производительности труда.

В период Великой Отечественной войны в нашей стране возникли новые формы соревнования — движение двухсотников, тысячников, многостаночников, фронтовых бригад. Партия организовала и возглавила Всесоюзное социалистическое соревнование за оказание максимальной помощи фронту.

В первые послевоенные годы высокого подъема достигло движение новаторов, рационализаторов, изобретателей, возникли такие формы соревнования, как творческое содружество людей науки и производства, овладение смежными профессиями, экономия материалов на каждой производственной операции, осуществление коллективных комплексных планов повышения производительности труда и т. д.

Движение бригад и ударников коммунистического труда началось в преддверии нового исторического периода в развитии нашего общества — периода развернутого строительства коммунизма. Характерными чертами этого периода являются: ускорение создания материально-технической базы коммунизма, приближение сроков решения основной экономической задачи СССР, дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений, значительный рост благосостояния советского народа, усиление идеологической деятельности партии, Советского государства, всех общественных организаций.

Движение бригад и ударников коммунистического труда еще не нашло отражения в исторической литературе. Первые работы, посвященные этой теме, носят преимущественно научно-популярный или литературно-публицистический характер [3]. Достоинство их в том, что они написаны по живым следам событий, передают атмосферу соревнования.

Не все они равноценны, и, к сожалению, одна из первых работ этого рода, принадлежащая перу Н. Ткачука [4], небрежно отредактирована. Характеризуя истоки нового движения, автор допускает неправильные формулировки. Например, говоря о коммунистических субботниках, Н. Ткачук утверждает, что, поскольку они возникли в условиях «отсталой экономики и разрухи производительных сил, в обстановке жесточайшей борьбы с лишениями», они «не могли охватить сколько-нибудь широкие слои трудящихся» [5]. Это неверно: в коммунистических субботниках участвовали миллионы людей. Соревнование за звание бригад коммунистического труда Н. Ткачук почему-то именует соревнованием или движением «за создание» бригад коммунистического труда [6].

Издан ряд брошюр, авторами которых являются сами участники нового движения. Эти работы ценны своей документальностью, фактическим материалом. Так, рабочий Адмиралтейского завода (Ленинград) делегат XXI съезда КПСС В. И. Горбунов написал брошюру о бригаде

---

[3] В. Крестьянинов. Новое в социалистическом соревновании. М. 1959; С. Гершберг. Разведчики будущего. Госполитиздат. 1959; В. П. Сидоренко. Від перших комуністичних суботників до бригад комуністичної праці. Киев. 1959; Т. Яковлев, С. Гегузин. Огни горы Соколиной. Госполитиздат. 1959; В. Гринюк. Эстафета коммунизма. М. 1959; П. Иванов, В. Пономарев. Трудовой подвиг Валентины Гагановой. Госполитиздат. 1959; «Здравствуй, утро семилетки». Сборник. М. 1959.

[4] Н. Ткачук. Бригады коммунистического труда. М. 1959.

[5] Там же, стр. 7.

[6] Там же, стр. 40, 60, 73, 77, 83.

коммунистического труда, возникшей на его заводе [7]. Донецкие шахтеры Н. Мамай и К. Северинов рассказали о делах и днях коллективов, в числе первых завоевавших звание бригад коммунистического труда [8]. Брошюра М. Довжика, бригадира тракторной бригады целинного совхоза «Ярославский» в Казахстане, посвящена одной из первых бригад коммунистического труда в сельском хозяйстве [9]. Вышли в свет брошюры Н. Пудовкина, бригадира комплексной бригады коммунистического труда на строительстве завода синтетического каучука в районе Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, И. Фурсы, бригадира комплексной бригады Падозерского лесопункта в Карелии [10]. В 1959 г. местными издательствами было выпущено несколько сборников, содержащих краткие статьи руководителей коллективов коммунистического труда, очерки и корреспонденции, написанные журналистами [11].

Книги и статьи участников нового движения являются ценным документальным источником для исследователя. Они позволяют проследить конкретно-исторический процесс развития новой формы социалистического соревнования, выявить его предпосылки, характерные особенности и черты, его существенное отличие от предшествующих этапов соревнования, влияние растущей творческой инициативы народных масс на ускорение темпов строительства коммунизма.

Интересны по своему содержанию издающиеся во все большем количестве брошюры с описанием практического опыта первых бригад коммунистического труда, с отражением специфики их работы в отдельных отраслях народного хозяйства (в текстильной промышленности, в промышленности строительных материалов, на предприятиях связи и др.) [12].

Большой интерес для исследователя представляет история возникновения бригад коммунистического труда на крупнейших предприятиях страны, опыт партийных, комсомольских и профсоюзных организаций по развитию этого движения, изучение состава его участников. В этом отношении немало ценного фактического и обобщенного материала содержит центральная периодическая печать — газеты (особенно «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и «Труд»), журналы, местная пресса. Некоторые статистические материалы накоплены в ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Ленинградские исследователи начали работу по изучению состава первых бригад коммунистического труда. Аналогичная работа, несомненно, развернется и в других местах.

Постановление Центрального Комитета КПСС о партийной пропаганде нацеливает общественные науки, в том числе науку историческую, на разработку важнейших проблем современности. Развитие соревнования бригад и ударников коммунистического труда — народное движение за ускорение темпов строительства коммунизма, за воспитание человека коммунистического общества — тема, достойная глубокого и всестороннего изучения.

---

[7] В. И. Горбунов. Думы о съезде. Госполитиздат. 1959.

[8] Н. Мамай. Слово коммуниста. Госполитиздат. 1959; К. Северинов. Жить и работать по-коммунистически. Сталино. 1958.

[9] Мих. Довжик. Разбуженная степь. М. 1959.

[10] Н. Пудовкин. Бригада берет разгон. М. 1959; И. Фурса. Жить и работать по-коммунистически. Петрозаводск. 1959.

[11] Например, «Говорят члены бригады коммунистического труда». Сборник. Хабаровск. 1959; «На рубежах семилетки». Челябинск. 1959; «Жить и работать по-коммунистически». Омск. 1959; «Зірниці майбутнього». Сборник. Киев. 1959; «Працювати, жити по-комуністичному». Одесса. 1959; «Перші комуністичні бригади». Чернигов. 1958; «Так велит сердце». Сталино. 1959; «Разведчики будущего». Л. 1959.

[12] Например, А. Бородатов. Бригада коммунистического труда (на асбошиферном заводе). Белгород. 1959; Н. Добровольский, А. Панфилов. Содружество ученых и бригад коммунистического труда. Свердловск. 1959; Б. В. Бронер и Л. В. Кокосов. Идущие впереди. М. 1959; А. Лукашенко и В. Поддубный. Будущее рождается сегодня. Смоленск. 1959; Ю. Пискунов и Н. Шпаков. Бригада коммунистического труда. Иваново. 1959, и др.

★

Движение бригад коммунистического труда зародилось в октябре 1958 г., в дни подготовки к XXI съезду КПСС.

Опубликование постановления сентябрьского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС о созыве в январе 1959 г. внеочередного XXI съезда партии [13] для обсуждения контрольных цифр семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. вызвало в рабочем классе, в колхозном крестьянстве, в среде советской интеллигенции большой политический и производственный подъем. По стране прокатилась волна митингов и собраний, на которых трудящиеся принимали социалистические обязательства в честь XXI съезда партии. В соответствии со сложившейся в нашей стране революционной традицией — встречать выдающиеся события в жизни социалистического общества новыми трудовыми победами — коллективы рабочих, служащих и инженерно-технических работников принимали решения о досрочном выполнении годового плана, о повышении производительности труда, внедрении новой техники, снижении себестоимости и повышении качества продукции.

Советские люди понимали огромное значение предстоявшего съезда партии для судеб страны. Поэтому, вступая в предсъездовское соревнование, они стремились обогатить его новым содержанием, отвечающим новым задачам. В массах зрели мысли о разработке и принятии повышенных обязательств в социалистическом соревновании, о расширении сферы соревнования с тем, чтобы оно охватывало все стороны производственной и духовной жизни советского человека, распространялось не только на труд, но и на учебу, на повседневный быт.

Новые идеи социалистического соревнования нашли яркое отражение в историческом почине коллектива комсомольско-молодежного роликового цеха депо Москва-Сортировочная, где появилась первая бригада коммунистического труда. Это то самое депо, в котором 12 апреля 1919 г. состоялся первый в Советской республике коммунистический субботник.

На беседе молодых рабочих цеха, посвященной сообщению о созыве XXI съезда КПСС, слесарь Борис Брыков говорил: «Съезд будет необычным, значит, и нам надо работать не так, как раньше. Каждый из нас должен подумать: а чем мы еще можем помочь государству, какой вклад внесем в дело строительства коммунизма, в осуществление семилетнего плана» [14].

11 октября 1958 г. состоялось собрание коммунистов и комсомольцев роликового цеха для обсуждения предсъездовских обязательств. Оно проходило весьма оживленно. Как свидетельствует секретарь парткома депо Москва-Сортировочная Н. Т. Терехин, «были горячие споры, но все говорили о том, что настало время поднять соревнование на новый уровень, что надо взять на себя такие обязательства, которые отвечали бы духу нового времени... Все сходились на том, что главным в соревновании должна быть борьба за самую высокую производительность труда, за воспитание новых людей, подлинных строителей коммунизма... Родилась мысль начать соревноваться за то, чтобы работать и жить по-коммунистически» [15]. Партийно-комсомольское собрание разработало обязательства и решило вынести их на обсуждение коллектива цеха.

13 октября на общем собрании работников роликового цеха с конкретными предложениями, намеченными партийно-комсомольской группой, выступили инициаторы создания бригады коммунистического труда мастер Владимир Станилевич, слесари Борис Брыков, Александр Лебе-

[13] «Правда», 7 сентября 1958 года.

[14] «Московский комсомолец», 19 ноября 1959 года.

[15] Н. Терехин. Работать и жить по-коммунистически. «Партийная жизнь», 1958, № 22, стр. 13.

дев, Никита Широков, Виктор Матвеенко, Иван Замятин, Илья Просветов, Евгений Брыксин, инженер Виктор Волковский и др. После обсуждения собрание цеха единодушно приняло постановление: «Работать и жить по-коммунистически, так, чтобы была видна во всех наших поступках высокая личная ответственность за общее дело строительства коммунизма,— это является нашим горячим стремлением. ...Первейшей обязанностью строителей коммунизма является высокая производительность труда. Поэтому, следуя почину лучших рабочих страны, мы без дополнительных затрат, на тех же производственных площадях и при том же оборудовании, максимально используя доверенную нам технику, обязуемся каждодневно повышать производительность труда. ...Наш непосредственный труд и вся жизнь строителей коммунизма требуют сейчас от каждого советского рабочего высоких технических знаний, общего развития, политехнического образования. Каждый из нас стремится всемерно развивать свой кругозор, свой политический, общеобразовательный и культурный уровень. ...Высокая сознательность и ответственность строителя коммунизма должна проявляться во всем личном и общественном его поведении, в конкретных поступках, направленных на рост благосостояния и расцвет родного государства. ...Коллектив комсомольско-молодежного цеха ставит своей задачей бороться с пережитками прошлого в сознании людей, с проявлениями косности, эгоизма, местничества, влияния собственнической идеологии, пьянством, хулиганством — со всем, что мешает нам в строительстве коммунистического общества. Не может и не должно быть в цехе поступков, порочащих имя строителя коммунизма» [16].

Коллектив цеха принял на себя конкретные обязательства, в том числе: за счет автоматизации и механизации производственных процессов, повышения квалификации рабочих и лучшей организации труда к XXI съезду КПСС снизить простой тепловозов в малом периодическом ремонте на 8 часов и в большом периодическом — на 16 часов; каждому рабочему внести не менее одного рационализаторского предложения; дневное задание выполнять за 7 часов, а восьмой час трудиться на отстающих участках; считать обязательным для каждого передачу товарищам своих передовых методов труда и освоение их всем коллективом; каждому овладеть новой специальностью по ремонту тепловозов. Все рабочие обязались в течение трех — пяти лет получить общее среднее или среднетехническое образование, а инженеры и техники — помочь товарищам подготовиться к поступлению в учебные заведения.

Коллектив цеха обязался также систематически помогать подшефному колхозу в ремонте сельскохозяйственной техники; трудиться по 8 часов каждый месяц на строительстве жилого дома для рабочих и служащих депо; обучать учеников подшефной школы слесарному делу.

Принимая обязательства, роликовый цех вызвал на соревнование коллективы подъемочного и автоматного цехов. Постановление рабочих роликового цеха было сразу же поддержано передовыми бригадами паровозных машинистов депо и 15 октября 1958 г. одобрено парткомом депо [17].

Инициатива молодежи депо Москва-Сортировочная нашла горячую поддержку Центрального Комитета ВЛКСМ. Но прежде чем огласить в печати материалы о новом почине, ЦК ВЛКСМ и редакция «Комсомольской правды» направили своих представителей к молодежи нескольких крупных заводов, колхозов, совхозов, чтобы познакомить ее с обязательствами коллектива депо Москва-Сортировочная и посоветоваться, как лучше организовать соревнование. Повсюду начинание московских новаторов встречали с энтузиазмом.

[16] «Как это было. От первого коммунистического субботника к первому коллективу коммунистического труда». М. 1959, стр. 94, 96.

[17] Там же, стр. 97.

14 ноября 1958 г. Центральный Комитет КПСС опубликовал для всеобщего обсуждения тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Тезисы раскрыли грандиозные перспективы победоносного движения советского народа к коммунизму. Намеченные партией колоссальный рост производства, крупнейшие мероприятия в области научно-технического прогресса, программа повышения культурного уровня и роста благосостояния трудящихся вызвали глубокое удовлетворение в массах. Социалистическое соревнование в честь XXI съезда КПСС разгоралось с новой, необычайной силой. В этой атмосфере создалась исключительно благоприятная обстановка для быстрого роста движения бригад коммунистического труда.

В день опубликования тезисов доклада Н. С. Хрущева шахтерская бригада К. Северинова на шахте № 5—6 имени Г. Димитрова треста «Красноармейскуголь» (Донбасс), решив стать бригадой коммунистического труда, приняла на себя высокие обязательства и выработала заповеди:

«Всегда и во всем оправдывать звание члена бригады коммунистического труда. Воспитывать в себе и своих товарищах качества членов коммунистического общества.

Закон бригады: один за всех и все за одного. Все радости и горести делить сообща.

Всем учиться. Отказ от учебы считать отсутствием сознательности и уважения к себе.

Мы решительно порываем с остатками прошлого: пьянством, хулиганством, сквернословием. Тот, кто нарушает эти требования, недостоин звания члена бригады коммунистического труда...» [18].

В Азербайджане первой вступила в борьбу за звание коллектива коммунистического труда комсомольско-молодежная бригада морского нефтепромысла треста «Гюрганнефть», руководимая Акифом Джафаровым [19]. Бригада приняла решение повысить за один год производительность труда на 48%. Все члены ее обязались получить среднетехническое образование. «Коммунистическая сознательность, подчинение своих интересов интересам общего дела, товарищеская взаимопомощь, непрестанное повышение своих знаний и мастерства, высокая культура на производстве и в быту» — такова одна из заповедей бригады [20].

В Ленинграде первые бригады коммунистического труда почти одновременно возникли на восьми предприятиях, в том числе на заводах, в прошлом не раз выступавших инициаторами социалистического соревнования,— «Красном выборжце», Балтийском, Кировском [21]. На «Красном выборжце» бригада Николая Воронина взялась путем улучшения технологии увеличить на 25% производительность прокатных станов. Все члены бригады решили учиться в институтах, техникумах или средней школе [22].

Пионерами нового движения на предприятиях Харькова выступили молодые рабочие чугунолитейного цеха завода транспортного машиностроения имени Малышева — бригады Олега Топчия и Ивана Сыча. Секретарь Харьковского горкома КП Украины М. Шевченко рассказывает: «Как только молодые чугунолитейщики услышали о почине комсомольцев депо Москва-Сортировочная, которые решили продолжить дело своих отцов — инициаторов коммунистических субботников, этого поистине великого почина, они по-деловому, с большой страстностью

[18] «Комсомольская правда», 18 ноября 1958 года.
[19] «Молодежь Азербайджана», 18 ноября 1959 года.
[20] «Комсомольская правда», 18 ноября 1958 года.
[21] Э. А. Абрамов, Ф. В. Кругликов, А. Л. Розенштейн. Бригады коммунистического труда. Л. 1959, стр. 18.
[22] «Труд», 11 декабря 1958 года.

обсуждали свои возможности. «У нас есть все условия завоевать звание бригады коммунистического труда»— таково было единодушное решение молодых рабочих [23]. А вот их конкретные обязательства: довести выпуск коленчатых валов в декабре 1958 г. до 130, а в декабре 1959 г. — до 160 при норме 100; снизить более чем на 700 руб. себестоимость коленчатого вала; освоить смежные специальности, быть готовыми заменять друг друга на производстве; показывать пример в быту и в общественной жизни [24].

Дружную поддержку встретил почин москвичей на Урале, прежде всего среди металлургов. Коллектив комсомольско-молодежной доменной печи № 7 Магнитогорского металлургического комбината объявил свою домну ударным участком семилетки и решил в 1959 г. за счет экономии кокса и сырья сберечь полтора миллиона рублей [25].

Отдельные бригады коммунистического труда возникли в стране в период с 13 октября по 18 ноября 1958 года. Движение тогда еще не было массовым, оно находилось в зародыше. Возникновение первых бригад и их начальные шаги не освещались в печати.

Но как только был приведен в действие один из основных принципов организации соревнования, разработанных В. И. Лениным,— гласность, как только печать сообщила о почине передовых людей страны, новая форма соревнования быстро проложила себе дорогу в массы.

Уже в начале движения сами участники его, партийные, комсомольские и профсоюзные организации резко выступили против имевших место отдельных попыток произвести простое переименование передовых бригад в коммунистические [26]. Сразу же отвергнуты были как ошибочные предложения отдельных членов бригад о введении уравнительной системы оплаты труда. Отброшены были попытки ограничить новую форму соревнования исключительно участием молодежи. Тем самым была вовремя предупреждена возможность ошибок в развертывавшемся движении. В массе своей коллективы и отдельные работники с большой ответственностью подходят к принимаемым обязательствам, взвешивают свои силы, не проявляя ненужной спешки и торопливости. Они руководствуются требованием В. И. Ленина — дорожить словом «коммунистическое». Владимир Ильич учил, что «столь почетное название надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом» [27].

В то же время нельзя не обратить внимания на такое явление, когда кое-где сдерживалось развертывание соревнования. В некоторых местах имелись случаи специального отбора лучших рабочих для создания из них бригад, могущих соревноваться за звание бригад коммунистического труда. Например, в Донбассе, в шахтоуправлении № 2 треста «Красногвардейскуголь», парторг, начальник шахты, предшахткома, начальник участка, рассмотрев список рабочих, отобрали наилучших, составили из них бригаду и направили ее на лучший участок шахты. Шахтеры резко выступили против очковтирательства [28]. Были случаи, когда от коллективов и отдельных рабочих требовали подачи письменных заявлений с просьбой разрешить им вступить в соревнование. Так, в кузнечном цехе и цехе шасси Сталинградского тракторного завода таких заявлений требовали цехкомы профсоюза [29]. Кое-где имелась тенденция введения условий для

---

[23] М. Шевченко. По пути к победе коммунистического труда. Сборник «Зірниці майбутнього», стр. 15—16.

[24] Там же.

[25] См. «Комсомольская правда», 18 ноября 1958 года.

[26] См. «Комсомольская правда», 5 декабря 1958 г.; «Правда», 23 января 1959 года.

[27] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 398.

[28] См. «Рабочая газета» (Киев), 20 февраля 1959 года.

[29] См. В. Прохоров. Рабочий класс в борьбе за технический прогресс. «Коммунист», 1959, № 12, стр. 52.

вступающих в соревнование, «права» на соревнование. Здесь допускалась явная путаница, ибо одно дело — участие в соревновании: оно открыто и доступно для всех членов социалистического общества; другое дело — присвоение звания бригады или ударника коммунистического труда: это звание присваивается не всем участникам соревнования, а только тем, кто его завоевал [30].

Первой о начавшемся в стране движении бригад коммунистического труда под девизом «Работать, учиться и жить по-коммунистически!» сообщила 18 ноября 1958 г. газета «Комсомольская правда», и это ее несомненная заслуга. В газете были напечатаны наряду с обязательствами роликового цеха депо Москва-Сортировочная и обязательства бригад, возникших в Ленинграде, Харькове, Магнитогорске, Днепропетровске, в Азербайджане, в Белоруссии. Материалы «Комсомольской правды» были тотчас же переданы по радио. Патриотический почин зачинателей новых форм коммунистического труда стал известен всему советскому народу, трудящимся всего мира. В тот же день на многих предприятиях страны, на собраниях, посвященных обсуждению тезисов доклада Н. С. Хрущева о семилетнем плане, сотни передовых коллективов заявляли о своем горячем желании бороться за звание бригады коммунистического труда. Таким образом, вторую половину ноября 1958 г. можно считать датой начала массового движения бригад коммунистического труда в СССР.

Характерной особенностью нового движения явилось то, что уже в самом начале оно захватило не только старые индустриальные центры страны, не раз выступавшие инициаторами новых форм соревнования,— такие, как Москва, Ленинград, Урал, Украина, Поволжье,— но и молодые промышленные очаги, и среди них еще только создаваемые в восточных районах СССР. В числе первых, вступивших в соревнование за звание коммунистических, была бригада бурильщиков Бориса Гайнуллина на Братской ГЭС и бригада слесарей-монтажников Тадея Булия на строительстве города Ангарска [31]. В одно время с трудящимися центральных районов страны включились в соревнование рабочие многих районов Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, республик Средней Азии [32].

Другой характерной чертой нового движения является одновременное зарождение бригад коммунистического труда в городе и в деревне. Это свидетельствует о возросшей политической и трудовой активности тружеников сельского хозяйства — рабочих совхозов и колхозников [33].

Замечательный почин молодежи депо Москва-Сортировочная, сразу же встретивший горячее одобрение и поддержку партии, в короткий срок нашел широкое распространение по всей стране.

На собрании актива Московской городской организации КПСС 18 ноября 1958 г., в день опубликования в «Комсомольской правде» материалов о бригадах коммунистического труда, мастер депо Москва-Сортировочная Виктор Станилевич сообщил о первых успехах инициаторов соревнова-

---

[30] По сведениям ВЦСПС, к середине октября 1959 г. в Москве из 13 444 соревновавшихся коллективов звания бригад коммунистического труда были удостоены 280, в Ленинградской области — соответственно 8 655 и 224, по Украинской ССР — 40 тыс. и 2 900, в Узбекской ССР (на 20 августа) — 2 257 и 246, в Грузинской ССР (на 1 августа) — 1 344 и 151. Эти цифры показывают, что рабочие коллективы, общественность производят строгий отбор бригад при присвоении почетного звания.

[31] См. Б. Щербина. Неодолимое движение современности. Сборник «Бригады коммунистического труда». Иркутск. 1959, стр. 11.

[32] См. «Говорят члены бригады коммунистического труда». Хабаровск. 1959; «Жить и работать по-коммунистически»: газеты «Социалистическая Караганда», 23 декабря 1958 г.; «Алтайская правда» (Барнаул), 24 января 1959 г.; «Забайкальский рабочий» (Чита), 6 февраля 1959 г.; «Красное знамя» (Владивосток), 21 мая 1959 г.; «Материалы IV пленума ЦК ЛКСМ Киргизии». Фрунзе. 1959, и др.

[33] См. А. Звягинцев, Н. Копанев, В. Чернов. В коммунистических бригадах мы к коммунизму держим путь. Ставрополь. 1959; Сборник «Майбутньому назустріч». Днепропетровск. 1959; газета «Удмуртская правда», 13 февраля 1959 г.; журнал «Совхозное производство», 1959, № 2.

ния [34]. Партийный актив столицы с удовлетворением воспринял это сообщение.

19 ноября «Правда» выступила с редакционной статьей о бригадах коммунистического труда. Несколько дней спустя газета призвала все местные партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации и хозяйственных руководителей широко распространять опыт первых бригад [35].

Местные партийные организации живо откликнулись на возникновение новой формы соревнования. 19 ноября 1958 г. бюро Харьковского обкома КП Украины вынесло постановление, одобрявшее почин формовщиков завода транспортного машиностроения имени Малышева, а бюро Челябинского обкома КПСС одобрило почин коллектива домны № 7 Магнитогорского комбината, решивших бороться за звание бригад коммунистического труда [36]. Аналогичные постановления вынесли бюро Сталинского и Луганского обкомов КП Украины, бюро Бакинского комитета КП Азербайджана и др. [37].

21 ноября 1958 г. в Москве состоялось расширенное заседание бюро ЦК ВЛКСМ с участием инициаторов нового движения. Обобщив первый опыт соревнования, посоветовавшись с руководителями бригад, Центральный Комитет комсомола принял решение принципиального характера: звание бригады коммунистического труда коллективы не присваивают себе сами, а завоевывают его в соревновании. На этом заседании бюро ЦК ВЛКСМ впервые присвоило звание коллектива коммунистического труда роликовому цеху (к тому моменту переименованному в тепловозоремонтный цех) депо Москва-Сортировочная [38]. 25 ноября было опубликовано постановление ВЦСПС о социалистическом соревновании в честь XXI съезда КПСС, в котором одобрялась инициатива передовых бригад [39].

Исключительное значение для успешного развития движения бригад коммунистического труда при самом его зарождении имела высокая оценка, данная новому движению на декабрьском (1958 г.) Пленуме Центрального Комитета партии. В докладе на Пленуме Н. С. Хрущев говорил: «Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция развертывают всенародное соревнование за осуществление величественных заданий семилетнего плана. По инициативе славной молодежи и ее авангарда — Ленинского комсомола родилось замечательное движение наших дней — возникли бригады коммунистического труда. Участники соревнования ставят своей целью добиться значительного роста производительности труда и вместе с тем обязуются учиться, овладевать высотами социалистической культуры, непримиримо бороться с пережитками прошлого. Этот благородный пример находит отклик в сердцах миллионов людей» [40].

Так партия от низовой ячейки в депо Москва-Сортировочная и до своего главного штаба — Центрального Комитета поддержала соревнование бригад коммунистического труда.

Все формы социалистического соревнования, порожденные неиссякаемыми источниками народной инициативы — коммунистические субботники, производственные совещания, ударничество, стахановское движение,— становились массовыми благодаря тому, что Коммунистическая партия по-ленински находит и поддерживает ростки нового, передового. Вдохновляющая и организующая роль партии обеспечила и развертывание социалистического соревнования за звание бригад коммунистического труда. Только за два с небольшим месяца — от 18 ноября 1958 г. и до открытия

---

[34] См. «Московская правда», 19 ноября 1958 года.
[35] См. «Правда», 25 ноября 1958 года.
[36] См. «Комсомольская правда», 20 ноября 1958 г.; «Труд», 20 ноября 1958 года.
[37] См. «Комсомольская правда», 21 ноября 1958 года.
[38] См. «Комсомольская правда», 22 ноября 1958 года.
[39] См. «Труд», 25 ноября 1958 года.
[40] См. «Правда», 16 декабря 1958 года.

XXI съезда КПСС, 27 января 1959 г., более 35 тысяч коллективов включились в борьбу за это почетное звание[41].

Движение приняло еще больший размах после XXI съезда партии, утвердившего контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.,— великую программу нового мощного подъема экономики, культуры и материального благосостояния народа. Съезд выразил «твердую уверенность, что вступление нашего общества в период развернутого коммунистического строительства вызовет к жизни мощную волну трудового энтузиазма, новые формы всенародного соревнования за выполнение и перевыполнение семилетнего плана, ознаменуется выдающимися победами»[42]. Движение бригад коммунистического труда явилось одной из этих новых форм всенародного соревнования.

Уже первые месяцы соревнования бригад коммунистического труда показали реальность и осуществимость их высоких обязательств. Подавляющее большинство бригад успешно выполнило свои обязательства в честь XXI съезда КПСС.

Чтобы соревнование стало еще более массовым и действенным, необходимо было всемерно популяризировать достижения первых бригад коммунистического труда. На это указал Центральный Комитет партии в постановлении «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области». В постановлении отмечалось, что новое движение принимает широкие размеры. ЦК КПСС признал необходимым «всемерно распространять опыт работы бригад коммунистического труда, члены которых ставят перед собой задачу достижения высокой производительности труда и вместе с тем обязуются повышать общеобразовательный и технический уровень, овладевать высотами социалистической культуры, непримиримо бороться с пережитками прошлого. Надо также поощрять другие формы социалистического соревнования, рождающиеся в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и в других отраслях нашей экономики»[43].

Одной из форм распространения опыта бригад и ударников коммунистического труда явились проведенные на местах в конце 1958 — начале 1959 г. городские и областные слеты участников соревнования.

Развертывание нового движения знаменовалось многообразными проявлениями творческой инициативы соревнующихся, расширением его базы. В этом отношении большое значение имело возникшее соревнование за звание «ударник коммунистического труда», начало которому было положено комсомольцами машиностроительного завода имени 15-летия ЛКСМУ в Донбассе. Расточник этого завода И. Гапченко заявил: «Везде развертывается соревнование за право называться бригадами коммунистического труда. А мне вот как быть? Я работаю расточником, в производственную бригаду не вхожу, получаю самостоятельное задание и самостоятельно его выполняю. Думаю, что, кто не входит в состав бригад, могут брать на себя индивидуальные обязательства и соревноваться за звание ударника коммунистического труда. Присваивать это звание нужно на общих рабочих собраниях». И. Гапченко взял на себя обязательство в 1,5 раза перевыполнять сменную норму, давать продукцию только отличного качества, подготовиться к поступлению на заочное отделение института[44].

В Горьком, на заводе «Красное Сормово», слесарь судомеханического цеха В. Улыбин, вступив в соревнование за звание ударника коммунистического труда, обязался в течение года повысить производительность труда на 20—30%, обучить своей профессии двух молодых рабочих, а

[41] См. «Комсомольская правда», 15 февраля 1959 года.

[42] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Т. II. Госполитиздат, 1959, стр. 455.

[43] «Партийная жизнь», 1959, № 6, стр. 27—28.

[44] См. «Комсомольская правда», 21 февраля 1959 года.

самому овладеть второй профессией — электросварщика, внести четыре рационализаторских предложения, закончить вечернее отделение Горьковского вечернего техникума [45].

Выдающееся значение в дальнейшем росте великого движения за коммунистическое отношение к труду имел патриотический почин прядильщицы Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината В. И. Гагановой. Ее бригада добилась наилучшего коэффициента использования оборудования. Но рядом была отстающая бригада. Будучи руководителем лучшего коллектива, В. И. Гаганова имела самый высокий заработок в цехе. Тем не менее она решила в октябре 1958 г., жертвуя частью зарплаты, перейти в отстающую бригаду с тем, чтобы вывести ее в число передовых. Эта бригада во главе с новым бригадиром включилась в развернувшееся движение бригад коммунистического труда и к январю 1959 г. была уже одной из лучших в цехе, а в апреле по производственным показателям почти не уступала прежней гагановской бригаде [46].

В речи на июньском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев назвал поступок В. И. Гагановой благородным, ибо «не материальная заинтересованность толкнула ее на такой шаг, а идея, идейная преданность коммунистическому строю. И во имя этого строя человек идет на личные жертвы!» [47]. Почин вышневолоцкой прядильщицы получил высокую оценку на июньском Пленуме ЦК КПСС. Ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда [48]. У Валентины Гагановой появились многочисленные последователи.

На ленинградском заводе «Севкабель» бригадир прокатчиков Л. Братчиков перешел в отстающую бригаду, и в короткий срок эта бригада вышла победителем в соревновании [49]. В Казахстане руководитель бригады коммунистического труда тракторист М. Довжик (совхоз Ярославский, Акмолинская область) перешел по собственному желанию в отстающую бригаду [50]. В колхозе имени А. М. Горького, Брянской области, лучшая доярка О. Макарова решила передать молодой доярке З. Казаковой группу раздоенных коров, а себе взяла группу первотелок. «Конечно, какое-то время, может быть год-два, я буду зарабатывать меньше других доярок,— заявила О. Макарова.— Но это меня не остановит» [51].

Благородному почину последовали многие знатные люди страны, в том числе донецкий шахтер Герой Социалистического Труда Н. Я. Мамай. По его инициативе в Донбассе и других угольных бассейнах ведется соревнование за ежесменную добычу 2—3 т угля сверх плана.

Многие тысячи рабочих, бригадиров, мастеров, инженеров, начальников передовых смен, цехов, перейдя на слабые участки, в короткие сроки сумели ликвидировать их отставание. Целые предприятия в Москве, Киеве, Сталинграде, колхозы на Кубани, в Сибири взяли шефство над отстающими коллективами.

Инициатива В. И. Гагановой и ее последователей слилась с движением бригад и ударников коммунистического труда, став одной из форм этого движения.

★

Движение бригад и ударников коммунистического труда возникло как бы внезапно, но на самом деле оно было подготовлено всем предшествующим развитием страны. Его истоки — во всемирно-исторических победах

---

[45] См. «Труд», 11 марта 1959 года.
[46] См. «Труд», 13 мая 1959 года.
[47] Н. С. Хрущев. За дальнейший подъем производительных сил страны, за технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства. Госполитиздат. 1959, стр. 8.
[48] См. «Правда», 9 июля 1959 года.
[49] См. «Комсомольская правда», 21 июня 1959 года.
[50] См. «Комсомольская правда», 3 июля 1959 года.
[51] «Советская Россия», 22 июля 1959 года.

социализма, изменивших облик нашей страны, нашего народа, поднявших материальный и культурно-технический уровень рабочего класса, всех трудящихся. Это замечательное движение впитало в себя все лучшее, что накоплено опытом социалистического соревнования за 42 года Советской власти. В период второй пятилетки партия охарактеризовала стахановское движение как новый, высший этап социалистического соревнования. Он был высшим по отношению к предшествующему этапу — ударничеству. Движение бригад коммунистического труда является высшим этапом по отношению к стахановскому движению и движению новаторов послевоенного периода. Движение бригад коммунистического труда основано на непрерывно развивающейся новой технике периода развернутого строительства коммунизма и связано с новым, более высоким уровнем коммунистической сознательности масс — и в этом его главная особенность.

Условия для нового движения были подготовлены теми громадными, поистине историческими мероприятиями глубоко революционного характера, которые были осуществлены партией и ее ленинским Центральным Комитетом в 1953—1958 годах. Возрастание руководящей роли партии и усиление ее политического воздействия на массы, развитие социалистического демократизма, коренная перестройка управления промышленностью и строительством, давшая широкий выход местной инициативе, повышение роли профсоюзов и расширение их прав, способствовавшее дальнейшему вовлечению масс в управление производством, мероприятия партии по значительному повышению благосостояния народных масс на основе роста темпов промышленного производства и крутого подъема сельского хозяйства — все это вызвало небывалый по своим масштабам и глубине подъем творческой активности масс, находящей свое конкретное выражение в социалистическом соревновании.

В последние годы партия и ее ЦК, профсоюзы, комсомол усилили руководство социалистическим соревнованием, решительно осудили всякие проявления формализма в его организации. Партийные, профсоюзные и комсомольские организации, хозяйственные органы стали значительно больше внимания уделять распространению передового опыта, популяризации достижений новаторов производства. Все это благотворно сказалось на ходе соревнования. Усилились моральные стимулы повышения производительности труда. В то же время за последние годы много сделано по упорядочению заработной платы в промышленности и на строительстве, оплаты труда в колхозах, что усилило материальные стимулы в результатах производства.

Возникшее в современных условиях движение бригад и ударников коммунистического труда имеет ряд примечательных особенностей.

Новое движение с самого своего зарождения носит черту коллективности высокопроизводительного труда. Если движение стахановцев-новаторов начиналось с рекордов отдельных рабочих, то здесь знаменосцами новых форм труда выступают бригады, производственные участки и даже цехи. Коллективность обязательств и совместная борьба за их выполнение, помощь отставшим со стороны передовых позволяют участникам соревнования брать на себя такие высокие обязательства, как повышение производительности труда в два и даже три раза, выполнение семилетних заданий за 4—5 лет и т. д.

Разумеется, коллективность, отличающая бригады коммунистического труда, никоим образом не игнорирует индивидуальных способностей и инициативы каждого участника соревнования. Наоборот, коллектив является той благоприятной средой, которая раскрывает талант каждого работника. В то же время деятельность отдельного члена бригады и ударника коммунистического труда оценивается по тому, насколько она способствует коллективному успеху в повышении производительности труда.

В современных условиях коллективная высокопроизводительная работа базируется на постоянном совершенствовании, улучшении, обновлении

техники и технологии производства. Бригады коммунистического труда творчески вносят изменения в технологию, повышают техническую оснащенность своих станков, применяют комплексную механизацию и автоматизацию. И уровень обязательств в соревновании сейчас выше и способы их выполнения значительно эффективнее тех, какие были в период ударничества и стахановского движения.

Особенность нового движения с исключительной глубиной и яркостью определил июньский Пленум ЦК КПСС в обращении к рабочим и работницам, к колхозникам и колхозницам, к советской интеллигенции, ко всем трудящимся Советского Союза. В обращении говорится: «Новые задачи хорошо понимают разведчики будущего — участники славного движения бригад и ударников коммунистического труда. Эти бригады ревностно добиваются применения у себя на участке, на своем поле самой совершенной техники и технологии, они решительно выступают против косности, консерватизма, отсталости. Ударник коммунистического труда тот, кто, став мастером своего дела, не успокаивается на достигнутом, а пытливо смотрит вперед, дерзает, ищет! Он дружит с передовой наукой и техникой, не терпит равнения «на старинку», всегда готов идти по неизведанным дорогам новаторов, чтобы сделать для народа больше нужных вещей, выше качеством, дешевле ценой» [52].

Другой отличительной чертой движения бригад и ударников коммунистического труда является то, что оно по-новому ставит проблему повышения культурно-технического уровня всей массы трудящихся. Впервые в истории соревнования почти каждый соревнующийся берет на себя обязательство получить среднее или даже высшее образование. Это требование отвечает новому этапу технического прогресса нашей страны, основанному на внедрении комплексной механизации и автоматизации производства, на применении новейших научных достижений. Высокой технике должна соответствовать и высокая культура рабочего, а это создает объективные условия для ликвидации существенных различий между физическим и умственным трудом.

«Мы не мыслим себе будущего общества без того, чтобы каждый человек не пополнял свои знания, не развивался интеллектуально. Уже сейчас у нас в коллективе много доменщиков с дипломами инженеров и техников. Мы все, как один, непрерывно будем учиться, получать среднее образование, а в будущем и высшее»,— записали в своих обязательствах члены бригады коммунистического труда домны № 7 Магнитогорского завода [53]. И они честно выполняют свое обязательство. В Баку, на промысле № 1 «Сталиннефти», в бригаде коммунистического труда, руководимой Лятифой Джафаровой, два человека получили высшее образование, три — учатся без отрыва от производства в вузе, один — в вечернем техникуме, один окончил десятилетку и готовится к поступлению в институт [54]. Не учатся в учебных заведениях только двое — это пожилые рабочие, которым уже трудно садиться за школьную скамью. «И все же мы считаем, что эти рабочие участвуют в выполнении коллективного обязательства нашей бригады об учебе,— говорит Лятифа Джафарова.— Дело в том, что они добровольно решили постоянно работать в вечерней смене, чтобы предоставить возможность молодежи — студентам вечернего вуза регулярно посещать институтские занятия. И мы горячо благодарны нашим «старикам» за их отеческое, коммунистическое отношение к молодежи» [55].

Не удивительно, что по мере развития соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда повсеместно наблюдается повышен-

---

[52] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 24—29 июня 1959 года». Стенографический отчет. Госполитиздат. 1959, стр. 527.
[53] Сборник «Бригады коммунистического труда». Челябинск. 1959, стр. 9—10.
[54] См. газета «Вышка», 5 декабря 1959 года.
[55] Из беседы автора с Л. Джафаровой (Баку, 12 декабря 1959 г.).

ный приток слушателей в вечерние и заочные институты и техникумы. Одновременно усилилась тяга к учебе в университетах культуры. Это новая форма образования, возникшая одновременно с движением бригад коммунистического труда. Создание университетов культуры является патриотическим начинанием советской интеллигенции — ученых, деятелей литературы и искусства, стремящихся участвовать в борьбе за развитие коммунистических форм труда.

Участники движения ставят перед собой, наряду с важнейшими производственными целями и в тесной связи с ними, задачи морально-этического характера, проблемы воспитания сознательных тружеников коммунистического общества. Впервые в истории соревнования члены бригад и ударники коммунистического труда принимают на себя социалистические обязательства нравственного характера. Они обязуются бороться с пережитками прошлого в сознании людей, крепить товарищескую солидарность и взаимопомощь в работе и в быту, стоять на страже норм социалистического общежития. Такова одна из наиболее существенных черт нового движения. Научиться жить по-коммунистически, учил В. И. Ленин, это прежде всего значит «вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело» [56]. Ленинская идея социалистического коллективизма находит сегодня свое выражение в популярнейшем девизе соревнующихся: «Один за всех и все за одного!»

Морально-этические обязательства членов бригад коммунистического труда оказывают огромное воспитательное воздействие на окружающих. Это отмечают все, кто наблюдает за работой бригад, об этом говорят и сами участники движения. Бригадир бурильщиков строительства Братской ГЭС Б. Гайнуллин пишет: «Наш коллектив стал дружнее, плечо товарища чувствует теперь каждый и не только в трудную минуту... Изменились наши ребята: требовательнее стали по отношению к себе и товарищам... стали честнее, слово «товарищ» понимается теперь иначе. Теперь это чаще всего тот, кто помогает» [57]. Б. Гайнуллин замечает, что «изжить в себе такие отрицательные черты, как неуважение к другим, очень сложное дело. Подчас, может быть, укладывать бетон будущей Братской ГЭС гораздо легче» [58]. И важно то, что бригада решает успешно эту, по существу, двуединую задачу: воспитание человека в процессе труда.

Высокие морально-этические принципы членов бригад и ударников коммунистического труда находят свое воплощение в жизни, в конкретных делах, больших и малых. «Коллектив смены стал трудиться значительно дружнее и слаженнее,— пишет М. Магеров, руководитель единой смены коммунистического труда ст. Слюдянка.— Можно привести немало примеров, свидетельствующих о том, как дружба и взаимопомощь помогают нам в работе. Раньше вагонники четного и нечетного парков работали друг от друга обособленно. У одних, бывало, работы, как говорится, невпроворот, другие же сидели без дела. В настоящее время такого не бывает. Вагонники четного парка, если у них случится «окно», помогают своим товарищам по работе из нечетного парка. Это значительно сокращает стоянки поездов, подвергающихся технической обработке. Осмотрщики вагонов, в свою очередь, при большом объеме работы в поездах также оказывают помощь слесарям» [59].

На металлургическом заводе в Рустави в мартеновском цехе первой завоевала звание коммунистической бригада сталевара Георгия Сигуа. Эта бригада работает лучше всех, о ней отзываются как об образцовой. «Я хочу, чтобы вместе с моими сталеварами шли остальные — из бригад

[56] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 272.
[57] Б. Гайнуллин. Здесь рождаются комсомольские характеры. Сборник «Бригады коммунистического труда». Иркутск. 1959, стр. 17.
[58] Там же.
[59] М. Магеров. Дружная семья. Сборник «Бригады коммунистического труда», стр. 35.

Иванцова, Инасаридзе, Майсишвили,— говорит Г. Сигуа.— Я предложил начальнику смены: дайте мне в бригаду самого отстающего, я обучу» [60].

Бригады коммунистического труда вносят новое не только в свой труд, во взаимоотношения на производстве, но и в быт. Они выступают застрельщиками в борьбе с хулиганством, пьянством, грубостью и невежеством.

Во всем этом сказывается общий рост коммунистической сознательности советских людей — решающее условие развернутого строительства коммунизма.

★

За первый год своего существования движение бригад и ударников коммунистического труда окрепло и расширилось. В период от XXI съезда КПСС и до октября 1959 г. оно значительно умножило свои ряды. Если в январе — феврале 1959 г. в соревновании за звание коммунистических участвовало примерно 35 тыс. бригад и звание это было присвоено 70 коллективам [61], а в апреле число соревнующихся бригад превысило 85 тыс. и звание было присвоено более чем 2 600 коллективам [62], то на 15 октября 1959 г., по данным ВЦСПС, в стране соревновалось более 188 250 бригад [63]. Из них звание коммунистических было присвоено 9 628. Всего в коллективах, боровшихся за звание бригад коммунистического труда, насчитывалось 2 321 165 человек. В соревновании за звание ударника коммунистического труда участвовало 318 449 человек, удостоились этого звания 15 246 [64]. В конце октября 1959 г. в движении бригад и ударников коммунистического труда участвовало около 3 млн. человек [65].

Данные ВЦСПС позволяют судить о распространенности движения. За короткий срок оно охватило всю страну, все союзные и автономные республики, все края и области страны. Это замечательный факт, и он свидетельствует о жизненности нового движения.

Представляют большой интерес данные, характеризующие степень участия рабочих, инженеров и техников в новом движении, соотношение между числом участников соревнования и числом коллективов и отдельных работников, которым присвоено звание бригад и ударников коммунистического труда. Приведем данные по ряду крупнейших промышленных центров РСФСР и УССР, которые показывают процент работников, участвующих в соревновании за звание бригад и ударников коммунистического труда (к общему числу рабочих и служащих) [66].

Москва	5,1	Ивановская область	8,9
Московская область	5,3	Саратовская область	7,2
Ленинградская область	4,7	Краснодарский край	7,2
Свердловская область	4,7	Курская область	2,2
Челябинская область	4,7	Сталинская область	4,5
Горьковская область	2,2	Харьковская область	9,2
Сталинградская область	5,6	Днепропетровская область	5,9
Кемеровская область	5,8	Запорожская область	9,6
Татарская АССР	4,5	Киевская область	4,6

Судя по таблице, количество рабочих, инженеров и техников, участвовавших в соревновании за звание бригад и ударников коммунистического

[60] Из беседы автора с Г. Сигуа (Рустави, 23 декабря 1958 г.).

[61] См. «Комсомольская правда», 15 февраля 1959 года.

[62] См. «Труд», 29 апреля 1959 года.

[63] В «Комсомольской правде» от 18 ноября 1959 г. названа иная цифра численности соревнующихся коллективов. В сообщении газеты говорится: «Более 150 тысяч коллективов в промышленности и сельском хозяйстве соревнуются сегодня за почетное звание коммунистической бригады». Эта цифра явно преуменьшена, поскольку данные ВЦСПС свидетельствуют о наличии свыше 188 250 соревнующихся бригад только по предприятиям, охватываемым профсоюзами, без колхозов. В «Правде» от 18 ноября 1959 г. приведена цифра, близкая к данным ВЦСПС, а именно — около 190 тысяч.

[64] По материалам Отдела труда и заработной платы ВЦСПС.

[65] Из речи председателя ВЦСПС В. В. Гришина на 3-й сессии Верховного Совета СССР. «Правда», 29 октября 1959 года.

[66] По материалам Отдела труда и заработной платы ВЦСПС.

труда в октябре — ноябре 1959 г., колебалось от 2,2 до 9,6%. Учитывая уровень обязательств, какие берут на себя участники соревнования, строгие критерии, выдвигаемые трудящимися массами по отношению к коллективам и отдельным работникам, борющимся за высокое, коммунистическое звание, степень охвата новым соревнованием за один только год является в ряде мест высокой. В то же время цифры свидетельствуют о том, что новому движению предстоит еще проделать большой путь, чтобы вовлечь в свои ряды основную массу рабочих. Далеко не везде еще местные организации уделяют достаточное внимание руководству соревнованием. В приведенной таблице бросается в глаза неравномерность в распространении движения. Резкие колебания в численности участников соревнования (например, 2,2% к числу работающих в Горьковской области и 9,6% в Запорожской области) могут быть объяснены лишь различной степенью внимания к новому движению, уровнем руководства им, поскольку объективные условия для широкого распространения опыта бригад и ударников коммунистического труда одинаковы по всей стране.

Нет сомнения в том, что движение бригад и ударников коммунистического труда будет шириться с каждым днем, вовлекая в свои ряды новые миллионы советских людей.

Историческое значение движения бригад и ударников коммунистического труда состоит в том, что оно отвечает задачам периода развернутого строительства коммунизма. Оно знаменует начало нового этапа в борьбе советского народа за достижение производительности труда, недоступной капитализму, необходимой для перехода к высшей фазе коммунизма. Оно означает крупный шаг в подъеме культурно-технического уровня рабочего класса и колхозного крестьянства до уровня работников инженерно-технического труда. Новое движение отражает возросшую степень коммунистической сознательности трудящихся масс. Направляемое Коммунистической партией соревнование за звание бригад и ударников коммунистического труда становится великой силой в борьбе за торжество коммунистического общественного строя.

Изучение конкретно-исторического процесса возникновения движения бригад и ударников коммунистического труда показывает, что социалистическое соревнование в СССР вступило в новый, высший этап. Весь ход развития этого соревнования являет собою классический образец руководства партии массовыми народными движениями в период социализма.

В. И. ЛЕНИН И МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КПСС

Г. Д. Костомаров

Девяностолетие со дня рождения В. И. Ленина советский народ, коммунистические и рабочие партии всех стран, все прогрессивное человечество отмечают в обстановке великих побед и торжества ленинизма во всем мире. Достойно отмечают этот день и трудящиеся советской столицы, добившиеся крупных успехов в решении грандиозных задач, стоящих перед нашей страной.

История рабочего класса, история социалистического строительства Москвы и ее партийной организации неразрывно связаны с именем В. И. Ленина. В борьбе за свержение власти помещиков и капиталистов и построение нового, коммунистического общества В. И. Ленин отводил московскому пролетариату важнейшую роль.

19 августа 1893 г. Владимир Ильич впервые приехал в Москву. В то время за ним была уже установлена усиленная полицейская слежка. «Состоящий под негласным надзором полиции бывший студент Владимир Ильич Ульянов,— сообщал самарский полицмейстер московской охранке,— выбыл из г. Самары в Москву. О чем имею честь донести вашему превосходительству и покорнейше просить распоряжения об учреждении за Ульяновым негласного надзора полиции» [1].

В Москве, где в ту пору насчитывалось свыше ста тысяч пролетариев, имелся ряд рабочих кружков, в том числе В. К. Курнатовского, П. М. Кошинского, М. В. Терентьева. Некоторые из них поддерживали связь с плехановской группой «Освобождение труда», читали и распространяли ее издания.

В течение своего первого кратковременного пребывания в Москве Владимир Ильич посетил редакцию журнала «Русская мысль», вел переговоры об опубликовании своей работы «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Редактор журнала буржуазный либерал В. А. Гольцев отказался напечатать этот труд.

Вскоре В. И. Ленин выехал в Петербург. Здесь он в течение четырех месяцев занимался объединением марксистских сил. В начале 1894 г. он снова вернулся в Москву. Среди москвичей в это время вели активную революционную работу сестра В. И. Ленина А. И. Ульянова-Елизарова, ее муж М. Т. Елизаров, а в Московском университете среди студентов — Д. И. Ульянов.

В Москве на специально устроенной вечеринке В. И. Ленин выступил с резкой критикой народнической идеологии. Значение этого выступления «для московской молодежи,— писала А. И. Ульянова,— было большое: оно разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед» [2].

Из Москвы В. И. Ленин выехал в Нижний Новгород, где он прочел реферат о судьбах русского капитализма. Выступления Владимира Ильича против народников в Москве и Нижнем Новгороде сыграли крупную роль в разгроме народничества.

---

[1] Журнал «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 73.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. М. 1934, стр. 48.

Затем В. И. Ленин возвратился в Москву. В Большом Овчинниковском переулке, на квартире А. Н. Винокурова, под его руководством состоялось совещание, которое решило создать общемосковскую центральную марксистскую группу. Она должна была объединить все рабочие кружки и сосредоточить в своих руках организацию и идейное руководство ими. На совещании Владимир Ильич поставил перед московскими революционерами задачу перехода от пропаганды марксизма среди небольшой группы лиц, объединенных в кружки, к злободневной политической агитации среди широкого круга рабочих, агитации в массах [3].

Организационная и идейно-политическая деятельность В. И. Ленина в январе 1894 г. оставила неизгладимый след в истории Московской партийной организации. Она в громадной степени содействовала объединению революционных кружков, которых в Москве насчитывалось тогда свыше десяти, в единую общемосковскую социал-демократическую организацию.

Лето 1894 г. (с 15 июня по 26 августа) В. И. Ленин провел в кругу семьи. Он жил в Москве и на даче в поселке Кузьминки. Здесь Владимир Ильич упорно продолжал работу над книгой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». За советами и за помощью к нему часто приезжали деятели социал-демократического движения, которых он знакомил со своими ранними трудами «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», рукописью «Что такое «друзья народа»...?» и др. Из Кузьминок В. И. Ленин часто выезжал в Москву, знакомился с деятельностью революционных кружков, изучал жизнь и быт московских рабочих, проводил большую воспитательную и организационную работу среди марксистов [4]. Вскоре свою рукопись «Что такое «друзья народа»...?» (выпуски I и II) Владимир Ильич передал революционеру А. А. Ганшину. Первая ее часть была напечатана в количестве 100 экземпляров на автокописте в августе 1894 г. в имении отца А. А. Ганшина «Горки», Переяславского уезда Владимирской губернии, куда неоднократно приезжал В. И. Ленин. Затем в сентябре 1894 г. печатание книги продолжалось в Москве, на 1-й Мещанской улице, в квартире родителей А. А. Ганшина.

Издание и распространение этого труда имело огромное значение в идейном воспитании первых марксистов и передовых рабочих Москвы, а также промышленных городов Подмосковья, Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска, Владимира, Нижнего Новгорода и др. «...Руководящие партийные работники первого призыва,— пишет С. И. Мицкевич,— почти все читали это гениальное произведение, и оно вошло в железный инвентарь идеологии старых большевиков... Личность Ильича после прочтения его книги очень выросла... наше молодое русское марксистское направление нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу» [5]. Книга была «...той тяжелой артиллерией, которой мы подкрепляли в своих выступлениях наши еще далеко не обоснованные позиции» [6],— вспоминает Вл. Бонч-Бруевич.

После первых встреч с московскими марксистами В. И. Ленин постоянно поддерживал с ними тесную связь, о чем говорят воспоминания многих современников. «У нас (петербургских марксистов.— *Г. К.*) наиболее часты были, конечно, сношения с Москвой,— пишет М. А. Сильвин.— Владимир Ильич бывал там (в Москве.— *Г. К.*) раза два-три в год и через Анну Ильиничну встречался с деятелями московской социал-демократической организации: Спонти, Мицкевичем и др. Он, однако, скупо сообщал нам об этих встречах, вероятно, по соображениям кон-

---

[3] С. И. Мицкевич. Революционная Москва. М. 1940, стр. 159.
[4] Там же, стр. 195—196.
[5] Там же, стр. 199.
[6] «На заре рабочего движения в Москве». М. 1932, стр. 147.

пирации»[7]. О связях В. И. Ленина с москвичами свидетельствуют также донесения охранников, которым с помощью провокаторов удавалось получать некоторые сведения.

В марте 1895 г. в Петербурге под руководством В. И. Ленина состоялось совещание представителей марксистских групп Петербурга, Москвы, Киева.

В 1895 г. под непосредственным влиянием В. И. Ленина возник «Московский рабочий союз». Большинство его членов проводило ленинскую политику, однако были и такие, которые занимали ошибочную линию, склонялись к экономизму. В частности, таких взглядов придерживался тогда Е. И. Спонти. Антимарксистские позиции отдельных членов «Московского рабочего союза» были разоблачены революционными социал-демократами Москвы при содействии В. И. Ленина и руководимого им «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Для установления личной связи с руководителями группы «Освобождение труда» Владимир Ильич в апреле 1895 г. выехал за границу. Он посетил Швейцарию, Францию, Германию.

Как указывает в своих воспоминаниях Г. М. Кржижановский, в одном из писем Г. В. Плеханов писал, «что за период многолетнего пребывания за границей у него перебывало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым. Насколько я помню,— продолжает Г. М. Кржижановский,— он отмечал в этом письме и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию»[8].

В сентябре по прибытии из-за границы В. И. Ленин объехал ряд городов России, в том числе Москву. В этот приезд ему, к сожалению, не удалось встретиться с руководителями московской социал-демократической организации. Но все же Владимир Ильич получил информацию о том, что, несмотря на массовые аресты, работа в Москве продолжалась и, больше того, было проведено несколько стачек.

Сообщая членам группы «Освобождение труда» о положении в Москве, В. И. Ленин писал: «Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни»[9] ни слуху ни духу. Цел ли он? Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес... Там были громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается»[10].

В течение 1895 г., вплоть до ареста, В. И. Ленин оказывал огромное содействие восстановлению «Московского рабочего союза». Под его непосредственным влиянием союз был восстановлен и снова установил связь с рабочими.

В декабре 1895 г. Владимир Ильич был арестован и содержался в доме предварительного заключения вплоть до 14 (26) февраля 1897 года. Арестом В. И. Ленина царское правительство нанесло тяжелый удар революционной социал-демократии России, и прежде всего решающих центров страны — Петербурга и Москвы.

После четырнадцатимесячного заключения В. И. Ленину был объявлен приговор — трехлетняя ссылка в Восточную Сибирь. Благодаря длительным хлопотам матери, Марии Александровны Ульяновой, Владимир Ильич получил разрешение отправиться в ссылку не этапным порядком, а за свой счет, что дало ему возможность остановиться на три дня в Москве. С 18 по 22 февраля (2—6 марта) 1897 г. он жил у родных, в доме № 18, на Собачьей площадке (Композиторская улица, 12).

---

[7] М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Л. 1958, стр. 85.
[8] Цит. по: Г. М. Кржижановский. О Владимире Ильиче. «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. I. М. 1956, стр. 153.
[9] Е. И. Спонти.
[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 1.

Несмотря на короткий срок пребывания здесь, В. И. Ленин детально ознакомился с состоянием революционной работы, организацией марксистской пропаганды, встречался с участниками социал-демократического движения.

Получив сведения о том, что из Петербурга в Сибирь через Москву направлялась партия политических ссыльных, В. И. Ленин решил присоединиться к ним. В связи с этим он прожил в Москве лишних два дня. Зорко следившая за ним охранка под угрозой тюремного заключения потребовала от него немедленно покинуть Москву.

22 февраля Владимир Ильич выехал в ссылку. Но и в Сибири он не прерывал связей с Москвой и с другими городами России. Эти связи осуществлялись в основном через семью Ульяновых. Старшая сестра В. И. Ленина являлась активным членом «Московского рабочего союза», а затем членом МК РСДРП. Брат и младшая сестра, Мария Ильинична, также принимали активное участие в работе московской социал-демократической организации. Многочисленные письма В. И. Ленина из ссылки, адресованные родным, не были только семейной перепиской. В них давались советы и указания московским социал-демократам по самым актуальным вопросам революционной борьбы. Далеко не полностью сохранившиеся письма В. И. Ленина к родным убедительно говорят о том, что Владимир Ильич был достаточно информирован о событиях в революционной жизни не только Москвы, Петрограда, но и других городов России. Через Москву нередко шла переписка В. И. Ленина с заграницей. В Сибири В. И. Ленин получал из Москвы необходимую для его научной работы литературу.

«Переписка с Ильичем,— пишет А. И. Ульянова,— шла у меня в те годы все время самая деятельная. В обыкновенных письмах он запрашивал книги, давал поручения, писал о своих литературных работах, о своей жизни, о товарищах; в химических я ему писала о ходе революционной борьбы и работы в России, а он посылал свои статьи для отправки их в питерский «Союз борьбы» или за границу группе «Освобождение труда» для издания»[11].

В своих письмах, адресованных в Москву, Владимир Ильич решительно разоблачал международный ревизионизм, беспощадно срывал маски с легальных марксистов, экономистов. Он считал долгом революционных социал-демократов беспощадно бороться со всякого рода оппортунизмом и отступничеством от марксизма. Ознакомившись с книгой Бернштейна, Ильич писал: «Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм... Указания Бернштейна на солидарность с ним многих русских... совсем возмутили нас»[12].

В другом письме В. И. Ленин решительно разоблачал русских ревизионистов — П. Струве, Булгакова и других.

Критикуя статью Туган-Барановского «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса», В. И. Ленин писал брату, что он нашел ее «чудовищно глупой и вздорной»[13]. Получив в ссылку присланное из Москвы «Кредо» экономистов, Владимир Ильич в письме к матери от 1 августа 1899 г. сообщал: «Анюте (А. И. Ульяновой.— *Г. К.*) пишу вскоре насчет «credo» (очень меня и всех интересующего и возмущающего) подробнее»[14].

В. И. Ленин ознакомил с «Кредо» ссыльных социал-демократов и призвал их выступить с коллективным протестом. Вскоре появился резкий, негодующий протест против «Кредо». Этот ленинский документ по-

[11] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче, стр. 83.
[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 37, стр. 209.
[13] Там же, стр. 195.
[14] Там же, стр. 198.

учил широкое распространение в марксистских организациях и имел ромадное значение для развития марксистской мысли в России.

Важным этапом в создании Российской социал-демократической партии явился период подготовки и созыва ее первого съезда. Начало подготовительной работы к нему положил ленинский «Союз борьбы а освобождение рабочего класса». В то время были сделаны попыки установления организационных связей между социал-демократическими организациями Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Орехово-Зуева, Владимира, Киева, Вильно и других городов. Однако арест Владимира Ильича и основной части членов союза в декабре 1895 г. не дал возможности до конца провести эту подготовку.

По предложению В. И. Ленина летом 1896 г. Н. К. Крупская выехала в Киев, чтобы договориться с местными социал-демократами о подготовке съезда [15].

Как известно, первый съезд РСДРП состоялся в марте 1898 г. в Минске. От московских марксистов на нем присутствовал А. Ванновский. Владимир Ильич, находившийся в это время в сибирской ссылке, заочно был избран редактором центрального органа партии.

Осенью 1898 г. образовался первый Московский Комитет Российской социал-демократической партии. В его состав вошли соратники В. И. Ленина: А. И. Ульянова-Елизарова, М. Ф. Владимирский, А. В. Луначарский и др. Московский Комитет немедленно связался с находившимся в ссылке В. И. Лениным. В 1898—1899 гг. он сумел издать ряд листовок и опубликовал первомайское воззвание к рабочим. Это воззвание было переслано Владимиру Ильичу в сибирскую ссылку [16].

Тесная связь В. И. Ленина с Москвой придавала социал-демократическому движению в этом крупнейшем промышленном центре России устойчивость в тяжелой борьбе с царской реакцией.

29 января (10 февраля) 1900 г. кончился срок сибирской ссылки Владимира Ильича. 17 февраля (1 марта) он приехал в Москву.

За сравнительно короткое время в Москве и Подольске В. И. Ленин провел большую работу по подготовке издания общерусской социал-демократической газеты. В Подольске его посетили крупные социал-демократы: С. Шестернин, С. Невзорова, С. Левитский, П. Лепешинский. Состоялся ряд встреч Владимира Ильича с видными партийными деятелями Москвы, Екатеринослава, Орла, Иваново-Вознесенска, на которых обсуждался вопрос о постановке этой газеты и о подготовке созыва второго съезда партии. Представитель Екатеринославского комитета РСДРП И. Х. Лалаянц предлагал созвать съезд немедленно. В. И. Ленин отверг это предложение, указав, что съездом надо не начать, а закончить строительство партии. Съезду должна предшествовать длительная подготовка.

За В. И. Лениным в Москве и Подольске внимательно следили жандармы. Именно в это время начальник московского жандармского охранного отделения Зубатов стал замышлять убийство Владимира Ильича. «...Роль Ульянова,— писал он,—...вполне выяснена... срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее... Смелый шаг относительно главарей даст, по-моему, блестящий результат. Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого» [17].

Перед отъездом в эмиграцию Владимир Ильич встретился с И. В. Бабушкиным и условился с ним о связи с «Искрой». 16(29) июля В. И. Ленин покинул пределы России.

После большой подготовительной работы Владимиру Ильичу удалось решить вопрос об издании общерусской политической газеты.

---

[15] Журнал «Творчество», 1920, № 7—10, стр. 6.
[16] См. «Правда», 20 октября 1935 года.
[17] «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 138.

11(24) декабря 1900 г. за границей вышел в свет первый номер «Искры». Ленинская «Искра» с момента своего зарождения была тесно связана с Москвой. На ее страницах освещалось рабочее и социал-демократическое движение в Москве и ее промышленном районе. Газета помогала революционным социал-демократам в борьбе с царизмом, помещиками, буржуазией. Неоценимы заслуги «Искры» в подготовке второго съезда РСДРП, основавшего революционную марксистскую партию, партию большевиков.

Огромную роль в распространении «Искры» в Москве и в московском промышленном районе сыграл И. В. Бабушкин. Руководствуясь указаниями Владимира Ильича, он не только распространял газету, но и создавал искровские организации, подбирал рабочих корреспондентов. Как сообщал И. В. Бабушкин, ««Искра» читается нарасхват, и, сколько доставлено, вся находится в ходу. Благодаря ей чувствуется большой подъем у рабочих»[18]. В помощь Бабушкину по указанию В. И. Ленина в Москву в апреле 1901 г. был направлен Н. Э. Бауман. Только с № 4-го по № 17-й в газете было помещено свыше 30 статей и корреспонденций, посвященных Москве.

В письмах В. И. Ленин, Н. К. Крупская давали конкретные указания московским искровцам. Владимир Ильич не раз обращал их внимание на необходимость укрепления связи Москвы с другими искровскими организациями России.

Получив труд В. И. Ленина «Что делать?», московский искровский комитет в особом постановлении выразил глубокую благодарность автору и одновременно решил отчислить в пользу «Искры» 20% своих средств. В ответе Московскому Комитету Владимир Ильич писал: «Дорогие товарищи! Мы получили Ваше письмо с выражением благодарности автору «Что делать?»... Ваше выражение благодарности за «Что делать?» мы поняли и могли, разумеется, понять только в том смысле, что в этой книге вы нашли ответы на ваши собственные вопросы, что вы сами из непосредственного знакомства с движением вынесли то убеждение в необходимости более смелой, более крупной, более объединенной, более централизованной, более сплоченной вокруг одного газетного центра работы,— которое формулировано и в этой книге»[19].

Через московскую организацию РСДРП В. И. Ленин был связан с важнейшими центрами социал-демократического движения в России. Н. Э. Бауман писал Владимиру Ильичу, что из Москвы он может доставлять «без значительных проволочек литературу в Нижний, Казань, Самару, Саратов, Астрахань, Вятскую губ., Тамбов, Центральный район, Ярославль, Кострому, в Воронеж, Тверь, Орел»[20].

Московский Комитет одним из первых поддержал инициативу В. И. Ленина создать организационную комиссию по созыву II съезда партии. От Московской организации на съезд были посланы Н. Э. Бауман и Л. С. Цейтлин. Первый решительно поддерживал ленинскую линию, второй занял позицию «болота» и на деле выступал за меньшевиков.

Ленинский план строительства марксистской партии нового типа, получивший одобрение на II съезде, как известно, встретил ожесточенное сопротивление оппортунистов, и прежде всего раскольнической группы меньшевистских лидеров. Вскоре после съезда враги ленинизма в центре и на местах направили усилия на срыв его решений.

---

[18] «Искра» № 9, вып. II, изд. «Прибой», стр. 15.

[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 185, 186.

[20] «Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП». М.-Л. 1930, стр. 26—27.

Московская организация играла крупную роль в борьбе с раскольической деятельностью меньшевиков. Характерно, что, несмотря на все старания, меньшевистским лидерам не удалось завоевать в ней руководящее положение в тот труднейший для большевиков период. МК твердо стоял на позициях большевизма. По указанию Владимира Ильича в Москву были направлены лучшие работники партии, о чем свидетельствует его обширная переписка с местами. Ленинское руководство деятельностью Московского Комитета чувствовалось постоянно.

В мае 1904 г. московские большевики получили письмо Н. К. Крупской, в котором сообщалось о выходе в свет книги В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Огромное значение этой книги общеизвестно. Распространение ее в Москве и Московской губернии имело важное значение для еще большего сплочения большевиков вокруг В. И. Ленина.

В июле 1904 г. меньшевистским лидерам удалось принять декларацию, направленную против В. И. Ленина. По этому поводу Московский Комитет выступил с резким протестом. «Московский Комитет,— говорилось в резолюции МК РСДРП,— с формальной стороны считает декларацию ЦК незаконной и не имеющей партийного значения ввиду того, что она обсуждалась без оповещения и участия 2 членов ЦК, являющихся единственными в данной коллегии и действительными представителями партийного большинства». МК далее заявлял, что он вторично настаивает на созыве III съезда, как на единственном средстве дать партии необходимые условия для централизации социал-демократической деятельности. Комитет без замедления и всецело присоединяется к резолюции 22-х товарищей, исчерпывающим образом анализирующей и освещающей современное положение и вытекающие из него задачи» [21].

Заявление МК выражало мнение всей московской организации. Группа руководящих работников МК, находившаяся в Таганской тюрьме, в том числе члены Северного бюро ЦК Н. Э. Бауман, Е. Д. Стасова, Ф. В. Ленгник, С. И. Черномордик и другие, в особом письме также выразила полную солидарность с обращением 22 большевиков. Вместе с тем она просила Владимира Ильича разрешить ей выступить с призывом к партии по этому вопросу. В письме предлагалось также организовать литературную группу и создать большевистскую газету [22].

В ответе московским большевикам Н. К. Крупская по поручению В. И. Ленина писала: «Дорогие друзья! Нас бесконечно обрадовало Ваше письмо, оно дышет такой бодростью, что придало и нам всем энергии. Ваш план осуществите непременно. Он прекрасен и будет иметь громадное значение... Ваш совет об издательстве уже наполовину осуществлен. Литературные силы есть, готового материала масса» [23].

Московские коммунисты с честью выполнили свое обещание всемерно усилить борьбу против меньшевистских раскольников. В октябре 1904 г. было опубликовано обращение за подписью 19 членов РСДРП ко всем членам партии. В нем заявлялось о безоговорочном присоединении к обращению 22, резко осуждалась преступная роль членов редакции новой «Искры». В обращении говорилось, что эта редакция при прямом содействии меньшевистского ЦК умышленно культивировала устаршину, дезорганизацию и идейный разброд в партии. Большевики Москвы призывали все местные комитеты, все отдельные группы социал-демократии требовать немедленного созыва III съезда партии.

Это публичное выступление В. И. Ленин рассматривал как большое политическое дело. Позднее он писал: «Объединение русских большевиков уже давно поставлено ими на очередь дня. Припомните громад-

[21] «Третий съезд РСДРП». М. 1955, стр. 99.
[22] «Ленинский сборник» XV, стр. 159—162.
[23] Там же, стр. 214.

ное сочувствие, которым встречена была программная (в смысле программы нашей внутрипартийной борьбы) резолюция 22-х; припомните изданную печатно Московским комитетом (октябрь 1904 г.) прокламацию 19-ти...» [24].

В. И. Ленин постоянно информировал московскую организацию о борьбе с главарями оппортунизма в русском рабочем движении: Мартовым, Троцким, Аксельродом и другими. В письме от 14 октября 1904 г. Владимир Ильич отмечал: «...Недавно вышла новая брошюра Троцкого, как было заявлено, под редакцией «Искры»... Читая такую брошюру, ясно видишь, что «меньшинство» так изолгалось, так фальшивит, что ничего жизненного создать будет неспособно, является охота к борьбе, тут есть из-за чего уже бороться» [25].

Адресуясь к московским большевикам, В. И. Ленин касался самых разнообразных вопросов практической деятельности большевистских организаций. Например, в августе 1904 г. Н. К. Крупская от имени Владимира Ильича просила московских товарищей сообщить о личном составе Московского Комитета, о числе его членов, об их настроениях, об отношении к примиренцам [26]. В это время меньшевики, потерявшие доверие в массах, нередко перекрашивались в «большевиков», стремясь таким образом протащить своих сторонников на руководящие посты и вести подрывную деятельность среди революционных социал-демократов. Владимир Ильич неустанно разоблачал происки меньшевиков.

Добившись разными путями преобладания в ЦК и Совете партии, меньшевики осенью 1904 г. приняли решение бойкотировать В. И. Ленина и запретили ему ставить на своих произведениях гриф «РСДРП». Это решение вызвало бурю негодования в рядах революционной социал-демократии, в том числе и всей московской партийной организации. 8 ноября 1904 г. Московский Комитет писал Владимиру Ильичу: «МК высказывает свое негодование по поводу подобного, с партийной точки зрения совершенно незаконного бойкота, самого крупного и авторитетного партийного литератора. С своей стороны МК высказывает полную солидарность со взглядами Ленина, высоко ценит всю его деятельность, в которой Ленин стремился и стремится к созданию действительно крепкой пролетарской партии. Принимая во внимание теперешнее положение вышеназванной литературной группы, МК обещает ей со своей стороны всяческое содействие для литературного издательства и призывает к тому же всех партийно-настроенных товарищей» [27].

Московский Комитет наряду с другими большевистскими организациями принял активное участие в создании комитетов большинства и подготовке III съезда. Москвичи всячески содействовали В. И. Ленину в создании большевистской газеты «Вперед». 12 декабря 1904 г. Р. С. Землячка сообщала Владимиру Ильичу о встрече с А. М. Горьким и его согласии материально поддержать газету. В ответ на это сообщение В. И. Ленин писал: «Поздравляем с успешным началом похода на Букву (А. М. Горького.— *Г. К.*) и просим довести до конца. Орган налажен, думаем выпустить в январе» [28].

С начала первой русской революции и особенно со времени выхода в свет газеты «Вперед» в письмах и статьях В. И. Ленин давал конкретные указания большевикам Москвы в связи с революционными событиями. 18 февраля 1905 г. Н. К. Крупская по поручению Владимира Ильича писала: «Страшно рады были, что работа в Москве идет хо-

---

[24] В. И. Ленин. Соч. Т. 7, стр. 488.

[25] «Ленинский сборник» XV, стр. 223—224.

[26] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 375, оп. 10 н, № 18776.

[27] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), д. департамента полиции № 5, ч. 65, т. 2, л. 66, 1904 г.

[28] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1390.

ошо, надеемся также, что теперь удастся теснее связаться с ко-итетом... За последнее время большевики оживились заметно, это казывается и на том, что число писем увеличилось втрое... Только на-о еще, чтобы побольше рабочих писало о своей работе, и своих воспо-инаниях и пр. ...С нетерпением ждем обещанного подробного письма» [29]. В очередном письме она сообщала в Москву: «...письмо... о положении естной работы получено. Очень рады, что работа развивается так ши-роко. Теперь у бюро в распоряжении ряд хороших работников (мы от-правили около 35 человек за последний месяц), и оно сможет, вероят-но, помочь вам людьми...» [30].

По указанию В. И. Ленина в Москву направлялись различные из-дания, брошюры, листовки, прокламации БКБ и других партийных ко-итетов. Много занимался укреплением связи МК с редакцией «Впе-ред» В. Д. Бонч-Бруевич. Важнейшие события в Москве (стачки, подготовка III съезда, борьба с меньшевиками, съезды интеллигенции, организация профсоюзов и т. д.) освещались в письмах и заметках на страницах газеты. В это время московская охранка сообщала по началь-ству, что «Московский комитет, возглавляемый большевиками, оттеснил меньшевиков от всякой руководящей работы» [31].

В. И. Ленин неоднократно напоминал большевикам о необходи-мости быть бдительными, призывал не доверять лицемерным заявле-ниям меньшевиков и устранять их повсюду от руководства. Н. К. Круп-ская писала в Москву: «В Одессе, где большевики пускали к работе всех желающих, меньшевики, воспользовавшись комитетскими связями, повели свою дезорганизаторскую работу и провели резолюцию с рез-ким порицанием Вперед. Из Одессы пишут, что там раскол. Теперь, судя по «Искре», меньшевики нацелились на Нижний и Москву» [32].

Для ознакомления с революционной жизнью в Москве и главным образом с целью оказания помощи большевикам Владимир Ильич на-правил сюда специального представителя, который затем сообщал В. И. Ленину: «Только что приехал в Москву... Положение дел здесь не дурное. Наши здесь довольно сильны: работы много и поставлена она очень широко... Меньшевики успели пробраться в некоторые райо-ны, благодаря несколько мягкому отношению местного комитета... (из всего состава комитета только один примирился, т. е. меньшевик. За-ведует техникой) главные организаторы поведут тактику вышибания меньшинства, пока они слабы. На этом я настаиваю» [33].

Вскоре после III съезда партии вышел в свет программный труд В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической ре-волюции». В этом произведении были разработаны основы революцион-ной тактики большевиков, при помощи которой пролетариат России одержал победу над царизмом и капитализмом в 1917 году [34]. В целях массового распространения московские большевики переиздали кни-гу значительным тиражом.

1905 год в Москве был насыщен революционными событиями. В. И. Ленин неослабно следил за борьбой московского пролетариата. Ей он посвятил ряд трудов. В статье «Уроки московских событий» Вла-димир Ильич призывал рабочих создать крепкую пролетарскую пар-тию, готовую возглавить пролетариат и повести его на штурм цариз-ма. «Мы должны,— писал В. И. Ленин,— крепче сплачиваться в действи-тельно социалистическую партию, сознательно выражающую интересы рабочего класса, а не стихийно плетущуюся за массой. Мы должны

[29] Там же, ф. 25, оп. 10 н, ед. хр. 19500.
[30] Там же, ед. хр. 19501.
[31] ЦГИАМ, ф. ДП00, 1905 г., № 6, л. 10.
[32] ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 10 н, ед. хр. 19506, лл. 1, 2.
[33] Там же, д. 19488.
[34] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 3—119.

рассчитывать в борьбе только на революционную демократию... Вооружайтесь, кто чем может, составляйте немедленно отряды борцов, готовых с беззаветной энергией сражаться против проклятого самодержавия...» [35].

В. И. Ленин настойчиво рекомендовал большевикам пропагандировать среди крестьянства идею создания крестьянских комитетов, вовлекать крестьян и солдат в революционное движение. Он требовал беспощадно разоблачать лживую пропаганду либералов, эсеров и меньшевиков, добиваться вооружения рабочих, обучить их военному искусству, ибо решительная победа революции, подчеркивал он, «будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем», созданные учреждения» [36].

После III съезда партия большевиков, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, в своей повседневной работе много внимания уделяла военно-технической подготовке восстания.

Революционная борьба московского пролетариата к осени 1905 г. вступила в новый этап: ходом событий в порядок дня была поставлена всеобщая политическая стачка, перерастающая в вооруженное восстание. Октябрьская стачка, начатая пролетариатом Москвы, подняла на борьбу с царизмом широкие массы рабочих всей России. Московский пролетариат, значительно отставший в начале революции, теперь превращался в авангард вооруженной борьбы с царизмом.

«Московская стачка,— писал В. И. Ленин,— показывает нам распространение борьбы на «истинно-русскую» область, устойчивость которой так долго радовала реакционеров. Революционное выступление в этом районе имеет гигантское значение уже потому, что боевое крещение получают массы пролетариата, наименее подвижного и в то же время сосредоточенного на сравнительно небольшой области, в количестве, не имеющем себе равного нигде в России. Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ, и теперь пожар перекинулся на самое «сердце» России» [37].

В статье «Кровавые дни в Москве» Владимир Ильич подчеркивал важность появления новых, более высоких форм борьбы и вместе с тем указывал на серьезные недостатки в движении. «...Вспышка восстания в Москве,— указывал он,— не представляет, сравнительно с другими, высшей ступени движения. Нет ни выступления подготовленных заранее и хорошо вооруженных революционных отрядов, ни перехода на сторону народа хотя бы известных частей войска, ни широкого употребления «новых» видов народного оружия, бомб (которые в Тифлисе 26 сентября (9 октября) нагнали такую панику на казаков и солдат). При отсутствии какого-либо из этих условий невозможно было рассчитывать ни на вооружение большого числа рабочих, ни на победу восстания» [38].

В то же время В. И. Ленин отмечал: «Революционные события в Москве, это — первая молния грозы, осветившая новое поле сражения... Допустим даже, что завтрашняя почта принесет тяжелую весть: вспышка восстания еще раз подавлена. Мы воскликнем тогда: еще раз— да здравствует восстание!» [39].

Эти замечательные строки, зовущие к борьбе, полные бодрости и непоколебимой веры в победу, были написаны в самом начале московских событий.

---

[35] Там же, стр. 353—354.
[36] Там же, стр. 40.
[37] Там же, стр. 323—324.
[38] Там же, стр. 310—311.
[39] Там же, стр. 318, 326.

Благодаря руководству и постоянной помощи В. И. Ленина московская организация большевиков к осени 1905 г. значительно укрепила свое влияние в массах. Побывавшая в начале октября в Москве М. И. Ульянова писала в редакцию «Пролетария»: «Работа в Москве налажена, по-видимому, хорошо — лучше питерской» [40]. В письме секретарю МК В. Л. Шанцеру (Марату) Н. К. Крупская писала: «Мы отовсюду слышим, что работа идет в Москве отлично, да это видно и по количеству изданий и по всему...» [41]. Еще летом 1905 г. В. И. Ленин на одном из отчетов о деятельности Московского Комитета сделал пометку: «Крайне поучительный отчет одного из образцовых комитетов нашей партии» [42].

По мере развития революции В. И. Ленин усиливал идейную и организационную помощь московским большевикам. Это видно из всей возраставшей переписки, а также из роста числа партийных деятелей, которые направлялись для работы в Москву.

В начале ноября 1905 г. В. И. Ленин нелегально приехал из-за границы в Петербург. Он развернул здесь кипучую деятельность, собирая и организуя силы революции. Под его руководством партия вела активную политическую агитацию в массах, начала военно-техническую подготовку вооруженного восстания как в Петербурге, так и повсюду в России. Вскоре В. И. Ленин установил личную связь с членами Московского Комитета большевиков. В конце ноября 1905 г. В. Л. Шанцер детально ознакомил Владимира Ильича с революционным движением в Москве, в частности с настроениями солдат Московского гарнизона. В. И. Ленин внимательно выслушал сообщение и дал конкретные указания Московской организации. При этом он особенно подчеркнул важность работы Московского городского и районных Советов, связанной с подготовкой всеобщей политической стачки, перерастающей в вооруженное восстание.

В беседе с В. Л. Шанцером В. И. Ленин дал москвичам исчерпывающее разъяснение по крестьянскому вопросу, в частности по вопросу о национализации земли. «Ленин,— вспоминает присутствовавший на беседе М. Н. Лядов,— очень серьезно выслушал Марата, а затем прочел нам еще раз всю статью (речь идет о статье «Пролетариат и крестьянство».— *Г. К.*). Мы внимательно слушали, и нам стало стыдно, что мы такую статью приняли за эсеровскую. В. И. Ленин тут же рассказал, что он, еще вырабатывая свои поправки к проекту программы, выработанной Плехановым, предлагал включить национализацию в эту программу и только по настоянию Плеханова согласился не настаивать на этом... Без лозунга «национализация» нам не поднять крестьянства, а попробуйте без крестьянства провести революцию — ничего не выйдет... Мы оба, хотя уже далеко не молодые, почувствовали себя мальчишками, которых учитель треплет за уши, но треплет так ласково, что обижаться на него невозможно» [43].

Направляя деятельность московских большевиков, В. И. Ленин призывал их прилагать все усилия к объединению рядов рабочего класса. В единстве пролетариата он видел главный залог успешного исхода борьбы против его классовых врагов. «Перед отъездом в Москву,— пишет М. Н. Лядов,— Ильич дал мне подробные директивы для МК. Он считал наиболее важной задачей в настоящую минуту — во что бы то ни стало добиться через голову меньшевиков единства рабочих... У вас в Москве,— говорил Ильич,— Московский Совет проводит все то, что решено МК, вы через Совет проводите влияние комитета на беспартийные массы, а у нас, в Питере, Совет ползет за беспартийными

[40] ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 35, № 20019.
[41] Там же, № 19853. Цит. по: «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 23.
[42] Там же, № 26764. Цит. по: «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 23. Архив Института истории партии МК и МГК КПСС, ед. хр. 93, стр. 97.

массами, он делает все, чтобы дискредитировать саму идею вооруженного восстания. Вам легко удастся повести за собой рабочих и создать настоящую боевую большевистскую организацию, авторитетную в глазах всех рабочих» [44].

За несколько дней до начала вооруженного восстания в Петербург приехал А. М. Горький, который рассказал Владимиру Ильичу о положении в Москве. 27 ноября состоялось совещание, на котором присутствовали В. И. Ленин, А. М. Горький, Н. К. Крупская и др. Обсуждался вопрос об укреплении московской большевистской газеты «Борьба». Владимир Ильич считал, что рабочие Петербурга должны активно поддержать московское вооруженное восстание. Но вследствие засилья меньшевиков и троцкистов в исполкоме Петербургского Совета последним удалось сорвать восстание столичного пролетариата.

В связи с начавшимся вооруженным восстанием В. И. Ленин предпринял меры к тому, чтобы оказать помощь восставшему московскому пролетариату. В частности, по его предложению происходившая в те дни Таммерфорсская конференция большевиков срочно закончила работу с тем, чтобы ее делегаты смогли спешно выехать на места для руководства восстанием. В Москву был направлен ряд ответственных деятелей партии.

В первые дни после объявления Московским Советом декабрьской политической забастовки В. И. Ленин провел несколько совещаний руководящих партийных работников ЦК и ПК. На одном из них обсуждались неотложные вопросы оказания помощи Москве. ЦК обратился к пролетариям Петербурга с призывом всемерно поддержать вооруженную борьбу московских рабочих.

Опыт Московского декабрьского вооруженного восстания сыграл огромную роль в последующей борьбе рабочего класса России, одержавшего всемирно-историческую победу в октябре 1917 года. Разоблачая меньшевистских клеветников, В. И. Ленин высоко оценивал героические подвиги московских рабочих. «...Мы,— писал он,— исчерпаем действительно до конца в с е революционные возможности,— мы будем гордиться тем, что п е р в ы е вступили на путь восстания и п о с л е д н и е покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен» [45].

В начале 1906 г., в критический момент после декабрьских дней, В. И. Ленин спешил оказать помощь большевикам Москвы. Он нелегально посетил Московскую парторганизацию. Его встречи с руководителями московских большевиков проходили в сложной и опасной обстановке.

В марте В. И. Ленин снова приехал в Москву. Под его руководством состоялось расширенное заседание Московского Комитета с активом, на котором В. И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте и задачах партии. Он говорил о значении предстоящего IV, Объединительного съезда партии и роли московских большевиков на нем. В. И. Ленин обратил особенное внимание на то, что при объединении с меньшевиками большевики не должны поступиться ни одним принципиальным вопросом. В заключение он призвал москвичей шире развернуть работу в массах, неустанно готовиться к решительным битвам с самодержавием.

Большое значение в жизни Московской организации имело выступление В. И. Ленина на заседании Замоскворецкого райкома об отношении к Советам, о работе партии в изменившихся условиях. Владимир Ильич присутствовал на заседании боевой организации Московского Комитета, выступил на заседании Московского окружного бюро РСДРП, на котором обсуждался вопрос об участии в избирательной кампании

[44] Там же, стр. 96—97.
[45] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 325.

в Государственную думу. Важным событием в революционной жизни Москвы явилось выступление В. И. Ленина на публичном собрании интеллигенции, состоявшемся в Московском университете.

Период между двумя революциями Владимир Ильич вынужден был находиться на чужбине. Однако его идейное влияние и организационное руководство партией и рабочим движением в России, в частности в Москве, ни на один день не прерывалось. Большевики активно вели нелегальную и легальную работу даже в самые мрачные годы реакции. В. И. Ленин придавал большое значение своевременной и острой борьбе против московских ликвидаторов, отзовистов, троцкистов и эсеров. В ряде статей, опубликованных в центральном органе партии — «Пролетарии», он давал конкретные советы москвичам. В номере 38-м «Пролетария» от 1 (14) ноября 1908 г. В. И. Ленин писал, что московские товарищи, обсуждая вопрос о борьбе рабочего класса, «учли значение борьбы Москвы с Лодзью, внесли ряд поправок в некоторые господствовавшие до сих пор представления» [46]. В номере 39-м он подверг резкой критике выступления московских отзовистов. В приложении к № 47—48-му, в статье «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», В. И. Ленин разоблачил подрывную деятельность этой группы. В номере 49-м Владимир Ильич снова остановился на вопросе о борьбе с отзовизмом в Москве.

В 1910 г. рабочее движение в России вступило в полосу нового революционного подъема. Выдержав натиск царского самодержавия, стоявшего во главе реакции, пролетариат России перешел в наступление. В Москве и Московской губернии в 1912 г. в забастовочном движении участвовало около 137 тыс. человек [47].

Известно, что в новом революционном подъеме российского пролетариата, и прежде всего рабочих Петербурга и Москвы, В. И. Ленин видел предвестника надвигавшейся революции.

Летом 1911 г. московские большевики в соответствии с указаниями Владимира Ильича развернули подготовку к созыву Пражской конференции. Московская организация активно поддержала требование В. И. Ленина о ее проведении. Все районы Москвы высказались за скорейшее ее открытие и выбрали своего представителя в Российскую организационную комиссию.

Важным событием в жизни партии и рабочего класса России было появление созданной В. И. Лениным газеты «Правда». «Правда» уделяла большое место революционному движению в Москве. В. И. Ленин заботился об увеличении числа ее подписчиков среди московских рабочих. Вместе с тем он указывал московским большевикам на необходимость создания своей собственной газеты. Владимир Ильич писал: «Москва должна будет, конечно, обзавестись с в о е й ежедневной рабочей газетой» [48]. В создании такого органа большую роль сыграла ленинская «Правда», на страницах которой регулярно освещался ход сбора средств на московскую газету.

В августе 1913 г. вышел первый номер московского «Нашего пути». Из шестнадцати номеров газеты в десяти были опубликованы статьи Владимира Ильича.

Постоянное внимание и забота со стороны В. И. Ленина помогли московским большевикам накануне первой мировой войны добиться серьезных успехов в завоевании рабочих масс на свою сторону. Отмечая эти успехи, Владимир Ильич писал в июне 1914 г.: «В Москве из 13-ти союзов 10 правдистских, 3 неопределенных, но ближе к правдистам. Ликвидаторского и народнического ни одного» [49].

---

[46] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 253.
[47] Журнал «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. 83.
[48] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 174.
[49] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 360.

Московская организация ни на один день не прекращала борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Большевики настойчиво разоблачали предательство меньшевиков, фактически поддерживавших империалистическую политику царского правительства.

Московская партийная организация в первые же дни Февральской буржуазно-демократической революции обратилась к В. И. Ленину со словами привета. Большевики, рабочие, солдаты, все трудящиеся Москвы, как и всей страны, с нетерпением ждали возвращения на родину великого вождя революции.

3 апреля 1917 г., в день приезда В. И. Ленина из-за границы, в Москве открылась Общегородская партийная конференция большевиков. Открывая ее, И. И. Скворцов-Степанов сообщил делегатам о приезде в Петроград Владимира Ильича. Это сообщение было встречено бурной овацией и возгласами «Да здравствует Ленин!».

Делегаты решили от лица конференции послать В. И. Ленину приветствие. «Московская общегородская конференция РСДРП единодушно шлет радостный привет тов. Ленину, славному вождю Российской революционной социал-демократии,— писали они.— Товарищи были бы счастливы видеть его в Москве» [50].

7 апреля в «Правде» были опубликованы Апрельские тезисы В. И. Ленина. Московская организация большевиков, как и вся партия, за исключением жалких одиночек, единодушно одобрила Апрельские тезисы и положила их в основу своей практической деятельности. В адрес Владимира Ильича большевики и рабочие коллективы Москвы направили много приветственных телеграмм, писем и резолюций.

В 1917 г. В. И. Ленину не удалось посетить Московскую партийную организацию. Но Владимир Ильич не только знал о состоянии партийной работы и развитии революции в Москве, но и повседневно помогал московским большевикам, используя для этого всевозможные средства. Неоценимую помощь партии и ее Московской организации оказывали печатные труды В. И. Ленина, его руководящие статьи и письма. Владимир Ильич требовал от московских большевиков непримиримой борьбы с меньшевиками и эсерами. «С о б о и м и течениями наша партия обязана,—писал В. И. Ленин,—бороться самым упорным, самым принципиальным, самым настойчивым, самым беспощадным образом. И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступки социал-патриотизму Керенского и К⁰ или социал-пацифизму и каутскианству Чхеидзе и К⁰» [51].

В период непосредственной подготовки вооруженного восстания В. И. Ленин уделял особое внимание вопросу состава руководящих работников партийных организаций. Он считал, что от их стойкости и партийной принципиальности во многом будет зависеть исход революции. Для Московской организации этот вопрос имел чрезвычайно важное значение. В августе 1917 г., в дни корниловского мятежа, Рыков и его группа втайне от Московской организации вступили в переговоры с меньшевиками и эсерами о заключении блока. Этот антипартийный сговор Владимир Ильич с негодованием осудил. Он потребовал строго расследовать этот факт и в случае его подтверждения немедленно отстранить от работы виновников в предательском соглашении с меньшевиками и эсерами, будь то члены ЦК или МК.

После августовской забастовки (протест против «государственного совещания») соотношение сил в Москве изменилось. Учитывая это, В. И. Ленин считал, что Москва может стать центром борьбы за власть Советов. «Крайне важно,— писал он,— чтобы в Москве «у руля»

[50] Архив Института истории партии МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 5.
[51] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 250—251.

стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блоки с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали новые задачи, новый лозунг взятия власти, новые пути и средства к нему» [52].

Всех, кто стремился помешать этому, В. И. Ленин требовал беспощадно разоблачать.

Претворяя в жизнь указания вождя, московские большевики парализовали подрывную деятельность капитулянтов. Последовательная защита интересов трудящихся обеспечила им активную поддержку со стороны масс. Во время разгрома корниловщины и особенно на сентябрьских выборах в Советы и районные думы большевики Москвы добились полной победы. Трудящиеся Москвы свыше 50% голосов отдали большевистской партии. Девяносто процентов солдат московского гарнизона голосовали за большевиков. В. И. Ленин считал это замечательной победой.

Завоевание широких масс трудящихся на сторону большевиков поставило на очередь вопрос о практическом осуществлении лозунга «Вся власть Советам!». Учитывая обстановку, создавшуюся в Петрограде, Москве, на фронте и во всей стране, В. И. Ленин поставил вопрос о взятии власти большевиками. Величайшую организующую и мобилизующую роль сыграли его письма о восстании, адресованные ЦК, Петроградскому и Московскому комитетам партии.

Партийный актив Замоскворечья, Городского, Сокольнического, Рогожского и других районов Москвы тщательно изучал ленинские письма.

10 октября Центральный Комитет партии под руководством В. И. Ленина принял историческое решение о вооруженном восстании. Для руководства им 16 октября на заседании ЦК с партийным активом был избран партийный центр.

В грядущей революции В. И. Ленин отводил исключительную роль Москве. Он внимательно следил за развитием событий в этом важнейшем центре, призывал большевиков немедленно брать власть [53].

Получив первые сообщения о победе революции в Петрограде, московские большевики призвали рабочих и солдат немедленно установить Советскую власть в Москве. В. И. Ленин всячески помогал им в организации разгрома контрреволюции.

Разоблачая Каменева, тормозившего совместно с Викжелем отправку революционных войск в Москву, Владимир Ильич говорил: «Нужно отправить войска в Москву... Нужно придти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена» [54].

В самый разгар боев в Москве по указанию В. И. Ленина на помощь московским рабочим прибыли отряды петроградских красногвардейцев и моряков. Вместе с московским пролетариатом и солдатами они героически сражались за победу социалистической революции.

Благодаря беззаветному героизму масс в сравнительно короткий срок Советская власть утвердилась в Москве. Под ленинским руководством, преодолевая сопротивление врагов революции, при широчайшей поддержке масс московские большевики приступили к разрушению старых органов государственной власти и созданию государственных органов диктатуры пролетариата.

---

[52] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 228.
[53] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 114—115.
[54] Там же, стр. 243.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕХОДА КОЧЕВОГО КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ К ОСЕДЛОСТИ

Ш. Юсупов

Изучение истории социалистического переустройства быта и хозяйства кочевых и полукочевых народов в СССР имеет важное значение. Между тем у нас еще мало работ по данной проблеме.

Заслуживают упоминания следующие работы: Х. Д. Чурин «Социалистическое преобразование сельского хозяйства Казахстана» (Алма-Ата. 1949), П. В. Погорельский «Оседание кочевников и развитие животноводства» («Труды экспедиции по изучению земельных фондов Казахской ССР». Вып. 8. Алма-Ата. 1949), «История Казахской ССР» (т. II. Алма-Ата. 1949), А. Турсунбаев «Победа колхозного строя в Казахстане» (Алма-Ата. 1954) и др. В них рассматривается процесс перехода кочевого казахского населения к оседлости, но, как правило, не специально, а попутно, наряду с изложением других важных вопросов. Надо сказать, что до сих пор многие архивные материалы, относящиеся к данной проблеме, не были известны.

В предлагаемой вниманию читателей статье делается попытка на основе изучения ряда новых или малоизвестных материалов обобщить опыт массового, планового перехода казахского населения к оседлому образу жизни в годы Советской власти.

Переход к оседлости диктовался необходимостью наиболее полного использования производительных сил и быстрого культурного роста казахского населения.

Оседание кочевников в Казахстане происходило и до революции. Однако в ту пору оно представляло собой стихийный, чрезвычайно медленный процесс, не связанный с коренными изменениями в общественном строе казахов.

Только после победы Октябрьской революции стал возможным массовый плановый переход к оседлости, неразрывно связанный с социалистическими преобразованиями казахского аула, положившими конец эксплуатации трудящихся.

★

Коммунистическая партия, намечая программу социалистического преобразования общества, среди многих других мероприятий поставила задачу ликвидировать последствия национально-колониального гнета в стране, постепенно вовлечь трудящихся окраин в русло социалистического строительства.

С первых же дней своего существования Советская власть в Казахстане решительно выступила в защиту интересов народных масс. Были приняты законодательные меры для борьбы с эксплуатацией бедноты байско-феодальными элементами, для экономического ограничения и вытеснения последних. Была ликвидирована колониальная налоговая и финансовая система с ее покибиточной податью, произволом властей, грабежом казахского населения. С переходом к нэпу многие бедняцкие хозяйства освобождались от продналога и главная его тяжесть возлагалась

на байско-феодальные хозяйства. Особенно широкое применение эта практика находила в кочевых и полукочевых районах. Так, если в оседлых районах от налога освобождалось 18—20% хозяйств, то в кочевых и полукочевых — от 60 до 70%. В то же время 5—6% байских хозяйств выплачивали свыше половины всего налога [1].

Советская власть помогала трудящимся казахам не только путем облегчения налогового бремени. В 1921—1922 гг. в кочевых районах, где царское правительство изъяло наибольшее количество земли в колонизационный фонд, была проведена земельная реформа. В результате ее трудящиеся получили свыше 470 тыс. га земли, отобранной у них при Временном правительстве. Кочевое население было обеспечено скотопрогонными путями, летними и зимними пастбищами, сенокосными угодьями. Политический эффект проведенных реформ был исключительно велик: впервые широкие массы ранее угнетенного населения на практике убедились в том, что прошлому национальному гнету пришел конец.

В 1927 г. органы Советской власти произвели передел сенокосных и пастбищных угодий. У баев было изъято и передано батракам, беднякам и частично середнякам около 1 250 тыс. га пахотных и 1 360 тыс. га сенокосных земель [2]. Эта мера отвечала коренным интересам батрацко-бедняцкого населения кочевого аула. Большое значение имела реформа 1928 г., в ходе осуществления которой было конфисковано около 700 байских хозяйств. Сами баи, прежде сотрудничавшие с аппаратом царской власти, были выселены из пределов кочевых районов. Было конфисковано около 150 тыс. голов скота (в переводе на крупный). Из них около 25% было передано колхозам, остальной скот распределен среди единоличных хозяйств аульной бедноты [3].

Обе реформы, помимо прямой помощи бедноте, имели важное политическое и воспитательное значение. Они нанесли серьезный удар не только по докапиталистическим пережиткам, но и по тем элементам буржуазных отношений, которые успели внедриться в дореволюционный период.

В годы Советской власти началось бурное политическое и культурное развитие кочевого и полукочевого казахского населения. Впервые в истории была создана национальная казахская государственность — автономная, а затем и союзная республика, связанная неразрывными узами с другими братскими социалистическими республиками.

В конце 20-х годов в Казахстане, как и во всем Советском Союзе, стала остро ощущаться необходимость в коренной социалистической перестройке сельского хозяйства. XV съезд ВКП(б) выдвинул и обосновал основную задачу партийной работы в деревне — производственное кооперирование мелких крестьян, которое являлось важнейшим средством преодоления отсталости сельского хозяйства в нашей стране. В рассматриваемый период сельское хозяйство СССР по валовой продукции почти достигло довоенного уровня, но товарной продукции оно давало намного меньше, чем до войны (хлеба, например, в два раза).

Сельское хозяйство Казахстана, особенно его основная отрасль — животноводство, имело по-прежнему в значительной мере натуральный характер. В 1928 г. товарная продукция составляла у бедняков 9,1%, у середняков — 17,2%, у баев — 45,5% [4].

75,5% казахского населения вело кочевое пастбищное хозяйство. Из 119 административных районов 9 было кочевых, 85 — полукочевых и только 25 — оседлых [5]. Кочевое хозяйство почти не потребляло продук-

---

[1] «Отчет Кирнампрода II Всекиргизскому съезду Советов за 1920—1921 гг.». Оренбург. 1921, стр. 46.

[2] «Материал к отчету Казкрайкома ВКП(б) Всеказахстанской партконференции». Алма-Ата. 1930, стр. 67.

[3] Архив Казахского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 141, д. 2404, л. 24.

[4] ЦГАОР КазССР, ф. 962, д. 980, л. 28.

[5] «Народное хозяйство Казахстана». 1928, № 11—12, стр. 72.

цию фабрично-заводской промышленности. Оно способствовало сохранению пережитков патриархальных и полуфеодальных отношений со всеми присущими им формами эксплуатации.

У казахов имелись сложившиеся формы расселения. Первичной и основной ячейкой являлись небольшие кочевые группы хозяйств — хозаулы. Группа хозаулов составляла административный аул, объединявший в среднем 400—500 хозяйств, разбросанных на территории радиусом в 60—70 километров. По данным переписи 1926 г., в Казахстане насчитывалось 68 800 хозяйственных аулов, составлявших 89% всех населенных пунктов республики [6].

В кочевом хозяйстве почти не было специальной заготовки кормов, и поэтому скотоводство ежегодно в той или иной степени страдало от бескормицы (джута). Джут для кочевников означал то же, что неурожай в оседло-земледельческих районах. Он влек за собой массовую гибель скота, разорение и голод населения, рост социального неравенства, массовое переселение людей в другие районы, изменение рода занятий и т. п. По данным почвенно-ботанического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР, в Адаевском уезде в 1920—1921 гг. в результате джута погибло до 30—35% голов скота. Более 2 тыс. семейств, многие пешком с детьми, совершая трудные переходы через пустынные, безводные степи, переселялись к линии Среднеазиатской железной дороги [7].

Кочевое индивидуальное скотоводческое хозяйство было бессильно против джута. Только коллективизация могла окончательно избавить казахов от этого бедствия и его тяжелых последствий, создать условия для резкого улучшения благосостояния населения. Но значение коллективизации для скотоводческих хозяйств этим не ограничивалось: она открывала возможности для более рационального ведения скотоводства, сочетания последнего с земледелием, возможность более правильного использования природных условий и трудовых ресурсов. Обобществленный выпас отгонного скота требовал при условии полной загрузки пастуха по крайней мере в 8—10 раз меньше людей, чем индивидуальный. Высвобождались также огромные ресурсы тягловой силы, применявшейся в индивидуальном хозяйстве для перевозки имущества во время кочевок. Все это давало возможность широко развить в Казахстане земледелие и, следовательно, разрешить кормовую проблему. Коллективизация и сочетание земледелия с некочевым скотоводством создавали благоприятные условия для формирования национальных кадров рабочего класса, роста благосостояния и культуры казахского народа, более быстрого развития промышленности и национальной интеллигенции и т. д.

Реорганизация кочевого хозяйства на социалистических началах была неразрывно связана с переходом казахского населения к оседлой жизни.

★

Оседание кочевого и полукочевого населения Казахстана происходило в период развернутого наступления социализма по всему фронту, провозглашенного XVI съездом Коммунистической партии.

8 ноября 1929 г. бюро Казахского крайкома ВКП(б) приняло решение, в котором переход к оседлости рассматривался в неразрывной связи с производственной реконструкцией хозяйства, а также с обусловленным ею коренным изменением быта кочевого и полукочевого населения [8]. Вопрос о переходе к оседлости вновь был обсужден на пленуме

[6] Там же, стр. 45.

[7] «Отчет о работах почвенно-ботанического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР». Вып. I. Ленинград. 1928, стр. 171.

[8] Архив Казфилиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 141, д. 3308, л. 268.

крайкома 10 декабря 1929 года. Пленум указал на необходимость всемерной помощи населению, переходившему к оседлому образу жизни, уделил большое внимание снабжению этого населения сельскохозяйственным инвентарем, семенами и т. п.[9].

Исходя из этих решений, сессия Казахского центрального исполнительного комитета 2 января 1930 г. решила из общего количества 566 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств в течение пятилетки сделать оседлыми 544 тыс. бедняцких и середняцких хозяйств. Остальные 22 тыс. хозяйств, составлявших 4%, являлись байскими. По плану предполагалось перевести к оседлости в 1929/30 г.—85 тыс., в 1930/31 г.—211 800, в 1931/32 г.—158 тыс. и в 1932/33 г.— 89 200 хозяйств[10].

24 января 1930 г. при Совете Народных Комиссаров Казахской ССР был создан Республиканский комитет по вопросам перехода к оседлости[11]. 19 февраля ЦИК республики утвердил положение о Комитете. На него возлагалось общее руководство переводом кочевого и полукочевого населения к оседлой жизни. Решения Комитета были обязательны для всех наркоматов, учреждений, окрисполкомов республики. При президиумах окружных исполнительных комитетов были созданы окружные комитеты, а при районных — районные комиссии по вопросам перехода к оседлости.

Центральный Комитет ВКП(б) и союзное правительство оказывали постоянную помощь Казахстану в социалистической перестройке сельского хозяйства. 16 февраля 1930 г. СНК СССР принял решение о плане хозяйственного развития Казахской АССР[12]. План предусматривал осуществление землеустройства и других мероприятий, обеспечивавших оседлость населения в земледельческой и земледельческо-животноводческой полосах Казахстана. При этом подчеркивалась необходимость максимального стимулирования коллективизации кочевых и полукочевых хозяйств одновременно с переходом их к оседлости и внедрением машинной техники. Союзное правительство обязало соответствующие плановые, финансовые и земельные органы определить источники и размеры средств, необходимых для устройства намеченных к оседанию в 1929—1930 гг. 85 тыс. хозяйств[13]. Без этой помощи Казахстан не смог бы в короткий срок решить стоявшие тогда перед ним задачи.

Переход к оседлости представлял собой сложный и трудный процесс. Эти трудности были связаны главным образом с общей отсталостью аула. Серьезным тормозом являлись сохранявшиеся еще среди казахов пережитки патриархально-феодальных отношений и родового быта. Байские элементы старались использовать эти пережитки в своей борьбе против мероприятий Советской власти. Одним из пережитков являлся так называемый «ынтымак». Согласно этому обычаю, каждый казах должен был защищать прежде всего интересы рода и слушаться аксакалов. Эксплуататорские элементы ловко использовали этот обычай для сдерживания классовой борьбы в казахских аулах.

Трудности, возникшие при переходе к оседлости, усиливались реакционной деятельностью буржуазных националистов, вроде алашординцев и сторонников Чаянова и Кондратьева, подвизавшихся в то время на руководящих постах в Казахстане. Все они настойчиво твердили о «крепости родовых отношений в казахском ауле». Тем самым они пытались доказать невозможность перехода от политики ограничения эксплуататорских элементов к их ликвидации.

---

[9] Там же, л. 179.
[10] ЦГАОР КазССР, ф. 1135, д. 1, л. 17.
[11] Газета «Энбекши казах», 24 января 1930 года.
[12] ЦГАОР КазССР, ф. 1179, оп. 1, д. 2, л. 18.
[13] Там же, ф. 1135, оп. 1, д. 4, л. 41.

Но, несмотря на сопротивление классового врага и его агентуры, трудящиеся Казахстана развернули борьбу за социалистическое переустройство аула.

По плану в 1929/30 г. к оседлости должно было перейти население 34 районов Алма-Атинского, Сыр-Дарьинского, Актюбинского, Гурьевского, Павлодарского, Петропавловского, Семипалатинского и Каркаралинского округов. На расходы, связанные с этим переводом, было ассигновано 8 303 тыс. руб., не считая средств, выделенных наркоматами и другими ведомствами [14].

В 1930 г. в основном проводились такие мероприятия, как организация территории, посевы зерновых, технических и кормовых культур, заготовка кормов, возведение хозяйственных построек, строительство школ, больниц.

В апреле 1930 г. ЦИК республики принял постановление «О практическом плане ведомств по оседанию трудящегося кочевого и полукочевого населения». По плану наркоматы и ведомства должны были обеспечить в течение этого года переход к оседлости 85 тыс. хозяйств путем коренной перестройки земельных отношений в кочевых и полукочевых районах; на эти цели отпускалось более 5 млн. рублей. Кроме того, предусматривались строительство плотин, дамб, достройка и сооружение новых колодцев и другие мелиоративные работы, затраты на которые составляли 4 400 тыс. рублей [15].

Налоговый комитет Наркомфина республики совместно с Комитетом оседания и другими органами разработал инструкцию о льготах по единому сельскохозяйственному налогу, предоставлявшихся трудовому населению при переходе к оседлости. Размеры и сроки зависели от того, какие хозяйства землеустраивались. Колхозам предоставлялось право пользоваться льготами по сельхозналогу в течение 5 лет, единоличным трудовым хозяйствам — 3 лет [16].

Коллективизация сельского хозяйства Казахстана имела свои особенности. В кочевых районах почти отсутствовала машинная техника. Сельскохозяйственная кооперация не получила еще массового развития. В сознании кочевников-скотоводов преобладали частнособственнические пережитки.

В этих условиях необходимы были такие переходные формы, которые бы лучше всего подводили казахских крестьян к объединению в артели.

В ноябре 1930 г. в республике был разработан примерный устав товариществ по общественному животноводству, кормодобыванию и обработке земли, предназначенный для животноводческо-земледельческих районов оседания. В уставе говорилось, что «батраки и середняки добровольно объединяются в тозы, чтобы совместным использованием средств производства и совместным трудом производить более выгодно обработку их полевой земли, посев, уборку урожая сена, мелиорацию и всеми мерами улучшать хозяйство, увеличивать товарность, поднимать производительность труда, а также содействовать добровольному стремлению членов товарищества к постепенному обобществлению средств производства» [17]. В задачу тозов входило и улучшение бытовых условий их членов.

В связи с переходом кочевого населения к коллективным формам ведения хозяйства и связанным с ним высвобождением значительного количества рабочих рук часть кочевников становилась работниками промышленных предприятий, железнодорожного транспорта, рыбных промыс-

[14] Там же, д. 6, л. 14.
[15] Там же, ф. 1179, д. 2, л. 16.
[16] Там же, ф. 1135, д. 4, л. 42.
[17] Газета «Советская степь», 19 декабря 1930 года.

ов и совхозов. Планом было намечено в течение первого года привлечь а государственные предприятия членов более 38 тысяч хозяйств [18].

В период массового перехода к оседлости коммунисты Казахстана провели большую политическую работу. В районных газетах печатались статьи, разъяснявшие решения партии и правительства по вопросам перехода к оседлости, выпускались стенные газеты. В аулах проводились массовые собрания. Например, в пяти районах Семипалатинского округа в течение апреля — мая 1930 г. состоялось 107 собраний, в которых участвовало более 4 500 человек [19].

Бедняки, батраки и значительная часть середняков, выступая на собраниях, приветствовали решения партии и правительства и заявили о своей решимости бороться против эксплуататорских элементов. 3 февраля 1930 г. в селе Талгар, Илийского района, Алма-Атинского округа, состоялось общее собрание бедняков и середняков полукочевого аула, одобрившее постановление ЦИК республики о переходе кочевников к оседлости и коллективизации. После собрания была организована демонстрация [20]. 5 марта состоялся первый съезд колхозников Алемесекского района, Кзыл-Ординского округа. В приветствии окружному комитету партии делегаты съезда обещали активно участвовать в колхозном строительстве и обобществить основные средства производства [21]. 7 марта в Джувалинском районе, Сыр-Дарьинского округа, происходил слет батрачества. Его участники поклялись «выполнить заветы В. И. Ленина» и дать отпор всем кулакам и баям, препятствовавшим переходу к оседлости и коллективизации казахских хозяйств [22]. 22 мая на слет собрались представители кочевых и полукочевых аулов Кастекского района. Они приветствовали решение правительства включить Кастекский район в план перехода к оседлости на 1930—1931 гг. и заверили, что для этого имеются экономические предпосылки. Участники слета разнесли по всем пастбищам весть о громадной помощи, которую Советское государство оказывало трудящимся казахам в переходе к оседлости [23].

Активным помощником партийной организации республики в борьбе за оседлость явился комсомол. Краевой комитет ВЛКСМ 19 апреля 1931 г. призвал комсомольцев провести рейды «легкой кавалерии» для оказания помощи учреждениям, проводившим работу по переходу к оседлости. Итоги рейдов регулярно освещались в печати. Крайком ВЛКСМ подчеркивал, что для проверки необходимо каждый раз брать конкретные вопросы: наличие стройматериалов, кредитование, состояние складов, реализация сельскохозяйственных машин, культурное обслуживание и т. д.

К хозяйственному и культурному строительству в Казахстане приобщались и женщины. В феврале 1931 г. на совещании алма-атинского областного и городского женского актива был заслушан доклад о состоянии работы по переходу к оседлости и задачах женщин. Совещание решило считать «одной из узловых задач в области участия женщин в вопросах осуществления плана перехода к оседлости задачу организации общественного женского контроля за ходом работы областных организаций» [24].

В осуществлении перехода кочевых хозяйств к оседлости принял живейшее участие рабочий класс страны. Известно, что в решающий период колхозного строительства партия направила в деревню 25 тысяч лучших его представителей. Из них в Казахстан было послано 1 204 рабочих, в

[18] ЦГАОР КазССР, ф. 1135, д. 1, лл. 101—103.
[19] «Советская степь», 27 мая 1930 года.
[20] «Советская степь», 3 февраля 1930 года.
[21] «Советская степь», 7 марта 1930 года.
[22] «Социалистик Казахстан», 8 марта 1930 года.
[23] «Социалистик Казахстан», 22 марта 1930 года.
[24] Алма-Атинский областной государственный архив, ф. 448, д. 42, лл 20—22.

том числе 704 направлены предприятиями Москвы и Орехово-Зуева, 500 — предприятиями Украины. Посланцы города имели большой производственный и политический опыт, многие прошли школу революционной борьбы в Октябре. Из 1 204 рабочих, прибывших в Казахстан, 914 были членами и кандидатами партии, 88 — состояли в ВЛКСМ, 761 человек имел производственный стаж более десяти лет, 366 — от пяти до десяти лет [25].

Приезд двадцатипятитысячников имел исключительное значение для казахского народа. Они принесли в аул пролетарскую инициативу и коммунистические принципы организации труда — социалистическое соревнование и ударничество. Многие из них были избраны секретарями партийных ячеек. Посланцы рабочего класса организовали в аулах мастерские, кузницы, наладили обучение крестьян пользованию сельскохозяйственным инвентарем. Приведем характерный пример. Один из двадцатипятитысячников, Князев, энергично взявшись за дело, передал свой производственный опыт крестьянам. «В этом ауле никогда не было железного плуга. Князев ввел железные плуги, обучая казахов владеть небывалым до сих пор у них сельскохозяйственным инвентарем» [26].

Особенно большую роль в ходе коллективизации сыграли машинно-сенокосные станции. С 1 мая по август 1931 г. из осевших в зонах МСС кочевых и полукочевых хозяйств был коллективизирован 31% [27]. Хобдинская машинно-сенокосная станция Актюбинской области, организованная в 1931 г., обслужила 12 русских и украинских и 27 казахских колхозов [28]. При станции имелась ремонтная база, кроме того, в каждом колхозе ею были созданы кузницы. МСС стала хозяйственно-политическим центром по устройству кочевого и полукочевого населения, переходившего к оседлой жизни. В районе деятельности станции оседали кочевники и начинали новую жизнь. Работники станции организовали первый колхоз — «Энбекши Адай» и другие.

Много сделала машинно-сенокосная станция для укрепления дружественных отношений между казахскими и русскими колхозами. Русский колхоз «Молодой голос» по инициативе станции взял шефство над казахским колхозом «Энбекши Адай». Он помогал строить для казахских колхозов жилые дома, посылал своих работников обучать только что осевших кочевников земледелию. Колхозники-казахи, никогда ранее не занимавшиеся зерновыми культурами, с помощью МСС и русского колхоза сняли первый урожай с колхозного поля [29].

По инициативе партийной организации Казахстана среди трудящихся, переходивших к оседлому образу жизни, получили широкое распространение социалистические методы труда (ударные бригады, соревнование и т. д.).

В районах оседания создавались сельскохозяйственные бригады, проводившие большую организационно-производственную и массово-разъяснительную работу. Они отводили земельные участки оседавшим кочевникам, выбирали места для селений, разъясняли решения партии и правительства.

В населенных пунктах проходили собрания партийных и комсомольских ячеек, групп бедноты аулсоветов, женщин, общие собрания трудящихся. В 1930 г. в аулах было проведено 798 общих собраний кочевников с общим охватом свыше 90 тыс. человек, в 1931 г.— 1 958 собраний, в которых участвовало более 190 тыс. человек [30]. Собрания содей-

---

[25] ЦГАОР КазССР, ф. 1135, д. 14, л. 60.
[26] Там же, ф. 247, д. 147, л. 5.
[27] Там же, ф. 1003, д. 38, л. 6.
[28] Там же, л. 7.
[29] Там же, д. 39, л. 4.
[30] Там же, ф. 1135, д. 13, л. 1.

ствовали повышению активности бедняцко-середняцких масс аула. Бедняки и батраки принимали деятельное участие в работе сельскохозяйственных бригад.

★

Успех политики планового перехода к оседлости стал возможен благодаря тому, что инициатива Коммунистической партии и Советского государства была горячо поддержана широкими слоями трудящихся кочевников. В результате огромной работы партийных, общественных, советских и хозяйственных организаций, при активном участии кочевого и полукочевого населения переход к оседлости в республике принял широкий размах.

В ряде районов трудящиеся по собственной инициативе переходили к оседлой жизни. В июне 1930 г. в Испульском районе, Гурьевского округа, 4 тыс. хозяйств без каких-либо указаний сами приступили к строительным работам для перехода к оседлости. Обсудив этот почин, президиум окружного исполнительного комитета постановил: в целях планового воздействия на самостоятельный переход к оседлости в Испульском районе 4 тыс. хозяйств, по своей инициативе уже приступивших к строительным работам, включить их в план оседлости в 1930 году [31]. Аналогичные факты, свидетельствовавшие о стремлении кочевого и полукочевого населения к новой жизни, имели место во многих аулах.

Успех перехода к оседлости во многом зависел от организации труда в новых колхозах. Поэтому партийные и советские органы уделяли этому вопросу большое внимание. Важной мерой в повышении производительности колхозного труда являлся переход к сдельщине. В колхозе «Энбек», Таласского района, до введения сдельщины один человек в лучшем случае изготовлял в день 150 штук самана, выкапывал 2,5 кубометра земли; одна лобогрейка скашивала 5 га хлебов и 6,5 га сена. После перехода на сдельщину производительность труда существенно увеличилась: выработка самана поднялась до 250 штук в день на человека. При рытье котлованов каждый рабочий стал вынимать до 3,5 кубометра земли. Производительность лобогрейки на уборке хлебов выросла до 6,5 га и на сенокосе — до 8,5 гектара [32]. Чтобы закрепить эти достижения и передать передовой опыт другим колхозам, РИК выделил специальных работников.

Передовые колхозы оказывали товарищескую помощь молодым коллективным хозяйствам, делились с ними опытом. Осенью 1930 г. в Илийский район, Алма-Атинского округа, для оказания помощи оседавшим на земле кочевникам прибыла бригада из соседнего Иссыкского района [33].

Большую роль сыграли бригады и инструкторы, которых посылали русские колхозы в места оседания, где развертывалось строительство жилых домов, культурно-бытовых учреждений, скотных дворов. В октябре 1930 г. колхоз «Искра Ленина» (Курдайский район, Алма-Атинского округа) взял шефство над соседним аулом Кедей. Он оказывал систематическую производственную помощь оседавшему казахскому населению [34]. В том же году вблизи поселка Яйсан, Акбулъского района, Актюбинского округа, был организован казахский колхоз «Шаруа». Раньше его члены вели кочевой образ жизни. Колхозники, не имевшие опыта земледелия, столкнулись с большими трудностями. Они не знали, с чего начать. Женщины-казашки, например, не умели сажать овощи, ухаживать за ними. Русские колхозники учили казахов приемам ведения земледельческого

[31] Там же, д. 2, л. 29.
[32] Там же, д. 17, л. 80.
[33] Архив Алма-Атинского обкома КПК, ф. 7, ед. хр. 35, л. 19.
[34] Там же, л. 26.

хозяйства. Между русскими и казахами завязалась тесная дружба, которая способствовала укреплению колхоза [35].

Первые же результаты перехода к оседлости и коллективизации показали правильность политики Коммунистической партии, ее соответствие коренным интересам трудящихся Казахстана. Вот почему эта политика была горячо поддержана широкими слоями казахского народа, активно боровшегося за ее проведение в жизнь.

В декабре 1932 г. на имя Казкрайкома партии, ЦИК и СНК республики поступил следующий рапорт: «С целью перехода на оседлую жизнь мы, кочевники Туркестанского района, преодолевая всякие трудности, прорыли из реки Арыс 28 километров большого и 24 километра малого каналов. Второй год занимаемся земледелием. По плану должны были сдать государству 3 500 ц хлеба, фактически сдали 6 504 центнера. В 1931 г. мы должны были выстроить 150 домов, выстроили 275... Под руководством ВКП(б) и при помощи пролетарского государства мы хотим достигнуть еще большего» [36].

До 1930 г. территория района Шаульдера представляла собой голую степь. После того, как 9 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств стали строить новую, коллективную, оседлую жизнь, район резко изменил свой облик. На месте голой степи появились цветущие поля. Среди казахов выросли кадры строителей, ударников колхозных полей. Кочевники становились мастерами кладки жилых домов. Ударник Абдеев Калбар рассказывал: «Вступил я в колхоз, и меня поставили работать по кирпичному делу. Для меня установили норму выработки в 300 кирпичей. На первых порах я норму перевыполнил до 400 кирпичей. Потом смотрю, лучшие колхозники стали соревноваться друг с другом. Меня это заинтересовало, и я тоже включился в соревнование. А потом через некоторое время приходит в нашу группу инициатор соревнования коммунист Дюйсен и оглашает список ударников, получивших премию. Третьим в списке был я. Сейчас ежедневно выкладываю 1 200—1 300 кирпичей» [37].

Одним из организаторов рытья канала в районе был коммунист, биркумский ирригатор Каумбай Омаров. Осенью 1931 г. два аула, «Такыркуль» и «Байыркуль», послали его ходоком в город Арыс. Райисполком по настоянию Каумбая отпустил средства и технику для сооружения канала. Для руководства переходом к оседлости сюда были направлены коммунисты А. В. Петров и Жанибанов. Перед началом работ на канале они собрали население аулов и рассказали ему, как строились Сталинградский тракторный завод, Днепрострой, Турксиб, где труд стал делом чести, доблести, славы. Они говорили о необходимости развертывания социалистического соревнования и ударничества, о правильной организации труда и т. д. Канал был сооружен за два месяца. 24 апреля 1932 г. по нему пошла вода. Но эти успехи дались нелегко: пришлось преодолеть яростное сопротивление баев и мулл, которые всячески вредили общему делу.

VIII Всеказахский съезд Советов, состоявшийся в феврале 1931 г., подвел первые итоги перехода кочевого и полукочевого населения к оседлой жизни и наметил пути дальнейшего развития сельского хозяйства республики. Съезд отметил, что первый год планового перехода кочевников к оседлости дал положительные результаты. Были объединены 50 699 хозяйств.

В ходе коллективизации повышалась техническая оснащенность сельского хозяйства. В 1929 г. на одно хозяйство приходилось машин (самых примитивных: омач, соха, плуг, изредка сенокосилка) на сумму 36 рублей. В следующем году обеспеченность машинами повысилась до 52 руб.,

[35] Архив ЦК КПК, ф. 141, оп. 1, лл. 14—15.
[36] «Казахстанская правда», 9 декабря 1932 года.
[37] Там же.

в 1931 г.— до 63 рублей. В район оседания было завезено 5 780 плугов, 582 бороны, 1 456 сеялок, 2 213 сенокосилок, 1 438 лобогреек, 111 молотилок, 179 жаток-самостроек [38]. Это дало возможность увеличить посевную площадь и товарность перешедших к оседлости хозяйств. Колхозы довели посевную площадь до 295 190 га (прирост на хозяйство с 0,8 до 3,5 га). В районе оседания было заготовлено 630 187 т сена [39].

Если посевная площадь в целом по краю за 1931 г. увеличилась на 1,2%, то в казахских хозяйствах прирост равнялся 110,3% [40]. В хозяйствах, перешедших к оседлости, в течение двух лет (1930—1931 гг.) посев возрос более чем в 5 раз (с 0,8 до 4,6 га). Если раньше полукочевые хозяйства занимались посевом малоценных культур, главным образом проса, то начиная с 1930 г. получили широкое распространение пшеница и другие культуры [41].

Кочевое животноводческое хозяйство быстро превращалось в оседлое с развитым земледелием. Трудящиеся казахи в оседлых колхозах добились более высокой производительности труда, чем кочевые, единоличные хозяйства.

На основе постановления VIII съезда Советов Казахстана ЦИК республики 16 февраля 1931 г. выступил с обращением «Ко всем трудящимся Казахстана, Советам, общественным организациям, дирекциям промышленных предприятий и совхозов». В обращении говорилось, что правительство республики наметило в третьем году первой пятилетки охватить на базе коллективизации плановым переходом к оседлости еще 80 тыс. хозяйств. ЦИК призвал казахских трудящихся приложить максимум энергии для своевременного выполнения этого плана [42].

Переход к оседлости был связан, как отмечалось выше, с созданием национальных кадров промышленного пролетариата. В связи с этим ЦИК призвал руководителей промышленных предприятий и совхозов, общественные организации развернуть организационно-производственную и техническую помощь районам и отдельным колхозам, перешедшим к оседлости. В обращении говорилось: «...Усильте массовую работу по вовлечению в производство казахских трудящихся масс, памятуя, что это мероприятие разрешает основную задачу партии, Советской власти по созданию кадров национального пролетариата» [43].

Практика показала, что для перехода к оседлости требовалось значительно больше средств, чем намечалось вначале. Экономический совет РСФСР, рассмотрев этот вопрос, в 1932 г. увеличил затраты до суммы в 30 980 тыс. рублей и обязал Наркомзем РСФСР выделить из своих фондов дополнительно 900 тыс. рублей, установил льготные условия кредитования населения, перешедшего к оседлой жизни [44].

Правительство Казахской республики, исходя из объема капиталовложений, утвержденных правительством Российской Федерации, наметило на 1932 г. широкий план перехода к оседлости. Этот план наряду с развертыванием строительства, внедрением зерновых и технических культур, ростом колхозного животноводства предусматривал значительное развитие сети социально-культурных учреждений. Планировалось охватить дошкольным воспитанием 106 780 детей, школами 1-й ступени — 178 760 детей, школами по ликвидации неграмотности — 218 760 человек, школами повышенного типа — 11 тыс. человек. Намечалось построить 40 четырехкомплектных, 517 двухкомплектных школ, 51 школу крестьянской молодежи, организовать 420 изб-читален [45]. Планом 1932 г. преду-

[38] ЦГАОР КазССР, ф. 1179, д. 13, л. 57.
[39] Там же.
[40] Там же, ф. 6985, оп. 1, д. 31, л. 252.
[41] Там же.
[42] Там же, ф. 1179, оп. 1, д. 12, л. 57.
[43] Там же, л. 65.
[44] Алма-Атинский областной государственный архив, ф. 443, оп. 1, д. 40, л. 32.
[45] Там же, л. 39.

сматривалась посылка в районы 80 медицинских бригад, организация 70 больниц, 111 амбулаторий, 186 фельдшерских пунктов, 237 пунктов по прививке оспы, 2 туберкулезных пунктов, 92 полевых пунктов первой помощи и т. д.[46].

Чтобы выполнить этот план, нужно было еще выше поднять творческую активность населения, мобилизовать его на строительство нового аула, разгромить классового врага, усилившего борьбу против социалистических преобразований. Некоторые выразители байских взглядов, пробравшись на ответственные посты в земельные органы, умышленно рекомендовали для оседлости районы, где не было воды, нельзя было заниматься ни земледелием, ни скотоводством. Баи и их подголоски вели усиленную агитацию против перехода к оседлой жизни. Они провоцировали переезд населения в другие районы Казахстана, в соседние края и области (Таджикистан, Киргизию, Нижнюю и Среднюю Волгу, Западную Сибирь) и даже выезд за пределы Советского Союза. Для этого классовые враги использовали всевозможные методы: антисоветскую агитацию, провокации, угрозы, слухи и т. п. В декабре 1930 г. в урочище Мангистау, Табынского района, Актюбинского округа, происходило совещание баев, на котором они сговорились подстрекать население к откочевке на территорию Туркменистана и за пределы Советского Союза[47]. В результате байских провокаций часть кочевников оставляла насиженные места, привычные занятия, распродавала скот и имущество и уходила неведомо куда и неведомо с какой целью.

Таким образом, обстановка во время перехода кочевого населения к оседлости была осложнена подрывными действиями классового врага. Но следует сказать, что в этих трудных условиях некоторые руководящие работники допустили грубые ошибки. Они встали на путь администрирования, нарушения принципа добровольного перехода к оседлой жизни. В отдельных случаях имела место торопливость: коллективизация сразу проводилась в форме создания артелей и т. д. Это ухудшало и без того сложное положение.

Требовалось решительное исправление ошибок, срочная ликвидация последствий перегибов, главным образом в кочевых районах. 17 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О сельском хозяйстве и, в частности, о животноводстве Казахстана». В нем особое внимание уделялось вопросам перехода кочевого и полукочевого хозяйства к оседлости. «ЦК указывает Казкрайкому,— говорилось в постановлении,— что задачи хозяйственного поселкового оседания в той же мере, что и коллективизация, могут быть успешно выполнены только на основе добровольного широкого участия и самодеятельности самих бедняцко-середняцких масс в борьбе с байством, в борьбе с правым уклоном (национализмом в этом вопросе) и «левыми» загибами»[48].

Трудящиеся аула встретили постановление ЦК ВКП(б) с огромной радостью. Партийные организации республики развернули большую работу по его разъяснению. Для оказания практической помощи в реализации постановления краевой и областные комитеты партии направили в аулы бригады, а в области других республик — уполномоченных в количестве от 5 до 7 человек.

О размахе партийно-массовой работы по реализации постановления свидетельствуют многочисленные данные. По 7 районам Актюбинской области оно обсуждалось на 189 собраниях, в которых участвовало свыше 11 тыс. человек[49]. В 5 животноводческих районах Западно-Казах-

---

[46] Там же, л. 40.
[47] Архив ЦК КПК, ф. 141, оп. 4, д. 4581, лл. 8, 37.
[48] «Правда», 24 сентября 1932 года.
[49] «Материалы к отчету Крайкома ВКП(б) на VIII Казахстанской конференции», Алма-Ата, 1934, стр. 117.

станской области решения ЦК ВКП(б) и VI пленума краевого комитета партии (1933 г.) обсуждались на партийных и комсомольских собраниях, а также на общих собраниях трудящихся аулов, в которых приняло участие более 12 тыс. человек [50].

Из областных центров в районы были направлены агитбригады и уполномоченные, которые занимались массово-разъяснительной и организаторской работой.

Согласно указанию ЦК партии, для исправления допущенных перегибов необходимо было перевести те сельскохозяйственные артели, которые оказались нежизненными, на устав тоза. К концу 1933 г. свыше 80% таких артелей было превращено в товарищества объединенного животноводства и земледелия (тож и тоз) [51].

Постановление ЦК ВКП(б) сыграло решающую роль в восстановлении и в дальнейшем развитии животноводства республики. Прежде всего была оказана большая помощь хозяйствам в обзаведении скотом. Только за 1933—1934 гг. им было передано с колхозных товарных ферм, из совхозов и за счет других источников свыше 956 тыс. голов скота. Для укрепления колхозных ферм совхозы продали животноводческим колхозам 126,4 тыс. голов [52].

Кочевое хозяйство республики получило от союзного правительства большую помощь продовольствием и семенами. С октября 1932 г. по декабрь 1934 г. кочевому населению в порядке продовольственной помощи было выдано свыше 5 млн. ц зерна [53]. Кроме того, большую продовольственную помощь оказали кочевникам партийные и советские органы Средней Азии, Западной Сибири, Средне-Волжского края. Так, 31 марта 1933 г. среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) решило выделить 10 тыс. пудов хлеба казахскому населению, откочевавшему на территорию среднеазиатских республик [54].

Хозяйства кочевых и полукочевых районов были освобождены на два года от государственных налогов и обязательных платежей. С них была снята государственная задолженность по сельхозналогу за прошлый период. После решения ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. благодаря хозяйственному устройству откочевники стали массами возвращаться назад.

29 ноября 1933 г. бюро крайкома ВКП(б) отметило, что «партийные организации и советские органы за этот год проделали огромную работу по расселению и хозяйственному устройству казахов-откочевников. В результате этого 50 тыс. семей откочевников направлены в основные хлопковые, зерновые, а также животноводческие районы и расселены по колхозам» [55]. На 1 января 1934 г. было вновь устроено в различных районах Казахстана 131 796 откочевников [56].

Большинство возвращавшихся казахов стало приобщаться к земледелию. Часть уходила в промышленность и на транспорт. В этом отношении серьезное значение имели мероприятия по подготовке квалифицированных рабочих из числа казахов. Для этого были организованы специальные курсы. На 1 января 1934 г. они выпустили 5 700 рабочих-казахов разной квалификации. На постоянную работу на предприятиях, рыбных промыслах и в совхозах устроилось до 90 тыс. человек [57].

Для возвратившихся кочевников к концу 1933 г. было построено 4 600 домов, а общее количество семей, обеспеченных жилыми помеще-

---

[50] Архив ЦК КПК, ф. 141, оп. 6, д. 5607, л. 16.
[51] ЦГАОР СССР, ф. 6985, оп. 1, д. 5, л. 96.
[52] Там же, ф. 30, оп. 3, д. 877, л. 4.
[53] Там же, д. 1152, л. 9.
[54] Архив ЦК КПК, ф. 141, оп. 9, д. 566, л. 892.
[55] «Важнейшие решения Казкрайкома ВКП(б)». Алма-Ата. 1933, стр. 8.
[56] ЦГАОР СССР, ф. 6985, оп. 1, д. 1, л. 204.
[57] Там же, д. 31, л. 189, 203.

ниями, превысило 100 тысяч [58]. Затраты на строительство жилищ составили 3 629 200 рублей [59]. Это были в основном средства из государственного бюджета.

В осуществлении мероприятий ЦК ВКП(б) по развитию сельского хозяйства Казахстана немалую роль сыграли русские колхозы. Колхозы Убаганского района, Кустанайской области, помогли казахским кочевникам, перешедшим к оседлому образу жизни, построить 21 конюшню, 15 скотных дворов, 30 зернохранилищ, 9 инвентарных сараев, 22 школы, 21 артезианский колодец, 7 кузниц, 5 бань, 1 479 жилых домов [60].

В начале сентября 1933 г. работники передового Алтын-Эмельского мясосовхоза обратились к крайкому партии и ЦИК республики с предложением объявить 17 сентября — день издания решения ЦК ВКП(б) о Казахстане — Всеказахстанским днем высококачественного животноводства [61]. Эта инициатива получила широкое одобрение. 17 сентября трудящиеся республики с подъемом отметили годовщину. На колхозных собраниях подводились итоги развития животноводства, намечались новые мероприятия по дальнейшему подъему этой важнейшей отрасли сельского хозяйства. В октябре 1933 г. состоялись областные слеты ударников-животноводов. Их участники рассказали о своих достижениях, о том, как они борются за увеличение поголовья скота.

5 ноября в Алма-Ате открылся Всеказахстанский слет ударников-животноводов. На слете присутствовало 970 делегатов-крестьян и свыше 200 представителей промышленных рабочих [62]. Передовые колхозники и работники совхозов поделились опытом борьбы за увеличение поголовья скота. Представитель Западно-Казахстанской области в своем выступлении сообщил, что до решения ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. в области в среднем на одно хозяйство не приходилось и 1 головы скота. В процессе реализации решения партии членам тозов в индивидуальное пользование было роздано 200 тыс. голов скота. В результате на каждое хозяйство в среднем стало приходиться около трех голов, а в некоторых районах и больше [63].

Эти и другие факты говорили о том, что за кратчайший срок в Казахстане была в основном разрешена проблема устройства откочевников. Десятки тысяч людей вернулись к производительному труду, получили кров и условия для обеспеченной жизни, стали специалистами сельского хозяйства.

20 апреля 1934 г. Президиум ВЦИК рассмотрел результаты перехода кочевого и полукочевого населения к оседлости и решил создать правительственную комиссию для изучения этого вопроса на месте [64]. Один из членов этой комиссии сообщал из Алма-Аты: «Огромные пространства, которые пришлось проехать, представляют великолепные пастбищные места, на которых каждый вид животного находит нужный ему корм... Я вынес твердое убеждение, что процесс восстановления поголовья начался. На базе госпомощи скотом члены тозов имеют от 3 до 15 овец, а часть из них и по 1—3 головы крупного скота вместе с молодняком» [65].

В ходе борьбы за восстановление и развитие животноводства были приняты меры к усилению роли МСС. В сентябре 1933 г. крайком ВКП(б) принял постановление «О реорганизации системы Сеноцентра» [66]. Было установлено, что радиус деятельности МСС, как правило, должен был составлять от 40 до 60 километров. На МСС было возложено проведение

[58] Там же.
[59] Там же.
[60] Архив Кустанайского обкома КПК, ф. 2, оп. 5, д. 19, л. 12.
[61] «Казахстанская правда», 16 сентября 1933 года.
[62] Там же.
[63] «Казахстанская правда», 9 ноября 1933 года.
[64] ЦГАОР СССР, ф. 6985, оп. 1, д. 23, л. 273.
[65] Там же, оп. 5, л. 190.
[66] «Важнейшие решения Казкрайкома ВКП(б) за 1933 г.». Алма-Ата, 1933, стр. 35.

агротехнических и ветеринарных мероприятий, планирование и организация работ по восстановлению и дальнейшему развитию животноводства в обслуживаемых ими тозах и единоличных хозяйствах.

МСС сыграли немалую роль в создании кормовой базы в колхозах и расширении земледелия. Если раньше земледелие занимало в хозяйстве животноводческих районов небольшое место, а сенокошение практиковалось в весьма ограниченных размерах, то в 1934 г. в среднем на одну голову скота заготавливалось от 30 до 40 центнеров грубых кормов [67].

Таким образом, в результате мудрой политики Коммунистической партии, поддержанной широкими слоями трудящихся Казахстана, в итоге напряженной борьбы за ее претворение в жизнь коренным образом изменилось лицо в недавнем прошлом отсталого края. Из темной и глухой колониальной окраины царской России Казахстан превратился в цветущую социалистическую республику. Показателями важнейших перемен в экономике Казахстана являются следующие данные.

К весне 1933 г. в республике осталось не более 10% кочевых районов с 58 115 хозяйствами и 26 полукочевых районов (со значительным перевесом оседлости) с 186 804 хозяйствами. В число вполне оседлых, с ведущей ролью земледельческих и технических культур, входило 40 районов, где насчитывалось 228 856 хозяйств [68].

С 1929 по 1933 г. посевная площадь зерновых и технических культур увеличилась у казахов с 1 265,7 тыс. га до 2 562,1 тыс. га, что составляло 52,1% посевной площади Казахстана против 32,2% в 1929 году [69].

В результате огромной помощи Советского правительства и братских республик Казахстану его сельское хозяйство к весне 1933 г. имело 2 264 трактора, 179 520 плугов, 20 912 сеялок, 45 312 сенокосилок. Из них в аулах находилось соответственно 1 141 (50,6%), 105 021 (58,5%), 10 122 (48,4%), 24 295 (53,6%) [70].

За это время произошли коренные изменения в общественном и социально-экономическом строе аула. Вступление подавляющего большинства крестьян-скотоводов в колхозы (на 2 июля 1934 г. было коллективизировано 85,9% крестьянских хозяйств) [71] означало переход основной массы аульного населения к новым, социалистическим производственным отношениям. Эта революционная перемена ускорила переделку сознания кочевников в духе коллективизма. Казахский народ, миновав капиталистический путь развития, вместе со всеми народами Советского Союза пошел по пути коммунизма.

Крупнейшую роль в социалистической перестройке аула сыграло промышленное строительство, развернувшееся в различных районах республики. В промышленность и на транспорт, на стройки и в совхозы пришли трудящиеся казахи. По данным на 1 января 1933 г., по найму работало 201 962 казаха [72].

Если общее количество рабочих и служащих во всем народном хозяйстве республики выросло за первую пятилетку в 2,6 раза, то количество рабочих-казахов увеличилось более чем в 3 раза. Удельный вес рабочих и служащих казахов поднялся с 30,7% до 34,9% [73]. Это были люди, овладевшие передовой техникой, изучившие самые сложные технологические процессы. История казахского народа на практике опровергла измышления буржуазных экономистов, утверждавших, что от-

---

[67] ЦГАОР КазССР, ф. 74, оп. 11, д. 88, л. 72.
[68] «Казахстанская правда», 15 мая 1933 года.
[69] Там же.
[70] Там же.
[71] «Экономико-статистический справочник за 1920—1935 гг.». Москва — Алма-Ата. 1936, стр. 96.
[72] ЦГАОР СССР, ф. 6985, оп. 1, д. 21, л. 17.
[73] Архив ЦК КПК, ф. 141, оп. 4, ед. хр. 5767, л. 99.

сталые кочевые народы якобы не в состоянии развить промышленное производство и освоить современную промышленную технику.

Изменения в экономике Казахстана сопровождались бурным ростом культуры казахского народа. Начальной школой уже в 1930 г. было охвачено 130 тыс. человек, а в 1933—1934 гг.— 203 474. В средней школе в 1930 г. обучалось 5 489 детей, в 1933—1934 гг.— 11 819. Была ликвидирована неграмотность 900 128 человек [74].

Достичь всего этого было бы невозможно, если бы казахский народ не перешел к оседлому образу жизни, не разгромил остатки феодальной знати и не ликвидировал байство на основе сплошной коллективизации. Устранив главное препятствие на пути к оседлости и зажиточной колхозной жизни, казахи получили возможность догнать другие народы Советского Союза и в своем культурном развитии.

Переход к оседлой жизни и вовлечение казахского населения в строительство социалистического общества явились ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики в СССР. Этот путь был нелегким, он совершался в условиях ожесточенной классовой борьбы. И поныне идеологи буржуазии не оставляют попыток использовать имевшиеся в прошлом трудности, отдельные ошибки и промахи для клеветы на Советскую власть. Нужно это им для того, чтобы опорочить замечательные успехи, достигнутые казахским народом в социалистическом строительстве под руководством Коммунистической партии и при помощи русского народа. В этой связи следует упомянуть статью преподавателя истории и литературы Гарвардского университета Ричарда Пайпса «Мусульмане Советской Центральной Азии. Направления и перспективы», опубликованную в журнале «Средний Восток» (1955, № 3). Автор злобно клевещет на национальную политику Советского государства, ставит ее на одну доску с реакционной колониальной политикой царизма. Но даже самым непредубежденным людям ясен клеветнический характер подобных утверждений.

В результате победы Октябрьской революции, ликвидации унаследованного от прошлого национального неравенства в нашей стране, благодаря неустанным заботам Коммунистической партии и Советского правительства Казахстан превратился в развитую индустриально-колхозную республику со своей государственностью и богатой культурой.

В настоящее время по сравнению с 1913 г. промышленное производство в республике увеличилось в 43 раза. Один только Казахстан вырабатывает сейчас электроэнергии больше, чем вся дореволюционная Россия. Казахстанская магнитка произведет столько чугуна в год, сколько производят его Италия и Индия, вместе взятые. Казахской ССР принадлежит одно из ведущих мест в экономике Советского Союза по производству свинца, цинка, меди и другой продукции.

За последнее время в республике освоено свыше 23 млн. га целинных и залежных земель, что сделало ее второй после РСФСР житницей страны.

Определенные достижения имеются и в области животноводства. За последние пять лет поголовье крупного рогатого скота в республике возросло на 30%, овец — на 60%, свиней — в четыре раза [75].

За короткий срок создано национальное советское искусство, которым по праву гордится казахский народ. В программах декад, состоявшихся в Москве в 1936 и 1958 гг., были представлены все виды музыкально-драматического творчества. Все эти огромные завоевания стали возможны только в условиях советского социалистического строя, благодаря помощи великого русского и других братских народов нашей страны трудящимся Казахстана.

---

[74] Там же, оп. 1, ед. хр. 5546, л. 16.

[75] «Правда», 23 декабря 1959 года.

Казахстан, как и все другие братские республики Советского Союза, находится в расцвете сил. В текущем семилетии республика в своем развитии сделает новый гигантский скачок вперед.

На развитие народного хозяйства в текущем семилетии направляется на 24—27 млрд. руб. больше, чем за предыдущие 35 лет. Продукция промышленности к концу семилетки по сравнению с 1958 г. возрастет в 2,7 раза и против 1913 г. более чем в 100 раз. В республике будет ежегодно производиться около полутора миллиардов пудов зерна, причем не менее 800 млн. пудов товарного зерна. Значительно увеличится поголовье скота Казахстана, повысится его продуктивность, вырастут производство и заготовка продуктов животноводства. В итоге осуществления семилетнего плана резко повысится удельный вес Казахстана в производстве материальных благ в стране. Казахстан по праву считают республикой неограниченных возможностей.

Весь опыт социалистического строительства в Казахстане неопровержимо подтверждает правильность и подлинно народный характер ленинской национальной политики, которую неуклонно проводит Коммунистическая партия. Он свидетельствует об огромных преимуществах социалистической системы, опровергает лживые утверждения апологетов империализма.

На заботу партии и Советского государства казахский народ отвечает еще более тесным сплочением своих рядов вокруг родной партии, постоянным укреплением братской дружбы, взаимной помощи всех народов нашей великой Отчизны.

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА РОССИИ *

Л. М. Иванов

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Этими словами начинается «Манифест Коммунистической партии», программный документ научного коммунизма, где впервые в систематическом и цельном виде изложено учение о всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества.

Пролетариат всеми своими корнями тесно связан с капиталистическим способом производства. Он появился на свет одновременно с рождением капитализма и с его развитием окреп и сложился как класс. Место и положение пролетариата в капиталистическом обществе определило его историческую миссию. «Дело не в том, в чём в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что̀ такое пролетариат на самом деле и что̀ он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» [1].

История рабочего класса — это история его борьбы против капиталистического рабства и против самого способа капиталистического производства. Всемирно-историческая роль пролетариата состоит в уничтожении классового общества, основанного на частной собственности и эксплуатации, и в создании нового общества, коммунистического, где нет классов и эксплуатации. «С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность» [2]. В. И. Ленин эту же самую мысль высказал несколько иначе: «Рабочий вопрос»... существует лишь в капиталистическом обществе...» [3]. Осуществить свою историческую миссию пролетариат может лишь в определенных условиях, которые возникают на той стадии капитализма, когда крупная фабрика оттеснила низшие формы капиталистического производства и стала господствующей, когда создались необходимые материальные и социальные предпосылки для революционного переворота и социализма.

Крупная машинная индустрия стягивает огромные массы населения в города, на фабрики и заводы. Вместе с ростом числа рабочих идет процесс пролетаризации, освобождения их от связи с хозяйством в деревне. Рабочие постепенно становятся потомственными, «чистыми» пролетариями, которые трудятся на капиталистических предприятиях, а средства к существованию получают путем продажи рабочей силы. Капитализм, таким образом, обнажает до предела взаимоотношения между рабочими и буржуазией и определяет их место в общественном производстве.

Творцы научного коммунизма глубоко исследовали положение рабочего класса в капиталистическом обществе. Первой крупной работой Ф. Энгельса явилась книга о жизни английских рабочих во второй четвер-

---

* Доклад, прочитанный 21 декабря 1959 г. на сессии Научного совета Института истории АН СССР по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, изд. 2-е, стр. 40.

[2] Там же, стр. 39.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 433.

XIX века. Ф. Энгельс не ограничился описанием положения пролетариата и признанием того, что это положение является порождением всей системы капитализма, а не произвола отдельных капиталистов. Он первый, по словам В. И. Ленина, указал на то, что «пролетариат не только страдающий класс», но и класс, который борется за свое освобождение. Другой вывод Ф. Энгельса состоял в том, что «политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма» [4].

К вопросу о месте пролетариата и его исторической миссии классики марксизма-ленинизма возвращались неоднократно, разрабатывая его все большей глубиной. В своем классическом труде о политической экономии капитализма К. Маркс неопровержимо доказал, что законом капитализма является абсолютное и относительное обнищание пролетариата. Капитализм своей организацией, скоплением богатств у одних и обнищанием других, прямым противопоставлением эксплуататоров и эксплуатируемых обостряет классовую борьбу. Более того, капитализм, организуя производство в крупных масштабах, объединяет пролетариат общими условиями работы и положения. «Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том,— писал В. И. Ленин,— что он, обобществляя труд, в то же самое время, механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества» [5]. Таким образом, капитализм сам создает объективную базу для собственного уничтожения. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, пролетариату необходимо осознать свое место в обществе и свои исторические задачи. «До тех пор пока угнетенный класс — в данном случае... пролетариат — еще не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло» [6].

Борьба рабочего класса против буржуазии начинается с момента его появления на свет. Но эта борьба, не освещенная идеями социализма, ведется на почве существующего строя и не выходит за рамки капитализма. В. И. Ленин, разоблачая «экономистов», стремившихся ограничить задачи рабочего движения экономической борьбой, подчеркивал, что «рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится классовым движением, когда переходит к политической борьбе» [7] Пролетариат, поднявшийся против капиталистического строя и политической организации буржуазного общества, является революционной силой, воплощающей в себе прогрессивное историческое начало. Он выступает носителем интересов и гегемоном всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за освобождение от цепей капиталистической эксплуатации и политического господства буржуазии. «Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это — раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а не за свержение рабства» [8].

«Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен...» [9],—

---

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 8.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 292.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 305.
[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 264.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 201—202.
[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 15.

писал В. И. Ленин. Это означает, что само положение рабочих в буржуа ном обществе и их борьба за улучшение своего положения неизбежн сталкивают их с организованной, объединенной силой буржуазии, расп лагающей властью и всем государственным аппаратом угнетения. Опы борьбы стихийно подводит рабочего к социал-демократическому созн нию, пониманию того, что ему противостоит не отдельный капиталист, все буржуазное общество в целом. «...Социализм... необходимый резул тат борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и бур жуазии» [10]. Слияние рабочего движения с социализмом есть поворотны пункт в истории пролетариата. Задача внесения социализма в рабоче движение была поставлена еще Союзом коммунистов и сформулирован К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» Соединение рабочего движения с социализмом и означает возникновени пролетарской партии, стоящей во главе борьбы за социализм. Процес этот, однако, не стихийный и зависит от ряда причин, в том числе от кон кретных условий развития той или иной капиталистической страны, о степени зрелости капитализма, остроты классовых противоречий и т. д. В огромной степени он зависит также от успешного преодоления оппорту нистических и ревизионистских тенденций в рабочем движении. Рабоче движение, возглавляемое революционной социал-демократией, приобре тает целенаправленность, стремится к уничтожению общества, основан ного на эксплуатации. Оно имеет такой характер потому, что социал-де мократия поднимает рабочее движение от стихийного, ограниченного рам ками непосредственно насущных, сегодняшних задач, до движения политического, озаренного идеалами социализма.

Учение марксизма-ленинизма о всемирно-исторической роли рабоче го класса и диктатуре пролетариата как главном условии победы над ка питализмом и построения нового общества — коммунизма подвергалось и подвергается безуспешным атакам ревизионистов самой разнообразно окраски. Это свидетельствует о жизненности и силе учения К. Маркса Ф. Энгельса, получившего историческую проверку на опыте революцион ной борьбы пролетариата всего мира, на опыте русского рабочего класса начавшего первым осуществлять на практике теорию научного коммунизма. Отсюда ясно, что изучение истории пролетариата, и в первую очередь русского рабочего класса, прошедшего за сравнительно короткий проме жуток времени громадный исторический путь, имеет огромное научно-по знавательное и политическое значение. Необходимо, говорит Н. С. Хрущев чтобы «наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудя щихся за свое освобождение, героическую историю Коммунистическо партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, на шего рабочего класса» [11].

★

«Рабочий вопрос», существование которого длительное время отрица ли представители господствующих классов и либерально-буржуазной ин теллигенции, возник фактически еще до 1861 года. Об этом свидетель ствует начавшийся накануне реформы промышленный переворот и свя занная с ним трансформация работников мануфактуры в рабочих фабрич но-заводской промышленности. Однако ни революционеры-демократы, ни народники не могли дать исторически верной оценки значения рабочего класса и борьбы рабочих. Только материалистическое понимание истории давало теоретическое оружие для раскрытия значения всемирно-истори ческой роли рабочего класса. В. И. Ленин, развивая учение К. Маркса и

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 125.

[11] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I. М. 1959, стр. 58.

Энгельса применительно к новому этапу исторического развития — периализму, обогатил это учение рядом новых теоретических положе-й о роли рабочего класса и диктатуре пролетариата. В своих трудах он зработал историю пролетариата России, выделил в освободительном ижении страны пролетарский этап, раскрыл характер рабочего движе-я, начиная от первых стихийных выступлений до победы Великой Ок-брьской социалистической революции, показал значение пролетариата к гегемона в борьбе за социализм.

За время, прошедшее с 1917 г., советские историки, опираясь на ле-нские работы по истории революционного движения, много сделали в ле конкретного изучения истории пролетариата России. Учебники и ебные пособия, массовая научно-политическая литература знакомят на-его читателя с историей рабочего класса и его героическим прошлым. роблема истории пролетариата в широком плане ставилась и ставится в специальной научной литературе.

В 20-х годах появились первые обобщающие труды по истории рабо-го класса России, охватывающие период от первых выступлений рабо-х до Октябрьской революции включительно. Это были работы М. С. Ба-абанова, К. А. Пажитнова, А. Ельницкого и некоторых других [12]. Книга Ельницкого представляет собой довольно поверхностное описание исто-и рабочего класса, начиная с XVIII в., с момента возникновения рвых крупных мануфактур. Исследование К. А. Пажитнова специально священо изучению положения рабочего класса за длительный период — римерно с половины XVII в. до Октябрьской революции включительно. нига М. Балабанова является первой работой, в которой поставлены новные проблемы, относящиеся к истории пролетариата: его возникно-ение, положение, революционное движение. Названные работы, давая енный материал и верные в ряде случаев выводы по отдельным, конкрет-ым вопросам, в целом по своим установкам, особенно при исследовании еволюционного движения рабочего класса, не были еще марксистскими. апример, исходной позицией книги Пажитнова является вопрос о юри-ическом положении рабочего класса на разных этапах его истории. частности, он пишет, что падение крепостного права сделало свободный оговор найма единственной формой отношений между трудом и капита-ом, но реформы 60-х годов не довели европеизацию страны до логиче-кого конца — до признания права рабочих на стачки и объединение в рофсоюзы. Поскольку разрозненные рабочие не могли противостоять редпринимателям, неизбежно вставала задача организации рабочего ласса в борьбе за улучшение своего положения [13]. Под этим углом зре-ия в книге рассматривается стачечное движение с 60-х годов XIX в. до 904 г., деятельность артелей, потребительской кооперации, касс взаимо-омощи, а также история нелегальных социалистических организаций, в ом числе группы «Освобождение труда», «Союзов борьбы за освобожде-ие рабочего класса», создание социал-демократической партии [14]. У Ба-абанова история революционного движения пролетариата и социал-де-ократических организаций изложена с меньшевистских позиций. Автор е разделяет ленинской концепции исторического процесса. Рассматривая сторию группы «Освобождение труда» и Петербургского «Союза борьбы освобождение рабочего класса», Балабанов смазывает значение идей-ой борьбы в социал-демократическом движении в 90-х годах и начале X в., не выясняет принципиального расхождения между революционной оциал-демократией, с одной стороны, и «экономизмом», а позднее мень-

[12] К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России. Т. 1—3. Л. 1924—25; М. С. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1—3. М. 23—1926; А. Ельницкий. Рабочее движение в России. Харьков. 1925 (сокращен-е издание под тем же названием.— М. 1925).

[13] К. А. Пажитнов. Указ. соч. Т. 2, стр. 5—7.

[14] Там же, стр. 251—284.

шевизмом — с другой. В 20-х годах вышла сравнительно небольшая по объему книга С. Пионтковского. Это была одна из первых работ обобщающего характера, написанная с марксистских позиций. Несмотря на ряд недостатков, она сыграла положительную роль [15].

Позднее, во второй половине 20-х и в 30-е годы, круг работ по истории пролетариата значительно расширился. В связи с юбилеем первой русской революции вышел ряд ценных монографий, сборников документов и воспоминаний о рабочем движении в революции 1905—1907 гг. [16] несколько сборников и научных работ было посвящено отдельным этапам и крупнейшим событиям в истории рабочего движения начиная с Морозовской стачки [17]. Выход сборников по истории революции 1905—1907 гг. явился событием крупного значения. Включая, как правило, наряду с воспоминаниями и исследовательскими статьями документы о революционном движении, эти сборники раскрывают героическую борьбу пролетариата в период первой русской революции. Большое значение имеют вышедшие в 20—30-х годах воспоминания соратников В. И. Ленина И. В. Бабушкина, П. Н Лепешинского, И. Х. Лалаянца, С. И. Мицкевича, М. И. Васильева-Южина, Г. М. Кржижановского, Н. К. Крупской [18] и других.

Подъем исторической работы сделал возможным созыв в конце 1928 г. конференции историков-марксистов, обсудивших наряду с другими вопросами специальный доклад по проблеме истории пролетариата, прочитанный А. М. Панкратовой. В этом докладе, вызвавшем большой интерес и оживленные прения, были подведены итоги изучения истории пролетариата и намечена обширная программа по дальнейшему исследованию этой проблемы. В 1929 г. в Институте истории Коммунистической академии была организована секция по истории пролетариата, а при Обществе историков-марксистов — комиссия под тем же названием. Секция и комиссия провели большую работу, о чем можно судить по содержанию органа Института истории «История пролетариата СССР», выходившего с 1930 по 1935 год. В журнале печатались проблемные статьи, материалы по конкретным вопросам истории рабочего движения, документы и т. д. [19].

---

[15] С. А. Пионтковский. История рабочего движения в России (1870—1917 гг.). Краткий очерк. Л. 1925.

[16] «1905. История революционного движения в отдельных очерках». Т. 1—3. М.-Л. 1925—1927; «Замоскворечье в 1905 г.». Сборник воспоминаний, документов и фотографий. М. 1925; «1905 год в Иваново-Вознесенском районе». Сборник статей, биографий, воспоминаний, хроники событий и документов. Иваново-Вознесенск. 1925; «1905 год в Сормове». Нижний Новгород. 1926; «1905 год. Революционное движение в Одессе и Одесщине». Сборник статей и воспоминаний. Кн. 1—2. Одесса. 1925—1926; «1905 год в Харькове». Сборник. Харьков. 1925; «Первая русская революция в Петербурге 1905 г.». Сборник 1—2. Л.-М. 1925; «1905. Стачечное движение». Материалы и документы. М.-Л. 1925; «Металлисты Урала накануне и в период 1905 года». Сборник документов и материалов. Свердловск. 1926; В. И. Невский. Советская печать и литература о Советах. М.-Л. 1925; П. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. М. 1925 (изд. 2-е. М. 1930), и другие.

[17] «Морозовская стачка 1885 г.». М. 1925; «Морозовская стачка. 1885—1935». Сборник статей, документов, воспоминаний. М. 1935; «История екатеринославской социал-демократической организации (1889—1903)». Екатеринослав. 1923; «Литература Московского рабочего союза». Материалы и документы. М. 1930; «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897». М. 1934; «Всеобщая стачка на юге России в 1903 году». Сборник документов. М. 1938, и другие.

[18] «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. 1893—1900 гг.» М. 1925 (имеются также издания 1951 и 1955 гг.); П. Н. Лепешинский. На повороте. М. 1922. (Изд. 4-е. М. 1955); И. Х. Лалаянц. У истоков большевизма. Зарождение РСДРП. Вып. 1—2-й. М. 1930—1931; С. И. Мицкевич. Революционная Москва. 1888—1905. М. 1940; М. И. Васильев-Южин. В огне первой революции. Воспоминания. М. 1931 (имеется изд. 1955 г.); Г. М. Кржижановский. О Владимире Ильиче. Сборник статей и воспоминаний. М. 1933; Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Ч. 1—2. М. 1930—1931 (имеется изд. 1957 г.).

[19] См. статьи: М. В. Злотников. К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России (1930, № 1); С. Томсинский. К вопросу о кадрах крепостной мануфактуры XVIII в. (1933, № 1—2); А. М. Панкратова. Маркс и Эн-

ачительную роль в изучении истории пролетариата сыграли и другие ганы печати, такие, как журнал «Историк-марксист», «Архив истории уда в России», «Красный архив», «Борьба классов». Крупное место в следовании истории пролетариата принадлежит созданной по инициа-ве А. М. Горького Комиссии по истории фабрик и заводов. В изданных работах наряду с рассказом о возникновении того или иного предприя-я и его истории большое место отводилось анализу положения рабочих их революционной борьбе. Не все выпущенные комиссией и ее филиа-ми на местах работы равноценны, но некоторые из них явились серьез-м вкладом в историю изучения пролетариата [20].

Однако, несмотря на значительно возросшее в 30-х годах количество учной и научно-популярной литературы, некоторые проблемы истории бочего класса России не привлекли тогда должного внимания исследо-телей. Сосредоточив основные усилия на изучении истории революцион-го движения второй половины XIX и начала XX в., историки слабо раз-батывали такие вопросы, как формирование пролетариата [21] и положе-е рабочего класса. Далеко не достаточно изучалось рабочее движение сле 1905—1907 годов [22]. Не было труда, который обобщил бы весь раз-ботанный материал по отдельным конкретным вопросам в виде боль-ой монографии или серии очерков, дававших сводную историю рабочего асса России. Этот пробел не мог быть полностью восполнен вышедшими 1931 г. очерками по истории пролетариата России [23]. Написанные для ассового читателя, очерки давали в сводном виде историю пролетариата крепостного периода до Февральской революции включительно. Они ыграли большую роль в популяризации изучения истории рабочего класса указали пути дальнейшего исследования этого вопроса.

После Великой Отечественной войны изучение истории пролетариата ачительно продвинулось вперед. Об этом свидетельствует не только льшое количество диссертаций, но и расширение круга проблем и кон-ретных вопросов, подвергающихся исследованию. Прежде всего следует тметить, что значительное внимание привлекла и привлекает проблема ормирования пролетариата [24]. Больше внимания уделяется изучению ра-очего движения начала XX в., в частности нового революционного

льс об исторической роли пролетариата (там же); е е ж е. Проблема изучения исто-ии пролетариата (1930, № 1); М. К. Р о ж к о в а. Рабочие Трехгорной мануфактуры второй половине XIX века (там же); М. В. Н е ч к и н а. Рабочие волнения в связи реформой 1861 г. (там же); В. Н е в с к и й. К. Маркс и русское революционное дви-ение (эпоха 60—80-х годов XIX в.). (1933, № 1—2); П. А н а т о л ь е в. Маркс и пер-ые шаги рабочего движения в России (там же), и другие.

[20] М. И. М и т т е л ь м а н, Б. Д. Г л е б о в, А. Г. У л ь я н с к и й. История Пути-овского завода. 1789—1917. М.-Л. 1939. (Изд. 2-е, сокращенное,—М.-Л. 1941); К. Ц в е т к о в, Ф. П. Х л о п о т у х и н, П. Г. А н д р е е в. Ярцево. Очерки по исто-ии рабочего класса и революционного движения на Ярцевской фабрике. М.-Смоленск. 32; С. Л а п и ц к а я. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М. 1935; С. М. Л е в и-о в а. История Онежского завода. Вып. 1-й. Петрозаводск. 1938, и другие.

[21] По этой теме в 1940 г. вышла работа А. Г. Р а ш и н а «Формирование промыш-нного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки» (впоследствии автор ачительно переработал эту книгу, и недавно она была переиздана Соцэкгизом. Г. Р а ш и н. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. 1958), а также несколько статей (например, П. А н а т о л ь е в. К вопросу о фор-ировании пролетариата Украины. «История заводов». Вып. 8-й, 1934).

[22] «Ленские события 1912 года». Документы и материалы. Нижний Новгород. 25; Б. Б. Г р а в е. К истории классовой борьбы в России в годы империалистиче-ой войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л. 1926.

[23] «Очерки истории пролетариата СССР. Пролетариат царской России». М. 1931.

[24] С. И. А н т о н о в а. Влияние столыпинской реформы на изменение в составе бочего класса. (По материалам Московской губ.). 1906—1913 гг. М. 1951; А. М. П а н-а т о в а. Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного олетариата России (60—90-е годы XIX в.). «Исторические записки». Т. 54, 1955; Н. В а с и л ь е в. Формирование промышленного пролетариата Ивановской области, опросы истории», 1952, № 6; И. А. В а с и л е н к о. Формування промислового проле-ріату в Росії в пореформенний період (1861—1894 рр.). «Наукові записки КДУ». VI, вып. 7, 1956, и другие.

подъема [25]. Расширилось географически исследование истории пролетариата, которое в 20—30-х годах в значительной степени ограничивалось крупнейшими промышленными центрами страны. Следует отметить расширение изучения истории рабочего класса в национальных районах [26].

В 1950—1952 гг. были изданы в трех томах документы о рабочем движении в XIX веке [27]. Это ценное издание впервые в систематизированном и довольно полном собрании дает материалы по рабочему движению и истории первых социал-демократических организаций России. Предисловия к томам сборника, написанные академиком А. М. Панкратовой, имеют самостоятельное научное значение. В связи с 50-летним юбилеем первой русской революции было начато издание серии сборников документов [28]; публикация некоторых многотомных изданий продолжается и в настоящее время. Основные материалы этих сборников составляют документы о рабочем движении и деятельности большевистских организаций. Издания последних лет значительно отличаются от сборников 1925—1930 гг., они полнее, систематичнее и охватывают большее число материалов. Наряду с документами о революционном движении в индустриальных центрах широко представлены материалы о событиях, имевших место во всех более или менее крупных районах России. Другая их отличительная черта — публикация документов о стачках рабочих второго периода революции (1906—1907 гг.). Рабочее движение кануна и периода первой буржуазно-демократической революции в России получило отражение и в монографиях, посвященных революции 1905—1907 гг., специальных статьях и популярной литературе, вышедшей в большом количестве в юбилейные дни. Следует отметить, что огромное число монографий о революции 1905—1907 гг. рассказывает о событиях, происходивших в национальных районах и крупных промышленных центрах России [29].

---

[25] Г. Г. Морехина. Рабочее движение в Москве в годы революционного подъема накануне первой мировой империалистической войны. «Вестник Московского университета», 1947, № 4; А. И. Парусов. К истории рабочего движения в Нижегородской губернии в период нового революционного подъема перед первой мировой империалистической войной (1912—1914). «Труды» Горьковского государственного педагогического института. Вып. 13-й, 1950; «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917гг.». Документы и материалы. Л. 1958; «Из истории рабочего движения в годы революционного подъема». «Исторический архив», 1955, № 5; П. А. Лавров. Рабочее движение на Украине в 1913—1914 гг. Киев. 1957; «Рабочее движение во Владимирской губернии. 1910—1914 гг.». Сборник документов. Владимир. 1957, и другие.

[26] З. А. Абезгауз. К вопросу о формировании пролетариата в Белоруссии. «Труды» Института истории АН БССР. Вып. 3-й, 1958; Б. Я. Вилкс. Формирование промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX в. Рига. 1957; Ф. Е. Лось. Формирование рабочего класса на Украине и его революционная борьба в конце XIX и в начале XX столетия. Киев. 1955; О. С. Компан. Допитання про формування пролетаріату залізарудної промисловості Криворіжжя (1880—1900 рр.). «Наукові записки» Інституту історії України. Т. 5. 1953; И. М. Лукомская. Формирование промышленного пролетариата Донбасса 70-х — начала 80-х годов XIX в. «Из истории рабочего класса и революционного движения. Сборник статей памяти А. М. Панкратовой». М. 1958; І. О. Гуржій. Зародження робітничого класу України (кінець XVIII — перша половина XIX ст.). Київ 1958; К. З. Фитерман. Некоторые вопросы истории промышленного пролетариата в колониальном Туркестане. «Труды» Среднеазиатского университета. Вып. 139-й. Кн. 27. 1958; Ф. Маликов. Некоторые вопросы истории формирования рабочего класса в горной промышленности Казахстана во второй половине XIX в. «Известия» АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 3-й (8-й), 1958, и другие.

[27] «Рабочее движение в России в XIX в.» Т. I, ч. 1 и 2, изд. 1-е. М. 1951 (изд. 2-е. М. 1955); т. II, ч. 1 и 2. М. 1950; т. III, ч. 1 и 2. М. 1952.

[28] По данным подготовленного Государственной публичной исторической библиотекой и напечатанного на ротаторе библиографического указателя по революции 1905—1907 гг., только в 1955—1957 гг вышло более 60 документальных сборников, не считая воспоминаний участников революции. Среди них тома продолжающегося в настоящее время издания Института истории АН СССР «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы».

[29] А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М. 1958; Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. М. 1952 (изд. 1955 г., на латыш-

Краткая характеристика состояния изучения истории пролетариата казывает, что в этом направлении за 40 лет проделана серьезная ра-га: издано большое количество документальных материалов и тем са-м создана база для научного исследования истории рабочего класса; нографически рассмотрен ряд узловых вопросов рабочего движения, еются работы общего характера по отдельным периодам истории ра-чего класса, а также научно-популярные брошюры. И все же дальней-е изучение истории пролетариата диктуется самым настоятельным разом. Недостаточная разработка некоторых принципиально важных орон этой проблемы (положение пролетариата, идеология рабочего асса и т. д.), слабая изученность ряда периодов рабочего движения 0-е годы XIX в., период нового революционного подъема, годы первой ровой войны, Февральская революция), ослабление внимания исслед-вателей к истории некоторых конкретных форм этого движения (проф-юзы, рабочая кооперация и т. п.), отсутствие обобщающих работ по тории рабочего класса дореволюционной России, рассчитанных на ши-кий круг читателей, достаточно ясно говорят об этом.

История пролетариата есть история того класса, возникновение ко-рого возвестило зарю освобождения человека от оков частной соб-венности и приближение эры коммунизма. «Все до сих пор происходив-ие движения были движениями меньшинства или совершались в инте-сах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное дви-ение огромного большинства в интересах огромного большинства» [30]. бочий класс России прошел большой и сложный путь борьбы и побед. ри всем многообразии конкретных вопросов история пролетариата ть единое целое, связанное со следующими основными проблемами: Возникновение пролетариата и его становление как класса капитали-ического общества; II. Положение пролетариата в системе капитали-ического общества; III. Революционная борьба пролетариата и фор-ирование идеологии рабочего класса; этапы этого процесса и создание ролетарской партии как выражение соединения социализма с рабочим вижением.

★

Проблема возникновения пролетариата не является новой, в истори-ской литературе она поставлена давно. Но, несмотря на усилившееся, обенно в последнее время, внимание к теме формирования рабочего асса, до сих пор не выработано общего подхода и принципов разреше-ия этой важной проблемы. Все чаще встречающаяся в специальной ли-ратуре постановка вопроса о том, что содержанием проблемы форми-вания пролетариата является вопрос о возникновении нового класса о связи этого процесса с основными этапами развития промышленно-и, прежде всего с переходом от мануфактуры к фабрике, не получила

ом языке); Г. И. Мосберг. Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Таллин. 1955 (на тонском языке); Ф. Э. Лось. Революція 1905—1907 років на Україні. Київ. 1955; Г. Хуцишвили. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси. 1955 (на грузинском ыке); З. И. Ибрагимов. Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. Баку. 1955; еволюция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сборник статей. М. 1955; С. Чебарин. Москва в революции 1905—1907 гг. М. 1955; Л. С. Кузнецова. ачечная борьба петербургского пролетариата в 1905 г. Л. 1955; Е. П. Киреев. Про-тариат Грозного в революции 1905—1907 гг. Изд. 2-е. Грозный. 1955, и другие. Из ра-т, освещающих события периода революции в общероссийском масштабе, можно метить: Л. В. Богуцкая. Очерки по истории вооруженных восстаний в револю-и 1905—1907 гг. М. 1956; А. И. Гуковский. Первая русская буржуазно-демокра-ческая революция 1905—1907 гг. Вологда. 1957; А. М. Панкратова. Первая рус-ая революция 1905—1907 гг. Изд. 2-е. М. 1951; Н. Н. Яковлев. Вооруженные вос-ания в декабре 1905 года. М. 1957; И. В. Спиридонов. Всероссийская политиче-ая стачка в октябре 1905 г. М. 1955.

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 435.

еще полного раскрытия на конкретном историческом материале, относящемся к России. В монографиях и статьях проблема возникновения пролетариата все еще неправомерно сужается до вопроса об источниках пополнения рабочей силы, состава рабочих и т. д. Более того, в некоторых работах, посвященных формированию рабочего класса, подробно рассматривается процесс наделения крестьян землею и расслоения крестьянства без выяснения районов и путей выхода рабочей силы из деревни в промышленность и т. п. Методологически правильная постановка и решение проблемы возникновения пролетариата имеют важное значение не только для научной разработки вопроса о путях появления нового класса капиталистического общества, но также для раскрытия всей истории рабочего класса, превращения его из класса «в себе» в класс «для себя»[31].

В работах классиков марксизма-ленинизма дан четкий и исторически проверенный ответ на вопрос об условиях и времени возникновения пролетариата. «Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне — все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения»[32]. Процесс слияния этих разнородных элементов в новый класс, не связанный с собственностью и живущий только продажей своей рабочей силы, завершается с победой капиталистического способа производства, при переходе от мануфактуры к фабрике. Только крупная промышленность превращает наемный труд из побочного в единственное занятие рабочего, придает постоянство существованию пролетариата, выделяет его из окружающей среды и конституирует в особый класс, отличающийся от всех остальных классов своим положением в буржуазном обществе.

Возникновение пролетариата связано с развитием промышленности и стадиями ее перехода от низших форм к высшим, от мелкотоварного производства к мануфактуре, а затем и к крупной машинной индустрии. Этим трем стадиям в развитии промышленности соответствуют и три типа рабочих. На первых двух стадиях, особенно начальной, непосредственный производитель материальных благ еще тесно связан с земледелием, мелким ремеслом, личным профессиональным мастерством, с определенным замкнутым экономическим районом. Эксплуатация и зависимость работника от владельца средств производства были окутаны средневековыми формами личной зависимости и связей. Даже в мануфактуре, где техническое развитие сделало значительный шаг вперед в виде разделения труда и превращения мастера в «детального рабочего», не происходит полного отделения рабочего от земледелия. Тогдашний рабочий еще не являлся пролетарием в полном смысле этого слова, он находился на переходной ступени, на которой надеялся удержаться, а при благоприятных условиях и выбиться в ряды буржуазии. Лишь незначительная часть работников мануфактуры порвала или почти порвала с землей, и в силу этого такие работники «тяготеют уже к последующей, а не к предыдущей стадии капитализма, стоят ближе к работнику в крупной машинной индустрии, чем к крестьянину»[33]. Только на третьей ступени развития промышленности рабочий окончательно выделяется из окружающей среды, становится пролетарием, единственным источни-

[31] См. Л. М. Иванов. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России, «История СССР», 1958, № 4; его же. К вопросу о формировании пролетариата Украины, «Вопросы истории», 1957, № 6.

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 431.

[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 382.

м существования которого является работа по найму. «Современный бочий, пролетарий,— продукт великой промышленной революции, корая именно за последние сто лет во всех цивилизованных странах соршила полный переворот во всем способе производства, сперва в промышленности, а затем и в земледелии; в результате этой революции в оизводстве принимают участие только два класса...» [34] К. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали эту сторону промышленного переворота, указывая, что появление пролетариата есть главный результат промышленной революции, что она «создала класс крупных капиталистов-фабрикантов, но вместе с тем также гораздо более многочисленный класс фабричных рабочих» [35].

Таким образом, в результате промышленного переворота родились а класса капиталистического общества: буржуазия и пролетариат,— ричем во время перехода от мануфактуры к фабрике происходил не лько рост численности пролетариата в связи с развитием промышленсти, но — и это главное — старый мануфактурный рабочий потерял ой прежний полупатриархальный облик и стал чистокровным пролетаием. Конкретные формы, в которых происходило его формирование в азных странах, в том числе и в России, были неодинаковыми. Но всю в основе этого процесса лежали развитие капитализма и переход ромышленности от начальных ступеней к фабрике. Разрыв связи с земей, со своим прошлым, выделение рабочих в особую по своему экономическому положению и отношению к собственности группу населения вляются на этом этапе центральным звеном процесса формирования ролетариата. На материале пореформенной России вопрос о превращении работников мелкотоварного и мануфактурного производства в пролетариев разработан В. И. Лениным.

Переход от мануфактуры к фабрике в России начался еще в крепостное время, до реформы 1861 года. Это было одной из особенностей е исторического развития, которая не могла не оказать влияния на ход ромышленного переворота. Последний развертывался не сразу во всех раслях промышленности. Наиболее интенсивно техническая перестройка, сопровождавшаяся широким применением машин, началась в хлопатобумажной, по существу, новой для страны отрасли промышленности. овольно быстро внедрение новой техники шло в свеклосахарной и бумажной промышленности, но в таких отраслях, как шерстяная и льняая, а также металлургическая, перестройка проходила значительно меднее. Характерно, что техническая перестройка промышленности в оссии и ее переход от мануфактурной стадии к фабрике сопровождались резким ростом применения вольнонаемного труда. Это не был еще аемный труд в капиталистическом понимании; значительной частью аемных рабочих были оброчные крестьяне, временно оторвавшиеся от воего привычного труда в сельском хозяйстве. Но сам факт оттеснения руда посессионных и вотчинных рабочих, впервые в широких масштабах проявившийся в условиях кризиса феодально-крепостного хозяйства начавшегося перехода от мануфактуры к фабрике, весьма знаменателен. Применение труда этой категории рабочих оказалось наибольшим ак раз в хлопчатобумажной промышленности.

Промышленный переворот в России завершился уже в послереформенное время, в обстановке сравнительно быстрого развития капитализма во всех областях народного хозяйства. В основных отраслях обрабатывающей и добывающей промышленности переход от мануфактуры к абрике закончился к 80-м годам, хотя в некоторых ее отраслях, преимущественно в легкой, продолжала сохраняться мелкая домашняя промышленность, не отделенная до конца от земледелия и занимавшая не-

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. 1, стр. 65.
[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 100.

мало рабочих рук. Техническая перестройка промышленности сопровождалась рядом социально-экономических изменений как в самой промышленности, так и во всем хозяйстве страны. Этот процесс в пореформенное время проходил в России значительно быстрее, чем в ряде западноевропейских стран. Однако наличие пережитков крепостничества сказывалось на развитии капитализма, в том числе и на формировании пролетариата. Получив юридическую свободу, крестьяне и бывшие работные люди на деле оказались привязанными к наделам и не могли сразу порвать с земледелием. Поэтому большинство крестьян и работных людей уже длительное время занятых в промышленности и ставших фактически рабочими, оказывались в той или иной степени связанными со своим прошлым, с социальной средой, из которой они вышли. Это было характерной чертой формирования русского пролетариата, особенно в первые десятилетия после реформы 1861 года.

Пролетариат по своему происхождению связан с мелкобуржуазными группами населения, прежде всего с крестьянством. Эта связь сохранялась и после завершения промышленного переворота, прежде всего потому, что при быстром развитии капитализма и его проникновении самые отдаленные от центра окраины пополнение рабочего класса не могло идти только за счет самих пролетариев. Однако крестьянство как источник пополнения рабочего класса играет далеко не одинаковую роль на разных этапах формирования последнего. На этапе перехода от мануфактуры к фабрике выходцы из деревни включались в состав хотя и занятой в промышленности, но еще не потерявшей до конца полупатриархального облика и лишь постепенно преобразующейся в класс людской массы. В условиях же победы крупной машинной индустрии вновь прибывавшие на фабрики и заводы выходцы из деревни вливались в состав уже сложившегося пролетариата; таким образом, на этом этапе крестьянство выступает уже не как источник формирования пролетариата, а как его резерв. Нужно помнить и то, что крестьянство на этих двух этапах развития пролетариата не является одинаковым, ибо капитализм все более расслаивает его на составные элементы буржуазного общества — сельскую буржуазию и пролетариат.

Следует уточнить, что под разоряющимися крестьянскими массами — термин, которым широко пользуются в литературе по истории рабочего класса,— надо иметь в виду прежде всего тех крестьян, которые у себя на месте, в деревне, до отхода в город или крупную промышленность уже были связаны с мелким товарным производством или работали в мануфактуре. Именно на этот факт обращал внимание В. И. Ленин, когда писал, что развитие домашней работы на капиталистов связано с наличием массового сельского пролетариата и что, в свою очередь, «домашние рабочие составляют едва ли не самую крупную часть нашей «резервной армии» капитализма». Таких рабочих домашней промышленности было минимум около 2 млн. человек [36]. По детальным подсчетам В. И. Ленина, произведенным по ряду источников, к концу XIX в. в России было около 10 млн. наемных рабочих, из них, кроме фабрично-заводских, горных и железнодорожных (около 1,5 млн.), около 3,5 млн. являлись сельскохозяйственными рабочими, около 1 млн.— строительными, около 2 млн.— лесными и др. [37]. Большая часть этих рабочих еще сохраняла связь с землей. Меньшая же, порвавшая с землей, состояла в основном из фабрично-заводских, а также горных и железнодорожных рабочих, известной доли строительных и чернорабочих, а также рабочих капиталистической мануфактуры.

Эти данные говорят о том, что в условиях пореформенной России процесс отрыва наемных рабочих от их прошлого шел интенсивно, но не

---

[36] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 391, 394.
[37] См. там же, стр. 510.

наково во всех отраслях промышленности. Наиболее глубоко он раз-нулся, как и следовало ожидать, в фабрично-заводской, далее в гор- промышленности и, наконец, среди железнодорожников. Именно ди работников этих отраслей прежде всего и сложились рабочие ка-алистического типа, источником жизни которых являлась только про-ка своей рабочей силы. Новый класс — пролетариат, длительное вре-и не одним поколением связанный с трудом в промышленности, в Рос- в основном сложился к 80—90-м годам. Наиболее интенсивно скла-вание пролетариата шло в ведущих отраслях промышленности (ма-ностроительной, металлообрабатывающей, металлургической, тек-льной и некоторых др.) и крупных центрах страны с развитой фаб-но-заводской промышленностью. Как показывают проведенные в 80—х годах обследования промышленности Москвы и некоторых уездов сковской губернии, текстильных фабрик Шуйского и некоторых дру- районов, значительная масса рабочих по своему происхождению ока-ась детьми рабочих, особенно много было потомственных пролета-в среди рабочих младших возрастов [38]. Это свидетельствует о сложе-и постоянных кадров и преемственности фабрично-заводского труда. этом же говорят и сведения о длительности занятий промышленным дом и отрыве от земли. По данным главной фабричной инспекции за 6—1893 гг., охватывающим 763 тыс. рабочих, уход на летние сель-хозяйственные работы в целом был незначителен: он охватывал всего % общего числа рабочих, да и то главным образом предприятий, тех-ически слабо вооруженных (преимущественно пищевкусовой промыш-ности) и расположенных вдали от крупных индустриальных цен-ов [39]. В последующий период, особенно в XX в., значение семей рабо-х как источника пополнения кадров промышленности еще более воз-сло. Наиболее существенной доля семей рабочих как источника рабо-й силы была в механизированных отраслях промышленности, таких, к машиностроительная, металлургическая, электротехническая и неко-рые другие.

Пролетариат в России сложился всего за несколько десятилетий, о было результатом быстрого развития капитализма. Существенное лияние на ускорение процесса формирования пролетариата оказала вы-кая степень концентрации промышленности, особенно возникшей после реформы 1861 года. В противоположном направлении действовало со-анение остатков крепостничества, в данном случае привязанность давляющей части населения — крестьян — к земле и в общем слабая ынутость крестьянских хозяйств в капиталистическое развитие. Это водило к тому, что даже у кадровых рабочих связь с деревней в раз-х формах сохранялась очень длительное время. В. И. Ленин в статье роект программы нашей партии», написанной в конце 1899 г., указы-л: «...мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных аводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там дню, семью, ездят туда» [40]. При этом В. И. Ленин указывал, что тако-рода связь существовала даже у петербургских рабочих, не говоря е об уральских. Однако эта связь с землей была совсем иного типа, жели у мануфактурного рабочего: она не имела решающего значения жизни рабочего и представляла собой пережиточное явление. Фабрич-заводской рабочий всем своим существом, укладом жизни и образом слей был связан с промышленностью, с работой по найму.

---

[38] Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него бе-. М. 1897, стр. 46, 47; «Сборник статистических сведений по Московской губернии. дел санитарной статистики». Т. IV, ч. 1. М. 1890, стр. 283, 285, 287; А. Г. Рашин. омирование промышленного пролетариата в России, стр. 367, 391, 396.

[39] А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих. СПБ. 1906, стр. 100, 101. абочее движение в России в XIX в.». Т. III, ч. 2, стр. 568—679.

[40] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 232.

Проблема возникновения пролетариата в настоящее время, как уже сказано выше, разрабатывается значительным числом историков, в боль шинстве научной молодежью. Важность самой проблемы и необходи мость привлечения нового круга источников, главным образом архивны требуют дальнейшего расширения исследовательской работы, привлеч ния свежих сил и целых научных коллективов. Итогом ее должен бы исследовательский труд, охватывающий проблему возникновения проле тариата во всех ее аспектах и в отношении всех, прежде всего осно ных, отрядов рабочего класса России. Вышедшая недавно вторым изда нием работа А. Г. Рашина, крайне полезная и нужная, не может зам нить такого обобщающего труда. А. Г. Рашин, используя различные пе чатные источники, дает характеристику состава рабочих и процесса об разования кадров рабочей силы, что отнюдь еще не решает проблем возникновения пролетариата как класса капиталистического общества

В решении этой задачи большое значение имеет изучение возникно вения пролетариата в отдельных отраслях промышленности, прежде все го в таких, как текстильная, металлургическая, машиностроительная каменноугольная, где была занята основная масса рабочих, а переход о мануфактуры к фабрике совершался наиболее интенсивно. Этот вопро необходимо выяснить и в отношении крупных промышленных центро где состав пролетариата не был профессионально однороден, но общи условия интенсивного развития капитализма ускоряли процесс сложени пролетариата не только в тяжелой, но и в легкой промышленности. Пре жде всего следует иметь в виду такие центры, как Петербург, где основ ной костяк пролетариата составляли рабочие машиностроительной про мышленности; Москва с ее текстильными рабочими; Нижний Новгород Иваново-Вознесенск, Екатеринбург, Екатеринослав, Рига, Харьков, Ба ку, а также такие районы, как Донбасс, Урал, Центрально-промышлен ный район, Прибалтика, Польша. Эти районы отличались друг от друг многими признаками: временем возникновения промышленности, соста вом и темпами ее развития, численностью и качественной характеристи кой пролетариата. Следует изучать в этом аспекте и другие отрасл промышленности: свеклосахарную, мукомольную, кожевенную и т. п Здесь процесс формирования кадров постоянных рабочих шел сложны путем и более длительно в силу разбросанности предприятий по самы глухим районам страны, сезонного характера работы некоторых из эти отраслей, меньшей технической оснащенности и т. д. Состав рабочи этих отраслей почти никем не рассматривался. Совершенно недостаточ но изучена и мелкая промышленность, являвшаяся переходной ступень к фабрике. Вследствие слабости развития капитализма в целом мелка промышленность была распространена повсеместно, ее значение был особенно велико в тех районах, где отсутствовала крупная промышлен ность. В ней была занята значительная часть населения. Сбор и анали материала о рабочих мелкой промышленности представляет серьезны интерес для исследования проблемы классообразования в масштаба всей России.

Особое внимание следует обратить на изучение тех качественных из менений, которые произошли в составе пролетариата (преемственност фабрично-заводского труда, промышленный стаж рабочих, отрыв о земли и т. д.) в период империалистического развития России. Эта про блема имеет большое значение и тесно связана с вопросом о револю ционном движении пролетариата. Однако до сих пор она еще крайне слабо изучена.

В 80—90-х годах, в начале XX в. были проведены обследования со става рабочих отдельных предприятий, давшие ценный материал [41]. Но

[41] См. Е. М. Дементьев. Указ. соч.; П. А. Песков. Санитарное обследова ние фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. «Труды комиссии... для осмотра фабрик и заводов в г. Москве». М. 1882; «Сборник статистических сведений

ожалению, эти обследования носили спорадический характер и охва-
вали небольшой круг фабрик и заводов. Рассчитывать на то, что в
кивных фондах имеются сводные материалы о составе рабочих по
ей России или хотя бы по отдельным отраслям промышленности, не
иходится. Однако не исключено, что за отдельные годы по некоторым
раслям и предприятиям может быть найден сводный материал [42]. Та-
м образом, базой дальнейшего изучения состава рабочих, не считая
убликованных и хорошо известных материалов, в дальнейшем будут
ужить главным образом архивные фонды отдельных предприятий.
онды эти далеко не полностью сохранились. Кроме того, они крайне
удны для обработки, но, как показывает опыт М. К. Рожковой, изучив-
ей «Личные счета рабочих» и «Рядные» по фондам Трехгорной ману-
актуры за период с 1859 по 1900 г., представляют неоценимый источ-
к для выяснения происхождения рабочих, стажа работы, связи с зем-
й и других важных вопросов.

В работах, вышедших в последнее время, недостаточно обращалось
имания на сбор и анализ материала о продолжительности работы в
омышленности, являющейся важнейшим показателем сложения по-
оянных кадров пролетариата. В известной мере это объясняется мало-
сленностью опубликованных источников, которые дают сведения о
аже работы лишь по отдельным предприятиям Москвы, Петербурга и
которых других городов. Тем более важно широко, на основании тща-
льно разработанной программы исследовать архивные фонды заводов
фабрик; это позволит собрать и свести воедино сведения, которые по-
зали бы на примере разных по своему профилю предприятий картину
менения стажа работы, причем не только за вторую половину XIX в.,
и, что особенно важно, за период империализма.

С развитием капитализма, вызвавшего активную подвижность насе-
ния, на предприятиях усиливается приток рабочих из районов, порой
сьма отдаленных от промышленных центров. На это указал В. И.
енин («Развитие капитализма в России»), им же намечены основные
йоны так называемого «неземледельческого отхода». Имеющиеся в ли-
ратуре сводные данные о «пришлых» в составе рабочих суммарны и
леко не полны. Исследование А. В. Погожева показывает лишь число
удельный вес «пришлых» рабочих, а данные переписи 1897 г. добав-
ют к этому сведения о том, из каких губерний пришли рабочие. Даль-
йшее исследование этого вопроса должно не только уточнить данные
приходе рабочих в различные отрасли промышленности и отдельные
редприятия, но и, главное, показать, какие слои населения служили
сновными «поставщиками» рабочей силы для промышленности.
И. Ленин указывал, что крестьянство дает огромный людской приток
город, на заводы и фабрики, но наряду с этим, хотя и в меньшем объ-
ме, рабочие пополнялись также за счет других слоев населения, в том чи-
е кустарей и ремесленников. Детальная картина этого процесса может
ыть выяснена при изучении опубликованных источников, а также при
ализе списков рабочих фабрично-заводских предприятий. Немало све-

Московской губернии. Отдел санитарной статистики». Т. IV, ч. 1. М. 1890; «Перепись
бочих на одной фабрике в г. Костроме». Доклад Н. И. Воробьева. «Труды подсекции
атистики XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Москве 29.XII.
09—5.1.1910». Чернигов. 1912; А. Н. Чиколев. Опыт исследования по влиянию
водских работ на заболевание и состояние здоровья рабочих. СПБ. 1909; «Материа-
об экономическом положении и профессиональной организации петербургских ра-
чих по металлу». СПБ. 1909, и ряд других изданий.

[42] По указанию главной фабричной инспекции в 1886—1893 гг. на местах был
бран материал о рабочих, который до сих пор не обнаружен. Итоги этого обследо-
ния в части ухода рабочих на летние сельскохозяйственные работы были опублико-
ны А. В. Погожевым. В 1952 г. в приложении ко II тому сборника «Рабочее движе-
е в России в XIX в.» были помещены данные об уходе рабочих на летние сельско-
зяйственные работы по Московскому фабричному округу. Однако первичные мате-
алы, на основании которых была составлена эта сводка, остаются неизвестными.

дений заключено в земских материалах, до сих пор не подвергнутых ра смотрению в этом плане.

На предприятия новых промышленных районов вливались не тольк те, кто в силу разных обстоятельств порывал со своими прошлыми не промышленными занятиями, но и те, которые уже длительное врем были связаны с фабрично-заводским трудом. Известно, что на заводы шахты Донбасса, нефтяные промыслы Баку, на железные дороги и мастерские Средней Азии прибывали рабочие из старых промышленны центров России. Этот процесс изучен слабо, да и то в отношении лиш тех предприятий, о которых в дореволюционное время были опублик ваны соответствующие сведения. Включение рабочих, уже прошедши школу фабрично-заводской жизни, в новые, складывавшиеся отряды пр летариата имело немаловажное значение для формирования пролета ской идеологии, для укрепления пролетарского интернационализма, материалы по этим темам должны быть исследованы во всей полнот

При изучении процесса возникновения и развития рабочего класс одним из важнейших вопросов является вопрос о связи с землей. Соста рабочего класса не оставался неизменным. С одной стороны, ранее пр шедшие в промышленность рабочие все более теряли связь со свои прошлым занятием, становясь кадровыми рабочими, а с другой — ново пополнение, только прибывавшее на заводы из деревни, сохраняло эт связь в полной мере. Вопрос о связи рабочих с землей в общих черта выяснен. Дальнейшее изучение должно показать процесс ослаблени связи рабочих с землей во всем многообразии его форм, а главное — раскрыть это на примере основных отраслей промышленности и дат динамическую картину — от начального этапа сложения пролетариат (60—80-е годы) до заключительного периода существования капитали ма в России.

Начиная примерно с 90-х годов, то есть с момента промышленно подъема, ослабление связи рабочих с землей под влиянием ряда причи пошло более ускоренным темпом. Здесь сказалось воздействие расту щей концентрации промышленности и усилившегося расслоени крестьянства. Особенно серьезным было влияние столыпинской аграрно реформы, одним из результатов которой явилось обезземеливание значи тельных масс крестьянства. Воздействие столыпинской реформы на из менения в составе рабочего класса исследовано очень слабо; в книг С. И. Антоновой, одной из первых и наиболее интересных работ на эт тему, данный вопрос рассматривается лишь применительно к ограничен ному району. Привлечение материала, касающегося бо́льшей территори позволит изучить процесс отрыва рабочих от земли в период империа лизма.

Немало сделано в области изучения формирования национальны отрядов рабочего класса, но это лишь первый опыт, который следуе продолжить.

Возникновение и последующее развитие пролетариата, изменения его составе и численности глубоко связаны с революционной деятел ностью рабочего класса, его борьбой за переход к социалистическому об ществу.

★

Основоположники марксизма-ленинизма, как известно, показали, чт уровень заработной платы и норма эксплуатации в капиталистически странах в значительной степени зависят от борьбы рабочих. «...Макси мум прибыли находит свои границы в физическом минимуме заработно платы и в физическом максимуме рабочего дня. Очевидно, что межд обеими этими границами максимальной нормы прибыли во можно множество вариаций. Фактический уровень ее устанавливаетс

ишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом...»[43]. Обни-
ание рабочих, говорил В. И. Ленин, представляет собой «тенденцию,
оторая превращается в действительность при отсутствии классовой
орьбы пролетариата против этой тенденции, при отсутствии завоеван-
ых рабочим классом законов об охране рабочих»[44]. К. Маркс преду-
реждал, что рабочий класс не должен отказываться от борьбы против
осягательств капитала, иначе он выродится в безразличную массу опу-
гившихся бедняков, но ему также не следует «преувеличивать конеч-
ые результаты этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что
этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий, а не про-
ив причин, порождающих эти следствия; что он лишь задерживает
енденцию, ухудшающую его положение, но не меняет направления этой
енденции...»[45].

Всеобщий закон капиталистического накопления, открытый К. Марксом, действовал и в России. По мере развития капитализма здесь все более углублялась пропасть между растущим богатством буржуазии и нищетой пролетариата. Положение рабочих было невыносимо тяже-
ым, ибо они страдали не только от капитализма, но и от его недоста-
очного развития в силу сохранения многочисленных остатков крепост-
ичества в экономическом и политическом строе страны. Трудящиеся
ыли политически бесправны, демократические свободы в России до
еволюции 1905 — 1907 гг. полностью отсутствовали. Борьба рабочих
ротив капиталистов наталкивалась не только на соединенные усилия
уржуазии, но и на самодержавный строй. Как известно, стачки в России
ыли запрещены законом, участие в них каралось уголовным наказа-
ием, профсоюзы стали возникать только с 1905 г., когда рабочие силой
ырвали эту уступку у царизма.

Особенно сильно влияло на положение рабочих сохранение отрабо-
очной системы в сельском хозяйстве и наличие аграрного перенасе-
ения. Они оказывали давление на уровень заработной платы. Капита-
исты, используя эти факторы, увеличивали норму эксплуатации и сни-
кали заработную плату. В одном из своих докладов царю министр
инансов Витте цинично заявлял, что «невысокая заработная плата
вляется для русской предприимчивости счастливым даром, дополняю-
им богатства русской природы»[46]. Рабочие своей героической и
неустанной борьбой добились введения фабрично-заводского законода-
ельства, регулировавшего величину рабочего дня, ограничивавшего
рименение женского и детского труда, вводившего мероприятия по
трахованию от увечий, охране труда и т. д. Однако в силу общего по-
итического положения в стране эти завоевания, не подкрепленные
емократическими свободами и правами рабочих, были непрочны; к
тому же осуществление их всецело зависело от полицейско-бюрократи-
еского аппарата. Норм, регулирующих величину заработной платы, не
было. Правда, рабочие ценой больших усилий и длительной борьбы,
особенно в благоприятные конъюнктурные моменты (промышленные
одъемы), добивались повышения уровня номинальной заработной
латы, но эти успехи были относительны и ничтожны по своим разме-
ам. При изменении условий (промышленные кризисы, неурожаи и мас-
овые голодовки крестьян, гнавшие в город толпы измученных, забитых
юдей, готовых за мизерную цену продать свою рабочую силу) буржуа-
ия стремилась любыми способами отнять у рабочих их завоевания. Уро-
ень заработной платы в русской промышленности в целом был невы-
ок и считался одним из наиболее низких в Европе.

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М. 1952, стр. 403
[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 213.
[45] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 406.
[46] Цит. по тексту, опубликованному в журнале «Историк-марксист», 1935, № 2—3, тр. 134.

В России, как и во всех капиталистических странах, сокращение рабочего дня и увеличение номинальной заработной платы сопровождалось растущей интенсификацией труда. При этом рост интенсификации труда происходил в таких размерах, которые сводили на нет выгоды рабочих от уменьшения длины рабочего дня. Более того, в конечном итоге оказывалось, что степень эксплуатации рабочих не только не уменьшалась, но даже возрастала. При этом «заработки рабочих, *даже* при самой упорной и *наиболее* удачной для рабочих стачечной борьбе растут гораздо медленнее, чем повышаются необходимые расходы рабочей силы»[47]. А это означает, что рабочий нищает не только относительно, но и абсолютно. К сожалению, мы не располагаем сопоставимыми данными за разные годы, которые позволили бы проследить рост эксплуатации рабочего класса в дореволюционной России. Но насколько далеко зашел этот процесс, показывают, в частности, данные обследования 1908 г., использованные В. И. Лениным в статье «Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России». Они говорят о том, что в России каждый рабочий при средней величине годовой заработной платы в 246 руб. приносил прибыль, равную 252 рублям. Иначе говоря, норма эксплуатации 2¼ млн. рабочих, охваченных обследованием, превышала 100%[48]. Низкий уровень заработной платы в России сочетался с широко применяемой системой штрафов, прикреплением рабочих к фабричным лавкам, продукты в которых продавались по завышенным ценам, и т. п.

Заработная плата, длина рабочего дня, интенсификация труда — важнейшие, но далеко не единственные показатели степени эксплуатации рабочего класса, его положения в эпоху капитализма. Советские историки и экономисты создали ряд ценных исследований, в которых рассматриваются отдельные узловые вопросы данной темы. Большая часть их посвящена изучению величины и динамики заработной платы[49]. Хронологические рамки большинства этих работ не выходят за пределы периода империализма. Это объясняется состоянием источников. Если при характеристике данного вопроса применительно к империализму мы располагаем «Сводами отчетов фабричных инспекторов», официальными и профсоюзными статистическими изданиями, материалами обследований, относительно большим количеством книг и статей научного и публицистического характера, вышедших в дореволюционные годы, то по периоду промышленного капитализма, особенно его первых трех десятилетий, круг печатных источников и работ резко сужается. В подобном положении находятся и исследователи, занимающиеся изучением жилищных условий, питания рабочих, условий труда и многих других факторов материального положения рабочих[50]. Рассчитывать на наличие ве

---

[47] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 405.

[48] См. там же, стр. 232—233.

[49] С. Г. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М. 1923; В. Лаврентьев. Заработная плата в России прежде и теперь (при капитализме и диктатуре пролетариата). Харьков. 1925; М. К. Рожкова. Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры в 1892—1913 гг. (Материалы). «Из истории рабочего класса и революционного движения. Сборник статей памяти А. М. Панкратовой»; М. И. Гильберт. Движение заработков рабочих в конце XIX в. Там же; «Наемный труд в России». М. 1927; А. Г. Рашин. Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России за 1884—1913 годы. «Вопросы экономики, планирования и статистики. Сборник статей. К 80-летию С. Г. Струмилина». М. 1957, и другие.

[50] К немногочисленным работам, посвященным этим вопросам, относятся: Д. Бузин. Жилищные условия рабочего класса в дореволюционной России и в СССР. «Проблемы экономики», 1938, № 4; С. Богословский. Общая болезненность фабричных рабочих Московской губернии. «Вестник статистики», 1921, №№ 1—4, 5—8; Н. Свавицкий. Питание московских рабочих во время войны. «Вестник статистики», 1920, №№ 9—12; 1921, №№ 1—4; Е. Кабо. Питание русского рабочего до и после войны. М. 1926; Л. М. Клейнборт. История безработицы в России. 1857—1919. М. 1925.

рхивах материалов обобщающего характера тоже не приходится: фон-
ы фабричной инспекции, главного и губернских по фабричным делам
рисутствий распылены и находятся (особенно за 80—90-е годы) в пло-
ом состоянии. Встает задача организации планомерной и постепенно
асширяющейся работы исследователей по охвату всех основных архи-
охранилищ с целью выявления и публикации данных о положении ра-
очих. При изучении вопроса о заработной плате важно проследить
е динамику (от одного промышленного цикла к другому, от периода
одъема революционного движения к его спаду и т. д.), формы, их
волюцию и соотношение на различных этапах развития капитализма,
айонные, отраслевые, национальные различия в заработках рабочих.

Исследование динамики реальной заработной платы наталкивается
а ряд трудностей, прежде всего на слабую разработанность статистики
ен. Как правильно отметил В. К. Яцунский, не располагая материалами
о истории цен, мы не в состоянии изучать динамику важнейших со-
иальных явлений: заработной платы, тяжести налогового обложения
т. д.[51]. Материалы по статистике цен, которые находятся в распоря-
кении исследователя в настоящее время, удовлетворяют далеко не все
го запросы. Материальный и культурный уровень жизни рабочих полу-
ает наиболее полное и яркое выражение в их бюджетах. К сожалению,
се бюджетные обследования рабочих в дореволюционной России от-
осятся к позднему и очень короткому периоду — к 1907 — 1913 годам.
Их результаты обобщены в дореволюционных и советских[52] изданиях.
Однако, как показывают первые, самые поверхностные поиски новых
анных, в архивах, в приложениях к отдельным отчетам фабричных ин-
пекторов могут быть найдены материалы пусть не массовых, но все же
ипичных бюджетных обследований рабочих некоторых предприятий и
естностей в конце XIX века. Их можно дополнить данными обследова-
ий питания рабочих, которые проводились в России еще в 70—80-х го-
ах, и другими материалами. Не приходится доказывать важность
зучения такого вопроса, как рабочий день в промышленности дорево-
юционной России. К сожалению, за последние годы в этой области не
делано почти ничего нового.

Необходимо пополнить свежими, оригинальными исследованиями и
итературу о фабрично-трудовом законодательстве и фабричной инспек-
ции в России[53]. Большинство книг, статей, диссертаций, в той или иной
степени посвященных изучению вопроса о положении рабочего класса в
России, рассматривает этот вопрос на материале отдельных предприя-
тий, промышленных центров, районов, в том числе и национальных[54].

---

[51] См. В. К. Яцунский. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки, «История СССР», 1959, № 3, стр. 28.

[52] В. Овсянников. Довоенные бюджеты русских рабочих. «Статистика труда», 1925, № 5; «Условия быта рабочих в дореволюционной России (по данным бюджетных обследований)». М. 1958.

[53] И. И. Шелымагин. Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX в.). М. 1947; его же. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900—1917. М. 1952.

[54] Помимо специальных глав и разделов в многотомниках по истории Москвы и Ленинграда, очерках по истории союзных республик, в трудах по рабочему движению, истории отдельных фабрик и заводов, а также диссертаций можно назвать следующие работы: А. А. Нестеренко. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М. 1954; И. А. Бакланова. Рабочие-удостроители России в XIX веке. М.-Л. 1959; С. М. Лапицкая. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М. 1935; В. В. Покшишевский. Положение бакинского пролетариата накануне революции (1914—1917). Баку. 1927; И. Л. Болясный. Положение рабочих Екатеринославской губернии накануне первой мировой империалистической войны. «Научные записки» Днепропетровского государственного университета. Т. 40. Сборник работ исторического факультета. Вып. 1-й, 1951; А. И. Воронова. Положение рабочего класса Белоруссии в конце XIX — начале XX века. «Труды» Института истории АН БССР. Вып. 3-й, 1958; О. А. Парасунько. Допитання про становище робітників кам'яновугільної промисловості України в період промислового

Положительно оценивая многие из названных работ, нельзя не отметить, что ряд статей и особенно кандидатских диссертаций носит описательный характер. Это сказывается и в узости документальной базы этих работ и в отсутствии новых данных, полученных в результате кропотливой обработки опубликованных и архивных источников, и в стремлении уйти от сложных, требующих теоретического осмысливания вопросов. Не хватает основного — аналитической оценки материала на основе марксовой теории об абсолютном и относительном обнищании пролетариата. Речь идет об изучении методов, характера, форм эксплуатации рабочего класса на различных этапах капиталистической эволюции России, речь идет об изучении форм и методов капиталистической эксплуатации в стране с полуфеодальным политическим строем и полукрепостническими производственными отношениями в деревне.

Решение этих вопросов и создание фундаментального марксистского труда о положении рабочего класса — важнейшая задача советских историков, ибо «положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности...» [55].

★

Рабочее движение проходит определенные этапы, прежде чем оно принимает характер политической борьбы класса. «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих,— указывал К. Маркс.— Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазах, эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая» [56]. Таким образом, Маркс различает два этапа в истории революционной борьбы пролетариата. На первом этапе, когда в результате экономического развития пролетариат складывается по своему жизненному положению и месту в буржуазном обществе в особый класс и выступает как противодействующая сила по отношению к буржуазии, борьба рабочих на почве защиты от наступления капитала на их экономический уровень жизни еще не выходит за рамки повседневных нужд. На втором этапе, осознав на основании собственного опыта свои исторические задачи, пролетариат превращается из «класса в себе» в «класс для себя», и его борьба направлена уже не против последствий господства капитала, а против самого капиталистического способа производства. «Только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои классовые задачи» [57],— писал В. И. Ленин.

Переход от первого ко второму этапу, от борьбы тред-юнионистской, ограничивающейся насущными задачами дня, к борьбе политической, за социалистические цели, является результатом длительного развития, завершающегося соединением социализма с рабочим движением. Этот процесс не автоматический, не стихийный, он был результатом длительной борьбы с враждебными рабочему классу силами, с разлагающим влиянием буржуазного либерализма и оппортунизма внутри самого пролетарского движения. «Нигде в мире пролетарское движение не рождалось и не могло родиться «сразу», в чистом классовом виде, явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера,—писал В. И. Ленин.—

капіталізму. «Вісник АН УРСР», 1959, № 2; И. Ф. Угаров. Положение рабочего класса Москвы накануне первой русской революции. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 9, 1957, и другие.

[55] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 238

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 183.

[57] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 43.

ишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, ех сознательных рабочих давалось выделение и упрочение пролетарско- классового движения из всяческих мелкобуржуазных примесей, огра- чений, узостей, извращений»[58]. Эта принципиальная схема истории волюционной борьбы пролетариата в условиях каждой страны при- мает свои конкретные формы. В. И. Ленин, изучив историю рабочего асса России, наметил основные этапы развития пролетариата и рас- ыл их содержание. Он исходил из того, что «для сознательных рабочих т важнее задачи, как задача п о з н а т ь движение своего класса, его щность, его цели и задачи, его условия и практические формы»[59].

Рабочее движение России возникло еще в крепостной период и до орой половины 90-х годов носило стихийный характер, не выходя в елом за рамки повседневных интересов отдельных групп рабочих. Это ыл тот этап рабочего движения, когда пролетариат еще не сложился в асс «для себя». Однако рабочее движение за это время сделало зна- ительный шаг вперед, и его можно подразделить по степени организо- анности и роста сознания на несколько этапов: рабочее движение кре- остного периода, 60—70-х годов, 80-х и начала 90-х годов.

Рабочее движение крепостного периода носило неосознанный харак- ер, принимая порой разрушительные формы. Стачки 60—70-х годов от- ичались несколько большей организованностью, но они по-прежнему ыли стихийны и имели оборонительный характер. В. И. Ленин опреде- ял их как стачки стихийные, «бунты»[60]. Они возникали, как правило, а почве протеста против тяжелых условий работы и нищенской оплаты руда. Складывание пролетариата, которое приходится на эти годы, и бострение социальных противоречий постепенно придавали рабочему вижению наступательный характер. Первые крупные забастовки на евской бумагопрядильне (1870 г.), Кренгольмской мануфактуре 1872 г.) и некоторых других предприятиях уже выделялись из общей ассы стачек большей организованностью и сознательностью. В конце 0-х годов прокатилась новая волна рабочих выступлений (1878 г.— тачка рабочих Новой бумагопрядильни, 1879 г.— стачка на том же пред- риятии, выступления на фабриках Шау, Чешера, Мальцева и др.). Сре- и передовых рабочих пробуждается тяга к политической борьбе, о чем видетельствует возникновение в 1875 г. «Южнороссийского союза рабо- их», а через три года — «Северного союза русских рабочих». Стачки 0-х годов при всей общности с движением предыдущего этапа отлича- ись рядом новых черт. Значительно возросла организованность рабочих, амного увеличилось количество стачек и число участвовавших в них ра- очих; стачки охватывали не только центр, но и многие другие районы траны. Они принимали все более наступательный характер.

Как и до этого, рабочее и социал-демократическое движение суще- твовало раздельно, хотя в 1883 г. начала свою деятельность группа Освобождение труда». «1885 год — широкие стачки с ничтожным уча- тием совершенно единичных, не сплоченных никакой организацией, со- иалистов»[61]. Наиболее крупным выступлением рабочих в этот период ыла стачка на Никольской мануфактуре (1885 г.), оказавшая серьезное лияние на подъем рабочего движения по всей стране. Она впервые от- етливо противопоставила рабочих как класс буржуазии, заставив са- одержавие и капиталистов заговорить о «рабочем вопросе» и пойти а издание закона о штрафах. В. И. Ленин подчеркивал, что эта стачка оказывает, «какая громадная сила заключается в соединенном проте- е рабочих»[62].

[58] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 230.
[59] Там же, стр. 355.
[60] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 346.
[61] В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 118.
[62] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 25.

В 90-х годах рабочее движение сделало значительный шаг вперед, о чем свидетельствует не только возросший размах движения и вовлечение в борьбу новых слоев пролетариата. Стачки, хотя в своей основе еще продолжали быть стихийными, уже, как говорил В. И. Ленин, «показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д.» [63]. Разъясняя значение рабочего движения 60—70-х и 90-х годов, В. И. Ленин указывал как на общие, так и на отличительные черты стачек этих лет: «Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки». И далее, говоря о стачках 90-х годов, В. И. Ленин отмечал: «Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического. В этом смысле, стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным» [64].

В истории пролетариата России стачкам 90-х годов принадлежит исключительно важное место. Они сыграли решающую роль в пробуждении рабочих к сознательной и организованной борьбе. Именно с середины 90-х годов в России начинается пролетарский этап в освободительном движении, характеризующийся не только преобладанием представителей рабочего класса в армии революционных борцов, но и выдвижением пролетариатом политических требований. Опровергая «экономистов», отрицавших политическую зрелость русских рабочих, В. И. Ленин писал в 1899 г.: «Русский рабочий в массе не только созрел для политической борьбы, но уже много раз проявлял свою зрелость и много раз совершал акты политической борьбы и притом нередко совершал их стихийно» [65]. Под политической зрелостью рабочих В. И. Ленин подразумевал их участие в распространении воззваний, в освобождении арестованных товарищей, борьбу с полицией и другие подобные факты.

Именно в эти годы и встретились, с одной стороны, стихийно поднимавшееся рабочее движение и, с другой, вооруженная марксизмом социал-демократическая организация. В середине 90-х годов рабочее движение в Петербурге приняло массовый характер, охватив почти все наиболее крупные предприятия. Тогда же по инициативе В. И. Ленина на базе существовавших пропагандистских кружков был создан Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который представлял собою зачаток социал-демократической партии. Ленинский «Союз» впервые в России перешел к массовой политической агитации. Его примеру последовали «Союзы», возникшие в Москве, Киеве, Екатеринославе и других городах. «Только агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 гг. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением» [66]. Соединение рабочего движения с социализмом в России произошло до буржуазно-демократической революции и в сравнительно короткий срок. Это объясняется рядом причин, в том числе особой остротой социально-экономических противоречий, особенностями развития капитализма и рабочего класса. Победе марксизма в рабочем движении способствовала высокая степень концентрации пролетариата на крупных промышленных предприятиях, а также отсутствие сколько-нибудь широкой прослойки рабочей аристократии.

[63] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 347.
[64] Там же.
[65] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 266.
[66] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 255.

История пролетариата и революционного движения этого периода привлекает большое внимание исследователей. В упомянутых выше предисловиях к сборникам документов о рабочем движении XIX в., написанных А. М. Панкратовой, впервые с марксистской точки зрения рассматривается процесс развития стачечной борьбы за период с 1800 по 1894 год. Интересна статья Ю. З. Полевого об особенностях рабочего движения в России 60—80-х годов [67]. В 1957 г. вышла брошюра А. С. Тримова «Рабочее движение в России. 1861—1894 гг.». Можно назвать много других книг, статей и кандидатских диссертаций, посвященных разработке отдельных вопросов истории революционного рабочего движения в России второй половины XIX века. Однако в большинстве этих работ вопросы истории пролетариата ставятся применительно к отдельным географическим районам и центрам [68]. В меньшей степени эти проблемы решаются на материале всей России. Все еще не изучен переломный этап в истории пролетариата России — вторая половина 90-х годов, за исключением вопросов, связанных с возникновением и деятельностью Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» [69].

Начавшийся со второй половины 90-х годов новый этап в истории пролетариата теснейшим образом связан с историей партии и борьбой против оппортунизма внутри рабочего движения. В. И. Ленин писал в 1914 г.: «Что передовые рабочие России каждый раз участвовали в этой борьбе и становились на сторону «искровцев» против «экономистов»,— на сторону большевиков против меньшевиков... наконец, на сторону «правдизма» против ликвидаторства,— это исторический факт» [70]. Этот этап истории рабочего класса, особенно период первой русской революции, изучается сравнительно интенсивно. Однако, как и при изучении первого этапа истории пролетариата, основное внимание историков сосредоточено на рассмотрении революционного движения рабочих отдельных местностей [71]. Вместе с тем накопленный опыт и доступность

---

[67] Ю. З. Полевой. Исторические особенности начального периода русского рабочего движения. «Вестник АН СССР». 1950, № 8.

[68] И. Никитин. Первые рабочие союзы и социал-демократические организации России (70—80-е годы XIX в.). М. 1952; Н. Пухлов. Начало рабочего движения в Польше (70—80-е годы XIX в.). «Вопросы истории», 1951, № 12; К. С. Василенко. Московский «Рабочий союз». М. 1957; А. А. Дризул. Из истории революционного движения 70—80-х годов XIX в. в Латвии. «Исторические записки». Т. 45, 1954; Л. С. Рослова. Первые массовые политические выступления петербургских рабочих. «Вопросы истории», 1956, № 2; С. С. Скробот. Стачечная борьба петербургских рабочих в 1891—1895 гг. «История СССР», 1958, № 6; Н. А. Чахвашвили. Рабочее движение в Грузии (1870—1904 гг.). Тбилиси. 1958, и другие.

[69] А. М. Панкратова. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Саратов. 1940; И. В. Никитин. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». М. 1950; Э. А. Корольчук. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». М. 1940; Ю. З. Полевой. В. И. Ленин и московская организация большевиков в период ее возникновения. «Вестник АН СССР», 1947, № 9; І. Іванов-Потьомкін. Катеринославський «Союз боротьби за визволення робітничого класу». Київ. 1949; І. І. Шевченко. Із історії соціал-демократичних організацій на Україні (Київський «Союз боротьби за визволення робітничого класу»). Київ. 1956, и другие.

[70] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 452.

[71] По периоду революционного кризиса начала XX в. см.: М. Д. Розанов. Геройческая «Обуховская оборона». Л. 1941; А. Т. Вещиков. Ростовская стачка 1902 года. «Вопросы истории», 1952, № 11; Л. Майрановский. Батумская демонстрация 1902 г. 50 лет. 1902—1952. М. 1952; А. Н. Гулиев. Славная победа бакинского пролетариата. (К 50-летию декабрьской забастовки в Баку в 1904 г.) Баку. 1955; И. В. Бортников. Июльские дни 1903 г. на Юге России. Одесса. 1953; Г. А. Парасунько. Массовая политическая забастовка в Киеве в 1903 г. Киев. 1953; О. А. Варенцова. «Северный рабочий союз» и Северный комитет РСДРП. Иваново. 1948; П. С. Гусятников. Назревание революционного кризиса в России в начале XX века. М. 1959, и другие.

По периоду революционного движения 1907—1914 гг. см.: О. А. Варенцова. Стачки и демонстрации 1912—1914 гг. М. 1933; С. Бланк. Большевистские организации и рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе в 1912—1914 годах. «Во-

архивных материалов позволяют начать комплексное изучение всех вопросов истории рабочего класса (численность и состав рабочих, его положение, революционная борьба, идеология, рабочие организации, профсоюзы и т. д.) начиная со второй половины 90-х годов до Февральской революции включительно.

Активно продолжая исследование первой русской революции, необходимо в первую очередь в плане обобщения накопленного материала по коренным и некоторым слабо изученным вопросам (Советы рабочих депутатов, рабочее движение в 1906—1907 гг. и т. д.) усилить разработку истории пролетариата за последующие годы, крайне слабо в сравнении с другими этапами изученной: периода столыпинской реакции и нового революционного подъема, первой мировой войны и второй буржуазно-демократической революции. Перед историками пролетариата периода империализма стоит ряд кардинальных проблем. Одной из важнейших является проблема гегемонии пролетариата, укрепления его союза с крестьянством. Весьма слабо изучена проблема революционного сознания, формирования идеологии рабочего класса. История формирования классовой идеологии пролетариата тесным образом связана с историей социалистической мысли и социал-демократической партии. Социалистическое сознание рабочих выработалось не сразу, а в процессе длительного развития, по мере того, как рабочие стали приходить к пониманию связи их положения в капиталистическом обществе с устройством этого общества, к пониманию коренной противоположности интересов пролетариата и буржуазии, к усвоению того, что государство и его аппарат есть орган господствующих классов. «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему т о л ь к о и з в н е, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений в с е х классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между в с е м и классами»[72].

Проблема классового сознания пролетариата тесно связана с изменением состава рабочих, происходившим в силу постоянного прилива выходцев из других слоев населения, которые приносили с собою чуждую, мелкобуржуазную идеологию. В России, с ее мелкобуржуазным большинством населения, это проявлялось с особой силой. Наиболее отчетливо влияние чуждой пролетариату идеологии сказывалось в период Февральской революции, так как в годы мировой войны изменился со-

просы истории», 1956, № 3; А. И. П а р у с о в. К истории рабочего движения в Нижегородской губернии в период нового революционного подъема перед первой мировой империалистической войной (1912—1914). «Труды» Горьковского государственного педагогического института. Вып. 13, 1950; П. А. Л а в р о в. Рабочее движение на Украине в 1913—1914 гг. Киев. 1957; Ю. Н. Н е т е с и н. Рабочее движение в Риге в период столыпинской реакции. Рига. 1958; Г. А. А р у т ю н о в. Рабочее движение в Закавказье в 1912—1913 гг. «Известия» АН Армянской ССР. Общественные науки, 1959, № 4. М. А. К а з и е в. Из истории революционной борьбы бакинского пролетариата (1905—1910 гг.). Баку. 1956; Л. И. Л е с к о в а. Годы подъема. Рабочий класс Южного Урала в период подъема рабочего движения (1910—1914 гг.). Челябинск. 1958; Б. Ф р е й д л и н. Массовое рабочее движение накануне империалистической войны. «История пролетариата СССР». 1934, № 2; М. Л. Л у р ь е. Июльские баррикады 1914 года. Л. 1939, несколько работ, посвященных Ленским событиям 1912 г., и другие.

По периоду первой мировой войны и Февральской революции см.: И. М е н и ц к и й. Революционное движение военных годов (1914—1917). Т. 1—2. М. 1924—1925; М. Г. Ф л е е р. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. 1926; е г о ж е. Рабочий класс в годы империалистической войны и Февральской революции. «Очерки истории пролетариата СССР». М. 1931; Л. Р. Н и к и ф о р о в а. Всеобщая забастовка шахтеров Горловско-Щербиновского района в апреле — мае 1916 г. «Сборник Государственного исторического музея революции СССР». Т. I. М. 1947; В. Я. Л а в е р ы ч е в. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны (1914— февраль 1917 гг.). М. 1957; И. И. М и н ц. Революционная борьба пролетариата России в 1914—1916 годах. «Вопросы истории», 1959, №№ 11, 12 и другие.

[72] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 5, стр. 392

тав рабочих за счет хлынувших в промышленность мелкобуржуазных рупп населения. Следует отметить еще одно важное обстоятельство. ак указывал В. И. Ленин, в России, исключая в известной мере Поль-у, не было буржуазных партий, опиравшихся хоть отчасти на проле-ариат[73]. Это объясняется рядом особенностей исторического и полити-еского развития страны. Безусловно, и русская буржуазия, используя редства демагогии, обмана, подкупа, идеологического воздействия, мог-а бы отколоть от социал-демократии и повести за собой часть проле-ариата, но в тогдашней обстановке в России у нее не было «такой на-обности опираться на народ (как в Европе и в Польше); ей достаточно ока опираться на привилегии, на подкуп, на грубую силу»[74]. И другое. ервая русская революция, буржуазно-демократическая по своему ха-актеру, показала, что буржуазия является силой контрреволюционной, раждебной народу. «Буржуазия не может прямо влиять на рабочих современной России. Пятый год сделал то, что рабочие издеваются над уржуазией и ее либерализмом»[75].

Одним из острых и часто применяемых рабочими средств борьбы вляются стачки. По определению Ф. Энгельса, стачки — школа войны, этом их значение. В. И. Ленин конкретно показал на примере русского абочего движения характер стачек, их формы, раскрыл своеобразие очетания политических и экономических стачек и т. д. Продолжая эту аботу В. И. Ленина, советским исследователям необходимо произвести олный подсчет числа стачек и количества участвовавших в них рабо-их и т. д. Число стачек и волнений за период с 1861 по 1894 г. подсчи-ано А. М. Панкратовой[76]. Хотя эти подсчеты и не включают сведений количестве забастовщиков, формах стачек и т. д., тем не менее они значительно расширили наше представление о размахе рабочего движе-ия во второй половине XIX века. При изучении стачечного движения 894—1913 гг. обычно пользуются материалами фабричной инспекции, содержащими довольно подробные сведения о стачках на предприятиях фабрично-заводской промышленности. Статистика стачек на предприя-иях горной промышленности и на железнодорожном транспорте, к со-алению, отсутствует. Однако известно, что на долю горнорабочих и железнодорожников, по численности лишь немногим уступавших рабо-им фабрично-заводской промышленности, приходилась значительная часть общего числа забастовщиков и основная масса участников поли-ических стачек. Подсчеты числа стачечников среди рабочих горной про-мышленности и железнодорожного транспорта в силу отсутствия свод-ых материалов[77] очень затруднительны, но, как показывает опыт А. С. Амальрика, вполне возможны[78].

Изучая рабочее движение во всех областях промышленности, важно вместе с тем исследовать борьбу отдельных групп пролетариата, участие которых в рабочем движении на разных этапах было неодинаковым. Как известно, в 60—90-х годах наиболее активно участвовали в движении екстильщики, а начиная с первых лет XX в.— металлисты. Текстильщи-и и металлисты различались между собой не только по степени и ха-актеру участия в революционном движении, но также и по своему по-ложению, составу и т. д. Между тем эти наиболее крупные отряды про-летариата по-настоящему не изучены. Вышедшая в 20-х годах работа

[73] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 45.

[74] Там же, стр. 46

[75] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 202.

[76] См. «Рабочее движение в России в XIX в.». Т. II, ч. 1, стр. 35, 45; т. III, ч. 1, тр. 72, 79.

[77] Горная инспекция не публиковала данные о стачках, которые, возможно, со-ранились в фондах Горного департамента.

[78] А. С. Амальрик. К вопросу о численности и географическом размещении тачечников в Европейской России в 1905 г. «Исторические записки». Т. 52, 1955, стр. 173.

Ю. Гессена «История горнорабочих СССР»[79] не меняет общей оценки дела исследования истории отдельных отрядов пролетариата.

Рабочее движение развивалось в неразрывной связи с деятельностью партии, профсоюзов и других организаций рабочего класса. Но если история партии интенсивно разрабатывается значительным кругом историков, то этого нельзя сказать об истории профессиональных союзов. Профсоюзы в России возникли в период революции 1905—1907 гг., когда рабочее движение уже приняло огромный размах, когда существовала и развивала свою деятельность партия — высшая форма классовой организации рабочего класса,— но, несмотря на это и на сравнительно краткий срок своего существования, они сыграли определенную роль в истории пролетариата. Профсоюзы в своей деятельности затрагивали интересы широких масс рабочего класса. Их история есть часть истории рабочего класса. Однако литература о профсоюзах крайне бедна, и до сих пор мы не имеем сводной марксистской работы по истории профессионального движения в дореволюционной России[80].

Рабочее движение в России протекало не изолированно от революционного движения на Западе. Наоборот, оно было тесно связано с ним. Начало рабочего движения в нашей стране относится к тому периоду, когда в передовых капиталистических странах в рабочем движении победил марксизм. Это оказало существенное влияние на развитие пролетарского движения и складывание социал-демократии в России. Под влиянием ряда условий Россия постепенно выдвинулась как центр международного революционного движения. Мужественная борьба трудящихся России во главе с героическим пролетариатом и его партией стала оказывать громадное воздействие на развитие революционной борьбы в странах всего мира. Тема о международных связях рабочего движения в России, получившая раскрытие в трудах В. И. Ленина, также является составной частью истории пролетариата[81].

Проблема истории пролетариата многогранна; мы пытались наметить лишь основные ее аспекты и наиболее важные, первоочередные задачи в деле изучения истории героического рабочего класса России. Перед историками пролетариата стоят очень сложные задачи, требующие согласованных усилий большого квалифицированного коллектива работников высших школ и научно-исследовательских институтов.

---

[79] I том вышел в 1926 г., а II (посвященный второй половине XIX в.) — в 1929 году.

[80] Кроме изданных в 20—30-х годах, можно назвать следующие работы: И. Берхин. Луганский профсоюз металлистов. М. 1947; Ю. Бибиков, В. Малышкин, Е. Шалаева. Профсоюзы Петрограда до Великой Октябрьской социалистической революции (1907—1917 гг.). М. 1957; И. А. Ильиных. Возникновение и развитие профессиональных союзов в период первой русской революции 1905—1907 гг. М. 1947; З. И. Ибрагимов. Союз нефтепромышленных рабочих в период столыпинской реакции. «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), 1946, № 3; Ф. А. Романов. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 — февраль 1917 гг.). М. 1949; его же. Возникновение и деятельность профсоюза текстильщиков (1905—1907 гг.). М. 1955; А. П. Базиянц. Возникновение и деятельность Союза нефтепромышленных рабочих (1905—1908 гг.). М 1955; Н В. Кузнецов. Партия и профсоюзы в годы реакции (1907—1910 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4; И. К. Гохберг. Рабочее и профессиональное движение в России в период столыпинской реакции (1908—1912 гг.). М. 1947, и другие.

[81] Существующая литература о связи международного и русского рабочего движения немногочисленна: А. Л Сидоров. К вопросу о перемещении центра международного рабочего движения в Россию. «Вопросы истории», 1954, № 6; Сборник «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение». Ч. I—II. М. 1955—1956; И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию. «Из истории социально-политических идей. Сборник статей. К 75-летию академика В. П. Волгина». М. 1955; Б. Чагин. Перемещение центра мирового революционного движения в Россию и первая русская революция. «Коммунист», 1955, № 3, и другие.

ПРИМЕНЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИИ

Б. А. Колчин, А. Л. Монгайт

Важнейший раздел археологии — первобытная археология — возник сравнительно недавно, немногим более ста лет назад. Ее пионерами являлись не собственно археологи, а представители естественных наук, и ее развитие было теснейшим образом связано с достижениями биологии нового времени, с развитием эволюционной теории. Антропологи и геологи добывали и изучали материал для истории происхождения человека и начальных этапов существования человеческого общества. Были попытки механически перенести положения эволюционной теории на общественное развитие. Долгое время оставался нерешенным вопрос о том, к разряду каких наук — общественных или естественных — отнести археологию. В некоторых зарубежных странах по традиции и поныне статьи по первобытной археологии публикуются в естественнонаучных журналах. И все же в наши дни лишь немногие сомневаются в том, что археология является отраслью исторической науки и относится к разряду гуманитарных наук. На первый взгляд может показаться парадоксальной сама по себе постановка вопроса о применении методов естественных наук в одной из отраслей исторической науки. Между тем традиционные связи археологии с естественными науками никогда не порывались, а в последнее время в связи с успехами естественных наук возросли возможности использования их методов в археологии.

Своеобразие исторических источников, которыми пользуются археологи, требует особых методов их изучения. Вещественные источники — сооружения и предметы, служившие людям в прошлом, изготовленные в разное время, на разных территориях, из различных материалов, должны быть классифицированы по их форме и назначению, по технологии изготовления, датированы, и только тогда можно раскрыть историю производительных сил, а иногда и социальную историю тех или иных племен и народов, оставивших нам этот вещественный источник.

Для открытия и исследования археологических памятников, для изучения находок археологи в настоящее время применяют более 40 отдельных методов естественных и технических наук. Некоторые из этих методов уже завоевали прочное место в археологии, другие применяются еще в порядке эксперимента. Нет необходимости перечислять и характеризовать здесь все методы, остановимся лишь на применении важнейших в связи с решением тех или иных вопросов.

Одна из наиболее сложных проблем, стоящих перед археологами,— это датировка. Даже для эпох, когда уже существовала письменность, часто бывает трудно установить, в какой период возникло или погибло найденное в раскопках поселение, когда изготовлена та или иная вещь. Но археологи имеют дело с гигантским отрезком истории человечества, когда письменности еще не существовало, и здесь с хронологией дело обстоит сложнее. Довольно хорошо разработаны методы относительной хронологизации. Пользуясь стратиграфическим и формально-типологическим методами, археолог может почти безошибочно отнести то или

иное явление к эпохе палеолита или неолита, к бронзовому или раннему железному веку. Но очень трудно установить абсолютные даты. Одинаковые или сходные исторические процессы протекали в различных частях земного шара в разное время. Каменный топор, которым европейцы пользовались в III тысячелетии до н. э., а египтяне в VI тысячелетии до н. э., у тасманийцев был в употреблении в XVIII в. нашей эры.

Для эпохи палеолита археологические даты устанавливаются в связи с историей земли, определяются на основе данных геологии, палеоклиматологии, и пределы их «точности» растягиваются на тысячи или даже десятки тысяч лет. Большей точности удалось достигнуть при датировке культур эпохи неолита и бронзы. Например, культуры энеолита и эпохи бронзы в Европе увязывались с установленной А. Эвансом эгейской абсолютной хронологией. По отдельным предметам импорта европейский неолит датировался в связи с хронологией истории Египта, где время культурных наслоений известно по письменным памятникам начиная с IV тысячелетия до нашей эры. Но торговые сношения были нерегулярны, предметов импорта в Европе — мало, и если для южных областей даты более или менее точны, то для севера Европы они покоятся на очень шатких основаниях. Да и о какой «точности» в датировках европейского неолита можно говорить, если они в конечном итоге исходным пунктом имеют историческую хронологию Египта, также являющуюся до сих пор спорной? По Борхардту, первая династия относится к 4186 г. до н. э., по Эдуарду Мейеру,— к 3315 или 3197 г., по Штоку,— к 2900 г. до нашей эры. Последняя дата как будто принята, но сам Шток внес поправку на 80 лет (2820 г.), и одни ученые принимают младшую, другие — старшую хронологию Штока.

При такой ситуации вполне понятны непрерывные поиски археологами более совершенных методов датировок, как чисто археологических, так и заимствованных из других наук, и тот энтузиазм, который вызвало в их среде предложение физиков использовать для датировки радиокарбонный анализ.

Метод датировок органических остатков по содержанию в них радиоактивного углерода С-14 основан на том, что количество С-14, усваиваемого из атмосферы растениями, а затем и животными, является постоянной величиной. После смерти растения или животного в результате распада С-14 его количество в мертвых тканях начинает убывать. Измеряя величину распада, исследователь, обладающий образцами биологического происхождения, взятыми из археологических памятников, может оценить возраст этих памятников. За 9 лет, истекших с того времени, когда В. Либби в Институте ядерных исследований Чикагского университета поставил первые опыты датировки по С-14, уже имеется свыше 1 500 важных археологических дат, установленных этим способом в 11 лабораториях, действующих в разных странах мира. Создана такая лаборатория и Академией наук СССР при Ленинградском отделении Института археологии. Точность датировок, достигнутая в настоящее время, составляет ± 50—100 лет.

Датировка с помощью радиокарбонного анализа принесла не только успехи, но и разочарования. Период ±50—100 лет — это, собственно, не дата, а лишь отрезок времени, в который она укладывается. Кроме того, органические вещества, найденные на поселении, не всегда относятся к тому же периоду, что и поселение. Дерево могло быть срублено за много лет до того, как его использовали для постройки. В ряде случаев были взяты для исследования неудовлетворительные образцы и получены ошибочные даты. Среди историков раздавались голоса сомнения в применимости углеродного метода для получения объективных исторических дат.

С наиболее резкой, но все же некомпетентной критикой выступил

Вл. Милойчич [1], который подверг сомнению основные положения этого метода и даже стал отрицать вообще необходимость связей археологии с химией и физикой. Дилетантское выступление Милойчича вызвало отповедь английских, германских и советских ученых [2]. В развернувшейся дискуссии были выявлены значительные успехи в установлении дат, достигнутые с помощью углеродного метода, и огромные возможности, которые он открывает в будущем по мере совершенствования техники и накопления образцов. Результаты радиокарбонных анализов проверены по многим точно датированным археологическим находкам. В тех случаях, когда точной хронологии нет, возможных ошибок удается избежать, делая повторные анализы в различных лабораториях. Так, десять анализов, сделанных в Гейдельберге, Нью-Хевене и Копенгагене для датировки по С-14 старшей культуры Эртебелле, лежат в пределах той же даты, которую удается установить геологическим путем по ленточным глинам. Неудачных датировок небольшой процент, и то для сравнительно поздних исторических эпох, где ошибок больше, чем в древнее время.

Много важных дат установлено с помощью С-14 американскими археологами, в особенности для ранних эпох истории Америки. Углеродный метод был использован и для датировки древностей Востока. Есть уже и в европейской археологии большие исторические проблемы, в значительной степени решенные с помощью углеродного метода. Например, удалось установить, что старая хронология раннего неолита в Средней и, вероятно, Юго-Восточной Европе была слишком занижена. Теперь установлено, что ранний европейский неолит относится к VI—IV тысячелетиям до нашей эры. Это позволило по-новому подойти к истории Европы. Покойный английский археолог Г. Чайлд в предисловии к 6-му изданию своей книги «Заря европейской цивилизации» [3] писал, что под влиянием новых датировок по С-14 он пересмотрел свои прежние взгляды, согласно которым развитие культуры в Европе сильно запаздывало и шло под влиянием достижений Востока. Радиокарбонные даты ослабили позиции «догматического ориентализма» (выражение Чайлда), против которого всегда выступали советские ученые.

Еще в начале XX в. был предложен другой метод установления исторической хронологии — по годичным кольцам древесины. Основан он на том, что наблюдаемое неравенство прироста годичных колец дерева связано с определенной климатологической закономерностью. При благоприятных условиях у дерева за вегетационный период вырастает толстое годичное кольцо, а при неблагоприятных условиях образуется тонкое. Так как основными условиями, определяющими рост годичного кольца, являются метеорологические (в первую очередь температура и влажность), то внутри определенной климатической зоны деревья одной породы, даже произрастающие в разных лесных массивах, имеют совпадающие колебания. Годичные кольца — это своеобразная «летопись леса».

Изучая годичные кольца у бревен из археологических памятников, можно восстановить историю леса, то есть историю благоприятных и неблагоприятных условий в определенные годы его жизни на протяжении 50—150 и более лет в зависимости от возраста дерева. Сопоста-

---

[1] V. Milojčič. Zur Anwendbarkeit der C-14-Datierung in Vorgeschichtsforschung. «Germania». T. XXXV, вып. 1—2, 1957, стр. 102.

[2] H. Schwabedissen, K. O. Münnich. Zur Anwendung der C-14-Datierung und anderer naturwissenschaftlicher Hilfsmittel in der Ur- und Frühgeschichtsforschung. «Germania». T. XXXVI, вып 1, 1958; Harold Barker. Radio Carbon Dating: its Scope and Limitations. «Antiquity». T. XXXII, № 128, 1958, стр. 253—263; Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. О критике углеродного метода определения возраста. Журнал «Советская археология», 1959, № 2, стр. 255—262.

[3] V. G. Childe. The Dawn of European Civilization. London, 1957.

вив эти условия, то есть их закономерность у различных бревен, и найдя совпадения годичных колебаний, мы можем по внешнему кольцу определить, когда данное дерево было срублено. Если то же сделать на бревнах другой постройки или иного памятника, относящихся примерно к той же эпохе (в пределах возраста дерева), то его данные в некоторой части будут совпадать с данными первого памятника, причем все «события», отраженные в годичных кольцах, будут опережать или запаздывать на определенное количество лет в зависимости от времени рубки. Таким путем можно установить относительную датировку памятников. Методом дендрохронологии в ленинградской лаборатории Института археологии была установлена относительная датировка Пазырыкских курганов на Алтае, относящихся к III—I вв. до нашей эры. Было, например, установлено, что курганы № 1 и № 2 сооружены одновременно, № 4 — через 7 лет после них, № 3 — спустя 37 лет после первых двух, № 5 — через 48 лет [4]. Такой точности в хронологии никакой археологический прием дать не может.

Дендрохронологический метод позволяет создать хронологическую сетку для данной местности и осуществить абсолютные датировки с точностью до одного года. Если постройка не очень древняя, то можно сделать привязку к старым деревьям в современном лесу и установить абсолютную дату. Если имеются точно датированные древние постройки, то можно идти далеко в глубь веков. Американский ученый Дуглас, составивший климатическую шкалу по гигантской секвойе на 3250 лет, изучил 800 бревен из развалин ацтекских поселений. По ним был установлен возраст 30 сооружений. Получилась непрерывная цепь датировок, тянувшаяся до 643 г. нашей эры. Например, установлено, что Пуэбло Ацтек с его 450 комнатами был построен в течение 12 лет — с 1110 по 1122 год. Дугласу удалось проследить историю индейских поселений за период продолжительностью в 1300 лет [5].

Европейские археологи отнеслись несколько скептически к возможностям датировки собственных материалов по годичным кольцам деревьев. Они говорили, что в Европе нет таких долго живущих деревьев, как гигантская секвойя, насчитывающая тысячелетия, или аризонская сосна. Но максимальная продолжительность роста некоторых европейских пород не так уж мала. Например, тисс европейский насчитывает 2—3 тысячи лет, ель кавказская — 700, дуб — 1 тысячу лет. Кроме того, с усовершенствованием данного метода удается изучать одновременное влияние климата на годичный прирост деревьев, растущих на различных почвах и разного возраста. Дендрохронология в Европе сделала значительные успехи. Но археологи недостаточно воспользовались этим.

В настоящее время в Институте археологии Академии наук СССР создана лаборатория дендрохронологии. На основе новгородских материалов лаборатория определяет относительную датировку сооружений Новгорода начиная с X до XVI в. с точностью до одного года. Устанавливается последовательность строительства деревянных мостовых древних Великой и Кузьмодемьянской улиц, а также время их ремонтов. С периодом постройки мостовых будет связано и строительство жилых домов, мастерских и иных сооружений древнего Новгорода.

Не менее перспективными могут быть такие работы и в Закавказье, где дерево сохраняется в сооружениях, относящихся еще к эпохе бронзы, или в Средней Азии, многие мечети которой сохранили остатки деревянных лесов, современных самой постройке.

---

[4] И. М. Замоторин. Относительная хронология Пазырыкских курганов. «Советская археология», 1959, № 1, стр. 21.

[5] A. E. Douglass. The Secret of the Southwest solved by talkative Tree Rings. «National Geographic Magazin». Washington, 1929, № 56, pp. 737—770.

Молодой физической дисциплиной, открывшей большие перспективы для археологии, является палеомагнетизм, или, как его называют в последнее время, археомагнетизм. Эта научная дисциплина изучает магнитное поле земли в прошлые эпохи на основании определения вектора остаточной намагниченности. Физические предпосылки палеомагнетизма таковы. Горные породы, в том числе и глины, при условии, если они нагревались до температуры выше 600°, а затем охлаждались, в это время намагничивались. Вектор направления этой намагниченности совпадает с направлением земного магнитного поля в данном месте в момент нагрева и остывания породы. Термоостаточная намагниченность обладает двумя очень важными свойствами: во-первых, она устойчива и, во-вторых, по величине значительно превышает обычную намагниченность. Таким образом, магнитное поле земли, под влиянием которого образовалась эта намагниченность, после остывания породы не изменяет последнюю. И поэтому, сколько бы ни менялось магнитное поле земли, после остывания породы вектор остаточной намагниченности сохраняет свое направление. Следует заметить, что магнитное поле земли непостоянно и закономерно изменяется. Следовательно, направление термоостаточной намагниченности будет соответствовать направлению магнитного поля земли, существовавшему во время остывания изучаемого предмета. Следовательно, зная для данного района направление вековых вариаций магнитного поля земли, мы можем по вектору остаточной намагниченности определить абсолютный возраст предмета. Изделия из глины, будь то сосуды, игрушки или печи, при их обжиге подвергаются нагреву свыше 600°. Во время остывания они намагничиваются. Эта намагниченность остается без изменения до настоящего времени. Определив вектор остаточной намагниченности и сопоставив его с известным нам вектором магнитного поля земли в то или иное время, можно определить дату последнего нагрева предмета, то есть его возраст. Точность датировки методом палеомагнетизма довольно высока и колеблется в пределах 25 лет.

В настоящее время перед археологами встают еще некоторые затруднения в связи с тем, что они не знают хорошо вековых вариаций магнитного поля земли древних эпох и не располагают теми графиками, по которым можно было бы непосредственно по одному из векторов остаточной намагниченности определить возраст предмета. В 1958 г. Институт археологии совместно с Институтом физики земли АН СССР приступили к разработке методики замеров археологических находок и составлению кривых вековых вариаций для II тысячелетия нашей эры (X—XVII вв.). Лаборатория палеомагнетизма при Новгородской археологической экспедиции в 1959 г. подготовила большую коллекцию эталонов с точными датами. На основании этих образцов составляется кривая вековых вариаций магнитного поля земли для центральных и северных районов Европейской части СССР, по которой можно будет определять даты керамических изделий. А если учесть, что изделия из глины являются самой распространенной археологической находкой, то метод палеомагнетизма даст археологам огромные возможности для датировки таких массовых археологических памятников, как керамическая посуда.

Палеомагнетизм открывает значительные перспективы и в археологической разведке. Остаточную намагниченность обожженных изделий или сооружений из глины магнитометры могут улавливать и в полевых условиях. Обследуя магнитометром поверхность того или иного археологического памятника (наподобие поиска миноискателем), можно зафиксировать магнитную аномалию в месте расположения остатков печей, очагов, больших скоплений керамики, всевозможных глиняных площадок и т. п. Картографируя показатели магнитометра, мы получаем возможность начертить и контуры этих сооружений. Например, на Три-

польских поселениях археологи до начала раскопок определяют планировку жилищ и иных сооружений.

При изучении многослойного археологического памятника или при сравнении двух близко расположенных памятников имеет значение относительная датировка. Если на памятнике найдены костные остатки, то их относительная датировка может быть установлена химическими методами. Наиболее удачным следует считать метод определения древности костей по содержащемуся в них фтору. При лежании в земле кости обогащаются растворимыми в воде солями фтора. По количеству содержащегося фтора можно сравнительно датировать кости, а следовательно, и слой, в котором они найдены.

Для археологических датировок используются многие другие методы, заимствованные из естественных наук: астрофизический — по интенсивности солнечной радиации, геологический — по данным геологической стратиграфии, по отложениям ленточных глин и др. [6].

Возьмем другую область археологического исследования. Кроме вопроса о том, когда сделана та или иная вещь, археологу еще нужно выяснить, где она сделана (ибо в месте находки она может быть привозной) и как она сделана, какова была техника производства в отдаленные исторические эпохи. Здесь на помощь среди других методов приходят спектральный и структурный анализы, получившие широкое распространение в советской археологии и дающие большой научный эффект. Археологи не удовлетворяются анализами, сделанными специалистами на стороне, и создают собственные лаборатории спектрального и структурного анализов. Такие лаборатории уже существуют в Москве, Ленинграде, Баку и Тбилиси.

Химические анализы археологических вещей, преимущественно металлических, делались давно. Так, в конце XIX в. знаменитый французский химик Пьер Бертело, основываясь на химическом анализе, доказал, что древнейшие металлические орудия сделаны не из бронзы, как полагали в то время, а из меди. Химик, а не археолог открыл новую, неизвестную в истории человечества эпоху — медный век, предшествовавший бронзовому. И в дальнейшем химические анализы помогли решить некоторые вопросы по истории и технологии производства. Спектральный анализ не только более прост и дешев, но позволяет улавливать ничтожные следы, то есть 0,001% тех или иных элементов в исследуемом материале, и, что очень важно, определять сразу все элементы состава данного вещества [7]. Поэтому спектральный анализ, например, в любом металлическом сплаве всегда обнаруживает группы микро- и макропримесей, сопутствующих основным металлам. А это-то и является для археологов особенно важным. Дело в том, что согласно учению о геохимическом индикаторе в каждом минерале и горной породе, а следовательно, в том числе и в рудах, присутствуют в небольших количествах элементы примесей, являющихся обычно менее распространенными в земной коре элементами. При этом комплекс элементов примесей для минеральных тел определенного генезиса характерен и специфичен и, как правило, неповторим.

---

[6] Не имея возможности охарактеризовать здесь все методы датировки, заимствованные из естественных наук, отсылаем читателя к лучшему труду по этому вопросу: F. E. Zeuner. Dating the Past. London, 1950.

[7] Недавно предложен новый метод изучения археологических материалов с помощью возбужденной бомбардировки нейтронами радиоактивности. Он дает возможность обнаружить следы элементов в концентрациях, меньших одной миллионной, и при этом не разрушается изучаемый предмет. О перспективности этого метода судить еще рано, так как экспериментов сделано очень мало. См. E. V. Sayre and R. W. Dodson. Neutron Activation Study of Mediterranean Potsherds. «American Journal of Archaeology», t. 61, № 1, 1957, p. 35—41. V. M. Emeleus. The Technique of Neutron Activation Analysis as applied to trace element determination in pottery and coins. «Archaeometry», Oxford, 1958, vol. I, № 1.

В условиях примитивного восстановительного процесса в древней металлургии, как черной, так и цветной, большинство примесей переходило в металл, и в какой-то степени они повторяли состав примесей, которые были характерны и специфичны для тех или иных районов. В черных металлах эти примеси выступают в чистой свите, а в цветных металлах, вернее сплавах, они смешанные. Но и смешанные свиты всегда представляют определенные и самостоятельные группы, непохожие на чистые комплексы. При этом следует заметить, что свита примесей характеризуется не только качественно, но и количественно. Таким образом, в руки археолога поступает новый материал, который он может классифицировать, картографировать, сравнивать.

Спектральный и структурный анализы позволяют строить типологию археологических источников на новой основе. При классификации и статистической обработке, когда у исследователя в руках оказываются сотни и тысячи анализов, которые он превращает в индексы и формулы, открываются новые возможности для обобщений и выводов. Например, в цветных металлах можно выделять группы по наличию и количеству в данном предмете висмута, сурьмы, серебра, никеля, свинца, мышьяка, цинка. Внутри группы возможно выделять подгруппы по таким элементам, как германий, индий, кадмий, иридий и др. В черных металлах группы можно составлять по молибдену, хрому, никелю, титану, ванадию, вольфраму, кобальту и другим элементам. Кроме того, при тесном контакте с геохимиками группы примесей можно связывать по тем или иным признакам с определенными рудными месторождениями. Все это дает археологам новый богатый материал для изучения производительных сил. Открывается возможность решить, где были изготовлены найденные вещи или где была добыта руда для металла. Вопросы связей в глубокой древности, торговли, обмена благодаря спектральному анализу могут решаться на более широкой научной основе.

Именно массовость, дающая возможность статистической обработки их результатов, позволяет сделать важные выводы. Советские археологи на основе массового применения спектрального анализа уже создают большие работы по истории черной и цветной металлургии, истории стекла и т. п. Например, в лаборатории спектрального анализа кафедры археологии Московского университета в результате исследования сотен стеклянных изделий из раскопок в Новгороде и других древнерусских городах была нарисована интересная картина истории русского стеклоделия XI—XVI веков. Было выявлено шесть технологических рецептов стекла, применявшихся в разное время. Оказалось, что, начав с рецепта, заимствованного у византийцев, русские уже в XI в. упорно искали свою, наиболее выгодную технологию варки стекла и, сменив несколько раз рецептуру, в начале XII в. нашли состав стекла из местного дешевого сырья. Эта рецептура сохранялась в последующие века и была характерной для русского стеклоделия до XV века [8].

Большие возможности открывают археологам металлографический и петрографический анализы. Структурный анализ позволяет почти полностью раскрыть технологию производства любого археологического предмета, то есть историю техники того или иного производства. Особенно большие возможности открываются при изучении структуры находок, сделанных из черного и цветного металлов. Здесь полностью восстанавливается конструкция предмета, технологическая схема и технология его производства. Можно выявить все элементы механической и

[8] Ю. Л. Щапова. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси. «Советская археология», 1960, № 1, стр. 91—101.

термической обработки предмета: кузнечную ковку, сварку, паяние, цементацию, обточку, опиловку, полировку, закалку, отпуск, отжиг. Такие возможности исследования в области технологии не дает археологу никакой другой метод. Петрографический анализ разнообразных шлаков, руд, а также изделий из глины позволяет восстановить технологический режим производства и технологию предметов, а также местные особенности сырья и техники.

При изучении изделий из металлов археолог может широко применять хорошо разработанные методы металлографии и ряд других аналитических методов современного металловедения. Следует заметить, что здесь, как, впрочем, и в других физических методах, применяемых археологами, необходима своя собственная методика исследования, часто значительно отличная от методики, применяемой металловедами.

Раскрытие технологических схем и технологии производства археологических находок не ограничивается только чисто историко-техническими вопросами. Массовый структурный анализ позволяет находить ответы и на более общие вопросы истории производства, экономики и даже социальных явлений.

Пока археологи судили о вещах только по их внешнему облику, никто и не предполагал, что такой простой предмет, как нож, внешний облик которого почти не менялся в течение веков, может помочь раскрыть этапы развития металлообрабатывающего ремесла. Структурный анализ нескольких сотен древнерусских ножей показал, что технология их производства, как, впрочем, и других режущих орудий и инструментов, пережила три исторических периода, которые отражали, в свою очередь, этапы развития древнерусской экономики в целом. В каждый из этих периодов нож имел строго определенную конструкцию и технологию изготовления. В X—XI вв. ножи делались многослойными: между двумя полосами железа вваривалась стальная режущая полоса. Конструкция ножа была наиболее совершенной и рациональной, но технология производства оказывалась трудоемкой и сложной. В самом начале XII в. в связи с общим подъемом русской экономики и развитием товарных отношений города и деревни технология изготовления ножа меняется: стальное острие наваривается теперь на железную основу лезвия. Упрощение конструкции и технологии позволяет сделать продукцию более дешевой, а следовательно, массовой.

Следующий перелом в технологии наступает на рубеже XIII и XIV веков. Торцовая сварка стального острия была еще раз рационализирована и заменена косой. Нож стал еще дешевле[9]. Структурный анализ простого ножа раскрыл живую мысль русских ремесленников и их действенное участие в развитии экономики и товарных отношений.

Структурный анализ предметов из цветных металлов позволяет выявить и такую технологическую операцию, как термическая обработка. Следует отметить, что термическая обработка значительно повышала рабочие и боевые качества оружия и орудий, сделанных из бронзы и других медных сплавов. Исследованиями лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ установлено, что закалка этих изделий в бронзовом веке имела такое же значение, как позднее закалка стали. Обнаружить эту технологию, то есть новое явление в истории техники бронзового века, возможно было только благодаря металлографическому анализу. Массовый структурный анализ древнерусских изделий из цветных металлов и сплавов, проведенный в лаборатории струк-

[9] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), 1953, № 32; его же. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого «Труды» Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА, 1959, № 65, стр. 7—120.

рного анализа кафедры археологии Московского университета, позво-л нарисовать не только полную технологию ювелирного производст-, но и раскрыть новые технологические процессы, ранее нам неизвестные.

Изучение вопросов истории металлургии, истории металла — основ-го конструктивного материала в жизни человека за последние пять ты-челетий мировой истории — совершенно немыслимо без широкого при-енения лабораторных изысканий. Здесь необходимо широкое, комплекс-е использование спектрального, металлографического, петрографиче-ого, химического и термического анализов. За последние годы в Совет-ом Союзе при археологических учреждениях создано несколько лабо-торий структурного анализа. Они оборудованы в Институте археологии кадемии наук СССР, при кафедре археологии Московского университе-и в других учреждениях. Советские ученые предложили свой ориги-альный метод определения функций и назначения орудий труда по ледам на них от работы. Есть орудия и вещи, которые человечество авно не употребляет. Даже самые отсталые в своем развитии народы, оторых застали и успели описать этнографы, не употребляли уже ору-ий, служивших людям в древнем каменном веке. Как определить их роизводственные функции? Рассматривая в микроскоп зазубрины, ца-апины и тому подобные следы на рабочей части орудия, можно ре-ить, было ли оно режущим, колющим и т. д., то есть для чего его спользовал создавший его древний человек [10].

Изучение истории труда — это не только исследование орудий труда. еред археологами стоит задача анализа хозяйства древнего человека, а ля этого нужно знать, какие природные условия окружали его, какие астения произрастали в данной местности тогда, когда здесь существо-ало данное поселение, какой тогда был климат. Ведь климат изменяется течение веков, а вместе с ним меняется и состав растительности. Архео-оги широко используют в своей работе данные палеоклиматологии и сами обывают новые материалы для этой дисциплины. Например, известно, то пыльца растений обладает редкостной устойчивостью и сохраняется в ечение тысячелетий, особенно хорошо в болотах. Раскапывая древние по-еления, существовавшие в болотах, археолог собирает и привозит в лабо-аторию и слои торфа, содержащие пыльцу. Пыльцевой анализ дает воз-ожность решить, какие природные условия окружали древнего челове-а. Изучение палеозоологами найденных при раскопках костей животных озволяет решить вопросы о развитии охоты и скотоводства, о соотноше-ии этих отраслей хозяйства, о времени приручения домашних животных т. д. [11]. Достаточно привести некоторые примеры, чтобы стало ясно зна-ение остеологических находок, еще сравнительно недавно игнорировав-ихся археологами.

В русской буржуазной историографии был распространен взгляд, что сновным источником существования восточнославянских племен была хота и что земледелие стало основной отраслью хозяйства сравнительно оздно. Подобная идея не могла бы и возникнуть, если бы были исследо-аны костные и зерновые остатки из славянских поселений, свидетельст-овавшие о том, что с IX до XVI в. роль диких животных в питании насе-ения Древней Руси была незначительной и в то же время основные виды ельскохозяйственных животных разводились в достаточных количествах ля удовлетворения потребности в мясе. Другой пример показывает, как остав костей из раскопок отражает некоторые исторические события. сновываясь только на исследовании костных остатков из памятников ревнего Хорезма, можно разграничить слои, относящиеся ко времени до

[10] С. А. Семенов. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и делий по следам работы). МИА, 1957, № 54.

[11] В. И. Цалкин. Основные задачи изучения костей животных из раскопок па-тников материальной культуры. «Бюллетень Московского общества испытателей при-оды». Отдел биологии. Т. LIX (3). 1954.

завоевания страны арабами и после него: кости свиньи полностью исчезают из пищевых остатков при распространении ислама [12].

Агробиологический анализ остатков древнего зерна позволяет не только выяснить состав возделывавшихся в то или иное время сельскохозяйственных культур, но и определять системы землепользования. Видовой и количественный анализы состава семян сорных растений, которые всегда сопровождают зерна основного злака, например, ржи, пшеницы, ячменя, овса и т. п., позволяют определять системы земледелия, степень окультуренности почвы, условия ее возделывания и место произрастания данной культуры. Подобные анализы зерна в настоящее время уже широко применяются в Институте археологии. Например, изучение большой массы зернового материала из Новгорода позволило довольно полно воссоздать историю земледелия Новгородской земли. В лесной полосе Русской равнины в конце X—начале XI в. сложилась паровая система земледелия. Основной ее предпосылкой явилась культура озимой ржи. Паровая система землепользования выражалась в форме трехполья, двухполья и других переходных форм. По размерам посевных площадей озимая рожь уже в XI в. вышла на первое место и стала главнейшей продовольственной культурой Новгородской земли в XI—XV веках [13].

Археология не только пользуется данными других наук, но и поставляет им новые источники. Очень тесно связаны, например, археология и палеоантропология. История развития физического типа человека главным образом основана на археологических данных.

Важную область работы археологов составляет археологическая разведка. Давно уже прошло время, когда объектом внимания ученых становились случайно открытые памятники. Сейчас археологи научились по ряду признаков искать интересующие их памятники. И здесь на помощь им приходят естественные науки. В последнее время применяется заимствованный у геофизиков метод разведки археологических памятников с помощью измерения электропроводимости и сопротивления верхних слоев почвы. Сравнивая эти показатели, можно отличать один слой от других и обнаруживать в почве результаты деятельности людей в виде крепостей, домов, рвов, могильных камер и т. п. С помощью электропотенциометра составляется карта сопротивлений и профиль данной местности, после чего по коэффициентам сопротивления очерчиваются контуры сооружений. Точность фиксации довольно высокая. Например, при раскопках неолитического поселения Дорчестер у Оксфорда (Англия) план по электропотенциометру и план сооружения после археологического вскрытия дали расхождение всего на 2% [14]. Таким образом, археологи получают возможность буквально «видеть сквозь землю» и не только обнаруживать интересующие их объекты, но и составлять их планы, не производя раскопок.

Интересный опыт использования электропотенциометра проделали итальянский археолог Э. Корабелли и инженер К. Леричи, в 1954—1955 гг. исследовавшие этрусский некрополь близ Черветери (провинция Тоскана) и пиценские гробницы около Фабриано (провинция Марке). Были применены аэрофотосъемка, электропотенциометр, электробур и специально сконструированный фотоаппарат для съемки на 360° под землей в полых могильных камерах. В открытых с помощью аэрофотосъемки и электропотенциометра древних склепах просверливалось отверстие, в которое опускался фотоаппарат и до производства раскопок снималась вся обстановка погребения и все вещи, находившиеся в скле-

[12] В. И. Цалкин. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М. 1952, стр. 243.

[13] А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли. «Труды Новгородской археологической экспедиции». Т. II. М. 1959, стр. 306—362.

[14] R. J. C. Atkinson. Méthodes électriques de prospection en archéologie (в книге F. Laming. La découverte du passé. Paris. 1952, pp. 59—70).

. При исключительной точности и тщательности исследования за один зон был изучен огромный некрополь на площади около 150 га, и это ошлось во много раз дешевле, чем те же работы, проведенные обыч-ми методами, без применения технических новшеств [15].

Так же, не производя раскопок, археолог может определить грани-ı поселения, если он воспользуется «фосфатным методом». Последний нован на том, что брошенные на поселениях кости, остатки рыбы, на-з и моча животных и тому подобные материалы, богатые фосфором, змываются дождями, и фосфат проникает в почву. Взяв анализы чвы, можно по количеству фосфата определить границы древнего по-ления [16].

Для археологической разведки огромное значение имеет метод, ко-рый хотя и не связан прямо с естественными науками, но широко при-няется в геологии, лесоводстве, почвоведении и т. д.,— метод аэрофото-ъемки. Аэрофотосъемки археологами были применены еще после пер-ой мировой войны и принесли значительные успехи. Были обследованы евние поселения в Македонии, юг Палестины и Месопотамия. Из круп-ейших мероприятий в области аэрофотосъемки для археологии следует азвать труды О. Кроуфорда и М. Аллена, снимавших в Западной Евро-е римские лагери, курганы, древние земледельческие поля (работы ве-ись начиная с 1922 г.), П. Пуадебора в Сирии (1925—1932 гг.), обсле-овавшего римский лимес, город Тир и его порт (1934—1936 гг.), а затем изантийский лимес (1934—1942 гг.), Д. Брэдфорда в Италии, открыв-его сотни поселений в Апулии, и др. Велись аэрофотосъемки в архео-огических целях в Сиаме, Индокитае, Южной Африке. Из советских рхеологических экспедиций в больших масштабах была применена эрофотосъемка Хорезмской экспедицией. В ряде стран аэрофотосъемка гала постоянным элементом исследования. Во Франции при Сорбонне сть «Бюро воздухоплавания для научных изысканий», специально для рхеологических работ предназначена «Воздушная служба» Musée de Homme. В Швейцарии при Societe suisse préhistoire есть «Центральное юро аэрофотографии» и т. д. В деле применения авиации в археологии в разработке соответствующей методики наибольших успехов доби-ись английские ученые [17].

Аэрофотосъемка не только ускоряет процесс археологической раз-едки и позволяет вести ее в труднодоступных районах, но и дает воз-ожность наблюдать то, что нельзя увидеть с земли, в том числе объек-ы, скрытые под землей [18]. По цвету почвы или растительности, отражен-ому на фотоснимке земной поверхности, можно определить местона-ождение могил, полуземлянок, рвов, каналов, каменных стен, даже гра-иц древних пахотных земель и древних дорог. Так, трассы римских орог в Европе и Африке обнаруживаются под засеянными полями в ви-е двух темных линий — древних кюветов —по сторонам и более свет-ой полосы — полотна дороги. Это происходит вследствие ряда причин, реди которых немаловажной является та, что на древних рвах, канавах т. п., заполненных перегноем, лучше развивается растительность, посе-

---

[15] C. M. Lerici. Prospezioni archeologiche. «Rivista di geofisika applicata». XVI, № 1—2, 1955, pp. 7—32; E. Carabelli. Ricerche geofisiche sperimentali su ıtiche necropoli (там же, стр. 33—39); С. Г. Кляшторный. Об использовании офизических методов в археологической разведке. «Советская археология», 1958, 4, стр. 215—218.

[16] Г. Г. Штобе. Применение методов почвенных исследований в археологии. Советская археология», 1959, № 4, стр. 135—139.

[17] J. Bradford. Ancient Landscapes. London. 1957; O. G. S. Crawford. Century of Air Photography. «Antiquity», t. 28. № 112, Newbury, 1954; «Découverte rienne du Monde». Su la direction P. Chombart de Lauve. Paris. 1948.

[18] D. M. Reeves. Aerial Photography and Archaeology. «American Antiquity», 2, № 2, 1936; W. C. Miller. Uses of aerial Photographs in archaeological field ork. «American Antiquity», t. XXIII, № 1, 1957.

вы и трава ярче и выше; в то же время они желтее и ниже на тех местах, где под слоем пахоты скрываются стены или каменная кладка. Определяются скрытые памятники и по теням, которые образуются углом между насыпью и направленными на нее солнечными лучами. Так открыты были засыпанные песком и почти невидимые с земли древние города и крепости в пустынях.

Хорезмская экспедиция Академии наук СССР обнаружила с помощью аэрофотосъемки в пустынях на огромных территориях десятки и сотни памятников разных эпох — от стоянок каменного века до дорог и караван-сараев позднего средневековья. Иногда на найденный аэрофотосъемкой объект в труднодоступном районе высаживался археологический «авиадесант» и вел исследования. Аэрофотосъемка позволила не только обнаружить важные для истории Древнего Хорезма памятники, но и изучить историю ирригации и ту географическую среду, в которой жил здесь человек в древности. В соединении с системой почвенных шурфов аэрофотосъемка позволила установить, какими были почвы и растительность в тех местах, где прежде были ирригационные сооружения, где была вода и, следовательно, жизнь и где теперь только покрытая такырной коркой пустыня[19]. Аэрофоторазведка может иметь огромное значение для создания археологической карты СССР, а это является самой важной задачей, стоящей перед советскими учеными. Широкое применение авиации в археологии, развитие аэрофотосъемок как метода исследования являются неотложной задачей советских археологов.

В заключение необходимо сказать еще об одном методе, который хотя и не относится к собственно естественным наукам, а применяется во всех областях, но имеет особое значение для археологов и в последнее время теоретически разрабатывается применительно к археологии. Имеется в виду статистический метод. Археологу приходится иметь дело с массовыми находками. В раскопках отдельные вещи, в особенности керамические изделия, исчисляются тысячами и десятками тысяч экземпляров. Классификация вещей, их типология, определение времени и места их производства требуют статистической обработки, помогающей сделать необходимые выводы. Построение корреляционных таблиц позволяет устанавливать соотношение разных типов вещей во времени и пространстве. Статистика в археологии открывает весьма широкие перспективы для исторических выводов. Разработка элементов археологической статистики, классификация и учет их с помощью электронных счетных устройств дают возможность делать математически точные выводы из археологических материалов. В настоящее время большой коллектив советских археологов работает над составлением корпуса археологических источников и археологической картотеки Советского Союза. Необходимо уже сейчас предусмотреть такую форму и содержание картотеки (она будет насчитывать более миллиона карточек), чтобы ее научная обработка в дальнейшем велась с помощью электронных вычислительных машин.

Следует подчеркнуть, что применение в археологии ряда методов естественных наук не исключает, а развивает и дополняет чисто археологические методы. Взятые из естественных и технических наук, они требуют особой методики, учитывающей специфику археологических объектов, и совершенствовать их могут только сами археологи в тесном контакте со специалистами других наук. Археология, привлекая к своим исследованиям методы естественных наук, в свою очередь, предоставляет этим наукам новые возможности в их развитии. Так, только с помощью

[19] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». Т. II. М. 1958; Б. В. Андрианов, Н. И. Базилевич, Л. А. Родин. Из истории земель древнего орошения Хорезма. «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 89, № 6, 1957, стр. 516—535.

кеологов палеомагнитологи смогут составить кривые вековых вариа-
й магнитного поля земли в древние эпохи. Только с их помощью мо-
быть получены новые данные для палеоклиматологии, палеоботаники
п. Взаимосвязь археологии и геологии хорошо показана в труде
И. Громова[20], который документально обосновал хронологическую
тировку палеолитических находок по отложениям четвертичного пе-
ода и доказал возможность использования памятников палеолита для
тановления стратиграфии четвертичных отложений.

Использованию методов естественных наук в археологии должно
еляться, по нашему мнению, значительно больше внимания. Необхо-
мо, чтобы эти методы заняли в советской археологии такое место,
торого они заслуживают по своей значимости. И самое главное — дол-
н быть решен вопрос о кадрах. В археологических учреждениях не-
ходимо расширить круг научных сотрудников и лаборантов, владе-
щих современными методами естественных и технических наук. Но-
ю методику нужно энергично внедрять в учебные программы студен-
в и аспирантов — археологов.

Методы и орудия исследований, взятые археологами из естествен-
х наук, позволят им открывать новые, ранее совершенно неизвестные
роны и свойства археологических источников и более полно их исполь-
вать. Применение методов естественных наук открывает огромные
рспективы в изучении хозяйства и экономики древних обществ. Пре-
де эти вопросы редко и лишь схематически затрагивались в нашей ар-
ологической литературе, хотя каждому советскому ученому ясно, что
учение экономического базиса для понимания исторических законо-
рностей гораздо важнее пространных схоластических рассуждений об
нической принадлежности археологических культур.

Тесная взаимосвязь археологии и естественных наук, несомненно,
еспечит новые широкие возможности для развертывания археологиче-
их исследований.

---

[20] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. М., 48.

О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ в 1943—1944 годах

М. А. Кокорин, А. А. Стручков

В истории второй мировой войны братское боевое содружество народов СССР и Франции по праву занимает видное место. Это содружество нашло яркое проявление в деятельности отважных французских летчиков авиационного полка «Нормандия — Неман» на советско-германском фронте.

Героизм советских людей на фронтах Отечественной войны вдохновлял французский народ на борьбу с фашистскими захватчиками, содействовал усилению движения Сопротивления, в котором на широкой демократической основе объединились все здоровые силы французской нации.

Одной из волнующих, но, к сожалению, совершенно неисследованных страниц является история самоотверженной борьбы советских людей против гитлеризма на территории Франции в боевом братском взаимодействии с французскими патриотами.

В послевоенные годы на Западе появилось немало работ буржуазных фальсификаторов истории, которые взяли на себя позорную роль дезинформаторов мирового общественного мнения в целях разжигания «холодной войны». Извращая неопровержимые факты, фальсификаторы пытались, в частности, очернить антифашистское, глубоко патриотическое движение Сопротивления. Побитые фашистские генералы и «компетентные» военные обозреватели из лагеря НАТО с подозрительным единодушием начали изображать борцов Сопротивления «коммунистической сектой», людьми, применявшими-де против врага «недозволенные» методы партизанской борьбы в гитлеровском тылу и т. д.

Прогрессивная зарубежная историография, особенно в странах социалистического лагеря, выступила против попыток извратить историю антифашистской борьбы народов Европы в период второй мировой войны. В ряде работ получила освещение и борьба французского народа против гитлеризма [1]. Однако о борьбе советских патриотов, находивших

---

[1] М. Торез. Народ Франции против оккупантов и их прихвостней. Журнал «Коммунистический Интернационал», 1942, № 6; его же. Наступление Красной Армии и освободительная борьба французского народа. «Коммунистический Интернационал» 1943, № 2—3; «Совместная декларация антигитлеровских организаций во Франции» (там же); Жан-Ришар Блок. Немцы во Франции. Журнал «Большевик», 1941 № 11—12; П. Дельваль. Непримиримая ненависть французов к захватчикам. «Коммунистический Интернационал», 1941, № 12; «Воззвание к французским офицерам и солдатам». «Коммунистический Интернационал», 1942, № 10—11; В. Васильева. Французский народ в борьбе. Журнал «Мировое хозяйство и мировая политика», 1942 № 8; Д. Давыдов. Антигитлеровское движение в оккупированной Франции на подъеме. «Большевик», 1943, № 7—8; Б. Пономарев. Новый подъем освободительной борьбы народов оккупированных стран Западной Европы. Журнал «Пропагандист» 1943, № 7—8; «Письма расстрелянных французских коммунистов». М. 1949; А. И. Молок. Борьба французского народа против немецких оккупантов и их пособников в 1940—1945 гг. «Ученые записки» Ленинградского университета. Вып. 17, 1950; А. Л. Ефимова. Франция 1939—1949 гг. М. 1950; Л. Волынский. Профсоюзы

в годы войны в странах Западной Европы, в том числе во Франции, существу, ничего не написано, если не считать нескольких газетных ерков, появившихся за последние годы в нашей центральной и мест-й печати.

Следует сказать, что при исследовании этого вопроса встречаются льшие трудности. Условия оккупационного режима вынуждали совет-их участников партизанского движения в целях конспирации обхо-ться минимумом документов — в виде списков бойцов отрядов, боевых несений, докладов и информаций о проделанной работе и т. д.[2]. К тому е многие из этих документов не сохранились.

Некоторое представление о масштабах и характере антифашистской ятельности советских людей на французской земле дает русская под-льная пресса, выходившая во Франции в годы второй мировой войны, частности газета «Советский патриот»[3]. Ценные сведения содержат кже воспоминания ряда активных участников движения Сопротивле-я. Все эти материалы позволяют проследить, как зарождалась и раз-валась деятельность советских патриотов во Франции, кто возглавлял партизанские отряды, через какие главные этапы прошла их герои-ская борьба.

В настоящем сообщении, не претендующем на исчерпывающее реше-е всех вопросов, делается попытка на основании новых архивных дан-х осветить некоторые важные стороны участия советских граждан в тифашистском движении на территории Франции в 1943—1944 годах.

★

Начиная с 1942 г. вблизи многих французских городов, в частности районах Руана, Нанси, Бордо, а также в угольном бассейне Па-де-але[4], на южном и западном побережьях Франции появились гитлеров-ие концентрационные лагеря. В них и в ряде других каторжных посе-ний, возникших в зоне строительства фашистских укреплений, томи-сь пленные: бывшие советские военнослужащие и мирные граждане, насильно угнанные из оккупированных областей Советского Союза на ашистскую каторгу. Сеть концентрационных лагерей непрерывно рос-. К началу 1944 г. на порабощенной врагом французской земле таких агерей для граждан СССР насчитывалось уже более двадцати пяти. них находилось несколько десятков тысяч советских людей[5].

По своему режиму эти гестаповские застенки ничем не отличались страшных лагерей смерти: Майданека, Освенцима, Дахау, Бухенваль-а. Немецко-фашистские палачи и их подручные из числа французских оллаборационистов прибегали к изощренным пыткам и надругатель-вам над пленными.

Фашисты пытались морально разложить советских людей, сломить волю к сопротивлению, превратить в послушных рабов гитлеровского йха. В ход были пущены грубая провокация и гнуснейшая клевета. ашисты не раз заявляли о «полном разгроме» Красной Армии, о том, о правительство СССР якобы объявило всех советских солдат и офи-еров, оказавшихся в плену, изменниками родины. Но оголтелая фа-

---

ранции в освободительной борьбе. Журнал «Война и рабочий класс», 1943, № 11; Боровой. Коллаборационисты во Франции в 1940—1942 гг. «Мировое хозяйство мировая политика», 1943, № 2—3; Ф. Бонт. К 35-летию создания Французской ком-ртии. «Правда», 30 декабря 1955 г.; А. Верт. Франция 1940—1955 гг. М. 1959; В. Борисов. Уроки истории Франции и современность. М. 1955, и др.

[2] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ЦПА ИМЛ), ф. 69, оп. 2, ед. хр. 3, лл. 3—21.

[3] Там же, ед. хр. 1, лл. 132—149.

[4] Там же, л. 1.

[5] Там же, лл. 2—3

шистская пропаганда не достигала цели. Советские люди, мужественно перенося тяжкие испытания плена, развертывали борьбу с врагом.

Во всех лагерях смерти в 1943 г. начали создаваться глубоко законспирированные антифашистские лагерные, а затем межлагерные комитеты. Во главе их вставали, как правило, бывшие командиры и политработники Красной Армии.

Одним из инициаторов антифашистского движения в концентрационных лагерях была группа советских патриотов из лагеря Бомо (департамент Па-де-Кале). 6 августа 1943 г. она обратилась ко всем гражданам СССР, находившимся во Франции, с воззванием[6], в котором призывала их «не падать духом и не терять надежды на победу Красной Армии над фашистскими захватчиками», «высоко держать и не ронять достоинство гражданина СССР, всячески охранять себя от буржуазной заразы. То, что дала нам Советская Родина, является превыше всего». Граждане СССР, подчеркивалось в воззвании, должны «понять и не забывать, что каждый килограмм угля или другой продукции, добываемой вами, полностью попадает в руки немцев. Следовательно, это только увеличивает жертвы воинов наступающей Красной Армии. Нужно работать в пользу СССР, против врага, используя для этого все возможности». В заключение в воззвании говорилось: «Поддерживайте теснуюю связь с французскими патриотами, которые окажут вам большую помощь. Плюйте на угрозы и приказы немецких властей. При первой возможности уходите из лагерей в партизанские отряды и вместе с французскими товарищами ведите борьбу против общего врага — фашизма!»

Обращение было широко распространено в лагерях советских пленных департаментов Нор и Па-де-Кале[7]. Оно во многом способствовало активизации борьбы граждан СССР в угольном бассейне Па-де-Кале.

При малейшей возможности советские патриоты бежали с фашистской каторги и включались в борьбу с гитлеровцами, вступали в партизанские отряды, устанавливали контакты с французскими борцами Сопротивления.

Осуществить побег из усиленно охраняемых лагерей было чрезвычайно трудно. Не меньшие трудности возникали перед бывшими узниками и после удачного побега. Многие из них не знали языка и местности, в любой момент они могли натолкнуться на открытых и тайных прислужников оккупантов, всегда готовых выдать гестаповским ищейкам мало-мальски подозрительного человека. У беглецов, как правило, не было оружия для самозащиты.

Французские патриоты проявили поистине братскую заботу о советских гражданах, вставших на путь борьбы против общего врага. Нередко, рискуя жизнью, они оказывали помощь советским людям, укрывали их от предателей и оккупантов, снабжали оружием и боеприпасами, делились с ними последним куском хлеба, морально поддерживали их, вдохновляя правдивой информацией о победах Красной Армии.

Успехи советских войск на Восточном фронте французские трудящиеся расценивали как свои собственные победы. Как справедливо отмечал Морис Торез, вооруженная борьба против фашистов во Франции становилась тем энергичнее, чем быстрее на Запад продвигались наступавшие советские армии[8].

Следует отметить, что до 1943 г. во Франции партизанская борьба еще не переросла в массовое антифашистское движение Сопротивления; тогда действовали лишь сравнительно небольшие группы вольных стрелков — франтиреров[9]. Но уже в 1943 г. французское партизанское

---

[6] Там же, л. 3.
[7] Там же, ед. хр. 3, лл. 8—9.
[8] Там же, ед. хр. 1, л. 18.
[9] Там же, ед. хр. 3, л. 19.

ижение вступило в стадию бурного развития. Значительно активизи-вались и действия советских партизан.

Историю борьбы советских партизан во Франции, по нашему мне-лю, можно разбить на три основных этапа. Первый из них — с осени 42 г. и примерно до середины 1943 г.— характеризуется разрознен-ыми действиями одиночек и небольших, изолированных друг от друга рупп бывших пленников фашизма. Постепенно они устанавливали связь руг с другом и сговаривались о совместной диверсионной работе. На-альная стадия борьбы сопровождалась серьезными неудачами и про-алами. Но трудности не сломили боевого духа патриотов. В ходе пре-оления трудностей закалялась воля советских людей, укреплялась их ешимость добиться победы. К осени 1943 г. движение стало приобре-ть все более широкий, а главное, организованный характер. Выросли выдвинулись кадры партизанских вожаков, преимущественно из числа ывших командиров и политработников Красной Армии.

С начала 1944 г. удары советских войск по врагу еще более усили-ись. Развертывание широких наступательных операций на Востоке скорило открытие второго фронта и освобождение Франции. В свою нередь, высадка союзнических войск на французской территории сыгра-а существенную роль в создании благоприятных условий для усиления артизанских действий. Под ногами оккупантов загорелась земля. Ши-окие слои французского народа усилили борьбу за изгнание фашист-ких захватчиков из пределов своей страны; и борьба советских народ-ых мстителей вступила в последний, третий этап.

В 1944 г. возникло большое число партизанских отрядов. Многие из их постепенно разрослись в крепкие, боеспособные части [10], как, напри-ер, отдельный партизанский батальон имени Сталина [11], оперировав-ий на севере Франции, в районе Па-де-Кале, и партизанский батальон районе Нанси, сформированный на базе отряда «Сталинград». Об спехах боевых операций партизан за полтора года свидетельствуют ногочисленные факты. Так, на счету только что названных батальонов ыло свыше трех с половиной тысяч уничтоженных гитлеровцев [12].

Борьба советских партизан во Франции была неразрывно связана антифашистским движением Сопротивления французских патриотов.

Наиболее активную роль в движении Сопротивления в годы гитле-овской оккупации играли коммунисты [13]. Центральный Комитет ФКП еоднократно через «Юманите» обращался к французскому народу с ризывом усиливать боевое сопротивление фашистским агрессорам, рас-ирять партизанскую борьбу и готовить всенародное антигитлеровское осстание. Трудящиеся Французской республики ответили на этот при-ыв значительным увеличением численности вольных стрелков (франти-еров), резким повышением количества активно действующих партизан-ких отрядов и групп. По далеко не полным данным, уже в начале 944 г. во Франции насчитывалось свыше 200 тыс. вольных стрелков и артизан. К лету 1944 г., то есть к моменту высадки войск США и Анг-ии на французской территории, силы Национального фронта выросли ще больше [14].

Нельзя не отметить, что высадка англо-американского десанта на еверном побережье Франции не привела к сколько-нибудь существен-ому изменению в расстановке вооруженных сил гитлеровской Герма-

---

[10] Там же, оп. 3, ед. хр. 3, лл. 3—29.

[11] Организатором и командиром батальона являлся политрук М. Слободинский, прошлом военком одной из частей советских военно-воздушных войск. В дальнейшем связи с созданием Центрального комитета советских пленных во Франции (ЦК СП) . Слободинский работал секретарем ЦК СП.

[12] ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 2, ед. хр. 3, л. 8.

[13] Там же, ед. хр. 1, л. 136.

[14] **Там же.**

нии. Ее главные и наиболее боеспособные соединения и части по-прежнему находились на Восточном фронте. Это обстоятельство облегчало развертывание антифашистской борьбы на территории Западной Европы, в том числе Франции.

Тесное взаимодействие французских и советских патриотов осуществлялось прежде всего по линии организации диверсий на железнодорожных магистралях. В результате объединенных усилий советских и французских патриотов многие воинские эшелоны с гитлеровскими подкреплениями для Восточного фронта были пущены под откос, на длительное время прерывалось железнодорожное сообщение между различными пунктами в стране, между Францией и другими государствами (например, Италией), выводились из строя электростанции и линии высокого напряжения, взрывались мосты и водокачки, приводилось в негодность оборудование военных заводов, угольных шахт, поджигались казармы оккупантов и их артиллерийские склады и т. д.[15].

Взаимная выручка и товарищеская взаимопомощь патриотов Франции и СССР помогали сметать все преграды, встречавшиеся на их общем нелегком пути. Совместно было легче добывать оружие и боеприпасы, запасаться продовольствием и медикаментами, накапливать боевой опыт.

В ряды народных мстителей вставали люди самых различных профессий, жизненного опыта. В 1944 г. в одном из районов Восточной Франции (департамент Мерт дю Мозель) успешно действовал отряд «Севастополь». Его организатором и командиром был саратовский комсомолец, бывший старший сержант Красной Армии Николай Серебренников. Горстка смельчаков, вырвавшихся из фашистского застенка Эрувиль, на протяжении довольно продолжительного времени наводила панику на тылы немецких войск. В рапортах фашистской разведки эта группа героев определялась чуть ли не в масштабе линейного полка. В действительности «личный состав» отряда «Севастополь» насчитывал вместе с командиром всего пятнадцать бойцов[16]: русских, украинцев, белорусов. Одному партизану было 47 лет, остальным — от 18 до 30. Их профессии: деревенский кузнец, два тракториста, рядовые колхозники. Все они были беспартийными (из пятнадцати — трое комсомольцев). Три человека окончили семилетку, у остальных образование было не выше четырех классов. Имелся среди них и один неграмотный — восемнадцатилетний Иван Адамович из деревни Нова-Луки, Брославского района, бывшей Вилейской области Белоруссии. Много горя и унижений испытал он при террористическом режиме польской санации, потом оказался угнанным в Германию, где его перевозили из одного концлагеря в другой. Пять «севастопольцев» никогда на военной службе не были, десять — бывшие солдаты и сержанты Красной Армии[17].

Приведем еще пример. В Эльзас-Лотарингии действовал отряд «Смерть фашизму!», организаторами которого являлись люди, знавшие друг друга еще по подпольной работе в оккупированном Минске. В их числе были: командир Федор Лиховец, помощник по политчасти Владимир Рутковский, бойцы Татьяна Лиховец, Владимир Белько, Петр Цинкевич, Григорий Корепанов и др[18]. Они бежали из лагеря «Болинген» 3 июля 1944 года. Перед этим им пришлось сговариваться друг с другом попарно (больше чем двум пленным охрана встречаться запрещала): Федор Лиховец и Владимир Рутковский, Федор Лиховец и Петр Цинкевич, Владимир Рутковский и Григорий Карпов, Федор Лиховец и

[15] Там же, лл. 140—142.

[16] Такими же примерно были и многие другие боевые подразделения народных мстителей из числа советских граждан, действовавших во Франции и в других оккупированных странах Западной Европы.

[17] ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 2, ед. хр. 2, лл. 100—107.

[18] Там же, лл. 60—73.

р Фисенко, Владимир Белько и Кирилл Решетняк и т. д. С большим дом им удалось связаться с представителем польской подпольной анизации Марианом Войцеховским и членом Компартии Франции из дена, русским по происхождению Г. П. Морозом. Немало выдержки мения проявили вырвавшиеся на свободу узники «Болингена» при ановлении контакта с ранее бежавшими из фашистского плена мин-тами летчиком Николаем Кобецом и Николаем Плюжем, Иваном Ми-ловским из Орши, Михаилом Орехом из Смоленска, Василием Евста-вым из Саратова и группой советских граждан из Каменец-Подоль-: Иваном Худановым, Петром Кузнецовым и Иваном Прониным [19].

Но не всегда советские люди создавали самостоятельные партизан-е отряды. В ряде случаев они вступали в отряды французских парти-. Так, тульский слесарь Зотов, механик из Можайска Ершов и бело-ский электромонтер комсомолец Дятечкин вступили в отряд «Басен-ие», сформированный из рабочих города Плиена [20].

Благодаря братской помощи Коммунистической партии Франции и ЦК в конце 1943 г. из числа наиболее активных и опытных советских ртизан был создан специальный военно-политический центр — ЦК со-ских пленных во Франции [21]. Назначение его состояло в том, чтобы, ходя из особенностей местной обстановки, объединять и оперативно правлять действия советских людей, поднявшихся на борьбу против купантов рука об руку со свободолюбивым французским народом.

ЦК советских пленных во Франции (ЦК СП) [22] прежде всего позабо-ся о создании во всех без исключения пунктах, где сосредоточива-ь советские пленные, специальных лагерных комитетов как боевых ек, имевших целью придать стихийной борьбе против гитлеровцев ганизованный характер. В январе 1944 г. ЦК СП утвердил «Положе-е о лагерных комитетах», определявшее статут и функции этих сугубо низированных и конспиративных организаций [23].

Практическая деятельность лагерных комитетов была подчинена, ласно «Положению», главной задаче — подготовке советских патрио-к открытой вооруженной борьбе против фашистских поработителей [24]. нкретными путями для ее достижения считались: организация актов ботажа на производстве; устройство побегов пленных из лагерей, в вую очередь тех, которым угрожает опасность; забота об отправке ших товарищей в партизанские отряды; разоблачение шпионов и вокаторов; установление тесной связи с французскими патриотами и ведение вместе с ними диверсий и саботажа против оккупантов.

Своевременность и целесообразность такой формы патриотической ьбы, как лагерные комитеты, вскоре подтвердились жизнью. В тече-полутора месяцев под руководством бывших военнослужащих Крас-й Армии они возникли более чем в 20 лагерях, охватив своим влияни-наиболее крупные районы концентрации советских пленных (Нанси, партаменты Нор, Па-де-Кале) [25].

В качестве непосредственных организаторов лагерных комитетов вы-пали члены ЦК СП. Так, В. Порик (в прошлом лейтенант Красной

[19] Там же.
[20] Там же.
[21] Там же, ед. хр. 1, лл. 1—13.
[22] Этот орган просуществовал до конца 1944 года. На последнем, заключитель-заседании ЦК советских пленных во Франции 4 декабря 1944 г. было решено ать его функции исчерпанными ввиду того, что борьба советских патриотов про-немецких оккупантов во Франции закончилась. (ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 2, ед. хр. 1, 18.)
[23] Там же, лл. 17—19.
[24] Разрабатывая положение о работе лагерных комитетов, ЦК СП исходил из , что он сам, «когда начнется... восстание французского народа против оккупантов... жен возглавить вооруженную борьбу советских пленных». (Там же, л. 24.)
[25] Там же, л. 4.

Армии, впоследствии был арестован и расстрелян фашистами в Аррасе, создал надежный лагерный комитет в одном из районов угольного бассейна Па-де-Кале. Сформированные комитетом 11 диверсионных групп вывели из строя ряд шахт компаний Дурш, Партизьен и Эскарпел, пустили под откос несколько железнодорожных эшелонов, вырвали из рук фашистских тюремщиков свыше ста граждан СССР, которые сразу же вступили в ряды партизанских отрядов. Другой член ЦК СП, В. Таскин помог создать 13 лагерных комитетов в районе Нанси, ставших центрами формирования десяти крупных партизанских отрядов советских патриотов. Столь же успешно действовал лагерный комитет в районе Валенсьенна [25].

По мере увеличения количества советских партизан во Франции потребовалось создание и межлагерных комитетов в двух основных районах концентрации советских пленных: в Па-де-Кале и Нанси [27].

Знаменательным явлением, свидетельствовавшим о росте политической сознательности партизан, был значительный приток их заявлений о приеме в партию и в комсомол. В связи с этим ЦК СП подготовил проект временного положения (инструкции) о лагерных организациях ВКП(б) и ВЛКСМ. Но его не успели ввести в действие, так как час фашистской оккупации Франции пробил.

Военная работа ЦК СП была неразрывно связана с идеологической деятельностью, с широким развертыванием массовой политической пропаганды и агитации. Первостепенное значение в тех условиях имела правдивая и своевременная информация о положении на фронтах второй мировой войны, и прежде всего на советско-германском фронте, о ратных и трудовых подвигах народов Советского Союза, о международных событиях.

Большую роль в пропаганде идей марксизма-ленинизма, в разъяснении справедливого, освободительного характера Великой Отечественной войны советского народа сыграла выходившая на русском языке газета «Советский патриот», орган ЦК СП. Она печаталась тиражом в несколько сот экземпляров в типографии или на ротаторе. Всего вышло семь номеров, но два из них пришлось уничтожить во время налета гестаповцев.

О чем говорилось на страницах «Советского патриота»? Специальный выпуск, датированный ноябрем 1943 г.[28], вышел в виде двухполосной листовки. В нем была напечатана передовая статья, посвященная XXVI годовщине Октября, в которой отмечалось, что французский народ «все более втягивается в борьбу за освобождение, подготовляя почву для всенародного восстания. Число людей, не желающих, противно закону [29], отправиться на работу в Германию, постоянно возрастает. Забастовки вспыхивают во всех концах страны, акты саботажа стали обыкновенными явлениями, изменников убивают каждый день, поезда сходят с рельсов, интендантские склады врага горят, группы партизан, ведущие героическую борьбу с врагом в течение трех лет, воодушевляют на бой за освобождение отечества от гитлеровского ига все более широкие массы французского народа».

В том же номере были помещены материалы об освобождении советскими войсками Смоленска, капитуляции фашистской Италии, о Московской конференции трех держав, сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, хроника о движении Сопротивления в оккупированных странах Западной Европы и т. д. Особый интерес представляет заметка под заглавием «Советские военнопленные, берегитесь!».

---

[26] Там же, л. 7.

[27] Предполагалось создание такого же комитета и в столице Франции, однако надобность в нем отпала в связи с эвакуацией из Парижа всех советских пленных.

[28] ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 2, ед. хр.1, лл. 139—145.

[29] Так в оригинале.

ней рассказано о провокационных попытках фашистских насильников
звать трения в отношениях между советскими и французскими рабо-
ми, в принудительном порядке работавшими на предприятиях, в част-
сти на Мерекурских рудниках.

Кончалась газетная полоса призывом: «Советские пленные! Фран-
зский народ с вами! Мужайтесь! Создавайте лагерные комитеты.
кодите в сношения с местным населением. Боритесь за лучшую пищу,
человеческое к вам отношение. Час освобождения близок!» Заметим,
тати, что этот призыв повторен и в другом специальном выпуске «Со-
тского патриота» — в январе 1944 года. В июле того же года он был
менен в связи с изменившейся обстановкой рядом новых лозунгов, на-
имер: «Образуйте боевые комитеты советских патриотов для немед-
нного действия против германских палачей, для массового перехода к
ранцузским партизанам!», «Мы помним свою красноармейскую прися-
. Мы знаем, что Родина ждет всех, кто борется за нее. Смерть герман-
им захватчикам! С оружием в лес к французским партизанам!» [30].

В номере «Советского патриота» от 15 ноября 1943 г. отмечалось,
о «в большинстве лагерей, несмотря на суровую дисциплину и репрес-
и, советские пленные отвечают на плохое обращение протестами и
ыставляют свои требования»[31]. Газета опубликовала ряд писем из лаге-
ей. «Пленник шахты С» сообщал о солидарности французских рабочих
пленными в организации саботажа. Автор другого сообщения давал
нд советов тем пленным, которых фашисты заставляли обслуживать
вои батареи противовоздушной обороны: «Если вы находитесь в бата-
еях при налете самолетов, старайтесь сбить уровень орудия..., если вы
истите снаряды, выкручивайте капсуля, наливайте в гильзу воду...».
хроникальных заметках сообщались факты о действиях французских
орцов Сопротивления.

Январский (1944 г.) [32] выпуск «Советского патриота» содержал но-
огоднее приветствие, заканчивавшееся словами: «Вместе с французски-
и патриотами будем бить врага, чтобы 1944 год принес нам быструю
обеду». Газета информировала читателей о Тегеранской конференции,
риводила выдержки из статьи «Французский рабочий класс и нацио-
альное восстание», опубликованной в «Юманите», сводки Совинформ-
юро, хронику борьбы вольных стрелков и партизан.

Большой интерес представляет рубрика «Вести из лагерей». «Мы по-
учили «Советский патриот»,— писали пленные из лагеря Б.— Сами рас-
идали по шахтам. Жадно читают «хлопцы, по-русски»... До этого при-
ыкли находить французские листовки». Из другого лагеря сообщали:
Саботаж в нашей шахте развивается, несмотря на репрессии. Но ребята
е боятся... «Хай вони горят, видсижу» (речь идет о подземном пожаре в
ахте, устроенном советскими партизанами в диверсионных целях.—
вт.) И сидят в цементной клетке, где пол заливается водой».

Февральский (1944 г.) выпуск [33] содержал интересную подборку о
оевых делах партизанского отряда имени Чапаева и о первых итогах
еятельности лагерных комитетов. «Немецкие власти как чумы боятся по-
вления в лагерях советских организаций...— писала газета.— Эта орга-
изация... жизненно необходима всем советским гражданам, считающим
воим долгом вести борьбу против фашистского рабства». Лагерные коми-
еты «за короткое время сплотили вокруг себя хороший боевой актив,
аладили связь с боевыми организациями французских патриотов. Они
вляются организаторами саботажа в шахтах, в результате чего немцы
едополучают десятки и сотни тонн угля за каждый день». Благодаря ко-

---

[30] ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 2, ед. хр. 1, лл. 139—140.
[31] Там же, лл. 141—142.
[32] Там же, лл. 142—143.
[33] Там же, лл. 144—145.

митетам «в лагерях создана обстановка, когда советские люди выручают друг друга в трудные моменты жизни».

В последнем (июль 1944 г.) номере [34] привлекает внимание информация о действиях советских партизан во Франции. «Отряд «Ленинград»,— говорится в одной из заметок,— под командой тов. Виктора, наряду с боевыми операциями ведет большую политическую работу среди населения».

«Советский патриот» жадно читался и перечитывался во всех лагерях. Каждый новый его номер ждали с нетерпением, благодарили редакцию, при этом иногда и критиковали ее. Некоторые читатели требовали, чтобы газета больше публиковала доходчивых материалов о быте пленных, в частности гражданских, ярче освещала боевые действия советских партизан и конкретные факты, рассказывавшие о помощи гражданам СССР со стороны французского населения. Один из таких корреспондентов [35] резонно заявил: «...Нужно помнить, что военнопленный не только солдат. У него семья, жена, дети. Он о них думает, о своей деревне, городе, работе». И далее: «Статья об освобождении Крыма [36] могла бы быть меньше сводкой и более рассказом, внушающим радость и надежду, напоминающим богатство и красоту этого района страны. Радио Москвы говорило об этом солдатам. Почему же не говорить нам пленным?»

ЦК советских пленных во Франции, лагерные и межлагерные комитеты издавали и распространяли также множество листовок, воззваний, обращений и т. д. Среди них — уже упоминавшееся обращение группы советских патриотов от 6 августа 1943 г. к советским пленным и гражданам СССР, угнанным на фашистскую каторгу, обращение к украинцам (на украинском языке) Комитета украинского народного фронта во Франции, «К французским рабочим» (от русских рабочих во Франции), ко всем русским комсомольцам, занятым в каменноугольной промышленности на севере Франции (январь 1944 г.) (от имени комсомольского комитета лагерей), тексты Государственного гимна СССР, наиболее популярных советских песен.

К числу наиболее важных документов, сыгравших в свое время большую воспитательную роль, безусловно, относится утвержденная ЦК СП «Присяга советского партизана» [37]. Вот ее волнующий текст: «Я, патриот Советского Союза, вступая в ряды партизан, беру на себя высокое, ответственное и почетное звание бойца партизанского фронта. Это звание я буду оправдывать с честью и достоинством патриота Советского Союза.

Подлые немецко-фашистские захватчики совершили чудовищные злодеяния в отношении моего народа. Я обязуюсь беспощадно мстить кровожадному врагу до полного его разгрома, до окончательной победы моей Советской Родины над фашистской Германией.

Вступая в ряды партизан, я обязуюсь быть честным, мужественным и дисциплинированным бойцом-партизаном, точно и беспрекословно выполнять все боевые задания, которые мне будут поручать мои руководители. Я всегда готов отдать свою жизнь за правое дело нашей борьбы и за своих товарищей по оружию.

Я совершенно ясно представляю себе трудности и лишения, которые ожидают меня на пути борьбы в тылу врага. Но я этих трудностей и лишений не боюсь и буду преодолевать их мужественно и героически. Никакие трудности, ни даже сама смерть не смогут остановить меня на пути борьбы против злейшего врага человечества — фашистских людоедов.

---

[34] Там же.

[35] Там же, л. 136.

[36] Речь идет о статье, опубликованной в апрельском (1944 г.) выпуске «Советского патриота», экземпляра которого в фонде ЦПА ИМЛ не имеется.

[37] ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 2, ед. хр. 1, л. 138.

Выполняя свой долг перед Советской Родиной, я также буду честным и справедливым в отношении французского народа, на земле которого я защищаю интересы своей Родины. Я всеми силами буду поддерживать своих братьев-французов в их борьбе против нашего общего врага — немецких оккупантов.

Если же я погибну в борьбе с врагом, то считайте, что я был верным сыном моего народа и погиб честно за правое дело Великой Советской Родины».

В скупом, но исключительно богатом по содержанию тексте «Партизанской присяги» нашли яркое отражение такие замечательные качества советских людей, выпестованных партией и комсомолом, как пролетарский интернационализм, высокая идейность, безграничная преданность социалистической Родине, мужество и бесстрашие, взаимовыручка и чувство товарищества.

Свою священную клятву воины советских партизанских отрядов во Франции, число которых к весне 1944 г. достигло 35, свято выполняли.

За 1943—1944 гг. партизанами было уничтожено или повреждено: железнодорожных эшелонов 65, паровозов 76, вагонов более 1 000, автомашин с вооружением 50, электролиний 9, крупных мостов 3, телеграфно-телефонных линий военного значения 90. Взято трофеев: автомашин более 100, минометов 14, пулеметов 36, автоматов 850 [38].

Боевые партизанские будни были насыщены героическими подвигами. Вдали от родной земли советские люди до последнего удара сердца оставались верными и стойкими сынами социалистической Отчизны.

Член ЦК СП лейтенант Порик («Василий»), окруженный десятками врагов, один в течение трех часов оборонял дом. Израсходовав все боеприпасы и получив несколько тяжелых ранений, он был схвачен врагами. «Ночью меня привезли в тюрьму,— писал об этом В. Порик,— назвали меня русским бандитом и бросили в камеру № 1. Камера представляла собой 2 метра длины, 1—1,5 метра ширины, в маленьком окошке больше железа, чем стекла. В камере было немножко соломы, одеяло, наверно, с прошлого столетия, кроме того полметра сора и миллионов несколько вшей и опять один фашистский бандит возле железных дверей. Я не робел, пел «Интернационал» и стремился еще раз отомстить фашистам за их зверства».

18 дней пытали Порика гитлеровские палачи. В день, когда была назначена его казнь, Порик убил часового и бежал. Вырвавшись на свободу, он вновь встал в строй и в качестве заместителя командира отдельного батальона советских партизан возглавлял смелые налеты на оккупантов. За неделю до своей гибели он передал братское приветствие французским товарищам по оружию в связи с их национальным праздником — днем взятия Бастилии: «Дорогие товарищи! Разрешите от имени советских патриотов во Франции передать вам в день вашего национального праздника свой боевой партизанский привет. Мы, советские патриоты, не отстаем от нашей Советской Родины и по примеру нашей любимой Красной Армии совместно с французскими патриотами били, бьем и будем бить фашистов до конца.

Мы бьемся за Советскую Родину и за свободу всех национальностей во всем мире. Мы просим французский народ помочь нам и тем самым ускорить победу над фашизмом.

Да здравствует свободная Франция!
Да здравствуют французские и советские патриоты!
Да здравствует Красный фронт!
Смерть фашистским собакам!» [39].

[38] Там же, л. 12
[39] Там же, ед. хр. 3, лл. 20—21.

Командиром одного из подразделений батальона имени Сталин был колхозник Бойко. Этот молодой украинец, никогда не служивший армии, проявил незаурядный организаторский талант. Под его руководством советские партизаны пустили под откос более десяти воинских эшелонов, без единого выстрела овладели концлагерями Бомо, разоружив и арестовав сторожив их бельгийских фашистов. Попав в руки врага, он с изумительной стойкостью, не выдав ни одного партизана, перенес четырехмесячные пытки в гестаповской тюрьме, откуда был освобожден после изгнания гитлеровцев из Франции.

Мужественно дрались с врагом в районе Котдор партизанская рота имени Горького под командованием члена ЦК СП Н. Скрипай, партизанские части, оперировавшие на востоке страны (командиры — представители ЦК СП В. Таскин и В. Постников), партизанские подразделения на севере Франции (командиры — Г. Федорук, Д. Калиниченко и др.), отряд лейтенанта П. Пономарева, отряды «Парижская коммуна» (руководитель — В. Саломатин) и «Свобода» (руководитель — Н. Самарин). В частности, отряд «Свобода» с боем овладел городом Бер-Ле-Дюк и освободил из фашистского застенка около пятидесяти французских патриотов [40].

Нельзя не отметить героизма советского патриота Ткаченко. В честь совершенных им беспримерных ратных подвигов его именем был назван один из партизанских отрядов, успешно оперировавший в районе города Арраса. Отряд имени Ткаченко уничтожил несколько фашистских подразделений и взорвал ряд военных объектов.

Яркой страницей в истории партизанской борьбы граждан СССР во Франции являются и отважные действия отрядов А. Стамбулова (департамент Нор, бойцы этого отряда — бывшие заключенные лагеря в городе Дуэ), А. Е. Патронина (департамент Соммы), В. Постникова (пленные из лагеря Валенсьенн), отряда заключенных из лагеря Блемон, «Басен Брие» (восток Франции), партизанских групп Н. Гурова (город Бетунь), Б. Трусова, В. Клокова, А. Никитенко и П. Шабанова (все действовали на севере страны) и группы, оперировавшей в городе Хазбрук [41].

О трудном и славном пути, пройденном советскими патриотами во Франции, можно судить по свидетельствам непосредственных участников движения народных мстителей. Вот что, например, рассказывают бывшие бойцы отряда лейтенанта Александра Стамбулова [42]. Отряд возник в конце 1942 г. в количестве 12 человек, а к весне 1943 г. в нем уже насчитывалось 42 бойца. За полтора года существования отряд успешно провел свыше тридцати операций. «В июле месяце 1942 г.,— вспоминает Григорий Чернов,— нас привезли во Францию в город Дуэ для работы в шахтах. В ноябре месяце мне и моим товарищам удалось познакомиться с руководителем французской партизанской группы Жаком Кальмус. Мы попросились к нему в группу и 13 декабря 1942 года ушли из лагеря... Стамбулов Александр, Степанов Анатолий и я, Чернов Григорий... В течение месяца, находясь на квартире французских коммунистов Луи Пат, Марселя Куеса и Виктора Фонтена в пригороде г. Дуэ Вазьене, мы учились французскому языку» [43]. С февраля до конца апреля 1943 г. группа совершила ряд диверсий. Затем последовали провал и заключение в военной тюрьме.

Сразу же после выхода из тюрьмы и возвращения в лагерь А. Стамбулов попросил лагерный комитет дать ему новые задания. О минувших шести с половиной месяцах одиночного заключения он сообщает скупо: «Допросы, избиения и пытки следовали один за другим. Мы твердо стоя-

[40] Там же, лл. 1—6.
[41] Там же, л. 5.
[42] Там же, л. 6.
[43] Там же.

на своем, прекрасно понимая, что малейшая неустойчивость — гибель я нас и для других товарищей, которые еще не работают. Не добившись ничего и не найдя никаких нитей... немцы отправили нас из Лилльской тюрьмы в русский рабочий лагерь Тиерс ля Гранж (Валенсенн)» [44]. В мае 1944 г. А. Стамбулов организовал побег почти всех заключенных из лагеря Тиерс ля Гранж. Большинство из них он привлек в свой партизанский отряд, который совершил стремительный рейд по вражеским тылам в департаменте Л'Эн. С июля по ноябрь снова концлагерь — сначала в Компьене, потом в Гамбурге. Финал описывается Стамбуловым так же лаконично: «В ночь на 15 ноября 1944 г. мы... бежим из концлагеря и скрываемся в русских лагерях г. Бремена. 5 апреля 1945 года — мы освобождены» [45].

Такой же трудный боевой путь прошел партизанский отряд А. Е. Патронина, созданный в конце 1942 года. Первоначально в отряде было двенадцать человек, но за полтора года численность его в несколько раз увеличилась. Партизаны участвовали более чем в тридцати боевых операциях и, в частности, освободили от оккупантов пять населенных пунктов в районе города Альберта [46].

Действовавший в районе города Бетунь и впоследствии освободивший его отряд под командованием Николая Гурова был разбит на пять оперативных групп. В его рядах состояли несколько рабочих-французов, выполнявших функции разведчиков. Отважными бойцами в этом отряде проявили себя девушки-связистки — француженка Франсиса и советская комсомолка Таня Чеховская [47].

Группа сибиряка-красноярца, бывшего лейтенанта советских инженерных войск Бориса Трусова, оперировавшая в департаменте Соммы, с начала активных партизанских действий провела организаторскую работу среди всех заключенных концлагеря (800 чел.). «Ваши листовки и призывы получаем регулярно. Саботаж проводим большинством личного состава лагеря»,— сообщали руководители этой группы Межлагерному комитету севера Франции [48].

По инициативе группы Б. Трусова не только в этом, но и в других лагерях началось добровольное отчисление из предельно скудного пайка военных тем товарищам, которые, будучи на особом подозрении гестаповцев, числились по так называемой третьей категории и фактически были обречены на голодную смерть.

Партизанским отрядам нередко приходилось оперировать в обстановке провокаций, постоянно остерегаться предательства, в частности со стороны польской националистической агентуры фашизма. Так, подручные Андерса и Миколайчика выдали гестаповцам в декабре 1943 г. группу советских партизан во главе с Валерианом Клоковым из Тамбова, диверсионные акты которой наводили панику на фашистских завоевателей в районе города Арраса. Такая же участь постигла и соседний отряд под командованием моряка-подводника Александра Никитенко, уроженца Запорожской области Украины [49]. После разгрома гитлеризма участники этих отрядов были освобождены и вернулись на Родину.

В летописи боевых подвигов советских патриотов, боровшихся с гитлеровцами в рядах сражавшейся Франции, видное место по праву принадлежит уже упоминавшемуся отдельному партизанскому батальону имени Сталина. В 1943—1944 гг. он успешно действовал в промышленном районе севера Франции. В своем рапорте ЦК Коммунистической

---

[44] Там же, л. 7.
[45] Там же, л. 8.
[46] Там же, л. 109.
[47] Там же, л. 112.
[48] Там же, л. 118.
[49] Там же, л. 121.

партии и Советскому правительству в октябре 1944 г.[50] бойцы батальона писали, что в их лице «немцы завезли к себе в тыл не дешевую рабочую силу», а боевые кадры, партизан, которые «никогда и не думали сложить свое оружие в борьбе за честь и свободу нашей Советской Родины... В борьбе против немецко-фашистских захватчиков мы использовали не только методы партизанских действий. Находясь в крупнейшем угольном бассейне оккупированной Франции, мы делали все, чтобы срывать добычу угля, подрывать военно-экономическую базу врага. На каждой шахте, где только были советские люди, действовали диверсионные группы, которые выводили из строя машины, заваливали штреки, портили вентиляционное и электрическое хозяйство. В результате массовых актов саботажа и диверсий... немцы недополучили десятки тысяч тонн угля. Защищая интересы нашей Родины в глубоком тылу врага, мы также были честными и справедливыми и в отношении французского народа. Мы действовали сообща с нашими братьями по оружию — французскими партизанами, оказывая друг другу помощь». В заключение в рапорте, текст которого был единодушно утвержден всеми бойцами партизанского батальона, отмечалось, что народ Франции питает к советским партизанам «большую любовь и оказывает нам большую поддержку...».

Зародившись в народных низах, так же как и пламя партизанской войны на временно оккупированных советских землях, движение партизан СССР во Франции возглавлялось простыми людьми, рабочими и крестьянами, верными сынами великого советского народа, которого, как еще в годы гражданской войны говорил Ленин, никогда не победить никакому врагу, ибо этот народ защищает свою родную Советскую власть[51].

Приведем следующие данные о 49 партизанских командирах[52]:

Национальность	русских — 34 чел., украинцев — 14 чел.
Возраст	от 16 до 20 лет — 4 чел. от 20 до 30 лет — 37 » от 30 и старше — 8 »
Образование	с высшим образованием — 4 чел. со средним — 10 » с низшим — 35 »
Партийность	членов и кандидатов партии — 10 чел. комсомольцев — 16 » беспартийных — 23 »
Воинское звание	старших офицеров — 1 чел. средних — 8 » младших командиров и рядовых — 40 чел.
Время побега из плена	в 1942 г. — 1 чел. в 1943 г. — 28 » в 1944 г. — 20 »

Героическая борьба советских людей рука об руку с патриотами Франции против гитлеровцев — яркое свидетельство неукротимой воли всех свободолюбивых народов к миру и дружбе между всеми людьми на нашей планете.

Помогая свободолюбивым французам в очищении их земли от гитлеровцев, советские люди, взявшиеся за оружие, ясно сознавали, что тем самым они служат родной советской Отчизне и выполняют свой священ-

---

[50] Там же, л. 126
[51] См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 292.
[52] ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 2, ед. хр. 1, л. 12.

ий интернациональный долг перед народами всего мира. Так же думали французские патриоты.

Боевые операции советских партизанских отрядов, действовавших в ды войны во Франции, наносили чувствительные удары по гитлеровой военной машине, подрывая фашистский кровавый «новый порядок». о они имели не только военное значение. Роль их значительно шире. ни показали миллионам французов, на что способен человек, воспитанный обществом, навсегда освобожденным от эксплуатации и классового нетения.

Народ Франции гордился и гордится беспримерными подвигами геев движения Сопротивления. Он высоко ценит и боевые дела советих партизан, свято хранит память о тех из них, кто отдал свою жизнь борьбе с фашистами. Ассоциация бывших участников Сопротивления рода Нима, например, в письме Н. С. Хрущеву сообщала, что могилы ветских партизан П. Вартанова и Н. Балонина на кладбище Ла Кальт ежегодно 25 августа посещаются французскими патриотами. «Своей овью,— говорится в письме,— два советских партизана скрепили узы ружбы, объединявшей французских и советских партизан в общей борьбе за освобождение своих стран и всех народов от гитлеровских захватиков» [53].

[53] «Правда», 17 декабря 1959 года.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА *

Йозеф Мацек

III съезд чехословацких историков собрался в обстановке, когда страны социалистического лагеря наглядно демонстрируют перед всем миром великие преимущества социализма. Человечество на практике убеждается, что мир и счастье неразрывно связаны с социализмом и коммунизмом. Анализ успехов социалистических стран, данный XXI съездом Коммунистической партии Советского Союза, осветил замечательные перспективы социалистического лагеря, широкий путь перехода от социализма к коммунизму.

Чехословацкая республика, руководимая рабочим классом во главе с Коммунистической партией, занимает среди социалистических стран почетное место не только благодаря ее растущему экономическому потенциалу, но также благодаря той политической монолитности и единству трудящихся, которые особенно ярко проявились во время яростных атак империалистов в дни контрреволюционного путча 1956 г. в Венгрии. Непрерывно усиливается и развивается наше народное хозяйство. Во многих отраслях промышленного производства мы уже вышли на первые места в мире. Безвозвратно ушло в прошлое различие между промышленно развитыми чешскими землями и еще совсем недавно отсталой Словакией. На базе социалистической промышленности и кооперированного сельского хозяйства мы строим новые отношения между людьми. После многовековой борьбы с эксплуататорами у нас одержали решительную победу идеалы подлинной свободы. Мы, историки, хорошо знаем, как часто судьбе нации грозила опасность, когда руль политического руководства держали в своих руках феодалы и буржуазия. Рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, навсегда сделал невозможным повторение таких позорных страниц в истории Чехословакии, как Белая Гора и Мюнхен. Чехословацкий народ, завершая строительство социализма, обеспечил прочную базу национального развития, счастливую и мирную будущность родной страны. Тесные братские связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами являются надежной гарантией нашей национальной свободы и независимости. Идеи пролетарского интернационализма, вытекающие из марксистско-ленинского учения, являются прочной основой, на которой строятся братские отношения между чехами и словаками. Социалистическая культурная революция открыла всему народу доступ к знаниям, которые облагораживают наши мысли и сердца.

XI съезд Коммунистической партии Чехословакии поставил в качестве неотложной задачи завершение социалистического строительства. Но было бы неправильно рассматривать эту задачу только с экономической точки зрения. Много еще надо сделать на идеологическом фронте. «Решающее воздействие на образ мыслей и сознание людей,— говорил на съезде А. Новотный,— несомненно, оказывает последовательное осу-

* Сокращенный текст доклада на III съезде чехословацких историков.

ествление наших задач в области классовых отношений, роста произ-одительных сил, дальнейшего развития социалистической демократии. особо важное значение приобретает при этом идеологическая работа, оторая наравне со всей организационной работой партии, общественных организаций и народно-демократического государства активно со-йствует завершению социалистической революции в области идеоло-ии и культуры. Без этого построение социалистического общества не-ыслимо» [1].

Решения XI съезда КПЧ явились мощным толчком к еще более на-яженной и целенаправленной работе в области идеологии. Необхо-имо, чтобы и мы, историки, критически проанализировав свою работу, пределили те неотложные задачи, которые нам предстоит решить.

Историческая наука, бесспорно, имеет большое воспитательное зна-ение. Пожалуй, нет другой такой научной дисциплины, которая может ак наглядно и убедительно довести до сознания людей основные зако-омерности общественного развития. Хотя взгляд историка обращен азад, в прошлое, он одновременно учитывает современность в непрерыв-ом ходе общественного развития и направляет внимание на будущее. сторики не собиратели древних фактов, единственная ценность которых аключается в их старине. Это не антиквары, а активные участники троительства новой жизни. Изучение конкретного проявления законов бщественного развития, бесспорно, способствует более глубокому по-нанию современности.

Знание законов развития общества дает возможность развить твор-ескую энергию народа и направлять ход событий. Марксистское учение б объективной закономерности исторического развития и роли народных асс в истории дает решение проблемы исторического детерминизма. Че-овек перестает быть беспомощной былинкой, склоняющейся перед вих-ем судьбы или волей бога, и становится сознательным членом коллек-ива, борцом за новый мир, творцом новой жизни. Этот исторический птимизм является важнейшим воспитательным моментом.

Велико значение исторической науки и для формирования идей и увств человека. Марксистское учение дает возможность историкам равильно понимать и объяснять неразрывное единство социалистиче-кого патриотизма и пролетарского интернационализма, правильно отно-иться к идейному наследию прошлого. Связь нашей социалистической овременности с прогрессивным наследием прошлого наглядно выразил денек Неедлы, высказав мысль о том, что коммунисты — наследники еликих национальных традиций, причем под этими традициями он имел виду все прогрессивное. Если история учит, что в борьбе за справедли-ый общественный строй, за благосостояние родной страны родились и крепли международная солидарность и братство, наиболее полно осу-ествлявшиеся в идеях пролетарского интернационализма, то тем са-ым она содействует социалистическому воспитанию людей.

Разумеется, может возникнуть возражение (буржуазные историки ак раз и выступают с ним сегодня), что обязанность ученых — искать стину, какой бы она ни была, и что у исторической науки нет, следова-ельно, никакой иной миссии, в том числе и воспитательной. История на-чного познания учит нас, что наука всегда развивалась в самой тесной неразрывной связи с практикой, с жизнью, с производством. Обще-твенные науки, в частности историческая, также развивались в опре-еленных общественных условиях и в связи с неотложными общественными задачами. Возьмите, например, нашего Козьму Пражского, и вы видите, как он в своей «Хронике» учит читателя почтению к церковным светским феодалам, как жаждет упрочения Чешского государства.

[1] А. Новотный. Отчетный доклад XI съезду Компартии Чехословакии и авные задачи текущего момента. «XI съезд Компартии Чехословакии». М. 1959, р. 93.

О Далимиле мы обычно говорим, что в его произведении «Чешская хроника» нашла отражение борьба дворянства с усиливавшимся мещанством городов. Также, несомненно, хроникер Вацлав Гайек из Либочан хотел прославить дворянство, что он и сам признает в своем предисловии.

Разумеется, и более высокая ступень в развитии исторической науки — буржуазная историография — не свободна от воздействия общественных отношений и является классовой по своей природе, хотя это громогласно отрицается буржуазными историками. Хорошо известно, что научная деятельность Ф. Палацкого была тесно связана с наступлением чешской буржуазии и он сам не скрывал политической направленности своих трудов. Именно потому, что его труды являлись проявлением наступления нового общественного класса, они помогали общенациональной борьбе. «История» Ф. Палацкого, его взгляды отразили целую эпоху, некоторые прогрессивные стремления периода революционного перехода от феодализма к капитализму.

Классовый характер носят воззрения и других буржуазных историков. Хотя Ярослав Голл заявлял, что мы «изучаем историю прежде всего ради самой истории» [2], это было, разумеется, только субъективным стремлением. Объективно исторический идеализм и позитивизм Голла проистекали из потребностей и целей пресытившейся буржуазии. Как только она одержала победу над феодалами и укрепила свое господство, она отказалась от историографии революционной поры. Уже в период развитого капитализма появляются теории о чистой науке и надпартийности истории. Однако эти теории лишь лицемерно прикрывали буржуазный характер этой науки. Некоторые современные буржуазные историки также заявляют, что они якобы совершенно свободны, надпартийны и не связаны ни с каким общественным классом. Это опровергается, например, тем, что современные буржуазные немецкие историки яростно защищают прусских юнкеров и генералов, монополистов и фабрикантов и высокомерно игнорируют рабочее движение.

Марксизм-ленинизм, исходя из диалектического единства теории и практики, признает общественную роль и партийность науки. Сторонники пустейшего субъективизма упрекают нас, что мы в интересах партийности якобы извращаем факты, искажаем историческую действительность, лишаем историческое познание научной объективности. Подобного рода обвинения, разумеется, неправильны и являются результатом непонимания или клеветы, порожденной стремлением фальсифицировать марксизм-ленинизм. Наоборот, марксистская партийность как раз и является высшей степенью научной объективности. В отличие от буржуазного объективизма, который называет себя надпартийным и вневременным, марксизм открыто признает историческую обусловленность выводов научных исследований. Классы, тормозящие общественное развитие, не могут принять материалистическую диалектику. Только пролетариат, борющийся за ликвидацию всякого угнетения и эксплуатации, заинтересован в том, чтобы познать мир и его историю такими, какие они есть, без суеверий и иллюзий.

Коммунистическая партийность в науке требует объективного познания мира и является одновременно научной и объективной. Мы решительно становимся на сторону рабочего класса. Кто следит за развитием чехословацкой марксистской исторической науки, видит, что принципы партийности не только не ослабили результатов научных исследований, но, напротив, дали возможность сделать их более точными. На II съезде чехословацких историков профессор Карел Стлоукал рисовал мрачные перспективы исторической науки, если она станет партийной. Вот как вульгарно и искаженно рассматривал тогдашний председатель Чехословацкого общества историков, сам находившийся в плену полити-

[2] J. Goll. Vybrané spisy drobné I. Praha. 1928, str. 11.

ских лозунгов буржуазии, марксистскую историографию! Его мрачные едсказания начисто опровергаются достигнутыми чехословацкой торической наукой большими результатами, и пусть это будет для нас вым стимулом к тому, чтобы укреплять и углублять принцип партийсти в исторической науке и создавать произведения, содействующие циалистическому и коммунистическому воспитанию. Наконец, как не-по звучит сейчас подобная буржуазная клевета, когда весь мир увил советские ракеты и спутники, когда замечательно расцветает советая наука, придерживающаяся идейных принципов марксизма-ленизма.

Чехословацкая историческая наука, руководствуясь идеями марксиза-ленинизма, также должна полностью повернуться к современным роблемам, смотреть не только назад, но и далеко вперед, чтобы определять задачи и оценивать свою деятельность. Мы призваны активно участвовать в воспитании строителей коммунизма, горячих патриотов и интернационалистов, людей подлинно гуманных идеалов, успешно преодолевающих в себе эгоизм, мелкобуржуазные привычки, малодушие и суеверие.

Чтобы наша историческая наука выполнила свою общественную миссию, она, разумеется, должна быть хорошо для этого вооружена. Марксизм-ленинизм является единственной теоретической базой, на которой может успешно развиваться историческая наука, ибо только марксизм-ленинизм дает надежную ориентировку, научную методологию, глубокую теоретическую основу для научного познания. Диалектический материализм помогает историкам познать объективную действительность, законы общественного развития. Тем самым научное познание поднимается на более высокий уровень, и историография только теперь действительно становится наукой.

Исторический материализм ориентирует историков преимущественно на вопросы материального бытия и учит, что лишь исходя из него следует объяснять общественное сознание. Поэтому мы, материалисты, уделяем много внимания развитию производительных сил и производственных отношений. Однако мы одновременно и диалектики и поэтому стремимся понять процесс исторического развития в его многообразии и единстве. Разумеется, мы отвергаем ненаучные теории современной буржуазной историографии о множественности причин исторического развития. Часть буржуазных историков отошла от вульгарных идеалистических концепций, игнорирующих экономическое и социальное развитие. Теперь (за исключением церковных историков) они, как правило, начинают уделять внимание и экономическому развитию, однако рассматривают его как один из факторов исторического развития. Таким образом, основная идеалистическая философская концепция не преодолена, а лишь дополнена и приукрашена. В отличие от буржуазных историков марксисты исходят из учения о базисе и надстройке, из признания определяющего характера экономического развития, учитывая одновременно диалектическое единство базиса и надстройки.

Исторический материализм учит нас, чтобы мы главное внимание уделяли деятельности народных масс, труд и борьба которых являются решающим фактором общественного развития. Поэтому марксисты придают решающее значение классовой борьбе.

Современная буржуазная историография находится под сильным влиянием империалистических идеологов, которые пытаются еще и сегодня говорить о капитализме без антагонистических классов — буржуазии и пролетариата — и о классовой борьбе как о преодоленном пережитке прошлого. Повседневная жизнь капиталистического мира снова и снова подтверждает справедливость марксистской теории классовой борьбы и показывает, что как в прошлом, так и сейчас народные массы

играли и играют решающую роль. То обстоятельство, что марксисты подчеркивают значение народных масс, ни в коей мере не означает, что они отрицают роль исторических личностей.

Марксизм-ленинизм является для каждого историка неиссякаемым источником идей, а также методологическим руководством и философской базой его научной деятельности. Необходимо подчеркнуть, что и для историков обязательны принципы единства марксизма-ленинизма. Практически это означает, что историки обязаны систематически изучать родственные научные дисциплины и следить за их успехами, что особенно относится к политической экономии и философии. Научная специализация не должна отвлекать историка от философии и политической экономии. Немало недостатков нашей исторической науки проистекает из того, что историки не всегда овладевают знаниями о родственных научных дисциплинах, не вникают глубоко в сущность экономического развития, поверхностно изучают развитие идей. Марксистско-ленинскую теорию в исторической науке нужно применять творчески.

В. И. Ленин указывал, что марксизм требует творческого изучения новых фактов в их исторической взаимосвязи. Он отвергал догматическое пережевывание научных положений и так же, как и другие классики марксизма, требовал творческого применения теоретических принципов. Руководствуясь этим в методологии нашей работы, мы должны решительно отбросить «идейки» современных ревизионистов и догматиков, пытающихся фальсифицировать марксизм. Для нас марксизм-ленинизм является вечно живым огнем. Классики марксизма-ленинизма помогают нам глубже познать прошлое и современность, лучше отобразить объективную действительность и использовать эти знания для революционного преобразования общества.

Я остановился на некоторых актуальных теоретических проблемах, чтобы снова напомнить, что для марксистской историографии остается в силе закон о единстве теории и практики. Укрепляя и развивая диалектическое единство теории и практики, чехословацкая историческая наука должна обогащаться идеями, выросшими на почве социалистической культурной революции, и одновременно систематически углублять свою философскую, методологическую и гносеологическую базу. Это решающие предпосылки для дальнейшего успешного развития чехословацкой исторической науки. Чтобы лучше понять неотложные задачи, стоящие перед чехословацкими историками, необходимо хотя бы в общих чертах сделать критический обзор проделанной ранее работы. Поэтому я попытаюсь изложить некоторые выводы, вытекающие из анализа многих опубликованных за последние годы книг, научных работ и статей.

★

Национальная и демократическая революция 1945 г. была исторической вехой в истории Чехословакии, рубежом новой эпохи — социализма. Для чехословацкой исторической науки, в которой постепенно стало побеждать научное мировоззрение рабочего класса, марксизм-ленинизм, 1945 год также явился решающим рубежом. До февраля 1948 г. марксистская историография, разумеется, лишь начинала свое наступление и нередко находилась в обороне. Достаточно вспомнить II съезд чехословацких историков, на котором делались грубые выпады против марксизма и социализма, а горстка историков-марксистов лишь давала отпор наиболее яростным нападкам против марксизма. Правда, еще до февраля 1948 г. появились некоторые программные работы и статьи, посвященные марксистской концепции чехословацкой истории, однако это было скорее начало, нежели всестороннее развитие. Решительный поворот в развитии марксистской исторической науки в Чехословакии наступил после февральских событий 1948 года. Ликвидация трудящимися

од руководством Коммунистической партии Чехословакии в феврале 948 г. реакционного путча и решительная победа социалистической ре-олюции дали возможность создать широкую базу для творческого при-енения марксизма-ленинизма в чехословацкой исторической науке. Ее стория в период 1945 —1959 гг. является, следовательно, историей борь-ы за марксистскую историческую науку, историей развития и победы арксистской историографии.

В 1945 г. чехословацкая марксистская историческая наука могла ереться на опубликованные ранее произведения чехословацких марк-истов и историков К. Готвальда, Я. Швермы, К. Конрада, З. Неедлы др. В высших учебных заведениях появилась группа молодых историков-арксистов, которая после февраля 1948 г. окрепла и начала работать. ешающее значение имела помощь, систематически оказываемая марк-истской исторической науке Коммунистической партией Чехословакии. ешения съездов и ЦК КПЧ были и являются постоянным источником дейного укрепления и углубления чехословацкой исторической науки. ольшое значение имеет издание Сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, . И. Ленина, К. Готвальда, в которых чехословацкие историки нашли ринципиальные научно-теоретические и методологические указания. оммунистическая партия Чехословакии ставит перед чехословацкими сториками актуальные задачи, помогает им в борьбе против буржуазной деологии (космополитизма, позитивизма, ревизионизма).

Еще до февраля 1948 г. выдающуюся роль в поддержке молодой арксистской историографии сыграли культурный фонд имени К. Гот-альда и Социалистическая академия, руководимая КПЧ. Успеху чехо-ловацкой исторической науки способствовало и то обстоятельство, что адежным компасом для нее служили работы Зденека Неедлы, которые чили идейной ясности, соединению анализа фактов с теоретическими онцепциями. Принцип З. Неедлы «история едина» помогал использовать иалектический метод при изучении истории и преодолевать метафизи-ескую изолированность явлений, в защиту которой выступала буржуаз-ая историография.

Неоценимую помощь в развитии чехословацкой историографии ока-ала советская историческая наука, советские публикации и журналы, лияние советских историков. Большую роль в росте научного сотруд-ичества советских и чехословацких историков играл со времени своего снования в 1950 г. Чехословацко-Советский институт. Вокруг журнала Sovětska věda Historie» сгруппировался коллектив марксистов, зна-омивший чехословацкую общественность с трудами советских историков старавшийся творчески перенять их опыт. У советской историографии ы учились бороться на стороне рабочего класса за новый обществен-ый строй. У советских друзей мы учились также коллективной форме аучной работы. Мы с благодарностью вспоминаем помощь наших совет-ких товарищей в развитии марксистской исторической науки в Чехосло-акии. Сейчас десятки чехословацких историков-марксистов стали в один яд, плечом к плечу с советскими. Книги и исследования чехословацких ченых переводятся на русский и другие языки народов Советского Со-оза. Мы стремимся к тому, чтобы вместе с советскими друзьями успешно ороться за цели социалистического и коммунистического воспитания рудящихся, против ревизионизма и всех проявлений буржуазной идео-огии.

Марксистская историческая наука в Чехословакии с самого начала тремилась к созданию единого идейного фронта чешских и словацких сториков, когда приходилось систематически преодолевать сопротивле-ие буржуазной историографии. Например, на II съезде чехословацких сториков профессор В. Халоупецкий выступил с тезисом чешской бур-куазии, что самостоятельного словацкого народа не существует, и про-озгласил принципы чехословакизма. Эти формы буржуазной идеологии

одновременно отвергали право словацких историков построить самостоятельную концепцию словацкой истории. С другой стороны, буржуазные словацкие националисты разрывали историческую общность чешской и словацкой истории и в полном противоречии с объективной действительностью противопоставляли друг другу историческое развитие обоих народов. Они закрывали глаза на тот факт, что чешский и словацкий народы развивались в тесном, дружественном и плодотворном сотрудничестве. В этих вопросах историкам-марксистам приходилось преодолевать особенно большие трудности.

В Словакии развитие марксистской исторической науки запоздало, так как здесь позиции буржуазии и сопротивление ее идеологии были более сильными, чем в чешских землях. Помимо этого, длительное национальное угнетение словаков венгерскими феодалами и буржуазией привело к тому, что в Словакии не было подготовлено и опубликовано столь значительного количества исторических источников и научных работ, как в чешских землях. Однако и здесь февраль 1948 г. отбросил с пути препятствия, искусственно нагроможденные чешской и словацкой буржуазией. Начал создаваться единый фронт действительно чехословацкой исторической науки. В будущем, разумеется, необходимо приступить в общегосударственном масштабе к последовательному изучению закономерностей исторического развития чешского и словацкого народов. Несомненно, что чешский и словацкий народы до 1918 г. развивались в различных исторических условиях. Отсюда вытекает и необходимость самостоятельного изучения чешской и словацкой истории. Вместе с тем с начала формирования чешской и словацкой наций между этими народами непрерывно развивались тесное сотрудничество и братские отношения. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы чешские историки изучали и знали словацкую историю, проводили исследования по ее проблемам, а словацкие историки изучали и знали чешскую историю. Кроме того, необходимо усилить изучение исторического развития взаимных связей и показать в исторической перспективе, как интернационализм рабочего класса обеспечивает под руководством Коммунистической партии Чехословакии неуклонное развитие чешского и словацкого народов в социалистической Чехословакии. Хорошим началом в этом деле была конференция в Смоленице в 1956 г., в результате которой наша общественность получила сборник «О взаимных отношениях чехов и словаков» [3].

После февраля 1948 г. высшие учебные заведения постепенно превращались в базы марксистской исторической науки. Вокруг кафедр сгруппировались новые коллективы преподавателей-марксистов. Значительным итогом этой победы в области науки явилась организация в 1952 г. Чехословацкой и Словацкой академий наук. Были созданы также институты, и большинство работавших в них ученых были марксистами. Развернулась издательская деятельность, появились новые журналы. В том же году был образован Институт истории Коммунистической партии Чехословакии, а позднее Институт истории Коммунистической партии Словакии, которые стали основными центрами научных исследований по истории партии и рабочего движения. Следовательно, 1952 год можно по праву считать следующей важной вехой в развитии чехословацкой исторической науки после февральских событий 1948 года.

Развитие чехословацкой исторической науки проходило в неустанной борьбе с буржуазной историографией. Если в общих чертах подытожить ее развитие с 1945 г., то следует выделить первый период, когда чехословацкие историки, часто впервые, начали знакомиться с гносеологическими, методологическими и философскими концепциями марксиз-

[3] «О Vzájomnych vztahoch Čechov a Slovákov». Sborník materiálov z konferencie Historického ústavu. Bratislava. 1956.

а-ленинизма. Не удивительно, что многим историкам могло показать-
я, что все уже готово, концепции даны и теперь остается лишь привести
соответствие отдельные частности, заполнить схему. При общей низкой
илософской подготовке чехословацких историков и под влиянием бур-
уазной объективистской идеологии случилось так, что у нас стали про-
вляться черты догматического применения марксизма-ленинизма, уси-
енные проявлениями культа личности. После 1956 г., когда идеологиче-
кая работа стала глубже, началась и критика догматизма. Однако, как
го часто бывает, критика была односторонней, говорившей лишь о не-
бходимости изучения фактов и новых архивных источников. Это при-
ело к тому, что в чехословацкую историческую науку проникли сильные
лияния буржуазного позитивизма и объективизма, являвшиеся тяже-
ым наследием буржуазной идеологии. В настоящее время вредное влия-
ие тенденций позитивизма и объективизма становится опасным для
азвития чехословацкой исторической науки, и этому вопросу следует
делять особенно серьезное внимание.

Я хочу подчеркнуть, что охотнее использую термин «позитивистские
енденции», чтобы показать, что речь идет не о позитивизме как философ-
кой системе Огюста Конта, а лишь о констатации конкретных проявле-
ий позитивистского метода.

Как в современной исторической науке проявляется позитивизм? Прежде всего он проявляется в нарушении диалектического единства общего и частного, являющегося одной из основ марксистской диалектики, и метафизически противопоставляет частное общему. В результате этой неправильной гносеологической концепции получается, что, например, в источниковедении все внимание уделяется только собиранию возможно большего количества фактов и исторических дат. Полученные факты затем критически классифицируются и оцениваются (разумеется, лишь в их взаимоотношениях), чем достигается в лучшем случае только объяснение причинных связей между фактами. На этом исследование заканчивается. При таком подходе отсутствует сознательное стремление искать общие связи и закономерности, и сам исследователь отвлекается от изучения теоретических вопросов и проблем, правильное решение которых, в свою очередь, пролило бы новый свет на факты.

В итоге такого нарушения диалектического единства общего и частного появляются фактографические описательные работы и книги, в которых собрано множество конкретного материала, но отсутствуют идеи и теоретические обобщения. Мерилом ценности такого труда становится не вывод, не творческий вклад, не выяснение сложных проблем или установление новых отношений и объяснение общих закономерностей, а, наоборот, огромное количество фактов, обилие ссылок на архивные источники, уйма примечаний в критическом аппарате. Неразлучным спутником позитивистского метода, естественно, являются объективистские тенденции. Качественно различные события и факты оцениваются одинаково, и вместо установления связи между ними их ставят рядом; вместо марксистской партийности провозглашается буржуазный объективизм. «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса,— отмечал В. И. Ленин,— материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов... Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм» [4]. Эти ленинские слова глубоко и точно выражают неразрывную связь позитивистского культа фактов с буржуазным объективизмом. Публикуется много монографий и научных работ, весьма подробных, часто даже чрезмерно об-

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 380.

стоятельных, но не проникнутых боевым марксистским духом, лишенных идейной принципиальности.

Эти позитивистские тенденции наложили отпечаток на ряд работ чехословацких историков. Так, из вышедших в последнее время книг не избежал позитивистских тенденций богатый материалами фундаментальный труд Ф. Матейка о феодальном поместье [5]. Уже подвергались критике и позитивистские тенденции в работе профессора Полишенского. Однако речь идет не об отдельных лицах, а об общей тенденции, которая проникает и в труды по новой и новейшей истории и проявилась, например, при издании сочинений Яна Гуса.

Об общих причинах оживления и усиления позитивистских тенденций я уже говорил. Это прежде всего наследие буржуазной историографии. Достигнув господства, буржуазия потеряла интерес к борьбе за идеалы, которые она написала на своем щите, сражаясь с феодалами. В этом, собственно говоря, подлинная причина перехода буржуазной историографии от смелого размаха и новых концепций Ф. Палацкого к детальным монографическим исследованиям, которых требовал Я. Голл. Бесспорная заслуга последнего заключалась в том, что он способствовал доскональности научных исследований, углублению источниковедения, более глубокой интерпретации источников. Вместе с тем, находясь под влиянием позитивизма немецкой буржуазной историографии (Вайца и Л. фон Ранке), Я. Голл разрывал факты и концепцию, общее и частное и пытался создать непреодолимый рубеж между социологией и философией, с одной стороны, и исторической наукой, с другой. Голл писал: «Только то, что показывают факты! В этом самая важная задача истории. Это и ее границы, как в отличие от социологии, так и в отличие от философии истории» [6]. Одновременно Я. Голл не обращал внимания на общие закономерности, заявляя об их непознаваемости. Й. Шуста следующим образом объяснял позицию Голла: «Не верил он и в то, что история станет подлинной наукой лишь в том случае, если по примеру естественных наук и в духе их безусловной причинности она ограничится установлением предполагаемых закономерностей и других типичных явлений» [7]. Этот гносеологический пессимизм, разумеется, питал позитивистские тенденции, которые стали господствовать в научной методологии большинства учеников Голла и были восприняты Й. Шустой и К. Стлоукалом.

Так, вплоть до наших дней сохранились и удерживаются отдельные проявления буржуазной идеологии в чехословацкой исторической науке.

У нас позитивистскому истолкованию истории часто предшествовал набор цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма, что позволяло некоторым историкам выдавать такую работу за марксистскую. Такой набор цитат, естественно, еще не делает научный труд марксистским. Марксистским его сделает творческий метод, гносеологические и философские принципы, положенные в его основу. Поэтому последовательная борьба против позитивизма и связанного с ним объективизма требует от историка серьезной философской подготовки, творческого овладения марксистско-ленинской методологией и соединения анализа новых фактов с теоретическим синтезом. Только так можно успешно преодолеть позитивистские и объективистские тенденции.

Большим недостатком является и то, что у нас до сих пор мало работают над историей чешской и словацкой исторической науки. Не подвергнута серьезному критическому разбору чешская и словацкая буржуазная историография. Как положительный факт следует отметить по-

---

[5] F. Matějek. Feudální velkostatek a poddaný na Moravě s přihlednutim k přilehlému území Sleszka a Polska. Praha. 1959.

[6] J. Goll. Указ. соч., стр. 12.

[7] J. Šusta. J. Goll. «Český Časopis Historicky» № XXXV, 1929, стр. 480.

зление критической оценки школы Пекаржа, вскрывшей ее антинародную и контрреволюционную сущность. Необходимо пойти дальше и сосредоточиться главным образом на критике позитивистской гносеологии в анализе методологии трудов историков так называемой школы Голла. Такая принципиальная критика, бесспорно, послужит ценным вкладом в дальнейшее успешное развитие чехословацкой исторической науки.

Марксистская историческая наука развивалась в Чехословакии также и в борьбе со всякими видами религиозного мировоззрения. Критика исторической концепции Пекаржа показала, как тесно переплетается религиозное мракобесие с контрреволюционными тенденциями в историографии. Однако идейная борьба с религиозным пониманием истории, особенно с идеологией протестантства, еще недостаточна. Религиозное мировоззрение последовательно вносит в историю философский идеализм и порождает представления о беспомощности людей перед волей божеского провидения. Исторические труды, написанные под влиянием религиозного мировоззрения, отрицают преемственность социально-экономических закономерностей, отвергают теорию классовой борьбы. Так, И. Цибулка в написанной им большой монографии [8] преувеличивает культурное значение католической церкви в начальный период феодализма, идеализирует христианство и затушевывает его классовую и феодальную сущность. Церковные историки искажают также и революционные традиции нашей истории.

Например, если в глазах католической историографии гуситство является достойной осуждения ересью, то протестантство рассматривает его как беззубую реформацию. С этой точки зрения протестантские историки хотят присвоить себе труды Яна Гуса и Яна Амоса Коменского, выдавая их за религиозных деятелей. Марксисты, конечно, понимают, что об исторических личностях следует судить прежде всего по результатам их деятельности. Нельзя ограничиваться одним лишь исследованием форм движения, а нужно проникать и в его сущность. Материалистическое понимание истории изобличает протестантских историков в ошибках и поверхностности. Плохо, что нет систематической критики католической и протестантской историографии с позиций марксизма-ленинизма. Актуальность борьбы с религиозной концепцией истории вытекает также из того, что сегодня в ряде капиталистических государств Европы у власти находятся христианские социалисты, которые возвели религиозную идеологию в ранг государственной и оказывают идеологическое давление на население.Так, не случайно в Западной Германии была переведена книга Р. Ржичана по истории чешского протестантства [9].

Религиозное мировоззрение является официальной идеологией современного империализма, и борьба против него имеет поэтому исключительно актуальное и политическое значение. Чехословацкие историки должны принять в этой борьбе более активное участие и установить тесное сотрудничество с философами и другими учеными в области научно-атеистической пропаганды. Нам нужны научные работы, показывающие реакционный характер церкви, Ватикана, церковной инквизиции. Было бы также желательным появление работ о развитии атеизма в нашей истории. Идеологическая борьба с религиозным мракобесием является одной из важнейших задач чехословацкой исторической науки.

До сих пор я касался только двух форм буржуазной идеологии, с которыми марксистская историческая наука вела и ведет решительную борьбу. Хочу упомянуть и о других. Это прежде всего идеологическое оружие современного немецкого империализма, против которого и в бу-

[8] J. Cibulka. Velkomoravský kostel v Modré u Velehrada a začatky křestanstvi na Moravě. Praha. 1958.

[9] R. Říčan. Das Reich Gottes in den böhemischen Ländern. Stuttgart. 1957.

дущем чехословацкая историческая наука должна упорно бороться. Чехословацкая история может представить веские аргументы для борьбы с немецким шовинизмом, милитаризмом и реваншизмом. Тысячелетняя борьба чехословацкого народа за социальную и национальную свободу наглядно показала нам всю опасность политики «Drang nach Osten» немецких феодалов и экспансии германской буржуазии. Понимание этой опасности еще больше помогает нам осознать значение образования Германской Демократической Республики — первого немецкого государства, в котором народ является подлинным хозяином своей судьбы.

С понятным беспокойством мы следим за развитием исторической науки в Западной Германии, где снова появляются культуртрегерские теории. Реакционные элементы пытаются оживить шовинистическую ненависть к нашей стране, подымают голову реваншисты. В трудах западногерманской буржуазной историографии славянские страны рассматриваются как отсталые государства, гуситство преподносится как шовинистическая вспышка расовой ненависти, Мюнхен — как якобы справедливое расчленение Чехословакии. Национально-освободительное движение чехословацкого народа обливается грязью, а возникновение народно-демократической Чехословакии изображается в искаженном виде. В то время как так называемые историки из судетских немцев не скрывают своих агрессивных и реваншистских целей и говорят об исторической неизбежности нового объединения Центральной Европы под немецким господством, официальные представители западногерманской историографии Г. Геймпель [10], Г. Риттер действуют более тонко. Они заявляют, что духовные основы Европы являются якобы римско-германскими, что немцам выпала историческая задача (в период колонизации) распространить европейскую культуру на Восток, в Россию, которая к Европе, по их мнению, не принадлежит. И сегодня, мол, нужно расширять границы Европы на Восток и завоевать на сторону европейской идеи страны социалистического лагеря. Очевидно, речь идет только о другом варианте агрессивной идеологии германского империализма.

Борьба против этих буржуазных фальсификаций истории является патриотическим долгом чехословацкой исторической науки. Пусть весь наш народ знает, в каком духе воспитывают реакционные историки западногерманскую общественность! Поэтому не только в специальных изданиях, но и в периодической прессе, предназначенной для широкой общественности, следует чаще публиковать критические рецензии на труды немецких буржуазных историков. В наши научные планы следует включить также и работы по истории немецкого империализма и национализма, о реваншизме и милитаризме. Наряду с исследованиями о прогрессивных традициях в немецко-чешских отношениях такие работы позволили бы более углубленно изучить немецкий вопрос и правильно понять роль современного германского империализма.

В борьбе с буржуазной историографией необходимо было добиться и признания принципа диалектического единства исторического развития. Сегодня уже никто не будет отстаивать мнение, будто область исторического исследования обязательно должна заканчиваться на пороге нынешнего века. Однако все еще существуют взгляды, что предметом изучения должны быть только такие исторические периоды, на которые мы можем смотреть, лишь отступив на известную дистанцию, и что научные исследования по проблемам современной истории проводить якобы невозможно. Это, разумеется, ошибочная точка зрения, противоречащая марксистскому учению о единстве исторического развития. Уси-

[10] См. мою рецензию на книгу H. Heimpel. Der Mensch in seiner Gegenwart, «Československý Časopis Historický», 1959, № VII, str. 531.

вшийся интерес к изучению закономерностей общественного разви-я современности следует всячески приветствовать. Сейчас уже можно азать, что подавляющее большинство чехословацких историков ра-тает над изучением истории XIX и XX веков. Я имел возможность со-рать примерно 350 планов научных работ наших историков. Более по-вины относится к периоду после 1918 года. Если десять лет назад про-лемами новейшей истории занималось лишь несколько специали-ов, то теперь над ними работает свыше 180 научных работников. Это льшой успех, и его не следует преуменьшать необоснованными ут-ждениями о бегстве чехословацких историков от актуальных проблем.

Результаты научной работы в области новейшей истории в настоя-ее время показывают, насколько необоснованными были опасения, о изучение новой и новейшей истории потеряет свой научный характер превратится в политическую публицистику. В будущем необходимо илить внимание к более глубокому изучению истории капитализма, обенно истории возникновения и развития социализма в Чехословакии. ужно и впредь сосредоточить силы на исследованиях в области новей-ей истории. Это надо сделать не только в интересах самой науки, но для решения актуальных политических задач.

История возникновения рабочего класса, начала его борьбы и побе-ы, а также история Коммунистической партии Чехословакии является ейчас важнейшим участком национальной истории, и в будущем науч-ым исследованиям по этим проблемам следует отдавать предпочтение. онечно, нельзя пренебрегать и изучением предшествующих периодов стории. Следует решительно отбросить мнение ликвидаторов, не сде-авших еще выводов из советской критики так называемой школы По-ровского, пытающихся разорвать диалектический процесс историче-кого развития и ликвидировать изучение предшествующих периодов стории.

Перед марксистской исторической наукой в Чехословакии на первых орах стояла неотложная задача периодизации истории. Буржуазная сториография, на которой лежала печать позитивизма, не интересова-ась научной периодизацией истории. Историки, отрицающие законо-ерность исторического развития, естественно, не признают и основ-ых рубежей в истории. Рассматривая периодизацию истории чисто ормально, они в большинстве случаев исходят лишь из изменений в об-асти искусства, с которыми якобы связано и изменение «духа эпохи». Марксисты же стремятся к тому, чтобы познать действительно суще-твующие рубежи как между общественными формациями, так и внутри их. Первые попытки периодизации истории поначалу ограничивались ишь определением наиболее общих этапов истории Чехословакии. Позднее, главным образом в связи с подготовкой «Истории Чехослова-ии» и «Истории Коммунистической партии Чехословакии», марксист-кая периодизация чехословацкой истории стала более подробной и точ-ой. Развернулись и первые дискуссии по некоторым вопросам периоди-ации (о начале феодализма, о первоначальном накоплении и так на-ываемом вторичном закрепощении). Было бы желательным, чтобы одобные обсуждения проводились и по вопросам периодизации исто-ии капитализма и социализма. Историки могли бы включиться и в дис-уссию, которую уже давно ведут философы и теоретики права, о харак-ере национальной и демократической революции.

Обмен мнениями о марксистской периодизации чехословацкой исто-ии явился важной предпосылкой для написания «Истории Чехослова-ии». Обобщающие труды буржуазных чехословацких историков носили печаток идеализма и ограничивались только чешской историей. В них акже находило свое выражение позитивистское накопление фактов и овершенно отсутствовали теоретические обобщения. Чехословацкие арксисты с самого начала чувствовали необходимость противопоста-

вить буржуазным трудам по истории Чехословакии свою историческую концепцию. Еще в бывшей Социалистической академии после 1948 возник коллектив, подготовивший марксистский труд по истории Чехословакии. Недостаток опыта и плохая подготовка помешали этому коллективу осуществить свои планы, и этот труд так и не увидел света. Тем не менее дискуссии, проводившиеся по инициативе бывшей Социалистической академии, облегчили создание учебников по истории ЧСР для старших классов средней школы и высших учебных заведений, а затем обобщающего труда по истории Чехословакии. Не только по своему объему, но и по последовательному применению марксистско-ленинского учения к изучению прошлого нашей страны «История Чехословакии» является в настоящее время наиболее значительным итогом сотрудничества и совместной работы чешских и словацких историков. Дискуссия, развернувшаяся в связи с подготовкой этого труда (по вопросам периодизации, о тезисах, о макете 1-го тома), оказала положительную идейную помощь в развитии чехословацкой исторической науки. Остается пожелать скорейшего издания остальных томов «Истории Чехословакии», чтобы они стали предметом обсуждения всех чехословацких историков.

Велико значение подготавливаемой «Истории Коммунистической партии Чехословакии». Здесь также оправдали себя новые формы коллективной работы, особенно при составлении тезисов по новой и новейшей истории, ставшие надежной и всесторонне проверенной базой для дальнейшей работы. Дискуссия, развернувшаяся вокруг подготавливаемой «Истории Коммунистической партии Чехословакии», явилась также толчком для разработки главных вопросов современной истории чешского и словацкого народов.

«История Чехословакии» и «История Коммунистической партии Чехословакии» являются в настоящее время наиболее значительными обобщающими трудами чехословацкой марксистской исторической науки. В будущем нужно, чтобы все научные учреждения уделяли таким трудам больше внимания. Нельзя односторонне развивать исследования, занимаясь лишь подготовкой монографий и аналитических работ. Успешное развитие исторической науки требует и анализа и синтеза. Помимо этого, наша общественность ожидает, что историки подготовят книги, в которых с необходимой полнотой раскроют историю важнейших и наиболее интересных исторических эпох. В дальнейшем необходимо подготовить научный обобщающий труд по чешской и словацкой истории, который осветит главные периоды нашей национальной истории. Я имею в виду, например, работы по таким темам, как «История буржуазной Чехословакии», «История возникновения и развития народно-демократической Чехословакии», «История чешских земель в период национального возрождения» и т. д. Столь же большое значение имела бы и фундаментальная «История Словакии». Желательно было бы также подготовить написанную с марксистских позиций историю столицы Чехословакии — Праги и историю Братиславы.

Бесспорное значение могла бы иметь и публикация биографий выдающихся деятелей чешского и словацкого народов. Написанные на солидной научной базе и изданные в виде энциклопедических словарей, они дали бы портреты исторических деятелей чехословацкого народа. Отсутствие таких биографий сказывается уже сейчас. В настоящее время, когда в научных учреждениях взялись за дело не десятки, а сотни историков, пора начать подготовку таких фундаментальных обобщающих трудов, которые действительно обогатят нашу науку и культуру.

Решительный поворот сделан и в деле публикации источников. Буржуазная историография распылила научные силы, предприняв большое количество изданий и не завершив ни одно из них. При этом пренебрегались современные требования к изданию документов. Публикация источ-

ников носила односторонний характер и ограничивалась давно прошедшими периодами истории.

Историки-марксисты значительно расширили выпуск документов по новейшей истории, издав такие важнейшие источники, как, например, протоколы съездов и решений ЦК КПЧ, сочинения К. Готвальда и других деятелей Коммунистической партии и рабочего движения. Начата также публикация материалов по теме «Великая Октябрьская социалистическая революция и отклики на нее в ЧСР». Успешному осуществлению этих изданий решающим образом способствовала и новая организация единой архивной системы. Государственное архивное управление Министерства внутренних дел создало условия для систематического изучения и издания источников, выпускает обзоры, путеводители, описи, каталоги, показывающие необычайное богатство чехословацких архивов. Необходимо закончить уже подготовленные сборники документов по отдаленным периодам истории (в первую очередь «Codex diplomaticus regni Bohemiae a Regesta diplomatica nec non epistolaria regni Bohemiae»). В Словакии надо начать публикацию Словацкого кодекса с тем, чтобы изучение средневековой словацкой истории также базировалось на солидных источниках. Постоянное внимание нужно уделять и систематическому изданию основных документов по новейшей чешской и словацкой истории.

По истории феодализма чешские и словацкие историки значительное внимание уделили начальному периоду средневековья (главным образом в связи с историей Великоморавской державы), но все еще нельзя сказать, что эта проблема нашла свое решение.

Отрадно отметить успешную попытку ликвидировать разрыв, существовавший ранее между археологией и историографией. Находки чехословацких археологов (Старе Место, Микульчице) показывают совершенно новые пути решения ряда вопросов. В будущем больше внимания, бесспорно, привлечет изучение колонизации и оценка борьбы чешского государства против агрессии немецких феодалов.

Некоторые ученые посвятили себя изучению истории гуситской революции. Сейчас нам уже детально известны корни гуситского движения, мы узнали также значение таборитского хилиазма, лучше знаем ход революции, ее международное значение и гуситские традиции. Однако до сих пор у нас нет работ о развитии чешских городов. В Словакии больше внимания нужно уделить изучению социальной и экономической истории этого периода. Ценные сведения о добелогорской Чехии в большинстве случаев пока исчерпываются данными об экономической истории, но они дают возможность решить такие важные теоретические проблемы, как первоначальное накопление капитала и так называемое вторичное закрепощение. В Словакии по праву привлекла внимание история восстания горняков в 1525—1527 годах. Предбелогорский период, по традиции предававшийся забвению, находится сейчас в поле зрения чешских историков. Мы надеемся, что увидим и обобщающие научные труды о развитии чешского государства и чешской народности до Белой Горы.

Период «Тьмы», с 1620 по 1780 г., как в чешской, так и в словацкой истории изучен еще сравнительно слабо. Наряду с имеющимися ценными работами по истории восстаний крепостных крестьян и истории мануфактур нужно больше исследований по истории сельского хозяйства и политической жизни.

Серьезные задачи стоят перед чехословацкими историками по изучению истории периода национального возрождения. Можно сказать, что здесь мы находимся лишь в начале пути. Прежде всего необходимо приступить к глубокому изучению национального вопроса при феодализме. Затем исследователей ожидают такие проблемы, как обобщение сложных процессов разложения феодального строя и роста капиталистических отношений, а также возникновения и формирования буржуазии и проле-

тариата. Нужна монографическая работа и о революции 1848 года. Говоря о всем периоде истории феодализма, можно указать на один основной недостаток: отсутствует история заработной платы и цен. После отдельных работ, в которых собран критически проверенный материал, нужна и систематическая разработка этого вопроса.

В изучении истории капитализма успех принесли ценные исследования об экономическом развитии, особенно научные труды о промышленной революции, многочисленные работы по истории рабочего движения, а также о возникновении Чехословацкой республики и Коммунистической партии Чехословакии.

Если, говоря о некоторых периодах истории феодализма, нужно было подчеркнуть, что анализ производительных сил и производственных отношений должен быть скорее началом исторического исследования, чем его завершением, то это особенно важно подчеркнуть для периода истории капитализма. Речь идет также и о ликвидации нездоровой тенденции, заключающейся в слишком узкой специализации, когда историки часто ограничиваются изучением небольшого отрезка времени. Есть историки, которые являются, например, специалистами по нескольким годам домюнхенской республики. Более того, я знаю историка, который «специализируется» только по истории 1918—1921 гг. и не может определить свою позицию к периоду после 1922 г., поскольку последний является для него якобы слишком далеким. Так специализацию понимать, конечно, нельзя. К чему, как не к позитивистскому описательству, может привести такое понимание изучения истории? Вместо разработки теоретических вопросов и выявления общих взаимосвязей, которые нельзя установить в пределах одного года, историки будут описывать лишь отдельные события, уводя тем самым науку с истинного пути. Нужно покончить с таким неправильным и узким пониманием специализации и включать в научные планы труды по изучению наиболее общих взаимосвязей и отношений. В частности, по новой и новейшей истории сейчас весьма важно изучение истории сельского хозяйства, развития национального вопроса и положения рабочего класса. Особенно большое значение имеет изучение международных политических отношений, так как нельзя нашу историю периода империализма изучать изолированно от международных отношений.

Большого внимания заслуживают исследования по истории возникновения и развития народной демократии в Чехословакии. Первые шаги в этой области были сделаны в работах, посвященных национально-освободительной борьбе и словацкому национальному восстанию, в монографиях об экономических корнях национальной и демократической революции, о первых мероприятиях в области социалистического строительства, а также в исследованиях, появившихся в ходе дискуссии о характере национальной и демократической революции. Однако протяженность данного исторического периода во времени увеличивается и актуальность этой тематики возрастает.

До недавнего времени под понятием новейшей истории Чехословакии мы подразумевали главным образом историю буржуазной республики. Теперь центр тяжести в изучении новейшей истории переместился на период после 1945 года. 15-я годовщина образования народно-демократической Чехословакии должна послужить новым толчком к тому, чтобы усилить работу по изучению истории строительства социализма с тем, чтобы оказать помощь нашей стране в социалистическом и коммунистическом воспитании трудящихся.

В задачи чехословацких историков входит также изучение всеобщей истории, которой в прошлом у нас часто пренебрегали. Не было традиции, не было даже достаточного количества специальной литературы в этой области. Несмотря на эти трудности, историки-марксисты развернули исследования по всеобщей истории и добились известных успехов, напри-

ер, в разработке античной истории и в изучении связей чехословацкого арода с народами соседних стран. Больше всего удалось сделать по зучению исторических связей славянских народов, особенно по истории ехословацко-русских и чехословацко-советских отношений. Однако и десь остро чувствуется необходимость подготовить обобщающий труд, котором можно было бы показать нашей общественности традиции овременных дружественных отношений между странами социалистичекого лагеря. История Германии должна привлечь к себе большое внимание историков. Следует полагать, что недавно организованный институт международной политики и экономики поможет выполнить эту адачу.

Необходимо сказать и об успехах вспомогательных исторических аук. Если бы предметом изучения стали и такие научные дисциплины, ак, например, статистика, а хронологические рамки подлежащего изучению исторического периода были расширены до наших дней, вспомогательные исторические науки могли бы еще успешнее и эффективней помогать азвитию чехословацкой исторической науки. Надо также подчеркнуть начение истории естественных наук и техники, длительное время находившейся в забвении. Уже первые результаты показывают, что марксистское понимание истории естественных наук и механики обогащает наши знания не только о различных стадиях развития науки и техники, но и о расцвете производительных сил.

Я упомянул о некоторых успехах чехословацкой исторической науки, остигнутых ею в последний период. О них свидетельствуют не только государственные премии имени К. Готвальда, которыми были отмечены труды некоторых историков, но и высокая оценка этих исследований отечественными и зарубежными специалистами. Многие из этих книг переведены на русский и другие иностранные языки и получили положительные отзывы на страницах специальной печати. Характерны и отклики широкой общественности на многие исторические работы. Если во времена первой республики книги историков обычно выпускались тиражом в несколько сот экземпляров, то сейчас уже нет ничего необычного в том, что научные издания расходятся в нескольких тысячах экземпляров. В этом мы также видим критерий успехов чехословацкой исторической науки. Одновременно это воодушевляет и на быстрейшее устранение имеющихся недостатков с тем, чтобы дать нашей общественности наиболее совершенные произведения.

Успешно развивались и научные связи с заграницей. Мы развили и углубили братские отношения с историками стран социалистического лагеря, установили контакт с Международным союзом историков, с которым активно сотрудничаем. Мы готовимся к XI Международному конгрессу в Стокгольме, где Чехословакия впервые получила право сделать один из главных докладов.

С историками социалистического лагеря мы по-братски обмениваемся опытом и принимаем участие в различных журналах и комиссиях (Чехословацко-Немецкой, Чехословацко-Польской; кроме того, должна быть организована Чехословацко-Советская и начать свою деятельность Чехословацко-Венгерская комиссии).

Хорошим примером развития международного сотрудничества может служить и тесная дружба между институтами истории рабочего движения и коммунистических партий. С укреплением единства социалистического лагеря будет расти и значение все более тесного и последовательного сотрудничества историков. В будущем необходимо подумать об общих трудах и совместных сборниках, как это, например, было предложено в 1953 г. на конгрессе в Будапеште. Подобное сотрудничество уже было успешно осуществлено при составлении двух сборников: о революции 1905 г. и о международных откликах на гуситское движение. Нужно

активизировать сотрудничество и с научными обществами в капиталистических странах.

Серьезной помехой в развитии чехословацкой исторической науки является все еще низкий уровень научной критики. Рецензии часто носят описательный характер и менее всего являются аналитическими. Раздел «Дискуссий» во многих специальных журналах или пустует, или является подборкой комментариев. В научных учреждениях вместо здоровой атмосферы принципиальной критики часто укоренялись приятельские отношения и либерализм, что влияло на успешное развитие нашей исторической науки. Желательно также, чтобы больше проводилось идеологических конференций, на которых могли бы развертываться дискуссии. Научные учреждения, высшие учебные заведения и журналы должны систематически способствовать углублению научной критики.

С 1948 г. количество научных работников в области историографии увеличилось во много раз. Тем больше ответственность институтов, кафедр и всех научных учреждений за правильное направление исследований. Нельзя допускать, чтобы наши научные учреждения становились лишь местом работы отдельных ученых. Огромное значение приобретает координация научной работы. Однако до сих пор существует значительная распыленность тематики (особенно в планах работы высших учебных заведений). Эту распыленность необходимо ликвидировать при помощи государственного плана научных исследований. Необходимо обсудить вопрос о новых формах координации научной работы и прежде всего координации работ над определенными проблемами.

Я полагаю, что мы тоже можем извлечь много поучительного из дискуссии по вопросам организации науки, проведенной недавно в Советском Союзе. Для решения важнейших научных проблем в общегосударственном плане можно создать научные советы.

Чехословацкая историческая наука может гордиться, что она всегда имела широкую базу, опиралась на местных энтузиастов-исследователей, на работников музеев и архивов, учителей и профессоров, которые часто занимаются наукой после полного рабочего дня в своих учреждениях. Мы с уважением относимся к этому самоотверженному труду и рассматриваем его как существенный вклад в развитие марксистской исторической науки. Социалистическая культурная революция придает большое значение научной работе, проводимой вне научно-культурных центров. Поэтому тем серьезнее стоит перед нами сегодня задача помогать научным исследованиям на периферии. Это следует делать в обоюдных интересах научных работников, работающих как на периферии, так и в Праге, Брно или Братиславе. Исследования, проводимые на местах, если они ведутся в нужном направлении, могут дать не только новые источники, но и привести к важным выводам по общетеоретическим вопросам.

Помощь историкам, работающим на периферии, долгое время оказывалась лишь Чехословацким обществом по распространению политических и научных знаний. Чехословацкие историки должны с большой ответственностью помогать научно-исследовательской работе на периферии, особенно путем проведения теоретических и методологических дискуссий и конференций. Хороший опыт в этом отношении имеет Институт истории КПЧ, организовавший и развернувший на периферии научно-исследовательскую работу по истории партии. В связи с изучением истории заводов серьезные задачи возлагаются на периферию. Начатая в этом направлении работа постепенно расширяется и уже координируется.

Мало в прошлом делалось и для того, чтобы ознакомить зарубежных читателей с достижениями чехословацкой исторической науки. Только в последнее время в иностранных журналах («Вопросы истории», «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» и др.) стали систематически публиковаться обзоры новинок чехословацкой исторической литературы.

Подготовлены также первые тома сборника «Historica» на иностранных языках. В дальнейшем следует этот сборник сделать журналом, который будет знакомить общественность капиталистических стран с успехами чехословацкой историографии, разоблачать клевету о нашей республике и бороться против буржуазной идеологии, особенно реваншизма и митаризма.

Огромные задачи стоят перед чехословацкими историками и в преподавании истории. Критика состояния преподавания истории показывает, что нельзя в этой работе разрывать хронологический ход событий и ограничиваться изложением общих взаимосвязей, не подчеркивая исторического значения личности. Причиной многих недостатков в преподавании истории являются и нынешние учебники. Они в большинстве своем перегружены фактами, сухими схемами, написаны убогим языком и в таком виде не пробуждают любви к истории. Тов. Гендрих по праву критиковал их на пленуме ЦК КПЧ. Это наша ошибка, что между преподавателями истории и научными работниками нет тесного рабочего контакта, который может быть установлен на базе Чехословацкого общества историков.

★

Перед чехословацкими историками в период завершения строительства социализма стоят следующие основные задачи:

1. Систематически повышать теоретический уровень чехословацкой исторической науки путем изучения марксизма-ленинизма; стремиться к усилению общественной роли исторической науки и теснейшей связи историков с жизнью народа, помогать Коммунистической партии Чехословакии в социалистическом и коммунистическом воспитании трудящихся.

2. Последовательно уделять внимание методологическим проблемам и непримиримо бороться против буржуазной идеологии, особенно позитивизма, религиозного мракобесия, идеологии германского империализма.

3. Повышать уровень научной критики.

4. Сосредоточить внимание на углубленном изучении новейшей истории, не прекращая при этом исследований в области других периодов; наибольшие усилия сосредоточить на изучении истории возникновения и развития народной демократии в Чехословакии.

5. Преодолеть слишком узкую специализацию и подготовить фундаментальные обобщающие труды общенационального значения.

6. Поддерживать и развивать коллективные формы научной работы.

7. Заботиться о том, чтобы все чехословацкие историки расширяли сферу своих научных исследований, распространяя их на территорию всей страны; укреплять братское сотрудничество между чешскими и словацкими историками.

8. Координировать научные работы в рамках государственного плана научных исследований.

9. Расширять и укреплять сотрудничество и взаимный обмен опытом исследовательской работы с историками Советского Союза и стран народной демократии.

10. Систематически популяризировать научные достижения, особенно через Чехословацкое общество по распространению политических и научных знаний.

От выполнения этих больших задач зависят успешное развитие исторической науки в нашей стране и ее тесная связь с чехословацким народом, успешно строящим социалистическое общество.

ДИСКУССИИ

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВТОРИЧНОГО ЗАКРЕПОЩЕНИЯ В ЧЕХИИ

Н. Ф. Филоненко-Алексеев

Процесс так называемого «второго издания крепостного права» сравнительно недавно стал предметом пристального изучения историков. Исследования за рубежом, прежде всего в европейских странах народной демократии, относятся в подавляющем большинстве к периоду после второй мировой войны[1]. При этом следует оговориться, что частично проблемы «вторичного закрепощения» рассматривались в буржуазной историографии XIX — начала XX века. Однако буржуазные историки не применяли термина «второе издание крепостного права». В советской исторической литературе изучение «второго издания крепостничества» в странах Центральной и Восточной Европы (Германии, Чехословакии, Австрии, Польше, Венгрии, Румынии) серьезно началось только в последние годы.

Применительно к Польше и Чехословакии в общей форме эта проблема была разработана в синтетических трудах Института славяноведения АН СССР[2]. Важной вехой на пути ее изучения явилась статья академика С. Д. Сказкина, в которой автор рассмотрел имевшуюся литературу на данную тему (преимущественно о Германии), поставил и предложил свое решение двух коренных вопросов: о сущности барщинно-фольварочной системы хозяйства и ее месте в разложении феодальной формации, а также о причинах возникновения этой новой формы хозяйства в определенное время (преимущественно с XVI в.) и в определенном месте (к востоку от Эльбы)[3].

С момента публикации этой статьи советские историки включились в дискуссию о вторичном закрепощении, в которой участвуют ученые ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии[4]. Но на страницах советской печати дискуссия развертывалась, к сожалению, вяло. В 1958 г. появились две работы — Н. М. Пашаевой и автора данной статьи[5], которые имели

---

[1] Обзоры исследований см. в статьях: J. Nichtweiss. Zur Frage der zweiten Leibeigenschaft und des sogenannten preussischen Weges der Entwicklung des Kapitalismus in der Landwirtschaft Deutschlands. Журнал «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее «ZfG»), 1953, № 4; J. Válka. K současnému stavu otázky «druhého nevolnictví» ve středoevropských zemích. Журнал «Časopis Matice Moravské» (далее «ČMM»), Roč. 73, 1954; B. Zientara. Z zagadnień spornych tzw. «wtórnego podziałaństwa» v Europie Srodkowej». Журнал «Przegląd Historyczny» (далее «PH»), 1956, № 1; W. Rusiński. Drogi rozwojowe folwarku pánszczyznianego. «PH», 1956, N 4; A. Míka. Problém počátků novolnictví v Čechách. Журнал «Československý časopis historický» (далее «ČSČH»), 1957, № 2; J. Válka. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol. «ČSČH», 1958, № 2.

[2] См. «История Польши». Т. I. 1-е изд. М. 1955; 2-е изд. М. 1956; «История Чехословакии». Т. I. М. 1956.

[3] С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

[4] К сожалению, в статье С. Д. Сказкина не освещены точки зрения чехословацких историков по проблеме вторичного закрепощения крестьянства.

[5] Н. М. Пашаева. Формы эксплуатации крестьян в чешском поместье XVII в. (к вопросу об особенностях вторичного закрепощения крестьянства в Чехии). «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. Т. XVI. 1958; Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Второе закрепощение в Чехии и восстание 1679—1680 гг. «Краткие сообщения» Института славяноведения. Т. XXIV. 1958.

непосредственное отношение к дискутируемым проблемам, однако формально не являлись продолжением дискуссии. В 1959 г. была напечатана статья В. М. Лавровского[6], где автор продолжал научный спор по некоторым вопросам, затронутым С. Д. Сказкиным. Особый интерес представляют высказывания В. М. Лавровского о географических рамках вторичного закрепощения. С. Д. Сказкин ограничивает сферу распространения «второго издания крепостничества» территорией Восточной и Центральной Европы. Он пишет: «Самое так называемое крепостное право Средней и Восточной Европы представляет собою явление, подобного которому мы не находим в Западной Европе»[7]. Соглашаясь с правильной констатацией С. Д. Сказкиным того факта, что в истории имели место два различных пути аграрного развития (переход к денежной ренте в одном случае и к отработочной — к другом), В. М. Лавровский возражает против принятого С. Д. Сказкиным территориального принципа разграничения этих двух типов аграрной эволюции. В. М. Лавровский напомнил результаты исследований Е. А. Косминского, который показал, что тенденция к вторичному закрепощению крестьян наблюдалась и в Англии XIII века[8]. Вывод В. М. Лавровского имеет большое принципиальное значение. Если вторичное закрепощение не ограничивалось рамками Центральной и Восточной Европы, а являлось одной из тенденций развития, присущей в той или иной степени каждой стране, то это означает, что «второе издание крепостничества» является закономерностью развития общества. Следовательно, при изучении этого процесса внимание ученых должно быть привлечено не только к аграрной истории тех стран, где вторичное закрепощение проявилось в очевидной форме, но и к истории тех стран, где оно лишь намечалось в то или иное время как тенденция. Значение вывода В. М. Лавровского состоит также в том, что он позволяет по-новому подойти к вопросу об употреблении самого термина «второе издание крепостничества», который стал предметом довольно оживленного обсуждения среди зарубежных историков.

Во время дискуссии выявилось несколько спорных вопросов (о хронологических рамках «второго издания крепостничества», о сущности этого процесса, о правомерности употребления самого термина «вторичное закрепощение»). Для их разрешения, как нам представляется, прежде всего необходимо определить некоторые общие и специфические черты «второго издания крепостничества». В данной статье на основе анализа доступных автору источников, а также печатной литературы делается попытка решить эту задачу применительно к Чехии.

★

Высказанные учеными взгляды о хронологических рамках «второго издания крепостного права» показывают, что споры касаются трех узловых пунктов: начала процесса, его завершения и времени ликвидации вторичного закрепощения.

В чехословацкой историографии выявились две противоположные точки зрения в связи с определением начального периода «второго издания крепостничества». Наиболее отчетливо они выражены в статьях А. Мики и Й. Вальки. Первый[9] придерживается того мнения, что начало процесса относится к послебелогорскому периоду[10] (то есть после 1620 г.). Правда, делает он это не особенно четко. В конце его статьи

[6] В. М. Лавровский. Некоторые спорные вопросы первоначального накопления. «Вопросы истории», 1959, № 8.
[7] С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 102.
[8] В. М. Лавровский. Указ. соч., стр. 98.
[9] A. Míka. Указ. соч.
[10] Там же, стр. 229.

указывается, что «до середины XVI в. еще далеко не созрели условия дл поворота в сторону крепостничества»[11]. Тем самым автор дает поня что точно он может говорить лишь о середине XVI столетия. Друг автор[12] считает, что начало второго закрепощения относится к кон XV или началу XVI в., а его завершение — к первой половине XVII хотя он не исключает и возможности окончания процесса во второй п ловине XVI века[13].

В «Истории Чехословакии» «второе издание крепостничества» в че ских землях характеризуется как длительный процесс. Начало его дат руется примерно концом XV в.[14], но время завершения указывает в книге противоречиво. С одной стороны, утверждается, что в XVI — н чале XVII в. основной формой крестьянской повинности была барщ на[15], причем подчеркивается, что в этот период помещики будто бы ж же исчерпали возможности, связанные с увеличением барщины (отм тим, что столетие с четвертью — срок более чем неопределенный в кач стве хронологической границы; читателю остается гадать, какое же вр мя — начало, середина или конец XVI в.— явилось завершающи этапом). Получается, что преобладала тогда отработочная рента, следовательно, вторичное закрепощение завершилось в XVI — нача XVII века. С другой стороны, в книге дважды подчеркивается[16], что эт процесс закончился во второй четверти XVII века.

В статье Н. М. Пашаевой также приводятся противоречивые да ные. В одних случаях указывается середина XV в. (1437 г.—для крест ян, 1463 г.— для челяди)[17] как начало юридического закрепощения сел ского населения в Чехии, в других — приводятся иные даты. Наприме на стр. 174 говорится, что второе закрепощение в Чехии наблюдало в XV—XVII веках. На стр. 176 прямо называются рамки его первог этапа: конец XVI — начало XVII века. Несколькими строками ниже г ворится: «...на протяжении XV—XVI вв. шел процесс юридического з крепощения крестьянства». Таким образом, автор не обнаружил ясно представления о том, с какого времени можно говорить о начале так н зываемого «второго издания крепостного права» в Чехии.

В статье нет четкого определения и границ между первым и второ этапами: автор называет рубежом то конец XVI, то вторую половин XVII века[18]. В работе не рассматривается и вопрос о конце второ этапа, а следовательно, и о конечных хронологических рамках всег процесса.

Таким образом, вопрос о хронологических рамках, в особенност о времени начала и завершения вторичного закрепощения, упирает в значительной степени в определение сущности этого историческог явления.

А. Мика, выступая против историков, определяющих вторичное з крепощение прежде всего как юридический акт[19], подчеркивает, что эт «единая многогранная социально-экономическая система, которая ра сложилась в одной части мира на завершающей фазе феодальной эпохи»[2

---

[11] Там же, стр. 247.
[12] J. Válka. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol.
[13] Там же, стр. 320—321.
[14] «История Чехословакии». Т. I, стр. 200.
[15] Там же, стр. 238.
[16] Там же, стр. 200—201, 268.
[17] Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 198.
[18] Там же, стр. 176, 177.
[19] А. Мика приводит формулировку, имеющуюся в «Большой советской энцикло педии»: «Второе закрепощение крестьян — прикрепление к земле крестьян, получивше особое распространение главным образом в Восточной Европе (к востоку от р. Эльбы в 16—18 вв.» (Т. 9, стр. 370—371), в I томе «Истории Чехословакии» (стр. 199—200) др. См. А. Мика. Указ. соч., стр. 231.
[20] А. Мика. Указ. соч., стр. 230.

ри этом основной чертой вторичного закрепощения он считает «суще-
венный рост барщинных повинностей и в результате этого и меры
сплуатации»[21].

Й. Валька, не соглашаясь с А. Микой[22], предлагает иную формули-
вку, понимая под крепостничеством «тяжелую личную зависимость
естьян от помещиков, характеризующуюся прикреплением к земле,
дом установлений, ограничивавших свободу действий крестьян-под-
нных в отношении своей личности и имущества, ...состояние усиленной
сплуатации, в особенности высоких барщин»[23]. Автор подчеркивает,
о «только так и можно понимать крепостничество». Тут же он добав-
ет: крепостничество — это «усиленное зависимое состояние, если пони-
ать последнее как феодальную зависимость вообще как с экономиче-
кой, так и с внеэкономической стороны»[24]. При этом, ссылаясь на со-
тские и чехословацкие работы, Й. Валька называет в качестве глав-
ого признака крепостничества «факт личной зависимости, выраженный
особенности законами о прикреплении к земле»[25]. Таким образом, на
ервый план он выдвигает юридические признаки.

В аргументации Й. Вальки важное место занимает терминология
учаемой эпохи. Например, он пишет, что патентом 1781 г. об отмене
епостного права барщина не рассматривалась в качестве признака
епостничества, поскольку барщинные повинности оставались в силе[26].
другом месте автор отмечает: если признавать преобладание барщи-
ы за единственный критерий крепостничества, то можно прийти к аб-
рдному выводу, что патент Иосифа II об отмене крепостного права не
мел якобы никакого отношения к крепостничеству[27].

Нам представляется, что, привлекая для своих доказательств тер-
инологию изучаемого времени, Й. Валька допускает известную неточ-
ость. Разумеется, эту терминологию необходимо изучать при исследо-
ании социально-экономических отношений того или иного периода. Но
сследователь должен остерегаться слишком доверительно относиться
ней, в особенности, если это касается истории средних веков и нового
ремени. Некритический подход к терминам, употребляющимся в старых
окументах, может привести к ошибочным выводам. В статье Й. Вальки
ы имеем как раз подобный пример. Историк должен определять содер-
кание того или иного процесса или явления не по тем названиям, кото-
ые им давали современники, а на основании всестороннего анализа
сех имеющихся в его распоряжении фактов.

Нам представляется, что в определении содержания «второго изда-
ия крепостничества» оба чехословацких историка допускают одинако-
ую ошибку. А именно, они берут лишь одну сторону явления и объяв-
яют ее главной (А. Мика видит ее в барщине, точнее, в преобладании
арщины; Й. Валька — в юридических нормах). В этом одностороннем,
потому и неверном подходе к анализу сущности «второго издания
репостничества» и коренятся, по нашему мнению, неточности в заклю-
ениях обоих ученых.

Й. Валька выдвигает еще один аргумент, на котором следует оста-
овиться. Он пишет: «Нельзя также согласиться с критерием преобла-
ания барщины как существа и главной черты крепостничества, пони-
аемого как целая эпоха феодализма. Барщина является производным
влением от основного экономического процесса, являющегося общим и

[21] Там же, стр. 233.
[22] J. Válka. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol., str. 320.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же, стр. 321.

определяющим для всего периода второго крепостничества, от роста то варного помещичьего хозяйства»[28].

Нам представляется неверным рассматривать барщину только ка производное от роста товарного помещичьего хозяйства. Правда, рос барщинных повинностей действительно был связан с развитием послед него. Но вместе с тем увеличение удельного веса отработочной рент зависело и от экономических процессов более общего характера ка внутри страны (рост внутреннего рынка, развитие промышленности так и за ее рубежами (развитие капитализма в ряде стран Западной Е ропы, рост спроса на продукцию сельского хозяйства).

В связи со сказанным представляется неправильным и положени Й. Валькн о том, что рост товарного помещичьего хозяйства был основ ным экономическим процессом, определявшим весь период вторичног закрепощения.

Таким образом, оказались неубедительными все доводы Й. Валькн которыми он стремился опровергнуть выдвинутые А. Микой положени о преобладании барщины как определяющей черты вторичного закре пощения. Поэтому мы можем признать вывод А. Мики правильным с той однако, поправкой, что преобладание барщины следует рассматрива лишь как один из основных признаков вторичного закрепощения[29].

Определяя сущность «второго издания крепостничества», необходи мо исходить из учения марксизма-ленинизма о феодальной земельно ренте. Одно из положений этого учения гласит: «...земельная рента ест единственная господствующая и нормальная форма прибавочной сто мости или прибавочного труда»[30] при феодализме. В этой формулировк сконцентрировано выражение основного экономического закона фео дальной общественно-экономической формации. Следовательно, пр анализе любых явлений феодальной эпохи важно учитывать действи этого закона. Его конкретное воплощение выражается в эволюции фео дальной ренты. Таким образом, при исследовании проблемы «второг издания крепостничества» необходимо прежде всего остановиться н изучении развития форм феодальной земельной ренты.

При этом важно учитывать указания К. Маркса, что в конкретно исторических условиях ни одна из трех форм земельной ренты не встре чается в чистом виде: все формы в той или иной пропорции перепле таются[31]. Отсюда вытекает необходимость при анализе эволюции фео дальной ренты выделять господствующую, преобладающую по своем удельному весу форму. В связи с этим нам представляется вполне обо снованным стремление А. Мики при решении вопроса о сущности про цесса «второго издания крепостничества» прежде всего обратиться к пре обладающей форме земельной ренты.

Вместе с тем нельзя забывать (что, к сожалению, делает А. Мика как это отмечалось выше) другого положения К. Маркса. Он писал «...во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «вла дельцем» средств производства и условий труда, необходимых для про изводства средств его собственного существования, отношение собствен ности должно в то же время выступать как непосредственное отношени господства и порабощения, следовательно, непосредственный произво дитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с бар щинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязатель ства»[32]. Таким образом, взимание любой феодальной ренты предпола

---

[28] Там же.

[29] Мы вынуждены были ограничиться кратким доказательством несостоятельно сти доводов Й. Валькн, поскольку сам он не приводит развернутой аргументаци своих положений.

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIX, ч. 2-я, стр. 356.

[31] См. там же, стр. 356—360.

[32] Там же, стр. 352.

ает внеэкономическое принуждение, в основе которого лежит феодаль-ая собственность на землю.

Для «второго издания крепостничества» (если рассматривать его плане аграрных отношений) наиболее характерно сочетание двух сто-он: преобладание отработочной ренты (барщины) и крепостного права его наиболее грубой форме. Отработочная рента составляет экономи-ескую сущность «второго издания крепостничества» и является одной з общих его черт. Ограничения личной свободы крестьян в самой рез-ой форме представляют юридическую сторону «второго издания крепо-тного права», являясь другой его общей чертой.

Из этого вытекает, что при определении процесса так называемого второго издания крепостного права» необходимо исходить из единства тих двух сторон рассматриваемого процесса.

Одного юридического закрепощения недостаточно, чтобы говорить наличии второго закрепощения. Лишь в том случае, если налицо бар-дина как преобладающая форма земельной ренты и суровые законы, граничивающие (действительно, а не на бумаге) личную свободу кре-тьян, можно вести речь о вторичном закрепощении.

В свою очередь, процесс второго закрепощения может иметь место, огда прослеживаются тенденции к увеличению обеих сторон барщинно-крепостнической системы: отработочной ренты и юридического закре-ощения.

Проследим на материале чешских источников, доступных нашему сследованию, как складывалась в Чехии барщинно-крепостническая истема. В соответствии со сказанным о значении преобладающей фор-мы ренты начнем с анализа удельного веса, который занимала барщина.

Прежде всего отметим мнение ряда исследователей аграрной исто-ии Чехии о том, что в XVI — начале XVII в. барщина зависимых кре-тьян занимала незначительное место в системе хозяйства феодалов [33]. Выводы эти вполне соответствуют историческим фактам. В источниках XVI в. либо вовсе не встречается указаний на барщину, либо говорится о том, что она не превышала нескольких дней в году. В начале XVII сто-летия в отдельных поместьях делались попытки перейти к обработке домениальной земли за счет только барщинного труда и отказаться от использования наемных работников. Но дело это было настолько не-обычным для Чехии, что ему оказывали сопротивление даже в офи-циальных кругах. Об этом свидетельствует один из документов, датиро-ванный 1613 годом. Он не адресован и не подписан, но, по-видимому, исходил из чешской Королевской палаты, в ведении которой находились королевские поместья. В нем содержатся наброски возражений на про-ект перехода в королевских поместьях к обработке полей исключитель-но за счет барщины вместо наемных работников [34].

Этот документ позволяет сделать несколько выводов. В начале XVII в. лишь отдельные светские и духовные феодалы пытались перейти к барщинной системе хозяйства. Их первые опыты возвращения к бар-щине и послужили основанием для опровергавшегося проекта. В боль-шинстве поместий, как и в королевских, еще безраздельно господство-вала оброчная система. Переход от нее к барщине встречал сопроти-вление даже в среде господствующего класса. Основным мотивом возра-жений были ссылки на перегруженность крестьян. Если на крестьян воз-ложить еще дополнительную повинность обработки господских полей, утверждали феодалы, то они не смогут исполнять других повинностей,

[33] K. Krofta Dějiny selského stavu. III vyd. Praha. 1945, str. 230; J. Kočí. Boje venkovského lidu v období temna. Praha. 1953, str. 60—61.

[34] «Archiv český čili staré památky české a moravské, sebraný v archivách domá-cích a cizích» (далее «AČ»), «Řady selské a instrukce hospodařské». Sestavil J. Kalousek. T. XXII v Praze. 1905, t. XXIII. 1906; t. XXIX. 1911; см t. XXII, str. 527—528.

в первую очередь государственных. Такая мотивировка позволяет сд лать два предположения относительно причин сопротивления введени барщинной системы в королевских поместьях. Во-первых, переход к не очевидно, не стал еще назревшей экономической необходимостью и полной мере действовали силы, которые сдерживали его. Во-вторы доходы королевской казны из других источников: налоги, контрибуци и т. п.— были еще достаточно велики, чтобы тормозить поиски новы источников.

Анализ структуры феодальной ренты в поместьях Чехии в 20—30-годах XVII в.[35] показывает, что в этот период здесь преобладала денежная рента. Значительное место занимала рента продуктами. Барщин была распространена повсюду. Однако о ее господствующем положени говорить не приходится. К исполнению ее привлекались далеко не во крестьяне. Даже целые деревни не исполняли барщинных работ. П своему удельному весу барщина не занимала преобладающего мест в общей сумме феодальной ренты[36]. Она не являлась основной формо эксплуатации крестьян, основным способом присвоения прибавочно продукта, создаваемого ими.

40—50-е годы дают иную картину строения феодальной ренты В одних поместьях еще преобладала денежная рента, но уже определен ную роль в хозяйственной системе играла барщина. Это отчетливо вид но на примере трех королевских поместий: Кралодворского в 1642 г Мельницкого в 1645 и Брандейского в 1651 году[37]. В 40-х годах здес все еще преобладала денежная форма ренты и в то же время наблюда лась тенденция к увеличению барщины. Коммутация уступала место по следней. В 50-х годах резко увеличился объем барщинных повинносте и к их исполнению стало привлекаться почти все сельское населени

Наиболее показателен в этом отношении пример Брандейского по местья, на материале которого представляется возможным установит хронологический рубеж резкого увеличения отработочной ренты В 1663 г. крестьяне дер. Хотетов, принадлежавшей к этому поместью добились перевода на деньги тягловой барщины и должны были платит в два срока 200 рейнских золотых (приблизительно 171 копу[38]). В 1651 г то есть за 12 лет до этого, во всем поместье за коммутирование барщи ны взималось 15 коп. 55 грошей мишенских. Очевидно, хотетовские кре стьяне не были исключением. Резкое увеличение барщины происходил и в других деревнях поместья[39].

В то же время во владениях светских и духовных феодалов вс большее значение приобретала отработочная рента, причем наиболе тяжелую картину можно было наблюдать во владениях церкви. В 1643 п крепостные в имениях Мильчовес и Туржи Ичинской коллегии иезуитов расположенных в Градецкой области, были обязаны исполнять обреме нительную для них барщину. Имевшие тягло крестьяне должны был два дня в неделю исполнять все конные барщины[40]. Знаменательным является добавление, сделанное в наставлении крепостным этого поме стья: «Кроме того, все должны знать, что за господином остается прав в случае потребности увеличивать как ездовую, так и пешую барщин

[35] См. Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Второе закрепощение в Чехии крестьянское восстание 1679—1680 годов. (Кандидатская диссертация.) М. 195 стр. 197—208.

[36] «AČ», t. XXIX, str. 193—198; t. XXIII, str. 18—20; V. Novák. Panství kum burské a oulibické při smrti Albrechta z Valdštejna. Журнал «Agrarní Archiv» (дале «AA.» № XIII.

[37] См. «PAM». T. 22, str. 461; t. 23, str. 257—272; «AČ», t. XXIX, str. 224—232 250—253.

[38] 1 рейнский золотой (флорин)=$^6/_7$ копы грошей мишенских. См. «AČ», t. 20, str. 193.

[39] «AČ», t. 29, str. 251; «PAM», t. 23, str. 575.

[40] «AČ», t. 29, str. 216—220.

ли уменьшать их по праздникам или за послушание»[41]. На основании ого правила господа могли произвольно увеличивать барщину. Очевидо, здесь она преобладала над другими видами ренты.

Данные о структуре феодальной ренты в ряде поместий Чехии[42] 60—70-х годах показывают, что в это время уже повсеместно преобладала отработочная рента. Таким образом, если в 20—30-х годах главное есто в поместном хозяйстве занимала денежная рента, то в 40—50-х одах можно было наблюдать пеструю картину смешения разных форм, в 60—70-х годах уже господствовала барщинная система.

Наглядное представление об этих изменениях дает следующая аблица.

Эволюция форм феодальной ренты в чешских поместьях в 40—70-х годах XVII столетия[43]

Поместье	Область	Сословие владельца	Год	Преобладающая форма ренты
ралодворское . .	Подбрдская	король	1642	денежная
ельницкое . . .	Литомержицкая	»	1645	денежная
рандейское . . .	Коуржимская	»	1651	денежная
»	»	»	1663	отработочная
остское	Болеславская	панское	1648	денежная
»	»	»	60—70-е	отработочная
ильчовес, Туржи .	Градецкая	духовное	1643	отработочная
итомышльское .	Хрудимская	панское	1659	денежн. отраб.
»	»	панское	70-е	отработочная
остинское . . .	Градецкая	»	1658	отработочная
лашимская . . .	Коуржимская	»	1665	отработочная
шерубское . . .	Пльзеньская	»	1672	отработочная
алешевское . . .	Чаславская	»	70-е	отработочная
ндржихуз - Гра- децкое	Бехиньская	»	60—70-е	отработочная

Она позволяет сделать вывод, что переход от денежной к отработочой ренте приходился на рубеж между 50-ми и 60-ми годами. Некоторым воеобразием отличались духовные владения, где уже в 40-х годах преобладала барщина. Разумеется, этот вывод, основанный на изучении граниченного числа объектов, носит только предварительный характер. Необходимо значительно более широкое привлечение материала, котоый охватывал бы максимальное количество поместий. К сожалению, втору пока недоступны эти материалы. Но и взятые для анализа данные по 15 поместьям из 9 областей Чехии (общее число населенных унктов около 350, число хозяйств около 6 тыс.) могут в известной мере лужить показателем точности наших суждений.

Результаты проделанного нами анализа эволюции феодальной ренты в Чехии XVII в. показывают несостоятельность одного из аргументов . Валькы, утверждающего, что преобладание барщины не было главной ертой «второго издания крепостничества». Он писал: «Барщина как реобладающая часть феодальной земельной ренты не была введена разу, патентами XVII века. Она возрастала в течение XVI в., особенно его второй половине, и полностью развернулась в 1-й половине XVII ве-а»[44]. Верно, что барщина не была введена сразу, путем государевых ескриптов. Но факты показывают, что особенностью развития Чехии,

[41] Там же, стр. 216.

[42] См. Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Указанная диссертация, стр. 208—235.

[43] Составлена по данным следующих источников: «РАМ», t. 21, str. 235—243; 22, str. 461; t. 23, str. 254, 512—513; «АА», t. XI, str. 108—109, «АЧ», t. 23, str. 313, 34, 393, 403, 433; t. 29, str. 224—232, 250—253.

[44] J. Válka. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol., str. 321.

специфической чертой процесса вторичного закрепощения в этой стра было быстрое его течение.

Прежде чем перейти к анализу другой общей черты второго закр пощения, остановимся на концепции, выдвинутой Н. М. Пашаевой.

Правильно указывая в своей статье, что сущность процесса состоя в одновременном закрепощении крестьянства и резком увеличении ба щины [45], автор делает вывод о двух стадиях вторичного закрепощени крестьян в Чехии. «Первая стадия XV—XVI вв.— производство незерн вых продуктов — соответствует первой стадии вторичного закрепощени крестьян — использованию «барщины челяди». Вторая стадия — пр имущественно производство зерна — соответствует второй стадии вт ричного закрепощения крестьянства — многодневной барщине надел ных крестьян. Две стадии вторичного закрепощения крестьянства — с личительная черта развития Чехии. (В других странах Восточной Е ропы процесс происходил единовременно, и двух стадий его не набл далось)» [46].

Своей концепцией двух стадий закрепощения Н. М. Пашаева как б примиряет две крайние точки зрения о времени начала этого процесс Получается, что-де правы и те и другие исследователи. Начало процесс положено в XV веке. А со второй четверти XVII в. наступила нова стадия.

Однако бросается в глаза, что в статье Н. М. Пашаевой выво о двух стадиях второго закрепощения и об особенностях первого эта предваряет анализ фактического материала. Тем самым создается вп чатление, будто автор исходит из некоей заранее составленной схем из стремления во что бы то ни стало доказать, в соответствии с правил ной характеристикой сущности второго закрепощения, что и до середин XVII в. в Чехии преобладала барщина. Это впечатление предвзятост автора усиливается в результате знакомства с аргументацией, приводи мой в статье.

Предварительно отметим, что у некоторых историков, утверждающих, что вторичное закрепощение началось в XV в., возникает одно про тиворечие. Оно состоит в том, что факты о юридическом закрепощени имеются налицо, а другой общей черты «второго издания крепостног права» — преобладания барщины — документы не подтверждают.

В таких случаях отдельные исследователи пытались встать на пут поисков барщины как преобладающей формы ренты во что бы то н стало.

Например, А. И. Озолин [47] говорит, что крестьяне в XVI в. несл барщину в 3—4 и более дней в неделю. Однако для такого заявлени у него не было основания. Ни источники, ни имеющаяся литература н подтверждают наличия столь высокой нормы отработочной ренты ка господствующей в стране в указанное время. Правда, кое-гд в отдельных поместьях, встречалась барщина. Но это не меняло обще картины.

Поиски барщины как преобладающей формы ренты в XV—XVI ве в Чехии продолжила Н. М. Пашаева. Она утверждает, что в период д окончания Тридцатилетней войны можно говорить «об определенно «барщине челяди». Таким образом, получается, что барщинно-крепост ническое хозяйство действительно сформировалось уже в XVI в.» [48]

---

[45] Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 174, 176.

[46] Там же, стр. 177—178.

[47] А. И. Озолин. Национально-освободительное движение чешского народ и восстание 1547 г. «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. Т. XI стр. 305. Кстати сказать, Н. М. Пашаева в своей работе опровергает выводы А. И. Озо лина в отношении крестьянской барщины. См. Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 191 прим. 95.

[48] Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 191.

Приступая к доказательству этого положения, Н. М. Пашаева пытается выяснить, что следует понимать под термином «челядь». «Под понятие челяди,— пишет она,— подходила в XVI—XVII вв. категория сельского населения, не имевшая собственного хозяйства и работавшая в поместье пана»[49]. Эта формулировка, к сожалению, очень неопределенна, причем неопределенность увеличивается от ряда оговорок автора. С одной стороны, Н. М. Пашаева заявляет, что понятие «челядь» не переводится на русский язык ни словом «батраки», ни словом «работники» (стр. 192). С другой — в числе «челяди» она упоминает батраков На стр. 195 она говорит, что челядь — это крепостные крестьяне, уходившие в поместье на заработки.

Затруднения автора при определении этого термина понятны. Действительно, челядь рекрутировалась из различных слоев сельского населения и затем исполняла различные должности. Это и следовало бы, на наш взгляд, подчеркнуть Н. М. Пашаевой, не усложняя вопроса противоречивыми формулировками.

В доказательстве преобладания барщины Н. М. Пашаева исходит из того, что основная масса челяди находилась в личной крепостной зависимости (стр. 193, 194, 195). Эту посылку можно признать верной[50], но из нее автор делает, на наш взгляд, необоснованный вывод о преобладании в поместье челяди из числа крепостных того же поместья. При этом она даже не исследует вопрос о соотношении числа челяди из местных и пришлых крестьян. В статье имеются ссылки на два поместья (стр. 193, 195), но этих примеров недостаточно для доказательства того, что среди челяди преобладали крестьяне данного же поместья. Анализ этих вопросов имел бы принципиальное значение. Ведь если половину и более челяди составляли пришлые (то есть крестьяне из других поместий), то хотя они и были лично зависимы от другого помещика, в данном поместье между ними и владельцем существовали отношения преимущественно экономического характера. Несмотря на все значение такого анализа, автор не занимался им. И хотя в работе весьма детально описываются условия найма челяди, при доказательстве наличия барщинной челяди Н. М. Пашаева предпочла ограничиться лишь отрицанием наемного характера ее труда.

На основании своего вывода Н. М. Пашаева делает далеко идущее заключение о барщине челяди[51]. На наш взгляд, оно не вытекает из анализа фактического материала.

Автор ограничивается лишь замечанием, что это была своеобразная

---

[49] Там же, стр. 192.

[50] В то же время нельзя не отметить слабость аргументации, приводимой автором. В ряде случаев у М. Н. Пашаевой преобладают предположения. Она пишет: «Нас будет интересовать в первую очередь судьба крепостной челяди, тем более, что крепостная челядь, очевидно, преобладала» (стр. 193) или: «Однако часть, и, вероятно, большая, рабочей силы в поместье — жители того же поместья» (стр. 194). И далее: «Эта вторая и едва ли не большая категория челяди, работающая на тех же условиях, что и челядь со стороны, не является, однако, в полном смысле слова наемной, так как уйти из хозяйства своего пана она не может (даже дослужив полный год)». (стр. 195).

В работе приводятся еще два аргумента. Один из них состоит в приведенной выше ссылке на то, что челядь не могла уйти от пана даже после того, как закончился определенный срок (в данном случае — год). Н. М. Пашаева сама опровергает свой довод, приводя примеры, когда помещик отпускал челядь на сторону (см. стр. 195). Другой аргумент состоит в том, что о свободной челяди в изученных Н. М. Пашаевой документах имеется только два упоминания, остальные документы не проводят разделения челяди на крепостную и свободную. Доказательство такого рода, как известно, не принято относить к числу наиболее убедительных. Жаль, что Н. М. Пашаева не использовала более веских аргументов. Например, свидетельств «Berní ruli», которая сообщает, что в середине XVII в. в Чехии оставалось всего около 6 тыс. свободных крестьянских семейств, так называемых «свободников» («Berní rula», далее «BR». T. 2. Praha. 1955, стр. 614).

[51] Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 195.

форма барщины. Своеобразие состояло, по ее словам, в том, что если помещик не использовал челядь у себя, он отпускал ее на время в другое поместье (стр. 195). Это действительно своеобразная черта, но далеко не основная.

К сожалению, в статье всесторонне не рассматривается этот вид «барщины». Н. М. Пашаева обходит молчанием указания К. Маркса об экономической сущности барщины как одной из форм докапиталистической земельной ренты — именно отработочной. Не касается автор и определения барщинной системы хозяйства. Как известно, В. И. Ленин указывал на следующие необходимые условия существования барщинного хозяйства: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землей в частности, личная зависимость крестьянина от помещика, крайне низкое и рутинное состояние техники [52].

Если посмотреть, каким из перечисленных условий отвечало поместное хозяйство XVI в. в Чехии, то окажется, что отмечаемая Н. М. Пашаевой «барщина челяди» не удовлетворяла одному из этих условий: она не имела собственного хозяйства, у нее не было ни надела, ни своих орудий труда. Может быть, не обязательно для барщины наличие этого условия, не обязательно то, чтобы крестьянин был наделен землей? Если это так, то следовало прямо сказать об этой специфической черте отработочной ренты в условиях Чехии XVI века. Однако в статье этого не делается.

Наконец, если даже допустить, что данное предположение Н. М. Пашаевой действительно верно, то неясным останется вопрос о численности челяди. Автор не касается его. Между тем проблема численности челяди имеет важное значение. Если это действительно была значительная часть сельского населения, то следует вновь и вновь проверить выводы Н. М. Пашаевой. Если же эта категория была малочисленной, то само собой отпадают выводы автора о наличии барщинно-крепостнической системы до середины XVII века.

У сторонников мнения, будто барщинно-крепостническая система сложилась в Чехии уже в XVI в., одним из серьезных аргументов является утверждение о том, что юридическое закрепощение крестьян завершилось в середине данного столетия [53]. В пользу этого утверждения, казалось бы, говорят приводимые авторами ссылки на постановления Чешского сейма от 1453, 1479, 1485—1487, 1547, 1549, 1567 гг. и другие, оформлявшие закрепощение крестьян.

Изучение источников показывает, что действительно в Чехии еще до 1620 г. был издан ряд постановлений о прикреплении крестьян к земле и лишении их личной свободы. Но исследователи проходили мимо одного важного обстоятельства. Постановления, содержавшие те или иные ограничения феодального характера, повторялись очень часто. Это свидетельствует о том, что они зачастую не выполнялись, и многочисленные ограничения, в частности, наиболее суровые из них — прикрепление к земле и лишение личной свободы,— не стали еще правилом на территории всей страны.

Рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении факты. Для удобства расположим их в три группы. Первая — ограничения, связанные с правами крестьян на свой надел и его составные части. Вторая — различные ограничения личной свободы. Третья — меры наказания за нарушения многочисленных ограничений.

Чрезвычайно тяжелым для чешского крестьянства было так называемое право «одумрти» (odumrť), согласно которому у подавляющего большинства чешских крестьян после их смерти земельные участки, если

[52] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158—159.

[53] См. «История Чехословакии». Т. I, стр. 239; Н. М. Пашаева Указ. соч., стр. 198—199.

не имелось прямых наследников, переходили к господам. В развитии этого права феодалов, точнее, процесса освобождения крепостных от этого тяжелого бремени, на протяжении XVI — XVII столетий произошли знаменательные изменения. В XVI в. освобождение крепостных от права «одумрти» происходило довольно часто, настолько, что позволило чешскому историку О. Олива назвать это время для Чехии веком «освобождения от права «одумрти» [54]. Однако мнение Олива разделяли далеко не все чешские историки. К. Крофта отмечал, что накануне Белой Горы подавляющее большинство крестьян находилось еще под этим правом [55]. Для послебелогорского периода, особенно со второй половины XVII столетия, характерны были лишь единичные случаи освобождения крепостных от права «одумрти». Таким образом, в Чехии усиление крепостного права ознаменовалось резким сокращением освобождения крестьян от права «одумрти».

Серьезным ограничением прав крестьян на свой участок, связанным с монополией феодальной земельной собственности, было запрещение свободного отчуждения участков или их частей [56]. Контроль феодалов за сделками по отчуждению у крепостных их участков состоял в обязательной регистрации всех актов купли-продажи. 41-й пункт Фридляндской инструкции 1628 г., ставшей образцом для составления подобных инструкций в течение всего XVII в., устанавливал следующий порядок: «Кто с разрешения господина продает или покупает участок, должен в течение 6 недель записать сделку в пуркрехтный регистр» [57]. Это правило повторялось во многих инструкциях и в последующее время [58], причем со второй половины столетия срок регистрации сократился до двух недель [59].

Сокращение предельных сроков обязательной регистрации земельных сделок представляет большой интерес в двух отношениях. Оно показывает путь к увеличению домена, ибо за нарушение правила о регистрации сделка признавалась недействительной, а предмет сделки—участок — конфисковывался. Вместе с тем оно свидетельствует об усилении крепостной зависимости именно во второй половине XVII века.

Таким образом, формально крепостная зависимость была введена законодательными актами еще в конце XV столетия и имела место на протяжении всего XVI века. Важно подчеркнуть усиление степени крепостной зависимости в XVII в., что проявлялось в увеличении штрафов за укрытие беглых крепостных.

Прикрепление крестьян к земле, как известно, является одним из проявлений внеэкономического принуждения, порождаемого определенной системой хозяйства, именно барщинной системой. Чтобы крестьянин, наделенный землей, пошел на барскую работу, он должен был находиться в личной зависимости от помещика, к нему должно было применяться принуждение [60]. В Чехии прикрепление крестьян к земле приняло наиболее резкие формы как раз в период крутого перехода к барщине. Не случайно именно на протяжении менее чем четверти века (1627—1650 гг.) штраф за укрывание беглых крепостных дважды удваивался. Именно в этот период феодально-крепостническое государство, главная задача которого сводилась к удержанию власти помещика над крепостным крестьянином, предприняло ряд мер, чтобы предотвратить бегство крепостных за пределы страны и обеспечить их возвращение.

---

[54] O. Oliva. Přispěvek k českým hospodářským poměrům před 300 lety. «AA», t. IX, str. 131.
[55] K. Krofta. Dějiny selského stavu, str. 216.
[56] «AČ» t. 23, str. 136, 196, 250, 505.
[57] Там же, стр. 95.
[58] AC, t. 29, str. 217.
[59] «AČ» t. 23, str. 359.
[60] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 66.

В 1651 г. было установлено соглашение с саксонским курфюрстом о выдаче беглых крепостных [61]. В 1652 г. Чешский и Моравский сеймы договорились возвращать бежавших и скрывавшихся крепостных [62].

Запрещение свободного перехода содержалось не только в государственных актах, но и в многочисленных господских инструкциях управляющим и наставлениях крепостным [63].

В XVII в. усилились права феодалов в отношении детей крепостных. Еще в XVI столетии существовал обычай, по которому помещики имели право распоряжаться сиротами — детьми умерших крепостных. Это право состояло в том, что феодал мог требовать и действительно требовал от сирот обязательной бесплатной службы для господ. Для назначения этих служб раз в год, обыкновенно на рождество, производился осмотр сирот. К господской службе привлекались и все остальные дети крепостных. Но если сироты служили бесплатно, то остальные крестьянские дети получали, как правило, вознаграждение. В XVII в., особенно после Тридцатилетней войны, феодалы распространили свои права в отношении сирот и на детей живых родителей. В Чехии повсеместно утвердилось правило, по которому крепостные не могли распоряжаться своими детьми без разрешения господина [64]. В инструкциях и наставлениях, относящихся к изучаемому периоду, содержатся требования представлять на смотры не только сирот, но и всех крестьянских детей, чтобы выявлять пригодных для господской службы. Крестьяне крайне неохотно исполняли эту новую для них повинность, так как в хозяйстве нужны были рабочие руки. Они стали скрывать детей, стремясь отдать их в крайнем случае на службу за пределами поместья [65].

Дальнейшее развитие права феодалов на детей крепостных проявлялось в том, что крепостным запрещалось без разрешения господ отдавать детей в ремесло или учение [66].

Усиление личной несвободы чешских крестьян выразилось также в расширении прав феодала контролировать заключение браков. В XVI—начале XVII столетия феодалы обычно контролировали заключение только тех браков, которые были связаны с уходом из поместья. «Обновленное земское уложение» 1627 г. устанавливало, что выходить замуж можно было вообще только с разрешения господина [67]. В дальнейшем в господских инструкциях неоднократно подтверждалось запрещение свободного бракосочетания для крепостных [68].

Наконец, среди ограничений личной свободы крестьян следует отметить запрещение носить и использовать оружие. Это право было отнято у крепостных уже в предбелогорский период. «Обновленное земское уложение» подтверждало данное запрещение. В действительности, однако, крестьяне не только имели оружие при себе, но и обязывались иметь его, как принадлежность участка. В 1650 г. Чешский сейм постановил, чтобы все крестьяне сдали оружие [69].

Усиление крепостного права в Чехии проявилось также в изменении общего тона постановлений и приказаний в отношении крепостных крестьян. В наставлении крепостным Червеноржечицкого поместья в 1633 г. говорилось, что господские установления и статьи нарушались крепостными, но впредь больше не будет прощаться никому даже самый малый проступок. Чтобы новый порядок строго соблюдался, феодал рас-

[61] «AČ» t. 23, str. 275.
[62] Там же, стр. 297, 298.
[63] Там же, стр. 134.
[64] Там же, стр. 93.
[65] Там же, стр. 136; т. 29, стр. 218—219.
[66] Там же, т. 23, стр. 129; т. 29, стр. 219.
[67] Там же, т. 23, стр. 4, 127.
[68] Там же, стр. 129, 243, 274; т. 29, стр. 244.
[69] Там же, т. 23, стр. 235.

порядился выделять управляющему одну треть от штрафов, налагавшихся на крестьян [70].

Чрезвычайно «сильным языком» («jadrnou mluvou»), по выражению составителя 23-го тома «Чешского архива» Калоусека, отличалась инструкция графа Чернина, изданная в 1648 году [71]. О крайнем ухудшении правового положения чешских крестьян свидетельствует, как указывает Калоусек, тон постановления верховного управляющего Тржебоньского поместья старостам и крепостным, датированного 1665 г., в сравнении с тоном более ранних постановлений [72].

Заметные изменения произошли в практике наложения штрафов. Более суровыми стали наказания за неисполнение феодальных повинностей. Во второй половине XVI в. в господских инструкциях почти не встречались наказания за неисполнение барщины. В инструкциях XVII в. мы неизменно сталкиваемся с более или менее крупными денежными штрафами за это нарушение. Причем имелись две тенденции: взыскивать штраф в деньгах и в натуральном виде. Размер штрафа был неодинаковым. В 1633 г. в Червеноржечицком поместье[73] за невыход на барщину взыскивалось: за конную барщину — 1 копа чешских грошей, за пешую—15 грошей (¼ копы). В 1643 г. за отказ от барщины во владениях Ичинской коллегии иезуитов [74] с седлаков (то есть за конную барщину) взыскивалось 1½ копы, с халупников (то есть за пешую барщину) — ½ копы (30 грошей). В 1679 г. в королевских поместьях[75] за неисполнение барщины халупник должен был платить уже 1 копу за пропущенный день, а рольник (седлак) — 3 копы за день конной барщины. Причем от крестьян требовалось, чтобы штраф был внесен не деньгами, а исполнен натуральной барщиной — на рубке леса. Между тем в 1645 г. в одном из королевских поместий (Мельницком) за отказ от барщины взыскивался штраф в размере неисполненной работы [76], то есть значительно меньше, чем в 1679 году. Еще более суровые наказания следовали за неисполнение барщины во владениях Вальдштейна. В инструкции 1651—1654 гг. отмечалось, что крепостные плохо относились к исполнению барщины; на работу являлись к полудню вместо утра, вместо годных работников присылали детей, заставляли неоднократно посылать за собой. За такие «провинности» крестьяне должны были отбывать барщину в оковах или за каждый пропущенный день сидеть неделю под арестом [77]. В некоторых поместьях, например, Фридландском, были введены наказания даже за явку на работу с опозданием [78].

Более строго стал преследоваться неаккуратный взнос денежных и натуральных оброков. В XVI в. (например, в инструкции Гриспека от 1588 г.) рекомендовалось за их неуплату сажать крестьян под арест до тех пор, пока оброк не будет выплачен [79]. Через 50 с лишним лет за такой же проступок полагался арест до уплаты и заключение на неделю после внесения платы плюс штраф размером в 5 коп грошей [80]. Более строгими стали наказания и за другие проступки: хождение в господский лес, порубки и охоту в нем, ловлю рыбы в господских водоемах. В XVI в. за это крестьяне обычно подвергались только денежному штрафу [81]. Лишь в единичных случаях следовали смертная казнь и конфис-

[70] Там же, стр. 137.
[71] Там же, стр. 194.
[72] Там же, стр. 396.
[73] Там же, стр. 131.
[74] Там же, стр. 216.
[75] Там же, стр. 462.
[76] Там же, т. 29, стр. 234.
[77] Там же, т. 23, стр. 269.
[78] Там же, стр. 94.
[79] Там же, т. 22, стр. 317.
[80] Там же, т. 23, стр. 133.
[81] Там же, т. 22, стр. 223, 326.

кация имущества [82]. В XVII в., особенно после 1627 г., когда вышло в свет «Обновленное земское уложение», за охоту в господских лесах полагалось одно наказание — смерть [83], за ловлю рыбы в господских реках и прудах — смерть или ослепление [84].

Анализ системы штрафов и наказаний показывает не только конкретное проявление усиления крепостного права в Чехии во второй и третьей четвертях XVII столетия. В этой системе наглядно проявилось непосредственное назначение юридической стороны «второго издания крепостничества»: обеспечить исполнение барщины крепостными.

Перед нами прошли факты, говорящие о резком ухудшении юридического положения чешского крестьянства в XVII столетии. Это целый ряд ограничений в области землепользования, личной свободы, частью сохранившихся от XVI в. и более или менее усилившихся, частью введенных вновь, более суровые наказания за нарушение господских предписаний. Все это свидетельствует о том, что крепостное право в Чехии усилилось именно во второй четверти XVII века. Усиление юридического закрепощения совпадало по времени с ростом барщинных повинностей, составляя в совокупности процесс «второго издания крепостничества».

Рассмотрение доступного нам материала, а также критическое знакомство с концепциями других исследователей приводят нас к выводу о том, что в Чехии вторичное закрепощение характеризовалось теми же основными чертами, что и в других странах: ростом отработочной ренты и усилением крепостной зависимости. Этот процесс имел еще одну общую черту — расширение барского, или домениального хозяйства.

В связи с этим следует отметить, что, стремясь доказать наличие второго закрепощения в Чехии в XVI—начале XVII в., Н. М. Пашаева вольно или невольно обходит вопрос о росте барской запашки. Не учитывает этой важной черты и Й. Валька.

По данным, имеющимся в «Berní ruli», можно проследить, как увеличивалась барская запашка. «Berní rula» является в этом отношении надежным источником. В ней очень ревностно фиксировались любые попытки феодалов использовать крестьянскую землю для господских нужд. Это вызывалось тем, что крестьянская земля, так называемый рустикаль, была объектом налогообложения. Всякое уменьшение размеров крестьянской земли означало бы сокращение доходов государственной казны.

«Berní rula» показывает, что помещики захватывали крестьянскую землю в 1624, 1636, 1639—1640 гг., 1651—1652 годах [85]. Таким образом, захваты рустикаля приходятся главным образом на 20—50-е годы XVII века.

Какой же характер носили эти захваты? Как использовалась захваченная земля? Источник дает ответы и на эти вопросы. Захватывалась в большинстве случаев не обрабатываемая земля (хотя и такие случаи бывали нередко), а брошенные участки. В основном на такой земле возникали новые господские усадьбы. Например, в Подбрдской и Пльзеньской областях под барскую запашку было использовано 100% захваченной земли [86]. В Коуржимской области для расширения господского хозяйства пошло около 98% захваченных у крестьян земель [87]. В Подбрдской области — около 89% [88]. При этом рост барской запашки происходил двумя путями. Первый состоял в том, что на захваченной земле создавались новые усадьбы, либо земля присоединялась к ранее существовавшим усадьбам. Второй путь заключался в использовании помещиками отнятых зе-

[82] Там же, стр. 33.
[83] Там же, т. 23, стр. 93, 130, 133, 319
[84] Там же, стр. 93, 133, 319; «AA», t. XI, str. 240.
[85] «BR», t. 26, str. 124, 186; t. 27, str. 315; t. 31, str. 81, 109, 178, 186.
[86] «BR», tt. 31, 23.
[87] «BR», t. 18.
[88] «BR», t. 26.

мель для посева, но без присоединения к усадьбе. Если судить по данным «Berní ruli», то преобладал первый путь.

В то же время в отдельных местах наблюдалась другая тенденция, а именно, не расширять барской запашки. Например, в Прахеньской области, по данным «Berní ruli», свыше 80% захваченной у крестьян земли сдавалось помещиками в аренду крестьянам [89].

Наш вывод о том, что резкое увеличение числа и размеров барских усадеб [90] приходится на 20—50-е годы XVII в., подтверждается данными статьи А. Мики. Он указывает, что в первой половине XVI в. в Чехии подавляющее большинство поместий имело от 1 до 3 усадеб. В середине XVII в. не редкостью были поместья с 10—20 усадьбами [91].

Расширение барской запашки, как отмечают исследователи, было присуще вторичному закрепощению в Германии, Польше, Венгрии [92]. Таким образом, расширение барской запашки является общей чертой этого процесса.

Еще одной общей чертой является предпринимательский характер помещичьего хозяйства. На это обстоятельство обращают внимание почти все исследователи [93]. Вопрос не вызывает споров, поэтому мы не будем останавливаться на нем подробнее. Однако в связи с предпринимательским характером поместного хозяйства представляется необходимым коснуться проблемы содержания отработочной ренты в период второго закрепощения.

Историки, изучавшие вторичное закрепощение, отмечали, что отработочная рента в позднее средневековье существенно отличалась от барщины раннего периода средних веков [94]. Отличие заключалось в том, что поздняя отработочная рента предназначалась преимущественно для рынка, была связана с развитием товарного производства. Ранняя отработочная рента имела, главным образом, назначение удовлетворять домашние потребности феодала.

Но можно ли на основании этих различий говорить о том, что отработочная рента в поздние столетия феодальной эпохи представляла собой особую, новую форму феодальной земельной ренты? Как известно, К. Маркс указывал на три формы феодальной ренты: отработочную, продуктовую, денежную [95]. О новой, «комбинированной» форме говорится в политико-экономическом очерке феодализма Б. Ф. Поршнева [96]. Нам представляется, что такой вывод основан на простом недоразумении. Действительно, комбинации форм ренты не только возможны, как указывал К. Маркс, но и имелись налицо. Из этого все же не следует, что каждая новая комбинация дает новую форму. Если логически продолжить рассуждения Б. Ф. Поршнева, то можно назвать еще ряд «новых» форм ренты. В самом деле, продуктовая рента в позднее средневековье тоже в значительной мере была рассчитана на рынок, а не только на семью феодала. Но из этого факта нельзя делать заключение о наличии новой формы ренты. Экономическая сущность отработочной ренты и в раннее и в позднее средневековье оставалась одной: прибавочный про-

---

[89] «BR», t. 27.

[90] См. Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Указанная диссертация, стр. 110—118.

[91] А. Míka. Указ. соч., стр. 239—240.

[92] J. Nichtweiss. Das Bauernlegen in Mecklenburg. Berlin. 1954, S. 32; «История Польши». Т. I, изд. 1-е, стр. 163—165; B. Zientara. Указ. соч., стр. 13; П. Ж. Пах. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. «Studia historica Academiae scientarum Hungariae», 4. Budapestini, 1952, стр. 6.

[93] «История Чехословакии». Т. I, стр. 267—269; С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 104; Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 187; J. Válka. Druhé nevolnictvi a původní akumulace v. 16. stol., str. 321.

[94] «История Польши». Т. I, стр. 161.

[95] К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 795—826.

[96] Б. Ф. Поршнев. Очерк политической экономии феодализма. М. 1956, стр. 71—73.

дукт производился в хозяйстве феодала, прибавочный труд был отделен во времени и пространстве от труда необходимого.

Поэтому, отмечая своеобразие условий, в которых взималась отработочная рента в позднее средневековье, мы с полным основанием можем употреблять этот термин, не прибегая к не отвечающим действительности построениям.

В результате проделанного анализа можно говорить о том, что вторичное закрепощение характеризуется следующими общими чертами: преобладание барщины, усиление крепостной зависимости до крайних проявлений личной несвободы, расширение барской запашки, предпринимательский характер помещичьего хозяйства. Все эти черты присущи процессу вторичного закрепощения и в Чехии.

Вместе с тем в Чехии была своя специфика. Н. М. Пашаева (как было показано выше) усматривает своеобразие в Чехии в наличии барщины челяди. На наш взгляд, особенности вторичного закрепощения в Чехии состояли в сроках протекания этого процесса.

В отличие от Северной и Восточной Германии, а также Польши, где барщина заняла господствующее положение уже в начале — середине XVI в., в Чехии ее введение тормозилось наличием сильных городов и многочисленного рыцарства. Только вследствие подавления восстания чешских сословий в 1618 г. и конфискаций роль городов и рыцарства была подорвана и создались благоприятные условия для быстрого перехода к барщинной системе. И действительно, такой переход совершился в течение нескольких десятилетий, начиная с конца 30-х годов. В 60-х годах XVII столетия в Чехии уже повсеместно имелась барщинная система хозяйства.

Таким образом, с одной стороны, процесс вторичного закрепощения в Чехии протекал позже, чем процесс в иных странах. С другой — он проходил в более сжатые сроки (несколько десятилетий). Важно отметить, что последнее обстоятельство вызвало бурную вспышку классовой борьбы (восстание чешских крестьян в 1679—1680 годах).

В итоге нам представляется возможным сделать следующие выводы о хронологических рамках процесса вторичного закрепощения в Чехии. Их начальный рубеж — 1620 г. (поражение у Белой горы). Завершение — 50—60-е годы XVII века. Под вторичным закрепощением мы понимаем период становления барщинно-крепостнической системы хозяйства в стране. Господство этой системы продолжалось до 1781 года.

В ходе дискуссии о вторичном закрепощении в чехословацкой печати предметом обсуждения стал и самый термин «вторичное закрепощение».

А. Мика, опираясь на исследования Ф. Грауса,[97], который показал, что в Чехии в период раннего феодализма преобладала натуральная рента над небольшой барщиной, высказал взгляд о неуместности употребления термина «вторичное закрепощение» применительно к истории Чехии, поскольку здесь, по его мнению, не было первичного закрепощения[98]. Й. Валька, ссылаясь на ту же работу Грауса, где показано, что в раннефеодальный период в Чехии имело место юридическое закрепощение, приходит в выводу, что в истории Чехии XIII век означал для крестьян ослабление феодального гнета в связи с переходом к денежной ренте. Отсюда Й. Валька делает вывод, что усиление феодальной эксплуатации в последующие века вполне может быть обозначено как вторичное закрепощение[99]. При этом оба автора подчеркивают условность этого термина. Й. Валька считает, что нельзя его применять для обозначения целой исторической эпохи (1620—1781), как это имеет место в «Тезисах»

---

[97] F. Graus. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. Díl. I. Praha. 1953. Díl II. Praha. 1957.

[98] А. Míka. Указ. соч., стр. 231.

[99] J. Válka. Указ. соч., стр. 321—322.

к «Истории Чехословакии» и в I томе «Истории Чехословакии», изданных Институтом истории ЧАН [100].

Таким образом, в указанных работах вопрос о правомерности употребления термина «вторичное закрепощение» сводится к формальному фактору: можно ли называть закрепощение «вторичным», если не было первого? Нам представляется, что решение этого вопроса правильнее было бы искать в рассмотрении существа процесса вторичного закрепощения. Разумеется, научный термин не должен заключать в себе логического противоречия. Но действительно ли имеется оно в разбираемом нами термине? Если подходить к этому вопросу только с точки зрения того, было ли в данной стране первичное закрепощение, то можно прийти к выводу о логической бессмысленности термина «вторичное закрепощение» для таких, например, стран, как Россия или Чехия (как это делает А. Мика, односторонне трактуя понятие вторичного закрепощения).

Иной вывод напрашивается при анализе сущности вторичного закрепощения, его основных черт. Ряд моментов значительно отличает вторичное закрепощение от того процесса, который можно было бы назвать первичным. Эти моменты указаны выше: предпринимательский характер помещичьего хозяйства, преобладание барщины, наиболее грубые и резкие формы юридического закрепощения. Следовательно, ко вторичному закрепощению нельзя подходить, как к простому повторению первоначального закрепощения. Нам представляется также, что содержание вторичного закрепощения как социально-экономического процесса позволяет сделать предположение об относительной независимости этого процесса от наличия или отсутствия в истории той или иной страны первоначального закрепощения в виде, характерном для вторичного закрепощения (то есть с преобладанием барщины и т. д.). Вполне вероятно, что в различных странах первоначальное закрепощение проходило в иных формах, и практически первой формой феодальной ренты была не отработочная, а натуральная (как, например, в Чехии).

Вторичное закрепощение надо рассматривать как самостоятельный социально-экономический процесс, который пережили все страны (или почти все страны — это предстоит еще исследовать), причем содержание этого процесса в основном одно и то же для всех стран. Вторичным же этот процесс закрепощения можно называть потому, что ему предшествовало на ранних стадиях феодализма в той или иной форме закрепощение крестьян.

Следовательно, термин «вторичное закрепощение» вполне правомерен, поскольку он выражает общую закономерность развития аграрных отношений. При исследовании ее, однако, важно учитывать, что в одних странах вторичное закрепощение проявилось лишь в зародыше, в других — как отчетливая тенденция, в третьих — как господствующая линия развития на десятилетия и даже столетия.

В свете высказанных нами соображений вряд ли целесообразно отказываться, как это предлагает Й. Валька, от характеристики целого периода в истории Чехословакии как периода становления и усиления вторичного закрепощения.

Предлагаемое нами решение ряда вопросов о вторичном закрепощении, разумеется, является предварительным. Но бесспорно, что всесторонний анализ социально-экономического процесса, который мы именуем сейчас вторичным закрепощением, позволит ученым прийти к установлению ряда новых закономерностей развития аграрных отношений в эпоху феодализма. Но уже сейчас необходим обмен мнениями по всем основным вопросам данной проблемы.

[100] Там же, стр. 323. См. «Přehled československých dějin». T. I. Praha. 1958, str. 407. Глава IX называется: «Период становления и усиления второго закрепощения (1620—1781)».

СООБЩЕНИЯ

О РАЗВИТИИ МАССОВОГО РАБОЧЕГО ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА И РАЦИОНАЛИЗАТОРСТВА В СССР

В. С. Познанский

В исторической литературе до сих пор не освещена в полной мере одна из важнейших сторон борьбы советского народа за технический прогресс — история массового изобретательства и рационализаторства. Несколько популярных книг и брошюр начала 30-х годов [1], вышедшие в последние годы: книга председателя Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР А. Ф. Гармашева и брошюра председателя Оргкомитета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов В. П. Карякина [2]; сборники статей о лучших рационализаторах отдельных экономических районов [3]; небольшие вступительные статьи к подборкам документов в журнале «Исторический архив» [4] — это пока все, что написано о наших изобретателях и рационализаторах. Названные издания преследовали лишь цели широкой популяризации изобретательства.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть некоторые вопросы истории массового рабочего изобретательства и рационализации в СССР.

★

Наша страна издавна славится талантливыми изобретателями. Рождением таких величайших творений человеческого разума, как, скажем, радио, ракетная техника, мир обязан русскому народу. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции лишь немногие таланты из народа пробивали себе дорогу. Как указывал В. И. Ленин, в народе непочатый родник талантов, «которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» [5]. В царской России изобретатели не получали со стороны государства никакой поддержки. Наоборот, власть предержащие чинили им всевозможные препятствия.

С установлением диктатуры пролетариата положение коренным образом изменилось. Партия и правительство окружили изобретателей по-

---

[1] М. Г. Павлов. Рабочее изобретательство. М. 1930; А. Гельбрас. Фабрично-заводское изобретательство. М.-Л. 1930; А. Харламов. Как следует организовать рабочее изобретательство. М.-Л. 1931, и др.

[2] А. Ф. Гармашев. Изобретательство в СССР. М. 1957; В. П. Карякин. Творчество миллионов. М. 1959.

[3] «Рационализаторы и изобретатели Алтая». Барнаул. 1957; «Уральские рационализаторы». Свердловск. 1959; «Рационализаторы — промышленности». Киров 1959; «Рационализаторы и изобретатели в борьбе за технический прогресс». Курган. 1959, и др.

[4] А. В. Митрофанова. О массовом рабочем изобретательстве и рационализации на крупнейших машиностроительных заводах (1946—1950 гг.). Журнал «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 31—34; В. С. Познанский. Из истории развития массового рабочего изобретательства в Казахстане (1930—1937 гг.). «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 51—53

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 367.

стоянной заботой и вниманием. В этом нашла одно из своих ярких проявлений сущность Советской власти, которая является подлинным выразителем интересов и чаяний широких народных масс. Выполняя историческую задачу — обеспечить более высокую производительность труда, чем при капитализме,— пролетарское государство поддерживало и поддерживает все передовое, новое в науке и технике, что облегчает труд человека, усиливает его власть над природой.

Одной из форм проявления революционного энтузиазма масс в период становления Советской власти были многочисленные деловые предложения, в том числе технические, по улучшению и налаживанию производства. Значительная часть их направлялась в ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР, и в частности на имя В. И. Ленина. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Совнарком еще в первые месяцы революции в Петрограде был завален предложениями различных новых проектов, новых изобретений. Докладывая обо всех этих заявках Владимиру Ильичу, я получал от него неизменные распоряжения — относиться ко всем этим предложениям самым внимательным образом и направлять всех изобретателей с их проектами в надлежащие учреждения» [6].

В. И. Ленин горячо приветствовал изобретателей. Он считал строительство социализма немыслимым без активного участия в нем самых широких народных масс. «...Ум десятков миллионов творцов, — отмечал Владимир Ильич,— создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение» [7]. Партия рассматривала и рассматривает развитие изобретательства и рационализации как проявление высшей заботы передовых советских людей о росте материально-технической мощи страны, как одну из форм борьбы за повышение благосостояния народа. Это движение является одним из показателей роста коммунистического сознания широких народных масс.

Сразу же после свершения Октябрьской революции у В. И. Ленина зародилась идея создания специального органа, который бы учитывал и реализовывал технические предложения трудящихся, поступавшие из разных концов страны. В январе 1918 г. при ликвидации министерства торговли и промышленности существовавший при нем Комитет по техническим делам, который занимался вопросами патентования технических изобретений, был преобразован в Комитет по делам изобретений и усовершенствований (Комподиз). В его задачу входило оказание всемерного содействия техническому творчеству и инициативе трудящихся, скорейшему внедрению в производство полезных изобретений и усовершенствований. Комитет создавался с целью «широкого и планомерного объединения научно-технических сил России в интересах военной обороны и мирного прогресса государства» [8].

При комитете были образованы технические комиссии по секциям. Руководили секциями выдающиеся русские ученые: физической — П. П. Лазарев, химической — А. И. Каблуков и т. д. [9]. Комитет получил исключительное право определения полезности изобретений и выдачи изобретателям авторских свидетельств. В организационном отношении он подчинялся Научно-техническому отделу ВСНХ. Во главе комитета по предложению В. И. Ленина был поставлен старый большевик, член ЦК РКП(б), инженер Ф. В. Ленгник. Несмотря на чрезвычайную загруженность, Владимир Ильич уделял этому комитету серьезное внимание [10]. Н. П. Горбунов написал специальную статью «Как Ленин помогал изобретателям». Интересные факты по этому вопросу сообщают Г. М. Кржижановский, И. И. Радченко, П. А. Остряков и другие старые

[6] Журнал «Изобретатель», 1929, № 2, стр. 6.
[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 431.
[8] «Известия ВЦИК», 12 февраля 1922 года.
[9] Бюллетень «Народное хозяйство Туркестана», 25 мая 1919 г., № 7, стр. 17.
[10] «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 2. Госполитиздат. 1957, стр. 248.

большевики [11]. В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Сам Владимир Ильич являл этому крайне важному делу (изобретательству.— *В. П.*) изумительный пример. Он пожелал лично принять участие в обсуждении целого ряда изобретений, которые, по его мнению, делали эпоху в различных научно-прикладных дисциплинах» [12].

Создание государственного центра по делам изобретений в стране имело исключительно большое значение. Этот орган, укомплектованный лучшими специалистами, был высшей инстанцией по вопросам технических новшеств. Своей деятельностью он завоевал авторитет среди изобретателей. Одновременно было налажено государственное руководство изобретательством на местах, которое осуществляли совнархозы. Советское правительство даже в суровых условиях гражданской войны и иностранной интервенции стремилось создать необходимые условия для творчества новаторов. С этой целью были организованы лаборатории, испытательные станции, опытные производства по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений. Мероприятия Советской власти в данном направлении были одобрены VIII съездом партии, а требование дальнейшего сближения науки с производством записано в принятую съездом программу РКП(б) [13].

Инициатором столь ценных начинаний являлся В. И. Ленин, мечтой которого было «поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы». Решив данную задачу, утверждал В. И. Ленин, «через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира» [14]. В каждом изобретателе он видел прежде всего революционера. В. И. Ленину принадлежит определение революционной сущности изобретательства: «...Первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано» [15].

Освобождение пролетариата от эксплуатации, привлечение рабочих к управлению промышленностью способствовали расширению их кругозора и развитию технических способностей, что создавало предпосылки для зарождения организованного рабочего изобретательства. Учитывая государственную важность этого дела, советские органы по указанию В. И. Ленина развернули пропаганду изобретательства среди рабочего класса. Вот, например, что было написано в обращении совнархоза Туркестанской республики к рабочим в апреле 1919 г.: «...Будучи владельцем орудий производства, рабочий класс должен не только управлять и направлять, но и создавать... Отдел изобретений и изысканий совнархоза открывает в этом отношении вам, товарищи, обширное поле деятельности. Несите ваши думы, мысли, проекты в Совет народного хозяйства. Он в этом отношении пойдет к вам навстречу как средствами, так и материалами» [16].

Одними из первых на призыв партии откликнулись рабочие завода «Красное Сормово», которые в 1919 г. внесли 15 рационализаторских предложений, 9 из них были внедрены в производство. Их примеру последовали рабочие других заводов и фабрик [17].

Первые шаги рабочего изобретательства были сопряжены с трудностями и, конечно, не могли выйти за рамки небольшой полукустарной рационализации отдельных производственных процессов. Но важен был

---

[11] «Изобретатель». 1934. № 1, стр. 8—9; «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 2, стр. 96—97, 247—248, 552, 589, 591, 594.

[12] «Изобретатель», 1929, № 2, стр. 6.

[13] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1. Изд. 7-е. стр. 423—424.

[14] См. М. Горький. Собрание сочинений. Т. 17. М. 1952, стр. 42—43.

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 270.

[16] «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)». Сборник документов. Ашхабад. 1957, стр. 205.

[17] «Изобретатель», 1929, № 7, стр. 38.

почин. Поэтому бесспорно, что начало организованного рабочего изобретательства было одним из серьезных достижений молодого социалистического государства.

Значительной вехой в истории развития изобретательства в нашей стране явился декрет Совета Народных Комиссаров от 30 июня 1919 г., подписанный В. И. Лениным. Декрет утверждал «Положение об изобретениях» [18]. Изобретательство объявлялось государственным делом, а сами изобретения — общественным достоянием. В то же время сохранялось авторское право за изобретателем, который получал обязательное вознаграждение за каждое нововведение, признанное полезным. В случае признания какого-либо изобретения особо важным или имеющим отношение к обороне страны запрещалось передавать его за границу. Руководство изобретательским делом в стране, согласно декрету, возлагалось на Комитет по делам изобретений при Научно-техническом отделе ВСНХ РСФСР.

«Положением об изобретениях» были заложены основы социалистического права в области изобретательства. Впервые в истории была законодательно закреплена обязанность государственных органов содействовать внедрению в производство каждого полезного изобретения и усовершенствования.

Особое место партия и правительство отводили пропаганде изобретательства, в первую очередь рабочего. По инициативе В. И. Ленина с конца 1920 г. развернулась широкая производственная пропаганда, одной из главных задач которой являлась популяризация рабочего изобретательства [19]. В этом направлении по сравнению с 1919 г. был сделан большой шаг вперед. Если на первых порах Комитет по делам изобретений и совнархозы ограничивались изданием листовок, призывавших рабочих включаться в работу по рационализации производства, то теперь они уже выпускали бюллетени информационного характера, иногда с описанием предложений. Изобретательство пропагандировалось на страницах периодической печати. Ряд газет, в том числе «Правда», в разделе «Рабочая жизнь» помещал статьи и заметки о рабочих изобретателях, их творческих поисках и успехах.

Серьезное значение придавал В. И. Ленин и вопросам материальной заинтересованности изобретателей. X конференция РКП(б) (1921 г.) в резолюции «Об экономической политике» выдвинула по предложению В. И. Ленина требование: «Ввести повсюду принципы индивидуальной и коллективной заинтересованности за изобретения, усовершенствования, экономию рабочей силы, топлива, материалов, сохранность зданий, машин и т. д.» [20].

Свидетельством успехов социалистического изобретательства являлось значительное число крупных изобретений, сделанных уже в первые годы Советской власти. К ним относятся: разработанный Р. Э. Классоном гидравлический метод добычи торфа; тормоза, изобретенные рабочими Ф. П. Казанцевым и И. К. Матросовым, и др. В 1922 г. заявок на изобретения было подано в три раза больше, чем в 1919 году [21].

К сожалению, имели место отдельные случаи, когда мариновались ценные предложения. В начале 1918 г. рабочий-коммунист Черепухин изобрел и сконструировал золото-платинопромывальную машину. Он написал о своем изобретении В. И. Ленину. Специалисты, которым было поручено проверить эффективность машины, отнеслись к делу недобро-

---

[18] Сборник Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, 1919, № 34, стр. 400.

[19] См. Э. Б. Генкина. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода. Журнал «История СССР». 1958, № 3, стр. 68.

[20] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1, стр. 575.

[21] Журнал «Изобретатель и рационализатор», 1959, № 10, стр. 4.

совестно, затянули ответ на целых три года. Возмущенный изобретатель вновь обратился к В. И. Ленину. По указанию Владимира Ильича Черепухину дали возможность построить машину. В эксплуатации она показала себя лучшей среди всех машин такого рода, существовавших в мире. Союз горнорабочих наградил Черепухина именными часами [22].

В. И. Ленин требовал самого тщательного расследования всех фактов волокиты и преступной халатности, а также строгого наказания виновных [23]. Он энергично помогал новаторам осуществлять их замыслы, пресекая бюрократическое отношение к изобретательству в отдельных учреждениях [24]. Неустанная забота Коммунистической партии и лично В. И. Ленина содействовала развитию советского изобретательства.

После окончания гражданской войны перед Советской республикой встала сложная задача — восстановить разрушенное народное хозяйство страны. Возглавив борьбу за ее решение, Коммунистическая партия направила свою деятельность на подъем творческой активности трудящихся, и прежде всего рабочего класса. Повышение его жизненного уровня, собирание, рост и консолидация индустриальных кадров, широкая производственная пропаганда и т. п. повысили активность фабрично-заводских рабочих. В 1921 г. на крупных промышленных предприятиях возникли производственные ячейки, а несколько позднее — производственные совещания. Они и явились своеобразными очагами зарождения массового рабочего изобретательства. Втягивая рабочий класс в сознательное строительство социалистической промышленности, производственные совещания в то же время оказывали поддержку рядовым изобретателям и рационализаторам. Совещания рассматривали предложения рабочих и помогали внедрять эти предложения в производство [25]. Коммунистическая партия поддержала инициативу масс. Постановление ЦК ВКП(б) о производственных совещаниях (апрель 1925 г.) способствовало усилению их деятельности, дальнейшему подъему изобретательства.

Коммунистическая партия неустанно заботилась о развитии рабочей инициативы. В начале 1925 г. по предложению Ф. Э. Дзержинского была создана комиссия содействия рабочему изобретательству. 4 августа того же года она была превращена в постоянно действующий орган — Бюро содействия рабочему изобретательству при председателе ВСНХ.

Ленинская забота о развитии изобретательства не замедлила сказаться на практике. Уже в годы восстановления и реконструкции народного хозяйства наблюдался неуклонный рост числа новаторских предложений. В 1924/25 хозяйственном году их поступило 4 832, в 1925/26— 6 592 и в 1926/27 — 10 833 [26]. Крутой подъем изобретательства, несомненно, был связан с началом социалистической индустриализации страны, вызвавшей рост кадров технической интеллигенции и рабочего класса. Внутри последнего с каждым годом резко повышался удельный вес рабочих, занятых в тяжелой и машиностроительной промышленности. В этих отраслях было наибольшее число изобретателей и рационализаторов. Значительный толчок изобретательству дал организованный в январе — марте 1929 г. по инициативе ЦК ВКП(б) Всесоюзный смотр деятельности производственных совещаний на промышленных предприятиях,

---

[22] «Правда», 9 мая 1923 года

[23] См. В. И. Ленин. Соч., Т. 36, стр. 528—529.

[24] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР и СС СССР), ф. 7752, оп. 1, д. 105, л. 167.

[25] Э. Б. Генкина. Указ. соч., стр. 84, 86; И. М. Алещенко. Из истории рабочего класса Москвы в восстановительный период. «История СССР». 1959, № 1, стр. 119—120; Н. В. Полякова. Борьба рабочих-текстильщиков за повышение производительности труда в 1921—1925 гг. Журнал «Вопросы истории», 1959, № 6, стр. 31—32.

[26] Г. Анодин. Московская промышленность и техническая помощь Казахстану. М. 1930, стр. 22.

сопровождавшийся массовым поступлением рационализаторских предложений рабочих.

В это время предложения новаторов росли не только в количественном отношении, но повысилась их экономическая эффективность. Если в 1928/29 хозяйственном году рабочие Москвы и Московской области имели в своем активе 5 429 внедренных предложений с экономией 1,3 млн. руб., то за 9 месяцев 1930 г. было внедрено 13 184 предложения, давших около 3,5 млн. руб. экономии [27]. Отчитываясь перед делегатами XVI съезда партии о развитии народного хозяйства страны, В. В. Куйбышев говорил: «В отношении изобретательства активность рабочих также сильно возросла... Мы имеем много заявок, имеем большое количество изобретений. За 1928/29 г. и 1929/ 30 г. вместе количество патентных заявок рабочих увеличилось в 12 раз. Это уже не мелкие приспособления на тот или другой отдельный станок на заводе. Это уже имеющее огромное народнохозяйственное значение изобретательство» [28]. Примером может служить создание кадровыми рабочими завода «Красный путиловец» слесарем А. Наппиненом и пружинщиком П. Тимофеевым станка для разрубки мотков проволоки для тракторных пружин, давшего возможность увеличить производительность труда на этой операции в 6 раз [29].

Вместе с тем изменилась и направленность рабочего изобретательства: оно стало идти по линии освоения новых производств, механизации трудоемких процессов, экономии металла и топлива. Рабочие-изобретатели стремились освободить страну от импортной зависимости, содействуя решению узловых вопросов реконструкции народного хозяйства.

В первых рядах рабочих — изобретателей и рационализаторов шли коммунисты. К числу их принадлежали сверловщик К. П. Поваляев с 35-летним стажем работы, изобретатель нефтяной форсунки слесарь С. М. Пьянков, делегат XVI съезда партии швея П. В. Косырева, секретарь партийной ячейки Ленинградского металлического завода имени И. В. Сталина Семичкин, предложение которого позволило заводу удвоить выпуск продукции, и др.

В период становления социалистической промышленности материально-технические условия для творческой деятельности изобретателей были весьма трудными: сказывались слабость, а в ряде мест и полное отсутствие экспериментальной базы. Советское государство тогда не имело возможности выделить большие средства на изобретательство.

Тем не менее и в этих трудных условиях Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство стремились максимально облегчить положение рабочих-изобретателей. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) от 27 марта 1927 г. «Вопросы рационализации производства» говорилось, что оно принято в соответствии с указаниями В. И. Ленина о необходимости улучшения техники и организации производства. В постановлении предусматривалось создание на предприятиях специальных бюро по рассмотрению рационализаторских предложений, организации экспертизы и технической помощи рабочим-изобретателям [30]. Так родились бризы — специальные бюро по изобретательству, которые стали неотъемлемой частью социалистического предприятия.

Советское правительство высоко оценивало самоотверженный труд изобретателей. Многим из них было присвоено почетное звание Героя труда. М. А. Капелюшников и В. Г. Шухов, разработавшие способ крекинга нефти, были удостоены в 1929 г. Ленинской премии.

Партия чутко прислушивалась к голосу масс, всегда поддерживала

---

[27] «Правда», 15 октября 1930 года.

[28] «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М.-Л. 1930, стр. 503.

[29] А. Капланский. Развитие массового изобретательства в СССР и задачи ячеек изобретателей. М.-Л. 1931, стр. 18.

[30] «КПСС о профсоюзах». Профиздат. 1957, стр. 243.

их ценные начинания. В 1928 г. группа рабочих-изобретателей обратилась в ЦК ВКП(б) с заявлением, в котором высказывала мысль о необходимости создания, помимо существующих государственных органов, общественной всесоюзной организации изобретателей и рационализаторов. Данный вопрос рассматривался на III пленуме Центральной контрольной комиссии. Выступивший от имени и по поручению ЦК и ЦКК ВКП(б) В. В. Куйбышев поддержал это предложение [31]. Подготовка организации общества была поручена ВЦСПС. Было решено первоначально создать областные организации изобретателей там, где имелись для этого необходимые условия. Вскоре такие организации возникли в Московской и Ленинградской областях, несколько позже в Харькове, Баку и других городах [32]. Изобретатели получили свою организацию в системе советских профсоюзов, что серьезно облегчило их работу.

Выполняя заветы В. И. Ленина о необходимости беспощадной борьбы с проявлениями бюрократизма и рутины, Коммунистическая партия в годы довоенных пятилеток провела большую работу по устранению всевозможных препятствий на пути изобретателей, чинимых отдельными консервативно настроенными хозяйственниками. Комиссия Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР обследовала в сентябре 1930 г. состояние дел по внедрению рационализаторских предложений в промышленности. Были вскрыты отдельные случаи зажима предложений новаторов. Материалы обследования были посланы в ЦК ВКП(б).

26 октября 1930 г. Центральный Комитет вынес специальное постановление «О положении массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства» [33], которое явилось прямым продолжением ленинского декрета «Об изобретениях». Успехи социалистического строительства позволили партии выдвинуть новую задачу: сделать изобретательское движение массовым.

В постановлении подчеркивалось значение рабочего изобретательства как одной из важнейших форм непосредственного участия рабочего класса в социалистической рационализации производства. Постановление было направлено против бюрократов, зажимщиков рабочей инициативы. За невыполнение директив партийных и советских органов по реализации изобретений, усовершенствований и рабочих предложений устанавливалась строгая ответственность. Виновных предлагалось наказывать вплоть до немедленного снятия с работы и предания суду.

Постановление ЦК партии содействовало развертыванию движения изобретателей и рационализаторов по всей стране. Поступление предложений сразу увеличилось втрое; оно шло главным образом по линии семи основных промышленных наркоматов. За три года после этого постановления рабочие и инженерно-технические работники внесли до 2 млн. предложений. Экономия от их внедрения превысила миллиард рублей [34].

По инициативе рабочих с 1 ноября 1930 г. на предприятиях страны был объявлен «ударный изобретательский квартал». Кривая числа рационализаторских предложений и экономического эффекта от их проведения в жизнь на многих заводах и фабриках резко пошла вверх. Например, экономия от поданных рабочими московского завода «Динамо» в ноябре — декабре 1930 г. предложений достигла 100 тыс. руб., что в 5 раз превысило экономию за 1928 г. и почти равнялось экономии, полученной за весь 1929 г. и 10 месяцев 1930 г., вместе взятых [35]. Свыше 800 предло-

---

[31] «Комсомольская правда», 30 августа 1928 года

[32] Узнав об этом, Клара Цеткин писала советским изобретателям: «С искренней радостью приветствую я ваше начинание — объединение пролетарских изобретателей. Я желаю вам всего наилучшего на этом пути». «Изобретатель», 1929, № 4, стр. 6.

[33] «Правда», 29 октября 1930 года.

[34] ЦГАОР и СС СССР, ф. 7752, оп. 1, д. 103, л. 1; ф. 7697, оп. 1, д. 136, л. 33; ф. 4461, оп. 1, д. 13а, л. 271.

[35] «Изобретатель», 1931, № 1, стр. 24.

жений внесли в «изобретательском квартале» 1930 г. рабочие Тульского ружейного завода, дав стране экономию в 243 тыс. рублей [36]. На конференции молодых рационализаторов Ленинграда, обсудившей постановление Центрального Комитета, было принято обязательство сэкономить в 1931 г. по городу за счет внедрения в промышленность рационализаторских предложений 100 млн. рублей. Старшее поколение поддержало почин молодежи. Обязательство было выполнено: ленинградские изобретатели и рационализаторы дали социалистической индустрии 102 млн. руб. годовой экономии [37].

Ликвидация фактического неравенства народов Советского Союза создала возможность для зарождения и развития рабочего изобретательства в национальных республиках. В Казахстане рабочие Карсакпайского медеплавильного завода организовали в начале 1931 г. рационализаторские ячейки во всех цехах и выступили инициаторами созыва Всеказахстанского съезда рабочего изобретательства [38].

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г., партийные, комсомольские, профсоюзные и хозяйственные органы активизировали свою деятельность по оказанию помощи изобретателям. Такие мероприятия, как широкая пропаганда изобретательства, создание изобретательских ячеек на предприятиях, организация оргкомитетов и оргбюро общества изобретателей, проведение заводских и общегородских собраний, а также областных, краевых и республиканских слетов изобретателей и рационализаторов, подготовка к Всесоюзному съезду изобретателей, проходили на местах под руководством партийных организаций, при активном участии профсоюзов и комсомола. В результате за год после опубликования постановления ЦК ВКП(б) в ряды изобретателей и рационализаторов влилось 100 тыс. человек.

Для дальнейшего развития массового изобретательства необходимо было иметь соответствующую финансовую базу. Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1931 г. предусматривало создание такой базы в виде «фонда содействия изобретательству и рационализации» на всех без исключения предприятиях. Этому постановлению предшествовало постановление ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1931 г. о льготах изобретателям и новаторам производства.

В ответ на заботу партии и правительства тысячи рабочих-изобретателей отказывались от вознаграждения в пользу государства. Например, члены кружка изобретателей депо железнодорожной станции Алма-Ата-Первая отдали в 1931 г. 43 изобретения и патента в фонд социалистического строительства [39].

В начале 1932 г. было создано Всесоюзное добровольное общество изобретателей (ВОИЗ). Это общество ставило своей целью «всемерное содействие делу социалистического строительства, реконструкции промышленности и всего народного хозяйства на более высокой технической базе, ускорение темпов индустриализации и усиление технической мощи и обороноспособности страны». Основная задача общества — оказание помощи в организации и развитии массового изобретательства [40].

В январе 1932 г. состоялся I Всесоюзный съезд изобретателей, проходивший под лозунгом «За массовое рабочее изобретательство!». В торжественной обстановке работницы столичного комбината «Красная Роза» преподнесли президиуму съезда вытканный из шелка портрет В. И. Ленина, заявив под общее одобрение собравшихся, что образ вождя револю-

[36] С. Старцев. Изобретатели — организаторы освоения новой техники. Опыт изобретателей Тульского завода. М. 1933, стр. 7.

[37] С. Липшиц. Бойцы за скрытые миллионы. М. 1931, стр. 11; А. Штылько. Индустриализация СССР в период первой пятилетки. Госполитиздат. 1956, стр. 75.

[38] Газета «Советская степь» (Алма-Ата), 20 апреля 1931 года.

[39] «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 52.

[40] ЦГАОР и СС СССР, ф. 7752, оп. 1, д. 480, л. 1.

ции — это «символ развития массового рабочего изобретательства»[41]. Почетным председателем общества съезд избрал М. И. Калинина. Деятельное участие в работе общества принимали старые большевики Г. М. Кржижановский, П. Н. Лепешинский, М. И. Ульянова, А. Б. Халатов. Представитель ЦК ВКП(б) на I Всесоюзном съезде изобретателей заведующий агитмассовым отделом ЦК Г. Д. Лаптев заявил, что партия видит в изобретателях «самый передовой авангард рабочего класса»[42].

Награждение изобретателей орденами, приемы их руководителями партии и правительства, выступления в печати и перед рабочей аудиторией по вопросу о значении массового рабочего изобретательства таких видных государственных деятелей, как Г. К. Орджоникидзе, П. П. Постышев, В. Я. Чубарь, постановление ВЦИК от 10 мая 1934 г. «О содействии Советов развитию изобретательства и рационализации на предприятиях» — таков далеко не полный перечень мероприятий высших органов государственной власти в деле оказания помощи рабочему изобретательству.

Серьезную работу в этой области проделали центральные комитеты компартий союзных республик и местные партийные организации. В отчетном докладе на VI пленуме Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей в 1937 г. подчеркивалось, что «имеющиеся успехи в развитии изобретательства в первую очередь обеспечены руководством и повседневной поддержкой партийных организаций». В докладе, далее, отмечалось, что огромное значение для советского изобретательства имела помощь со стороны Московского комитета партии, решения ЦК КП(б) Украины, Белоруссии, Грузии, Северного и Западного обкомов и других областных и краевых партийных организаций[43].

По инициативе Московской контрольной комиссии, а затем Комиссии советского контроля развернулось рабкоровское движение по проверке состояния рабочего изобретательства на предприятиях. Большую помощь изобретателям оказывал секретарь МК и МГК ВКП(б) Н. С. Хрущев. По его указанию были организованы выставки изобретений с целью широкой популяризации работ новаторов. Н. С. Хрущев помог внедрению в жизнь ценного изобретения А. И. Имаса, которое давало возможность повысить мощность моторов врубовых машин на шахтах Подмосковного угольного бассейна, и изобретения инженера Мелия, сконструировавшего пресс для сухого прессования кирпича[44].

Советская общественность активно поддерживала мероприятия Коммунистической партии по выполнению предначертаний В. И. Ленина в области развития массового рабочего изобретательства. В этом деле принимали личное участие крупнейшие ученые: А. А. Байков, И. М. Губкин, А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановский, Е. М. Смолдовский, А. М. Терпигорев, А. Н. Туполев, К. Э. Циолковский, А. Ф. Шорин и др. А. М. Горький приветствовал «честную, революционную работу изобретателей»[45].

Новаторы производства отвечали на заботу партии и народа самоотверженным трудом, оправдывая название «самого передового авангарда» рабочего класса. Они, как удачно заметил Г. К. Орджоникидзе, «своим энтузиазмом зажигают миллионы рабочих масс...»[46].

В годы довоенных пятилеток рабочие-изобретатели первыми осваивали новую технику и помогали другим овладеть ею. Лозунг партии «Технику — в массы!» был выполнен в короткий срок. Вместе с научными работниками, инженерами и техниками в это движение включилась многотысячная масса рабочих — изобретателей и рационализаторов.

---

[41] Там же, д. 1, л. 76.
[42] Там же, д. 2, л. 113.
[43] Там же, д. 67, лл. 15—16.
[44] См. «Новости изобретательства и техники...», 1937, № 2—3, стр. 10; ЦГАОР и СС СССР, ф. 7752, оп. 1, д. 563, лл. 54—56; д. 564, л. 120.
[45] «Правда», 2 октября 1932 года.
[46] Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 2. Госполитиздат. 1957, стр. 309.

Изобретатели показывали пример самоотверженного труда. Так, во емя всенародного соревнования в честь XVII съезда ВКП(б) они не лько вносили предложения в фонд съезда, но и шли в первых рядах ревнующихся. Первые места в соревновании заняли предприятия, где ло широко развернуто изобретательское движение. На съезде отмечась хорошая работа Ленинградского завода имени Макса Гельца. Этот вод был образцовым и в смысле постановки на нем изобретательского ла[47]. На Всесоюзную красную доску имени XVII съезда ВКП(б) за едрение новейших достижений техники и рационализаторских предлоений «Правда» занесла киевский завод «Транссигнал» и персонально бочего-изобретателя Д. С. Трегера, ленинградский завод «Электроприр», где от внедрения рабочих предложений было получено за год 4 тыс. руб. экономии, лучшего изобретателя Ленинградского завода мени Менжинского Легчакова[48].

Рабочее изобретательство тесно переплеталось с возникшим в авгуе 1935 г. стахановским движением. К концу 1936 г. 100 тыс. изобретатей и рационализаторов являлись стахановцами[49]. Ударниками производства, по данным Центрального совета ВОИЗ, были 99% рабочих — обретателей и рационализаторов[50].

Будучи членами производственных совещаний на предприятиях, ноторы и рационализаторы участвовали в техническом руководстве социастической промышленностью. Опыт деятельности производственно-хнических советов на многих предприятиях показал их высокую эффективность.

Непрерывный рост изобретательства в СССР — характерное явление годы довоенных пятилеток. В 1937 г. ВОИЗ объединял около 300 тыс., в 1940 г. в стране насчитывалось уже 526 тыс. изобретателей и рационализаторов[51]. Непрерывно возрастал экономический эффект от внедрения обретений и рационализаторских предложений: за последние два года ервой пятилетки (1931 и 1932) он составил 416 млн. руб., за 1936 г.— 50 млн., а за 1940 г.— 904 млн. рублей[52].

Средняя экономия от одного внедренного рабочего предложения на аводе «Красное Сормово» за 1927—1929 гг. равнялась 464 руб., а 1935 — 1937 гг.— 692, 1938 — 1940 гг.— 2 043 рублям[53]. К концу довоных пятилеток характерной чертой изобретательства в нашей стране ало массовое поступление крупных, дававших серьезный экономический ффект изобретений.

Столь быстрый рост массового рабочего изобретательства возможен олько в условиях социалистического общества, где господствует народая собственность на средства производства, где отсутствует эксплуатация еловека человеком, где главная цель производства — удовлетворение асущных потребностей общества. При капитализме рабочий смотрит и не может смотреть иначе) на завод или фабрику как на чужую собственность, на чуждую, а нередко и враждебную ему силу, и поэтому него нет ни малейшей заинтересованности в изобретениях, способствующих развитию техники. В условиях социализма широкие массы трущихся кровно заинтересованы в поднятии и расширении производства.

Новый подъем советского изобретательства связан с Великой Отечественной войной. Советские изобретатели внесли огромный вклад в дело рганизации и освоения новых производств, обслуживавших нужды ронта.

---

[47] «XVII съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. Партиздат. 1934, стр. 271—272, ГАОР и СС СССР, ф. 7752, оп. 1, д. 617, л. 175.

[48] «Правда», 19 и 20 января 1934 года.

[49] ЦГАОР и СС СССР, ф. 7752, оп. 1, д. 66, л. 15.

[50] Там же, д. 9, л. 8.

[51] «Правда», 12 апреля 1937 г.; «Правда», 20 мая 1959 года.

[52] «Правда», 20 мая 1959 года.

[53] См. «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 50.

Эвакуированный в тыл ленинградский Кировский завод долгое время не мог освоить сборку радиаторов для танков, что угрожало срывом выпуска боевых машин. Рационализатор-коммунист В. Поздняк сделал приспособление, благодаря которому была налажена серийная сборка радиаторов. Работа над приспособлением заняла 60 часов, в течение всего этого времени рационализатор не выходил из цеха [54].

В июне 1941 г. выплавка качественной стали в Челябинске составляла лишь 45%. Так как для оборонной промышленности нужна была только качественная сталь, то перед челябинскими рационализаторами встала задача — найти способы улучшения низких сортов металла. В первые же месяцы войны было внесено 230 предложений. К концу года выпуск качественной стали повысился до 95%. Рабочие-рационализаторы Златоустовского комбината, модернизировав прокатные станы, сумели осуществить прокатку броневой стали [55].

Тысячи рабочих-рационализаторов создавали приспособления к станкам, которые позволяли перейти к выпуску новой продукции, повысить производительность труда. В начале 1942 г. уральский рабочий Д. Ф. Босый при помощи сделанного им приспособления к фрезерному станку выполнил за смену около 15 дневных норм и стал зачинателем патриотического движения тысячников. Лучший рационализатор Центральных мастерских Памирского автотранспортного треста (Киргизия) А. Скляров, сделав приспособление к фрезерному и строгальному станкам, один заменил 26 человек. Своеобразный рекорд установил слесарь-рационализатор Санин (Урал), который благодаря созданному им универсальному штампу за смену выполнил 514 норм [56].

Движение рабочих-изобретателей в годы войны, как и в мирное время, возглавили партийные организации. Парткомы предприятий проводили большую разъяснительную работу, заботились о том, чтобы опыт новаторов становился достоянием всех рабочих, передавался на родственные по профилю предприятия, помогали внедрять новые изобретения.

С 1943 г. по почину партийных организаций ряда городов начали проводиться общественные смотры организации труда. Они всколыхнули инициативу рабочего класса, его творческую энергию. Например, во время первого смотра в Москве, на заводе имени Владимира Ильича было предложено заменить отливку одной из деталей штамповкой, что дало 5,5 млн. руб. экономии; сталевары завода «Серп и молот» внесли около 300 предложений и сберегли Родине 2,3 млн. руб.; рабочие завода «Красный пролетарий» за месяц внесли 2 тыс. предложений [57].

Активное участие в развитии изобретательского движения в годы Отечественной войны, как и раньше, принимали советские профсоюзы. Особенно большую роль сыграли созданные по решению Секретариата ВЦСПС в августе 1944 г. комиссии по рационализации и изобретательству при фабрично-заводских и местных комитетах. Эти комиссии оказывали непосредственную помощь изобретателям и рационализаторам в разработке и реализации их предложений. Ряд профорганизаций обеспечил на предприятиях технические консультации для рабочих-рационализаторов.

О размахе массового изобретательства в военные годы свидетельствуют следующие факты. Коллективным творчеством новаторов науки и производства были созданы поточные линии, освоены автоматическая и полуавтоматическая сварка, обработка деталей токами

---

[54] Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Госполитиздат. 1959, стр. 78.

[55] В. С. Василенко. Труд во имя победы. Госполитиздат. 1959, стр. 65.

[56] См. «Правда», 24 марта 1942 г.; «История Киргизии». Т. 2. Фрунзе. 1956, стр. 274; В. С. Василенко. Указ. соч., стр. 126.

[57] В. С. Василенко. Указ. соч., стр. 82.

ысокой частоты и т. п. По далеко не полным данным, только на предриятиях вооружения, железнодорожного транспорта и автомобильной ромышленности за годы войны было внесено примерно 150 тыс. изобреений и рационализаторских предложений, давших Родине около 1 млрд. уб. экономии [58]. Общее число предложений, внедренных в производство в период войны, несколько сократилось по сравнению с мирным периом, однако за счет серьезных технических новшеств изобретатели и раионализаторы не только не снизили показатели экономии, но увеличили их с 904 млн. руб. в 1940 г. до 1 245 млн. руб. в 1945 году [59].

Изобретательское движение развернулось с новой силой в послеенные годы, когда советский народ занялся восстановлением и дальейшим развитием экономики страны. Газета «Труд» 15 июня 1946 г. исала: «За последнее время на многих предприятиях значительно усился поток рабочих предложений и изобретений. В ряды новаторов лились тысячи передовых стахановцев, предложивших более производительные методы труда». Рабочее изобретательство росло год от года. сли в 1930 г. в нашей стране было внедрено 112 тыс. предложений, то 1949 г.— 450 тыс., а в 1950 г.— 650 тысяч [60].

Июльский Пленум ЦК КПСС в 1955 г. вскрыл недостатки в постаовке изобретательства (бюрократизм и волокита со стороны отдельных уководителей, промахи в комплектовании отделов и бюро изобретательгва, отставание экспериментальной базы, слабая техническая информация и т. п.). Пленум постановил «улучшить работу с изобретателями рационализаторами, принимать серьезные меры к внедрению их предожений в промышленность».

Реализация решений июльского Пленума позволила ликвидировать ногие недостатки, существовавшие в нашей промышленности, что привело к заметному усилению творческой активности рабочих, инженеров техников, к дальнейшему подъему изобретательства. В 1955 г. по сравению с предыдущим годом общее число изобретателей и рационализаторов увеличилось на 220 тыс. человек, количество поданных предожений — на 443 тыс., внедренных — на 232 тысячи [61]. Экономический ффект достиг 6,2 млрд. рублей. За годы пятой пятилетки новаторы внесли свыше 8 млн. предложений, которые дали экономию в 24,5 млрд. рублей [62].

Переход нашей страны к развернутому строительству коммунистического общества поставил перед советскими рационализаторами и изобретателями новые задачи. В директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР было записано: «Всемерно развивать массовое движение рационализаторов, изобретателей и новаторов производства, а также обеспечить широкую пропаганду и распространение передового опыта» [63].

В соответствии с решениями съезда был осуществлен ряд организационных мероприятий. В феврале 1956 г. создан Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. 17—19 октября того же года в Кремле состоялось Всесоюзное совещание изобретателей, рационализаторов и новаторов производства с участием руководителей партии и правительства [64]. Совещание наметило конкретные пути разви-

---

[58] «История СССР. Эпоха социализма». Госполитиздат. 1957, стр. 620.

[59] «СССР в цифрах». Статистический сборник. М. 1958, стр. 60.

[60] А. М. Терпигорев. Наука и изобретательство. Журнал «Изобретательство в СССР». 1956, № 1, стр. 13.

[61] «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник ЦСУ при Совете Министров СССР. М. 1956, стр. 53.

[62] «Изобретательство в СССР». 1956, № 2, стр. 5; № 3, стр. 7.

[63] «Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг.». М. 1956, стр. 51.

[64] См. «Всесоюзное совещание изобретателей, рационализаторов и новаторов производства (17—19 октября 1956 г.)». Стенографический отчет. М. 1957.

тия массового изобретательства в период перехода от социализма к ком-
мунизму. Оно направило внимание изобретателей и рационализаторов на
наиболее актуальные для народного хозяйства вопросы техники, техно-
логии и организации производства. Участники совещания предложили
поставить техническую информацию таким образом, чтобы последние до-
стижения отечественной и заграничной науки и техники повсеместно внед-
рялись в производство, сосредоточить усилия технической мысли на но-
вых, прогрессивных технологических процессах, комплексной механиза-
ции и автоматизации производства.

Местные партийные, советские и профсоюзные органы, в свою оче-
редь, провели мероприятия, направленные на повышение творческой
активности масс. Например, в 1956 г. Нижне-Тагильский горком КПС
и горисполком для поощрения изобретателей и рационализаторов учре-
дили почетную грамоту имени Е. А. и М. Е. Черепановых [65]. Подобны
меры содействовали втягиванию в изобретательское движение но
вых сотен и тысяч трудящихся. В целом по стране число изобре-
тателей и рационализаторов в 1956 г. по сравнению с 1955 г. увеличи
лось на 12%, количество внедренных предложений — на 13%. Условна
экономия от использования предложений повысилась на 11,5% и до
стигла 7 млрд. рублей [66].

Новые, поистине неограниченные возможности для развития совет
ского изобретательства создала перестройка управления промышленно
стью и строительством в 1957 году. В передовой статье «Правда» 6 ян
варя 1958 г. писала: «На проходящих в настоящее время партийны
конференциях отмечается, что переход к новым формам управления
промышленностью и строительством вызвал огромный рост творческой
активности рабочих, инженеров, техников, мастеров». В качестве при
мера, достойного подражания, «Правда» приводила деятельность Ленин
градского совнархоза. Здесь образцовая организация работы явилась
одной из предпосылок тех достижений, которых добились новаторы социа-
листической промышленности. В настоящее время каждый пятый рабочий
Ленинграда и Ленинградской области — рационализатор. За последние
пять лет число изобретателей и рационализаторов по городу и области
выросло в 1,5 раза, а сумма годовой экономии от внедрения предложений
удвоилась, достигнув в 1958 г. 620 млн. рублей [67].

К концу 1957 г. каждый седьмой рабочий Свердловской области
являлся рационализатором. От внедрения их предложений за 10 меся-
цев 1957 г. было сэкономлено 270 млн. рублей. Собравшись на област-
ную конференцию изобретателей и новаторов промышленности, транс-
порта и строительства и обсудив свои возможности, свердловчане ре-
шили добиться, чтобы в 1958 г. рационализатором был каждый пятый
рабочий, а за счет внедрения изобретений и усовершенствований сэко-
номить не менее полумиллиарда рублей. Из этих средств уральские но-
ваторы решили создать особый рационализаторский фонд мира и при-
звали всех рационализаторов, изобретателей и новаторов производства
Советского Союза «активно участвовать в создании этого фонда, кото-
рый поможет крепить могущество нашего государства и мир во всем
мире» [68].

Патриотическое начинание свердловчан было быстро подхвачено по
всей стране. Например, на совещании рационализаторов и изобретате-
лей Москвы 20 марта 1958 г. были приняты новые, повышенные обяза-
тельства. Новаторы столицы обязались дать в 1958 г. в фонд мира за
счет новых рационализаторских предложений не менее полумиллиарда

---

[65] Журнал «Вопросы экономики». 1957, № 2, стр. 125.
[66] «Известия», 17 декабря 1957 года.
[67] «Правда», 27 июня 1959 года.
[68] «Правда», 27 декабря 1957 года.

блей [69]. В изобретательском движении в целом по Советскому Союзу аствовало в 1955 г. 555 тыс. человек, в 1957 г.— 1 458 тысяч [70].

В январе 1958 г. было создано Всесоюзное общество изобретателей рационализаторов (ВОИР); в настоящее время оно насчитывает 00 тыс. членов. Цель общества — способствовать дальнейшему раз-тию изобретательства. Возросло количество внедренных предложений сравнению с предыдущим годом, а следовательно, увеличился и эко-мический эффект. В 1957 г. условная годовая экономия составляла по юзу 8,1 млрд. руб., а в 1958 г. — 9,7 миллиарда [71]. Н. С. Хрущев в оем докладе на XXI съезде КПСС подвел итоги работы советских обретателей и рационализаторов за последние годы. «За 1950—58 годы,— сказал он,— было внедрено в народное хозяйство около де-ти миллионов изобретений и рационализаторских предложений, способ-вующих развитию техники, снижению себестоимости продукции и улуч-ению условий труда миллионов трудящихся. За последние три года эко-омия, полученная от внедрения в производство этих предложений, со-авила около 24 миллиардов рублей» [72].

XXI съезд КПСС отметил важное значение изобретательства и по-ребовал от профсоюзных организаций развивать активность рабочего асса и всех трудящихся, поддерживать новаторов, изобретателей и ередовиков производства, распространять их опыт [73]. Центральный Ко-итет КПСС уделяет серьезное внимание развитию изобретательства и ационализаторства, без чего немыслим технический прогресс. Июнь-кий Пленум ЦК КПСС (1959 г.), в работе которого приняли участие звестные изобретатели и рационализаторы социалистической промыш-енности, постановил считать изобретательство органической составной астью народнохозяйственного плана [74]. Мероприятия партии по укомп-ектованию промышленности высокообразованными, технически грамот-ыми кадрами способствуют дальнейшему развитию творчества масс. ЦК КПСС свято выполняет завет В. И. Ленина о том, что одной из задач оветской власти в области хозяйственного строительства является си-тематическая работа по выдвижению «изобретателей из среды рабочей крестьянской массы» [75]. И эти люди творят чудеса.

О славных делах заводских рационализаторов и изобретателей рас-казывали с трибуны XXI съезда судомонтажник ленинградского Адми-алтейского завода В. И. Горбунов, сталевар Минского автозавода Д. И. Барашкин, директор Уралвагонзавода В. В. Кротов и др. Слесарь-нструментальщик Минского мотовелозавода Дергуз в 1958 г. разрабо-ал конструкцию станка, который одновременно пробивает все отвер-тия для спиц в велообо дах. Применение такого станка позволило вы-вободить три пресса, значительно снизить затраты труда на изготов-ение велосипедов, улучшить их качество. Предложения фрезеровщика енинградского Кировского завода И. Леонова получили широкое рас-ространение не только в Советском Союзе, но и в Китае, Венгрии. олько одно изобретение токаря-наладчика этого же завода В. Я. Ка-

[69] «Правда», 21 марта 1958 года.
[70] «СССР в цифрах», стр. 61.
[71] «Правда», 27 июня 1959 года.
[72] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Сте-нографический отчет. Т. I. Госполитиздат. 1959, стр. 17. Фактически было сэкономлено ыше 25 млрд. рублей. Накануне XXI съезда КПСС не был полностью подсчитан эко-омический эффект за 1958 год. Полагали, что он составляет 8,5 млрд. руб. (см. «Прав-да», 23 января 1959 г.). Выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС, председатель ЦСПС В. В. Гришин указал точную цифру — 9 721 млн. руб. («Правда», 7 июня 1959 г.).
[73] Резолюция XXI съезда КПСС по докладу товарища Н. С. Хрущева «О конт-ольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Госполит-здат. 1959, стр. 43.
[74] «Материалы июньского Пленума ЦК КПСС». Госполитиздат. 1959, стр. 14.
[75] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 376.

расева дало заводу миллион рублей экономии. Изобретателями-«мил лионерами» являются также механик Московского комбината твердых сплавов В. С. Кузнецов, рабочий-нефтяник из города Грозного Г. Н. Кр штопов, рабочий ленинградского завода «Вибратор» Н. Н. Василье и др. Молодой рабочий И. Г. Логинов сконструировал приспособлени к трактору, которое позволяет машине работать без тракториста. Сл сарь одной из угольных шахт Кузбасса Я. Я. Гуменник создал лучши в мире проходческий комбайн.

Страна высоко ценит заслуги новаторов. Достаточно сказать, чт Г. Н. Криштопов награжден орденами Ленина и Трудового Красно Знамени, И. Леонов — двумя орденами Ленина; В. Я. Карасеву присво но звание Героя Социалистического Труда; Я. Я. Гуменнику присужден Ленинская премия. В. Я. Карасев и старейший рационализатор Орлов ского завода запасных тракторных частей шлифовальщик М. Г. Махо избраны депутатами Верховного Совета СССР. Рационализатор москов ского станкостроительного завода «Красный пролетарий» токарь-кару сельщик Н. М. Кузьмин — депутат Верховного Совета РСФСР.

Советское государство не только награждает и чтит новаторов, н и создает им условия для плодотворной деятельности. Только в наше стране возможно, чтобы рабочему-изобретателю была предоставлен специальная лаборатория для экспериментов и к нему были прикрепле ны в качестве помощников ученые, инженеры. В целях поощрения но ваторов и лиц, оказывающих им содействие, Совет Министров СССР начале 1959 г. ввел новое положение о вознаграждениях за технически новшества. На изобретательство ассигнуются огромные средства: тольк в 1958 г. было израсходовано 660,5 млн. рублей [76].

Постоянная забота партии и правительства способствует развитию творческой инициативы масс. Для всемерного развертывания движения рационализаторов и изобретателей в нашей стране имеются все условия. Только в работе постоянно действующих заводских и цеховых производ ственных совещаний в 1958 г. участвовало около 7 млн. передовиков про изводства, изобретателей и рационализаторов, внесших 2,5 млн. предло жений, 80% которых уже реализованы [77]. Об огромном народнохозяй ственном значении изобретательства говорил в одном из своих выступле ний Н. С. Хрущев. «Многие предприятия,— отметил он,— внедряя в жизн предложения новаторов и рационализаторов производства, добиваются замечательных результатов. Например, реализация предложений, вне сенных рабочими и инженерами Грозненского химического завода, выпу скающего продукты для производства пластических масс и искусственных волокон, позволила перекрыть его проектную мощность на тех же про изводственных площадях почти в 2,5 раза. Капитальные затраты при этом составили всего 7 миллионов рублей, тогда как на прирост таких мощностей за счет нового строительства потребовалось бы более 220 миллионов рублей» [78].

Широкое участие народных масс в рационализации производства является объективной закономерностью социалистического способа про изводства. В условиях социализма рационализация производства позво ляет повышать производительность труда, облегчать труд рабочих, сокра щать продолжительность рабочего дня, а следовательно, увеличивать время для отдыха и поднятия культурного уровня трудящихся. При со циализме рационализация производства — одно из средств повышения и улучшения благосостояния народа.

Совершенно иное назначение и последствия имеет рационализация производства в капиталистическом обществе. В условиях капитализма

---

[76] «Изобретатель и рационализатор», 1959, № 10, стр. 1.
[77] «Правда», 3 июля 1959 года.
[78] «Правда», 1 июня 1958 года.

рационализация служит одной цели — обеспечению возможно большей прибыли для предпринимателя. Поэтому она в буржуазном обществе носит глубоко противоречивый характер. С одной стороны, рационализация производства способствует техническому прогрессу, внедрению наиболее эффективных методов производства, позволяет собственникам предприятий повышать производительность труда, снижать издержки производства. С другой стороны, рационализация в силу ее капиталистического характера неизбежно обращается против пролетариата, ибо она несет ему огромное повышение интенсификации труда, рост безработицы и увеличение степени эксплуатации.

Семилетний план советские изобретатели и рационализаторы встретили новыми, повышенными обязательствами. По предложению новаторов московского завода «Каучук» было решено создать изобретательский фонд семилетки и внести в него не менее 75 млн. рублей.

Понимая, что залог дальнейших успехов изобретательства в его массовости, изобретатели и рационализаторы берут на себя обязательства вовлечь в это дело своих товарищей. Опытные новаторы и творческая молодежь организуют комплексные рационализаторские бригады. На Горьковском автозаводе 2 500 новаторов объединены в 200 комплексных бригад, на заводе «Каучук» таких бригад около 300, на Харьковском заводе транспортного машиностроения имени Малышева — 400 и т. д. Объединение новаторов в комплексные бригады уже дало положительные результаты. Например, бригада рационализаторов ленинградской фабрики «Пролетарская победа» в составе механиков И. Ф. Травкина, А. П. Кастрюлина и слесаря К. Т. Филиппенко создала машину, которая производит загибку деталей обуви без шаблонов. Экономический эффект от применения такой машины даст годовую экономию в 500 тыс. рублей [79].

О творческой активности новаторов производства в наши дни говорит следующий факт: только за первое полугодие 1959 г. ими разработано свыше 1,5 млн. предложений. За этой цифрой кроются не только технические успехи, но и нечто большее — достижения социалистического общества в области ликвидации существенного различия между умственным и физическим трудом. Рабочее изобретательство ускоряет этот процесс, ибо в ходе творческих исканий в коллективе и для коллектива растет коммунистическая сознательность рабочего человека. Не случайно одно из непременных обязательств, которое берут на себя члены бригад коммунистического труда,— активное участие в изобретательской и рационализаторской работе. Расширенный пленум Оргкомитета ВОИР в апреле 1959 г. решил довести к концу семилетки число членов общества до 5 млн. человек, обеспечив экономический эффект от внедрения предложений новаторов за семилетие не менее чем на 80—100 млрд. рублей. Состоявшийся в сентябре 1959 г. Всесоюзный съезд изобретателей и рационализаторов постановил внести в фонд семилетки 100 млрд. рублей. Нет никакого сомнения, что новаторы сдержат свое слово.

Постоянное внимание ЦК КПСС и Советского правительства к вопросам творчества масс и росту инициативы новаторов производства — залог того, что у советского изобретательства большое будущее. Развитие этого массового движения приведет к дальнейшему повышению производительности труда, прогрессу техники, выполнению и перевыполнению народнохозяйственных планов.

---

[79] «Изобретатель и рационализатор». 1959, № 2, стр. 24.

О РОЛИ ФАШИСТСКОЙ ПАРТИИ В ПОДГОТОВКЕ ГЕРМАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1929—1932 гг.)

В. Д. Кульбакин

В послевоенный период опубликовано значительное число книг пр грессивных авторов о подготовке германским империализмом второй м ровой войны. Однако вопрос о роли гитлеровской партии до установл ния фашистской диктатуры в создании важнейших предпосылок войн изучен мало. Этот вопрос частично освещен лишь в некоторых работа советских, а также зарубежных прогрессивных авторов, разрабатыван щих историю германского империализма и отдельные проблемы Вейма ской республики в частности[1].

Мы располагаем небольшим количеством опубликованных докумен тальных источников по истории Веймарской республики 1929—1933 гг политических партий этого периода, в том числе германской фашистско партии[2].

Этим пользуются те реакционные силы, которые, всемерно содей ствуя возникновению неофашистских организаций, заинтересованы маскировке их опасной для дела мира деятельности, во многом напо минающей действия фашистской партии последних лет существовани Веймарской республики. Именно поэтому подвергается намеренно фальсификации со стороны реакционной западногерманской буржуаз ной науки история дофашистской Германии. Многочисленные книги воспоминания о Веймарской республике, издаваемые в ФРГ, призванн обелить и приукрасить политику монополистических и юнкерских кру гов, снять с них ответственность за подготовку второй мировой войны приход к власти фашистов, а следовательно, и за совершенные ими пре ступления[3].

---

[1] А. Н. Сидоров. Фашизм и городские средние слои Германии. М. 1936 В. Д. Кульбакин. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М. 1954; Г. Л. Ро занов. Очерки новейшей истории Германии (1918—1933). М. 1957; В. Б. Ушаков Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М. 1958; Б. Г. Тар таковский. Буржуазные партии Веймарской республики и приход фашизма к вла сти. Сборник «Из истории Германии нового и новейшего времени». М. 1958; А. Нор ден. Уроки германской истории. М. 1948; J. Kuczynski. Studien zur Geschicht des deutschen Imperialismus. Bd. I. Berlin. 1952; F. Klein. Zur Vorbereitung der fa schistischen Diktatur durch die deutsche Großbourgeoisie (1929—1932). «Zeitschrift fü Geschichtswissenschaft», 1953, H. 6; W. Bredel. Ernst Thälman. Berlin. 1953 G. Badia. La fin de la République allemande (1929—1933). Paris. 1958.

[2] См. «Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution». Berlin. 1929; Э. Тельм ман. Германская компартия и новый революционный подъем. М. 1929 (приложение) «Ernst Thälman. Bilder und Dokumente aus seinem Leben». Berlin. 1955; Э. Тельм ман. Избранные статьи и речи, 1928—1930. Т. II. М. 1958; «21 Monate sozialdemo kratische Koalitionspolitik, 1928—1930, herausgegeben im Auftrage des Zentralkomitees der KPD». Berlin. 1930; «4 Monate Brüning Regierung». Berlin. 1930; W. Pieck Reden und Aufsätze. Berlin. 1954—1955; «Wilhelm Pieck. Bilder und Dokumente aus dem Leben des ersten deutschen Arbeiterpräsidenten». Berlin. 1955; «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands». Berlin. 1955; «Novemberrevolution und Weimarer Republik». Berlin. 1956; H. Matern. Programm der KPD zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes von August 1930. Berlin. 1956 (Anhang).

[3] См., например, W. Görlitz. Der deutsche Generalstab. Frankfurt a/M. 1950 его же. Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn. 1953; F. von Papen. Der Wahrhei

В настоящей статье сделана попытка показать некоторые стороны ятельности фашистской партии в 1929—1932 гг., ее роль в подготовке рманским империализмом второй мировой войны.

★

До 1928—1929 гг. фашистская партия в Германии не имела сколько-будь заметного влияния в политической жизни страны. После неудав-егося путча в Мюнхене (1923 г.) эта партия очутилась в положении режно опекаемого монополистической буржуазией стратегического зерва. Фашизм превратился в активную силу лишь после того, как рманские империалисты, воссоздав основу военно-экономической мощи раны [4], успешно конкурируя с американскими, английскими и французскими монополиями на мировых рынках, настойчиво и нагло потребовали полной свободы перевооружения Германии, расширения ее границ Европе и т. д. [5]. По сути дела, о том же самом трубят во все трубы настоящее время западногерманские реваншисты.

Германские правящие классы выдвигали фашистскую партию на вансцену политической жизни страны не только потому, что она показала себя лютым врагом рабочего класса и Коммунистической партии, о и в силу того, что с начала своей деятельности фашисты откровенно ропагандировали идеи реванша. Призыв к подготовке новой мировой йны, как известно, содержался в программе этой партии (1920 г.), в ниге Гитлера «Mein Kampf» (1924 г.), в «14 тезисах», принятых фашистами в 1929 г. [6], и во многих других письменных и устных заявлениях идеров партии. Эта сторона деятельности фашистов особенно импонировала германской империалистической буржуазии, которая делала все зможное, чтобы поднять престиж гитлеровской партии, приписав ей езаслуженную славу «поборника» национального освобождения Германии и непримиримого противника Версаля.

Всячески поддерживая фашистскую партию и щедро оплачивая ее асходы, германские господствующие классы некоторое время не настаивали на включении представителей этой партии в состав веймарских равительств. Они предпочитали держать ее на положении «оппозиционной партии», якобы выступавшей с «принципиальных» позиций не только ротив коммунизма, но и капитализма, Версальского договора и тех артий, которые участвовали в принятии этого договора. Спекулируя на енависти широких слоев населения Германии к Версальской системе, онополистическая буржуазия с помощью фашистов смогла создать себе

---

ne Gasse. München. 1952; H. Schacht. 76 Jahre meines Lebens. Bad Wörishofen. 53; K. D. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart-Düsseldorf. 55; W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a/M. 1955; E. Schüddekopf. Das Heer und die Republik, 1918—1933. Hannover. 1955; Eyck. Geschichte der Weimarer Republik. Bd. II. Zürich-Stuttgart. 1956; F. Stampr. Erfahrungen und Erkenntniss. Köln. 1957.

[4] Высшей точкой процесса воссоздания экономики Германии, осуществлявшегося помощью американского империализма, явился 1929 год. В это время Германия уже нимала по добыче чугуна и стали второе место в мире, опередив Англию и Францию, добыче угля — второе место в Европе, по ряду важнейших показателей химической омышленности — первое место в мире и т. д. (См. «Новые материалы к работе И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». М. 1936, стр. 179; «СССР капиталистический мир». Статистический сборник. М. 1934, стр. 46, 69—70, 77, 147; Вудман. Германия вооружается. М. 1935, стр. 148—149.)

[5] См. W. Sombart. Volk und Raum. Hamburg. 1928, S. 218; «Berliner Tageatt», 4 сентября 1928 г.; «Kölnische Zeitung», 11 ноября 1929 г.; E. K. Weser. Deutlands Außenpolitik in der Nachkriegszeit, 1918—1929. Berlin. 1929, S. 123—126, 1—142.

[6] В этих тезисах говорилось, что фашисты во имя осуществления поставленной ли пойдут на любую борьбу. «Нет такой жертвы,— подчеркивалось в тезисах,— которая была бы для нее слишком велика. Нет той войны, которая была бы для нее слишм кровавой» («Sächsischer Beobachter», 26 августа 1929 года).

опору в массах и даже постепенно подготовить их к восприятию идеи реваншизма и фатальной необходимости войны для освобождения страны от «цепей Версаля» и захвата под тем или другим предлогом чужих территорий.

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис, с особой силой поразивший Германию и до крайности обостривший все империалистические противоречия, содействовал усилению здесь реваншистских и милитаристских тенденций и, следовательно, повышению политического престижа фашистской партии в глазах германской монополистической буржуазии. В гитлеровской партии она видела единственную силу, на которую можно было опереться, чтобы предотвратить угрозу, нависшую над капиталистической системой, силу, способную разрешить империалистические противоречия путем войны.

Подводя итог внешнеполитической деятельности фашистской партии, вдохновляемой германской монополистической буржуазией, В. Пик писал: «Гитлер хочет заставить немецкий народ поверить, что война неизбежна, что она продиктована якобы интересами обороны страны и нужна для ее спасения. Вся фашистская пропаганда в стране построена на этом обмане... Гитлер действует при этом по заданию реакционной буржуазии... Это те же самые силы германского империализма, которые были разбиты в последней мировой войне, но вновь окрепли и теперь опять хотят переделить мир в свою пользу. Во имя обеспечения прибылей узкой верхушке общества германский империализм хочет завоевать другие страны и поработить их народы...» [7].

Хотя эти строки были написаны В. Пиком после прихода фашистов к власти, они ярко характеризуют роль гитлеровской партии и в более ранний период. После захвата фашистами власти в 1933 г. в их политике по существу, не произошло никаких изменений, они лишь получили возможность практически приступить к осуществлению внешне- и внутриполитических целей германского империализма.

К установлению фашистской диктатуры германскую буржуазию толкало и обострение противоречий внутри страны. К началу 1930 г. германская промышленность работала со средней нагрузкой 55—70%. Сократившаяся в своем объеме продукция, однако, не находила сбыта, что вело к банкротству не только мелкие и средние, но и некоторые крупные предприятия. Число безработных в конце 1930 г. достигло 4 357 тыс. человек, а в 1932 г. превышало 7 млн. [8]. Вместе с тем эксплуатация рабочих, занятых на производстве, непрерывно росла. Из года в год снижалась реальная заработная плата, уменьшались расходы на социальное страхование, повышались налоги, квартирная плата и т. д. Резко ухудшилось положение крестьянства.

Все это неизбежно вело к повышению революционной активности трудящихся, к усилению забастовочного движения и росту крестьянских волнений [9]. Обострение классовой борьбы в Германии вызывало смертельный страх у немецких империалистов и юнкеров, в сознании которых были живы воспоминания о великих революционных боях 1918—1923 гг., едва не приведших к свержению эксплуататорского строя. Стремясь разрешить внешние противоречия путем войны и пода-

[7] В. Пик. Избранные произведения. М. 1956, стр. 157.

[8] Данные о росте экономического кризиса в Германии см. в работах: «Капиталистические страны в 1913—1920—1936 гг.». Статистический сборник. Т. 1. М. 1937, стр. 16; «Коммунистический Интернационал», 1930, № 18, стр. 28; «Новые материалы к работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», стр. 227, 228, 233; «Мировые экономические кризисы 1848—1945 гг.». М. 1956, стр. 18; «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М. 1956, стр. 18; «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 439, S. 1567.

[9] См. «Правда», 16 августа, 2 октября, 19 декабря 1929 г., 9, 16, 17, 19 января 1930 г.; «Die Rote Fahne», 16, 20 января 1930 г.; «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik...», S. 358; G. Badia. Указ. соч., стр. 54.

ь революционное движение в стране посредством беспощадных ре-ссий, германская монополистическая буржуазия взяла откровенный с на фашизацию правящих партий и выражавших ее волю прави-ьств. Таковы главные обстоятельства, приведшие к усилению роли листской партии в Германии в годы мирового экономического кри-а.

XII съезд КПГ (1929 г.) так характеризовал внутреннюю обстановку тране: «Мощные социальные бои и задача подготовки войны выну-ают буржуазию к концентрации ее политических сил, направленных тив рабочего класса... Неприкрытая, освобожденная от формально ократических оболочек диктатура финансового капитала ставится в ядок дня»[10]. Коалиционное правительство правого социал-демокра-Г. Мюллера, правобуржуазное правительство клерикала Брюнинга, кционный кабинет Папена, правительство «социального генерала» ейхера — вот путь постепенной фашизации Германии. Внутри бур-азных партий этот процесс нашел свое выражение в росте влияния правых фракций, замене прежних руководителей более реакционны-в стремлении установить контакты с гитлеровцами и т. д.[11]. Однако это лишь способствовало распаду «партий порядка» и потере ими итического престижа. С падением правительства Мюллера, осуществ-вшего антирабочую политику и подорвавшего доверие рабочих масс идерам социал-демократии, СДПГ больше не смела претендовать на ководство государством. Ни одна из старых «традиционных» буржуаз-х и буржуазно-юнкерских партий также не могла удовлетворить стре-ение германских правящих классов к установлению такого режима, орый бы сочетал крайнюю реакционность с новыми, более гибкими ейственными методами демагогии и обеспечил бы ускоренную под-товку ко второй мировой войне[12].

Единственной партией, способной служить орудием диктатуры реак-онной шовинистической германской буржуазии, оказалась в тех усло-ях фашистская партия, именовавшая себя с целью маскировки и обмана одных масс «национал-социалистской», но в действительности являв-яся партией махровых империалистов, заклятых врагов социализма, ейших реакционеров и черносотенцев.

Коммунистическая партия Германии вела решительную борьбу про-в возрождения германского милитаризма и реакции. Решения XI (Эссен-ого) и XII (Веддингского) съездов КПГ (1927 и 1929 гг.), мартовского 930 г.) и январского (1931 г.) пленумов КПГ[13], выступления руководи-ей партии и рядовых коммунистов на многочисленных собраниях, ми-нгах и демонстрациях, с трибуны рейхстага и местных парламентов, по-дневная боевая деятельность низовых организаций КПГ и коммуни-ческой печати в защиту коренных интересов рабочего класса, трудя-хся Германии, против угрозы военной опасности и фашизма наносили ьезный ущерб планам германского империализма и в течение ряда лет лялись серьезным препятствием для осуществления этих планов.

Об успешности самоотверженной деятельности Коммунистической ртии Германии, боровшейся за создание единого рабочего и народного онта, свидетельствуют такие факты, как неуклонный рост рядов партии

---

[10] См. Э. Тельман. Германская компартия и новый революционный подъем, 148—149 (приложение).

[11] См. Э. Тельман. Боевые статьи и речи. М. 1935, стр. 101, 102; Б. Г. Тарковский. Указ. соч., стр. 232, 238, 241, 266 и др.; «Kölnische Zeitung», 10 дек. 1928 г.; S. Neumann. Die deutsche Parteien. Berlin. 1932, S. 70 u. a.

[12] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС) СССР, ф. 5667, оп. 1, д. 101, л. 101; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 51, оп. 1, д. 4834, л. 10.

[13] Э. Тельман. Задачи народной революции в Германии. Госполитиздат. 1959.

(со 100 тыс. чел. в 1929 г. она выросла до 332 тыс. в начале 1932 г.), рабо массовых организаций германского пролетариата («Союз красных фро товиков», «Красный юнгштурм», «Союз красных моряков», Революцио ная профсоюзная оппозиция), осуществлявших повседневную борьбу пр тив фашизма [14]. Коммунисты Германии неустанно разоблачали действ партии гитлеровцев как партии крайней империалистической реакции войны. В своей «Программе национального и социального освобождения опубликованной в 1930 г., КПГ противопоставила национальной и соц альной демагогии фашистов программу свободной, независимой Герм нии, власть в которой должна принадлежать рабочим и крестьянам Убедительно показав, что шовинистические выступления фашистов пр тив Версаля и «плана Юнга» были лишь обманом народа, программа по черкивала, что сохранение буржуазно-демократических свобод и предо вращение дальнейшего наступления фашизма зависят от единства действ рабочего класса, в первую очередь от совместных усилий коммунистов социал-демократов.

«Программа национального и социального освобождения» и опубл кованная в 1931 г. аграрная программа КПГ сыграли значительну роль в развертывании борьбы против фашизма. Но воздействие этих д кументов было ослаблено тем, что они были выработаны и обнародован с большим опозданием [15]. Коммунистические организации, руководствуя названными документами, развернули энергичную деятельность, но и менить коренным образом отношение к фашистской партии тех уже д вольно многочисленных слоев населения, которые оказались обманутым фашистской демагогией, не смогли. Раскольническая тактика правых л деров социал-демократии, которые, несмотря на известную потер влияния на трудящихся, все еще вели за собой большинство рабоче класса, способствовала укреплению позиций фашистской партии в масса «Своеобразие нынешнего развития Германии заключается в том,— отмеча лось на XII съезде КПГ,— что буржуазия без лидеров социал-демократи и профсоюзной бюрократии не может проводить в данный период своег империалистически-фашистского курса. Социал-демократия, как активна организованная сила, подготовляет установление фашистской дикта туры» [16].

На результатах работы КПГ сказались также недостатки и ошибк в ее деятельности предшествовавшего периода. Касаясь этого вопрос В. Пик отмечал: «Стратегическая ошибка компартии состояла в непосред ственном провозглашении основной своей целью социалистической рево люции и пролетарской диктатуры, хотя предпосылок к этому не было на лицо. Тактическая ошибка коммунистов состояла в уравнивании борьб компартии против социал-демократов и против нацистов» [17]. В 1939 Г. Димитров также подчеркивал, что «в наших рядах имела место недо пустимая недооценка фашистской опасности» [18]. В отчете о деятельност ИККИ на VII конгрессе В. Пик говорил, что германские коммунисты в борьбе против фашизма и правой социал-демократии нередко допускал ошибки, не обращаясь с предложениями единого фронта к местным орга низациям социал-демократии и реформистских профсоюзов [19].

---

[14] Данные о численном составе КПГ, СКФ, РПО и «Красном юнгштурме» см «Коммунистический Интернационал», 1932, № 31, стр. 51; W. Pieck. Bilder und Do kumente. Berlin. 1955, SS. 113, 123 u. a.; H. Dünow. Der Rote Front-Kämpferbund Berlin. 1958, S. 63—64, 70, 109.

[15] Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны М. 1939, стр. 16.

[16] Э. Тельман. Германская компартия и новый революционный подъем, стр. 14 (резолюция съезда).

[17] См. «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands». Berlin. 1946 S. 46.

[18] Г. Димитров. Указ. соч., стр. 15.

[19] См. В. Пик. Отчет о деятельности ИККИ. Партиздат. 1935, стр. 16, 17.

★

Получив поддержку буржуазии и правых лидеров социал-демократии, итлеровская партия расширила масштабы своей деятельности, направленной на создание условий для захвата власти и идеологическую подготовку войны. Она постепенно проникала в самую толщу немецкого народа, вовлекая его в свои организации, вербовала сторонников среди различных слоев населения, отравляла умы миллионов людей ядом расизма, реваншизма, идеей «тотальной войны», сосредоточив усилия на борьбе с Коммунистической партией и ее идеологией.

При проведении своей милитаристской деятельности фашисты уделяли особое внимание молодежи, понимая, что от степени влияния фашистской пропаганды на молодых людей в большой мере зависело осуществление их реакционных и экспансионистских планов. Организация работы среди молодежи была продумана во всех деталях. Фашисты учитывали и склонность юношества к романтическому образу мышления, и возможность возбудить в нем антагонизм к «консерватизму» старшего поколения, и его готовность к активным действиям, и его любовь к униформе, спорту и т. д. Самая крупная молодежная организация, находившаяся под воздействием фашистской партии,— «Союз гитлеровской молодежи» — имела ответвления в каждом округе, непосредственно подчинявшиеся гитлеровским штурмовым отрядам. Лозунгом фашистской молодежи становились слова: «Если сегодня нам принадлежит Германия, то завтра нашим будет весь мир» [20]. Многочисленной организацией являлся также «Орден молодых немцев», насчитывавший уже в 1928 г. около 300 тыс. человек [21]. Для работы среди учащихся средних школ был создан в ноябре 1928 г. при правительстве Мюллера «Национал-социалистский школьный союз». Фашистская организация «Немецкое студенчество» возглавлялась Бальдуром фон Ширах, будущим руководителем «Союза гитлеровской молодежи», одним из главных военных преступников [22].

В этих и других фашистских молодежных организациях дети, подростки, юноши и девушки воспитывались в духе крайнего шовинизма и расизма. Им внушалась мысль о том, что именно молодежь призвана осуществить главную роль в завоевании «жизненного пространства» для Германии, в «прославлении» ее и в «спасении» «от внутренних и внешних врагов» и т. д. Гитлеровцам, широко использовавшим в демагогических целях ущемленное национальное чувство германского народа, удавалось отравлять умы молодых людей шовинистическим и расистским угаром. Уже в то время студенты — члены фашистских молодежных организаций — срывали лекции прогрессивных профессоров, организовывали избиения студентов-антифашистов и демонстративно распевали фашистские гимны. В средних школах увольнялись с работы учителя только за то, что они отказывались разучивать с детьми реваншистские песни [23].

Фашистская партия все больше проникала в лагеря так называемой добровольной трудовой повинности, в которых, по официальным данным, насчитывалось в сентябре 1932 г. 200 375 молодых немцев (в действительности, как отмечалось в материалах октябрьской конференции КПГ 1932 г.), их было значительно больше) [24]. Эти лагеря, по замыслу их организаторов, должны были способствовать воспитанию юношества в духе махрового национализма и милитаризма. Фашистская партия

---

[20] См. К. Гейден. История германского фашизма. М. 1935, стр. 204.

[21] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 10 января 1928 года.

[22] См. К. Гейден. Указ. соч., стр. 203—204; «Нюрнбергский процесс». Т. I. М. 54, стр. 81—83.

[23] См. «Der Klassenkampf», 15 ноября 1929, стр. 677.

[24] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 16 октября 1932 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 51, оп. 1, 5506, л. 20.

к этому времени стала главным и решающим орудием в осуществлени этой преступной цели.

Молодежные организации, находившиеся под влиянием гитлеров цев, служили резервом для пополнения рядов фашистской партии. На пример, к 1930 г. в составе фашистской партии Саксонии насчитывалос 52% членов в возрасте от 18 до 25 лет и только 20% свыше 35 лет [25].

Фашисты настойчиво распространяли свою идеологию и среди ра бочего класса Германии. Фашистская газета «Angriff», подводя итог работы своей партии среди рабочих промышленных предприятий, отме чала 2 января 1930 г. «продвижение вперед национал-социалистов» металлопромышленности, на транспорте и в строительстве. Это «продви жение» стало возможным прежде всего благодаря политике правых ли деров социал-демократии и реформистских профсоюзов, направленно на раскол рабочего класса [26]. Э. Тельман в своем докладе на январско пленуме ЦК КПГ в 1931 г. говорил, что начавшееся из-за предательски действий лидеров социал-демократии и реформистских профсоюзов па дение авторитета СДПГ вело к значительному росту влияния фашисто на рабочие массы [27].

Не встречая никакого противодействия со стороны социал-демокра тов, фашисты пропагандировали свою демагогическую программу сред рабочих, в которой обещали им повышение заработной платы, «отмен нетрудовых доходов», «огосударствление трестов», «обеспечение в ста рости» и т. д. В отдельных случаях они даже прикидывались сторонни ками забастовок, но поступали при этом всегда так, чтобы не повредит интересам империалистов. Объявив себя «участниками» забастовки ме таллистов, вспыхнувшей в октябре 1930 г., фашисты поспешили объяс нить предпринимателям, что вынуждены были «присоединиться» к рабо чим, чтобы не потерять их голоса на предстоящих выборах в рейхстаг [28]. Один из фашистских лидеров, Вагнер, заявил по поводу другой забас товки: «Руководству партии не представлялось возможным запретити своим членам участвовать в забастовке, так как это повлекло бы за со бой массовый отлив рабочих из партии» [29]. «Поддерживая» бастующих фашисты на деле выступали против классовой борьбы, разглагольство вали о гармонии классовых интересов. Геббельс от имени центрального руководства своей партии писал в фашистском органе, что стачками не следует «увлекаться» потому, что они якобы ударяют «не только по тем на кого они направлены, но и по широким слоям народа», и призывал не распылять силы, а готовиться к проведению «в соответствующий мо мент всеобщей стачки против Версаля и против «плана Юнга» [30].

Таким образом, фашисты пытались внушить германским трудящим ся, что их бедственное положение объясняется вовсе не классовым угне тением и беспощадной эксплуатацией, а исключительно тяготами навя занных Германии обязательств, то есть теми причинами, для устранения которых единственно реальным средством, по их утверждению, могла быть лишь «тотальная война».

---

[25] «Коммунистический Интернационал», 1930, № 9, стр. 56

[26] ЦГАОР и СС, ф. 5667, оп. 1, д. 101, л. 101.

[27] ЦПА ИМЛ, ф. 51, оп. 1, д. 4834, л. 7.

[28] «Zwei Jahre Brüning-Diktatur». Berlin. 1932, S. 112. В забастовке участвовало 276 предприятий, на которых работало 126 тыс. человек. Фашисты не осмелились выступить против такой крупной забастовки, но они воспользовались первым же случаем, чтобы сорвать ее (см. «Die Rote Fahne», 16 октября 1930 года).

[29] ЦГАОР и СС, ф. 5667, оп. 1, д. 101, л. 105.

[30] «Angriff», 9 ноября 1930 года. Прикрываясь тем же лозунгом, гитлеровцы выступали против законов, направленных на повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. «Мы, национал-социалисты,— заявлял Функ,— намерены разгромить марксистскую систему тарифной зарплаты и закрепить достигнутое путем радикального снижения зарплаты уменьшение расходов» (ЦГАОР и СС, ф. 5667, оп. 1, д. 101, л. 105).

Благоприятной для проникновения фашистской идеологии была обстановка и в германской деревне. Руководящие деятели Веймарской республики неизменно проводили политику поддержки дворян, юнкеров и кулачества, в то время как мелкие и средние крестьянские хозяйства пребывали на грани разорения и их положение с каждым годом ухудшалось [31]. Если до 1930 г. значительная часть крестьянства ориентировалась на кулацко-помещичью организацию «Ландбунд», то выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. показали, что фашисты в борьбе за влияние на крестьянство оттеснили «Ландбунд». Щедро рассыпая демагогические обещания [32], гитлеровцы подчеркивали, что их осуществление возможно только при условии, если власть будет принадлежать фашистским лидерам и если они реализуют внешнеполитическую программу партии. С течением времени «Ландбунд» постепенно начал принимать фашистскую окраску и все большее число его местных отделений открыто требовало включения союза в гитлеровскую партию [33].

В дальнейшем влияние фашистов стало распространяться и на сельскохозяйственных рабочих. Разочарованные действиями правых лидеров социал-демократии, которые, как отмечал Г. Димитров, «от имени рабочего класса проводили по сути дела антикрестьянскую политику... сельскохозяйственные рабочие в Германии задолго до прихода Гитлера к власти покидали реформистские профсоюзы и в большинстве случаев переходили в «Стальной шлем» и к национал-социалистам» [34].

Как известно, гитлеровцы пользовались влиянием и среди мелкой буржуазии. Тут им не надо было затрачивать больших усилий. Провозглашенная фашистской партией программа для мелких промышленников и торговцев [35], ее антиверсальские и реваншистские лозунги — все это было воспринято многочисленной германской мелкой буржуазией, изнемогавшей в неравной борьбе с крупным капиталом, с воодушевлением и фанатичной верой в возможность осуществления заманчивых для нее обещаний.

Фашисты ловко пользовались бедственным положением широкого круга служащих для пропаганды в их среде реваншизма, расизма и махрового национализма. В 1930 г. в Германии насчитывалось приблизительно 4 млн. служащих. Не менее $^2/_3$ из них имели такую заработную плату, которая мало чем отличалась от заработной платы низкооплачиваемых рабочих. Особенно тяжелым было положение служащих-женщин [36].

Э. Тельман в докладе на январском (1931) пленуме ЦК КПГ отмечал слабую работу Коммунистической партии Германии среди служащих и призывал партийные организации не допустить превращения миллионных масс служащих в один из резервов фашистской партии [37]. К сожалению, в силу ряда причин, главным образом вследствие предательства лидеров социал-демократии, груза прежних ошибок и упущенных Ком-

[31] Данные о положении крестьянства в 1929—1931 гг. см.: «Аграрные проблемы», 1931, № 11—12, стр. 179; «Die Rote Fahne», 22 мая 1931 года.

[32] Главные из этих обещаний: «устранить конкуренцию», «уменьшить налоги», «уничтожить земельный процент» и спекуляцию землей, «организовать экспорт сельскохозяйственной продукции» и наделить землей нуждающихся крестьян за счет «отвоеванных территорий» (см. И. П. Трайнин. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Госиздат Узб. ССР. 1942, стр. 18). Определенное влияние на поведение крестьянства оказали также отмеченные в ряде постановлений КПГ и Коминтерна недостатки в работе организаций Компартии в деревне (см. «Коммунистический Интернационал в документах». М. 1933, стр. 784).

[33] «Informationsdienst des EBK», № 14, Januar, 1931.

[34] Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 14.

[35] «Борьба против процентного рабства», «дешевый кредит», «ликвидация универмагов», обещание льгот при реализации продукции и др. (И. П. Трайнин. Указ. соч., стр. 18).

[36] ЦПА ИМЛ, ф. 51, оп. 1, д. 4834, л. 111.

[37] Там же, лл. 86—87, 112.

мунистической партией возможностей, этот призыв, хотя и получил должный отклик среди коммунистов, не был в достаточной степени претворен в жизнь. Октябрьская конференция КПГ 1932 г., происходившая за несколько месяцев до прихода фашистов к власти, в своих постановлениях отметила серьезные недостатки работы партийных организаций и Революционной профоппозиции в массах, слабое проникновение их в реформистские и христианские профсоюзы [38].

Укрепление фашистской партии среди мелкой буржуазии и отчасти трудящегося населения повышало ее акции в глазах германских правящих кругов, стремившихся с помощью этой партии подавить революционное движение в стране и развернуть широкую подготовку войны за установление мирового господства германских монополий.

Начиная с 1929 г. германская буржуазия заметно усилила финансовую помощь гитлеровцам. По инициативе крупнейшего промышленника Фрица Тиссена германские монополисты приняли решение, обязывавшее предпринимателей производить регулярные взносы в кассу фашистской партии [39]. Это решение неукоснительно выполнялось [40]. В документах Коммунистической партии Германии и Революционной профсоюзной оппозиции можно найти много примеров, свидетельствующих о том, как активно помогали предприниматели фашистским ячейкам на предприятиях [41] и как все чаще они обращались к фашистам, усматривая в них силу, готовую в любой момент выступить против революционных рабочих, в защиту интересов эксплуататоров [42].

В годы экономического кризиса доверие германских монополистов и юнкеров к гитлеровской партии настолько возросло, что ей фактически была предоставлена полная свобода действий. Гитлер получил право бесконтрольного расходования денежных средств. На глазах у полиции фашисты начали создавать собственные склады оружия. Еще в сентябре 1928 г. правительство Мюллера отменило постановление 1926 г., воспрещавшее Гитлеру публичные выступления в Пруссии [43]. Пользуясь расположением правящих кругов веймарской Германии, гитлеровцы уже в 1928 г. провели около 20 тыс. собраний и митингов, а начиная с 1929 г. в стране в среднем ежедневно проходило не менее 100 собраний, на которых фашисты вели открытую пропаганду войны, развертывали бешеную клеветническую кампанию против КПГ и следовавших за нею революционных рабочих. Фашистские главари платили за каждое выступление на таких собраниях членам своей партии от 200 до 400 марок [44].

Поощряя пропагандистскую деятельность фашистов, направленную на разжигание шовинизма и реваншизма в стране, А. Крупп при избрании его в 1931 г. председателем Союза германских промышленников заявил от имени всех монополистов, что он будет заботиться о расширении помощи гитлеровцам [45].

---

[38] Там же, д. 5506, лл. 89—90, 93; д. 5508, лл. 7, 9

[39] См. А. Норден. Указ соч., стр. 97—102; К. Гейден. Указ соч., стр. 238; P. Wandel. Deutsche Imperialismus und seine Kriege — das nationale Unglück Deutschlands. Berlin. 1955, S. 122; F. Tyssen. I paid Hitler. New York. London. 1941.

[40] Так, например, «Rheinische Zeitung» сообщала 27 мая 1931 г., что горнозаводской союз промышленников в Эссене перевел очередную сумму для руководства гитлеровской партии в 500 тыс. марок. Эта сумма состояла из средств, внесенных по утвержденной разверстке собственниками рудников и других промышленных предприятий. (ЦГАОР и СС, ф. 5665, оп. 1, д. 101, л. 103).

[41] Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg. Rep. 77, Tit. 4043, № 68, V. 10, Bd. I, S. 362; там же, Wz. 47 в, 2, 225.

[42] ЦГАОР и СС, ф. 5667, оп. 1, д. 101, л. 8; ф. 5665, оп. 1, д. 123с, л. 112, 120.

[43] «Berliner Tageblatt», 9 сентября 1928 г.; Германикус. Германский национал-фашизм. М. 1931, стр. 14, 15 и др.

[44] Германикус. Указ. соч., стр. 27—28.

[45] ЦГАОР и СС, Материалы и документы Нюрнбергского процесса, ф. 7445, д. 1944а.

С каждым годом крепли связи фашистской партии с рейхсвером, в подразделениях которого воспитывались в духе реваншизма, расовой идеологии и ненависти к СССР основные кадры будущей фашистской армии и фашистского чиновничьего аппарата. Даже буржуазная и правая социал-демократическая печать вынуждена была признавать, что воспитание личного состава рейхсвера осуществлялось «методами реакционной прусско-кайзеровской школы». «Все офицеры, начиная от капитана и выше,— писала 25 апреля 1929 г. газета «Reichsbanner-Zeitung»,— отборные феодально-реакционные элементы. Всякая самостоятельная мысль в рейхсвере бесцеремонно убивается, культивируется вера в авторитет, слепое подчинение начальству». Рейхсвер все в большей мере становился основным поставщиком командных и пропагандистских кадров для штурмовых отрядов и других фашистских организаций.

Для усиления своего влияния на рейхсвер гитлеровцы еще в 1928 г. создали особую «организацию-2» (во главе с подполковником Гирмо, которого они прочили на пост военного министра). Эта организация вела фашистскую пропаганду в рейхсвере и полиции[46]. С течением времени связи между рейхсвером и гитлеровской партией становились теснее, что объяснялось ростом численности и влияния фашистской партии и ее боевых союзов; перед ними отступали на задний план остальные реакционные организации германской монополистической буржуазии и юнкерства.

Созванная в октябре 1931 г. Гарцбургская конференция реакционеров признала ведущую роль фашистской партии среди других партий и организаций германского империализма. От рейхсвера здесь присутствовали 15 генералов и адмиралов, в том числе фон Сект, Гельтц и Лютвиц, а также два сына бывшего императора, присоединивших свои голоса к решению конференции о «необходимости передачи власти подлинно национальному правительству»[47], то есть фашистам.

Готовясь к захвату власти в Берлине, гитлеровцы перенесли центр своей деятельности из Баварии в Пруссию и Саксонию. В жизни страны чуть ли не повседневным явлением стали антисемитские погромы, разгон собраний, организуемых КПГ и Революционной профоппозицией, зверские избиения и убийства коммунистов и революционных рабочих. Этот террор гитлеровцы сочетали с непрерывно усиливавшейся милитаристской и реваншистской пропагандой, которая проводилась в неслыханных до тех пор масштабах. Огромными тиражами печаталась книжка Гитлера «Mein Kampf», к массовому распространению которой приступили в 1929 году. В духе ее человеконенавистнических, расистских, экспансионистских и антикоммунистических идей были приняты решения на Нюрнбергском съезде фашистской партии (1929 г.). Используя прессу, радио, право проведения собраний и митингов, располагая для этого неограниченными средствами, фашисты широко рекламировали свою программу. Выступления главарей фашистской партии представляли собой чудовищную смесь демагогии, антикоммунистических выпадов, расизма, реваншизма, обращения к низменным инстинктам людей, открытой лжи и преднамеренного извращения фактов. Речи Гитлера и его пособников постоянно вращались вокруг темы о «виновниках страданий народа»; к их числу фашисты относили лиц, заключавших Версальский договор, партии, к которым принадлежали эти лица, коммунистов, возглавлявших революционное движение в годы войны, нанесшее, по выражению Гитлера, заимствованному им у битых кайзеровских генералов, «удар в спину» германским вооруженным силам, и т. д.

---

[46] См. В. Д. Кульбакин. Указ. соч., стр. 150.

[47] «Stahlhelm», 18 октября 1931 г.; см. также K. D. Bracher. Указ. соч., стр. 409—410.

Обязательной частью выступлений фашистских лидеров были обещания всевозможных благ всем слоям населения, призывы к «здоровым силам нации» «пробудиться от сна» и «спасти Германию», бороться за ее «величие и процветание», за «тысячелетнее существование рейха» и т. д., и т. п. Немцам настойчиво внушалась мысль о войне как единственном якобы реальном средстве ликвидации нищеты и безработицы, малоземелья, бедственного положения мелкой буржуазии, устранения последствий экономического кризиса. Фашисты твердили о «праве» германской нации на завоевание мирового господства [48]. Нелепая, антинаучная «теория» исключительности германской «арийской» расы с течением времени занимала все большее место в фашистской пропаганде.

Внешнеполитическая деятельность фашистской партии задолго до прихода ее к власти также была направлена на подготовку войны. В целях захвата «жизненного пространства», в первую очередь за счет тех стран и областей, где проживали немцы, гитлеровцы создавали широкую сеть шпионских организаций и фашистских партий в этих странах как основу для формирования пятых колонн, которые в решающий момент должны были нанести удары изнутри и тем самым содействовать победе фашистской армии [49].

Об этом пространно писал Гитлер. В различных вариантах ту же мысль повторяли и другие лидеры его партии. Например, Штрассер 27 ноября 1925 г., выступая в рейхстаге, заявил: «Мы, национал-социалисты, солдаты и офицеры-фронтовики, никогда не откажемся от Эльзас-Лотарингии, от Эйпена и Мальмеди, от Саарской области, равно как от Мемеля и Данцига, Познани и Западной Пруссии и Верхней Силезии» [50].

Еще в период Веймарской республики гитлеровцы готовились с особой настойчивостью к захвату Австрии и Чехословакии. Фашистская пропаганда в Чехословакии началась с первых дней существования гитлеровской партии. Уже по окончании первой мировой войны германские фашисты развернули активную деятельность в Судетской области. В 1932 г. руководители судетской фашистской организации «фольксворт» открыто приняли состоявшую из 21 пункта программу, первый из которых требовал объединения всех немцев в «Великую Германию». Лидеров «фольксворта» обвинили в заговоре против Чехословацкой республики, но они продолжали свою работу в подполье; деятельность германских фашистов в Чехословакии не прекращалась. В октябре 1934 г. Конрад Гейнлейн создал «Германский внутренний фронт», который весной следующего года был преобразован в «Судетскую немецкую партию». Последняя, как известно, сыграла роль пятой колонны, поставившей вопрос о «полной автономии Судет», и дала Гитлеру повод для агрессивных действий против Чехословакии.

В Австрии еще в 1925 г. к гитлеровцам примкнула профашистская группа Вольфа. Между гитлеровской агентурой и сторонниками итальянского фашизма, видевшими в германских фашистах опасных конкурентов, шла ожесточенная борьба, закончившаяся победой гитлеровцев. В 1932 г. клерикально-фашистская реакция поставила во главе австрийского государства одного из лидеров христианской социальной партии, Дольфуса, который стал перестраивать государственную систему страны по фашистскому образцу. Способствуя усилению гитлеровцев в Австрии, он не подозревал, что вскоре станет одной из первых жертв гитлеровского террора.

Этими и другими действиями фашистов, направленными на подготовку широкой агрессии под предлогом объединения немецких областей, руководил единый центр, возглавляемый Гитлером, Розенбергом, Риббен-

[48] И. П. Трайнин. Указ. соч., стр. 18.
[49] См. «История дипломатии». Т. III. М. 1945, стр. 460—462.
[50] См. К. Гейден. Указ. соч., стр. 169.

тропом, Гессом, Дарре и их ближайшими сообщниками. Именно от них шли указания фашистским агентам за рубежом повсюду возбуждать волнения, вызывать конфликты и панику, усыплять противника при помощи хитрости и обмана. «Наша стратегия,— поучал Гитлер Форстера, руководителя данцигских фашистов,— будет состоять в том, чтобы разрушать врага изнутри, заставить его разбить самого себя своими руками» [51].

Большое значение для распространения идей фашизма и вербовки сторонников гитлеровской партии и пропагандируемой ею войны явилось проведение в 1929 г. фашистами и национальной партией «всенародного голосования» против «плана Юнга». Играя на уязвленном национальном чувстве германского народа, организаторы плебисцита собрали 5 830 тыс. подписей [52]. Официальные пункты «волеизъявления» гласили: отмена статьи 231-й проекта Версальского договора, устанавливавшей виновность Германии в первой мировой войне; немедленная эвакуация «оккупированных областей»; «аннулирование новых долгов и обязательств Германии»; «предание суду по обвинению в государственной измене всех министров и чиновников, заключивших мир в 1917 г. или поддерживавших связь с державами, входившими в Лигу Наций» [53].

Нарочитая туманность в изложении некоторых пунктов «волеизъявления» объяснялась нежеланием фашистов идти на открытый конфликт с западными державами. Однако было очевидно, что главной целью этого мероприятия являлась идеологическая подготовка масс к войне, с одной стороны, и стремление добиться от правительств США, Англии и Франции, которых пугали «призраком большевизма» в Германии, согласия на легализацию перевооружения страны и подготовить их к восприятию факта фашистского переворота — с другой. Именно так оценивал значение плебисцита один из ближайших сообщников Гитлера, Геббельс [54].

Фашистам не удалось собрать необходимого количества голосов, чтобы, согласно конституции, «волеизъявление» получило силу закона. Но результаты голосования не обескуражили его организаторов и стоявших за ними реакционных кругов германской монополистической буржуазии и юнкерства. С помощью плебисцита было положено начало новой волне пропаганды с целью разжечь под флагом борьбы против Версальского договора такой махровый шовинизм в стране, без которого гитлеровцы не сумели бы создать себе в столь короткий срок массовую опору среди населения, а генеральный штаб — приступить более решительно к разработке планов агрессивной войны. В действительности же «выступление» фашистов против «плана Юнга» являлось демагогией и преднамеренной ложью. Этот план, как известно, был принят по настоянию германской буржуазии и при поддержке американских империалистов. Он возложил все репарационные тяготы на плечи трудящихся, а фашисты, как показала вся их практическая деятельность, активно участвовали в осуществлении мероприятий по его реализации (неизменно голосовали в рейхстаге за принятие законопроектов об увеличении налогового бремени на трудящиеся массы, о повышении пошлин, подавляли забастовочное движение, направленное против этих мероприятий, и т. д.) [55].

В результате плебисцита гитлеровская партия, свидетельствует К. Гейден, «приобрела самую широкую известность в стране» [56]. Непосредственным итогом плебисцита был допуск фашистов к власти в Тюрингии,

---

[51] См. «История дипломатии». Т. III, стр. 463.

[52] G. Badia. Указ. соч., стр. 30.

[53] H. Simons. Volksbegehren. «Sozialistische Monatshefte». November, 1929, S. 1029, 1030.

[54] См. H. Martin. Vor dem Bürgerkrieg. Leipzig. 1929, S. 12.

[55] L. Berthold. Das Programm der KPD zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes von August. 1930. Berlin. 1956, S. 230.

[56] К. Гейден. Указ. соч., стр. 225.

Саксонии, Брауншвейге и Ольденбурге. Следует подчеркнуть, что реакционная деятельность фашистских министров в этих землях, направленная в первую очередь на распространение фашистских идей и идеологическую подготовку войны, находила активную поддержку не только у буржуазии, но и у некоторых правых лидеров социал-демократии.

★

Отмеченные обстоятельства в основном объясняют причины роста влияния фашистской партии и ее реваншистских лозунгов среди широких слоев мелкой буржуазии, крестьянства и даже известной части германского рабочего класса.

Результаты выборов в муниципальные органы 1929 г., в рейхстаг 1930 и 1932 гг., а также выборы президента в 1932 г. [57] показали соотношение политических сил в стране. Мелкая буржуазия, разоряемая крупным капиталом и убежденная фашистской пропагандой в необходимости войны как средстве предотвращения ее окончательного краха, в панике покидала лагерь так называемых «партий порядка» и отдавала свои голоса гитлеровцам. Фашисты получили также значительное число голосов крестьян и служащих.

Однако успехи фашистской партии во время избирательных кампаний покоились на очень зыбкой почве. Как уже отмечалось, часть избирателей проголосовала за фашистов, поверив их социальной демагогии. Другие, разочаровавшись в старых буржуазных партиях, не успели разглядеть подлинного лица гитлеровцев и отдали им свои голоса как партии, которая сумела создать себе репутацию силы, ведущей наиболее решительную борьбу против Версальского договора.

Шаткость и непрочность избирательных успехов фашистов наиболее убедительно продемонстрировали ноябрьские парламентские выборы 1932 г., зафиксировавшие потерю ими двух миллионов голосов по сравнению с выборами в рейхстаг, состоявшимися в июле 1932 года. Число голосов, поданных на этих выборах за германских коммунистов, выросло (в 1930 г. за них проголосовало 4 590 тыс. человек, в июле 1932 г.— 5 290 тыс., а в ноябре 1932 г.— 5 980 тысяч) [58].

Несмотря на то, что количество членов фашистской партии, как и ее избирателей, увеличилось главным образом за счет разоряемой мелкой буржуазии, торговцев, ремесленников, крестьян и отчасти служащих, она в результате этого отнюдь не становилась мелкобуржуазной. Напротив, именно в годы своих наибольших избирательных успехов гитлеровская партия окончательно сложилась как самая реакционная партия финансового капитала. С ее помощью германский империализм рассчитывал разгромить революционные организации рабочего класса и осуществить подготовку к мировой войне.

Учитывая отношение монополистической буржуазии и рейхсвера к фашизму, гитлеровцы теперь открыто заявляли о необходимости передачи власти представителям их партии. 4 августа 1932 г. Гитлер приехал в Берлин, с тем чтобы предъявить свои требования канцлеру фон Шлейхеру. Начался торг из-за портфелей. Отражая господствовавшие в тот период настроения среди фашистов, Геббельс писал: «Если только мы получим власть, мы ее больше не потеряем...» [59].

---

[57] «Die Wahlen zum Reichstag 14.IX.1930». H. I. Berlin. 1932, SS. 6—9; «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1932», SS. 546—547; И. П. Трайнин. Указ. соч., стр. 25; «Die Wahlen zum Reichstag 31. VII und 6.XI 1932». Berlin. 1935, SS. 8—9; G. Badia. Указ. соч., стр. 85.

[58] «21 Monate Sozialdemokratischen Koalitionspolitik...», SS. 28, 29; «Die Wahlen zum Reichstag 14.IX.1930». H. I, SS. 6—9; «Die Wahlen zum Reichstag 31.VII und 6.XI.1932». Berlin. 1935, SS. 8—9.

[59] Goebbels. Vom Kaiserhof zu Reichkanzlei. Berlin. 1933, SS. 137—139.

Вопрос о приходе гитлеровцев к власти стал наиболее актуальным в то время. Потеря фашистами 2 млн. голосов на выборах 1932 г., увеличение на 690 тыс. голосов, поданных за КПГ, явились последним толчком, побудившим правящие классы Германии принять решение о передаче власти Гитлеру [60].

★

После прихода фашистов к власти открытая подготовка к войне, сочетаемая с подавлением революционных и прогрессивных сил страны, стала их центральной задачей. Однако осуществление этой задачи не являлось чем-то новым в истории империалистической Германии. В ней нашла лишь свое наиболее полное и законченное выражение вся предшествующая деятельность, осуществлявшаяся германской буржуазией в годы Веймарской республики. Важная роль в этой деятельности принадлежала фашистской партии.

Внутренние процессы, которые наблюдаются в настоящее время в Западной Германии, во многом напоминают явления периода последних лет существования Веймарской республики.

Как и при фашистском режиме, германские монополии и крупные землевладельцы создали ныне различные политические и экономические органы, направляющие и контролирующие деятельность правительства Аденауэра («Федеральный союз германской промышленности», «Германское общество по изучению мирового хозяйства», «Хозяйственно-технический союз» и др.) [61]. В этих органах, включивших в свое руководящее ядро прежних покровителей Гитлера и фашистских деятелей, разрабатываются планы ремилитаризации Западной Германии и ведется откровенная подготовка к новой мировой войне. Значительное число видных фашистов вошло в состав правительства Аденауэра. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что в Западной Германии милитаристско-клерикальная диктатура Аденауэра поддерживается теми же силами и опирается в основном на тот же государственный аппарат, с которыми в свое время имел дело Гитлер.

«Посмотрите,— говорил Н. С. Хрущев на массовом митинге в Тиране 30 мая 1959 г.,— кто теперь находится на ключевых позициях в ФРГ, кто выдвигается на руководящие посты,— это в значительной степени те же самые люди, которые активно поддерживали Гитлера, считали его своим богом» [62].

Господство монополий и реакционная политика правительства Аденауэра привели к возрождению фашистских организаций и к усиленной пропаганде ими реваншизма и милитаризма, хотя и осуществляемой ныне в новых формах, но, по существу, не отличающейся от аналогичных действий гитлеровцев [63].

С особым рвением неофашистские организации в ФРГ, подобно тому, как это делали гитлеровцы до своего прихода к власти, стремятся влиять на воспитание личного состава армии. Они прежде всего добиваются замещения возможно большего числа командных должностей в бундесвере бывшими нацистами. Подобные действия находят полную поддержку западногерманской правящей клики и американо-английских оккупационных властей [64].

---

[60] «Historisch-politische Jahresübersicht für 1932». Stuttgart. 1933. S. 160; G. Badia. Указ. соч., стр. 97.

[61] «Правда», 26 августа 1959 г.; Г. Бауман. Хозяева западногерманских монополий. М. 1954, стр. 19, 20; «Deutsche Wirtschaftszeitung», 17 марта 1951 года.

[62] «Правда», 31 мая 1959 года.

[63] «Weissbuch über die agressive Politik der Regierung der Deutschen Bundesrepublik». Herausgegeben vom Ministerium für Auswärtige Angelegenheiten der Deutschen Demokratischen Republik. 1958, S. 44; «Правда», 26 августа 1959 г.; Н. Н. Иноземцев. Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). М. 1954, стр. 272

[64] «Правда», 30 мая 1959 года.

Реакционной политике германских империалистов противостоит в Западной Германии непрерывно усиливающееся общенародное движение за мир и воссоединение Германии на мирной демократической основе. Все большее влияние на широкие массы трудящихся Западной Германии оказывают лозунги и призывы КПГ, вынужденной быть на нелегальном положении, но не прекращающей ни на один день своей плодотворной деятельности, направленной на достижение единства действий коммунистов и социал-демократов, всех прогрессивных сил ФРГ. В последнее время борьба трудящихся стала принимать массовые открытые формы [65].

Характеризуя задачи Коммунистической партии Германии, ее первый секретарь М. Рейман писал: «Основной целью нашей партии в настоящее время является обуздание агрессивного германского империализма, устранение милитаризма, который угрожает миру в Европе, а населению ФРГ грозит гибелью в огне атомной войны...» В связи с этим, подчеркивал М. Рейман, «мы наращиваем наши усилия, чтобы добиться сотрудничества рабочего класса и его организаций во всей Германии и тем самым открыть путь для взаимопонимания и сотрудничества через создание безатомной зоны в Средней Европе и через образование конфедерации ФРГ и ГДР. И главная задача, о которой идет речь,— это всестороннее улучшение сотрудничества с социал-демократами на предприятиях и в профсоюзах, от организации к организации, от руководства к руководству» [66].

В мае 1959 г. М. Рейман уточнил и разъяснил смысл этой политики: «Стратегия и тактика Коммунистической партии базируется на том, чтобы шаг за шагом подводить рабочий класс, народные массы Западной Германии к позиции последовательной борьбы против германского милитаризма и империализма. КПГ стремится ввести в русло широкой политической борьбы различные течения и движения за социальные требования трудящихся, за права народа, против опасности атомной войны» [67].

Развертывающиеся в Западной Германии события свидетельствуют о том, что Коммунистической партии Германии, верной и последовательной защитнице интересов рабочего класса и всех трудящихся, удалось добиться серьезных успехов в решении стоящих перед нею исторических задач.

Большую помощь миролюбивым демократическим силам Западной Германии может оказать и оказывает историческая наука, правдиво исследующая проблемы новейшей истории Германии, изобличающая классовую природу и антинародную политику германских милитаристов, реваншистов и их пособников. Разоблачение неофашистских партий, союзов и организаций, их программ и действий с помощью анализа недавнего прошлого довоенной империалистической Германии является неотложной задачей всех прогрессивных историков.

---

[65] См. «Правда», 3 мая, 8 июня. 31 октября, 27 ноября 1958 г.; журнал «Проблемы мира и социализма». 1959, № 5, стр. 7, 9.

[66] «Правда», 29 декабря 1958 года.

[67] «Проблемы мира и социализма». 1959, № 5, стр. 4, 5.

Рецензии

История СССР

А. Г. РАШИН. *Формирование рабочего класса России.* Историко-экономические очерки. Академия наук СССР. Институт истории. Соцэкгиз. М. 1958. 622 стр. Тираж 12 000. Цена 24 руб. 50 коп.

Вопрос о формировании пролетариата в России имеет большое научное значение. Речь идет о возникновении класса, который был призван совершить величайший переворот в общественной жизни страны. Важность этой проблемы определяется также тем, что рабочий класс России сформировался в сравнительно короткий срок, быстро превратился в величайшую революционную силу. К сожалению, у нас очень мало исследований, посвященных этой важной теме. Выход в свет монографии А. Г. Рашина является отрадным фактом.

Эта работа, выпущенная вторым изданием, значительно расширена за счет новых материалов. В отличие от первого издания (1940 г.) в ней опущен раздел, посвященный характеристике процессов формирования рабочих при крепостническом строе. И это вполне резонно, так как промышленный пролетариат складывался в эпоху капитализма, и именно этот период должен быть предметом изучения. Во второе издание введена новая глава (5) — о территориальном размещении рабочих, в особые разделы выделен материал о труде женщин (гл. 6) и подростков (гл. 7), специальная глава (8) посвящена возрастному составу пролетариата. В первом издании указанные вопросы рассматривались в общей главе (6). Самостоятельно исследованы автором продолжительность промысловой деятельности (гл. 14) и производственный стаж промышленных и транспортных рабочих (гл. 15), по-новому построена глава 17 — об отрыве промышленных рабочих от сельского хозяйства. Изменено и название монографии (в издании 1940 г. она была озаглавлена «Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки»). Во «Введении» к книге А. Г. Рашин специально подчеркивает связь между обоими изданиями, указывая, что «данное исследование является продолжением и развитием» предыдущего. Однако в отличие от первой настоящая монография ставит задачей «изучение динамики численности и процессов формирования не только промышленного пролетариата, но и других важнейших групп рабочего класса капиталистической России». При этом автор стремился «определить, какова была общая численность рабочего класса России накануне первой мировой войны» (стр. 3).

В книге четыре раздела. В первом освещается динамика численности рабочих капиталистической России, во втором — формирование рабочего класса, в третьем — процесс образования постоянных кадров пролетариата, в четвертом — образовательный уровень и профессиональная подготовка рабочих. Автор изучил многочисленные источники: статистические сборники, материалы переписи населения — общие и выборочные, земские подворные переписи, данные об отдельных предприятиях, исследования статистиков и земских врачей, изучавших положение рабочих. Все статистические материалы, тщательно обработанные автором, представлены в виде таблиц. Кроме того, из использованных работ приведены значительные извлечения, подкрепляющие те или иные положения монографии. В целом труд А. Г. Рашина является серьезным вкладом в изучение истории рабочего класса нашей страны.

Остановимся на некоторых существенных моментах монографии. Анализируя в первом разделе книги динамику численности фабрично-заводского пролетариата, автор приводит важные данные о темпах роста

численности рабочих в 90-е и 900-е годы. В пореформенный период — с 1865 по 1900 год — количество рабочих увеличилось в 2,89 раза (стр. 37). Наиболее быстрый темп роста числа рабочих падает на 1887—1900 годы, когда численность пролетариата возросла на 79%. В 1900—1913 годах увеличение было значительно меньшим — всего на 33,2%. А. Г. Рашин делает вывод: «Следовательно, темп прироста численности фабрично-заводских рабочих за рассматриваемый период (1900—1913 гг.) оказался в 2,4 раза ниже, чем за предшествующие 13 лет (1887—1900 гг.), когда численность рабочих возросла на 79%» (стр. 63). В данном случае сказалось влияние кризиса 1900—1903 гг., а также длительной депрессии, продолжавшейся до 1910 года. Следует отметить, что в течение 90-х годов особенно бурно развивалась металлургия юга России,— в 1882—1899 гг. число рабочих в этой отрасли увеличилось в 12 раз (стр. 29). Автор исчисляет общее количество фабрично-заводского пролетариата в 1913 г. в 3,1 млн., а вместе с фабрично-заводскими служащими — в 3,35 млн. человек. Сюда надо присоединить рабочих железнодорожных мастерских, которых в 1908 г. насчитывалось 85,4 тыс. (стр. 63).

Необходимо остановиться на одной ошибочной формулировке автора. Касаясь развития бакинской нефтяной промышленности, он пишет: «В связи с общим промышленным подъемом в 1898—1901 гг. и в бакинской нефтяной промышленности наблюдается значительный рост численности рабочих и служащих с 20,5 тыс. в 1898 г. до 37 тыс. человек в 1901 г.» (стр. 71). С середины 1899 г. промышленного подъема уже не было, так как в это время начался кризис, о чем автор сам пишет на стр. 44—46 и 51. Что касается Баку, то там кризисные явления проявились позднее — в 1902—1903 гг., в описываемый же период продолжался рост добычи нефти и числа рабочих [1].

Следует отметить и такой пробел, как отсутствие показа особенностей формирования рабочего класса в период империализма, хотя автор посвящает динамике численности рабочих на этом этапе специальную главу (2). Касаясь кризиса 1900—1903 гг. и последующей длительной депрессии, А. Г. Рашин не вскрывает их особенностей в связи с наступлением эпохи империализма в России. Нам кажется, что следовало бы отметить такую важную черту этого периода, как быстрая концентрация промышленности и пролетариата. Одни лишь цифры не дают полной картины промышленного развития России, тем более, что темпы роста численности рабочих были тогда ниже, чем в 90-е годы. Правда, автор посвящает вопросам концентрации пролетариата специальную главу (3), но и здесь он не делает обобщений и не показывает, вследствие каких причин происходил данный процесс.

Большое влияние на динамику численности рабочего класса оказала первая мировая война. А. Г. Рашин исследует многочисленные материалы, показывая, как в начале войны уменьшилось число рабочих, затем начался некоторый количественный рост. В целом с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. численность рабочих на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, увеличилась на 6,5% (стр. 74). Но такое увеличение было весьма неравномерным. Так, число рабочих, занятых обработкой металлов, выросло на 66,6%, обработкой животных продуктов — на 55,6%, обработкой волокнистых веществ (главным образом в швейной промышленности) — на 51%. В машиностроении уже в 1915 г. численность рабочих повысилась на 31,5%, а в 1917 г. в сравнении с 1913 г. увеличилась на 111%. В то же время в хлопчатобумажной промышленности количество рабочих уменьшилось на 4,2% (стр. 77). Эти данные показывают, что война потребовала перегруппировки рабочей силы, в связи с чем произошло ее перемещение из одних отраслей промышленности в другие.

Интересные данные автор приводит за 1901—1913 годы. Прирост численности рабочих на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, составил 37,1%. В крупных предприятиях (свыше 1 000 чел.) он достигал 72%, то есть почти в два раза превышал средний. Удельный вес крупнейших предприятий вырос. Если в 1901 г. на них сосредоточивалось 32,1% всех рабочих, то в 1913 г.—40,2% (стр. 100). Влияние кризиса на процессы концентрации производства и рабочего класса констатировал еще в 1901 г. В. И. Ленин в статье «Уроки кризиса» [2].

[1] См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М.-Л. 1948, стр. 238.

[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 73—77.

Особенно высокой степени концентрации достигли металлургические заводы юга России, причем быстрее росли крупнейшие из них — с числом рабочих свыше 3 500 человек. Так, в 1900 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 1 000 чел. работало 95,9% рабочих, в 1912 г.— 97,4%, а на заводах с числом рабочих свыше 3 500 чел. в 1900 г.— 47,1%, в 1912 г.— 82,7% (стр. 102). Однако, приводя эти данные, автор не показывает причин такой высокой концентрации, хотя это была одна из наиболее важных особенностей промышленного развития России в эпоху империализма. Интересны также сведения о концентрации петроградской промышленности к 1 января 1917 года. А. Г. Рашин составил по данным С. Г. Струмилина[3] таблицу, из которой следует, что в Петроградской губернии на предприятиях с числом рабочих свыше 1 000 чел. было сосредоточено 67,9% рабочих, в том числе на предприятиях по металлообработке — 80,5% (стр. 105). По тем же данным, в Петрограде к началу революции насчитывалось до 400 тыс. рабочих, из них на 140 заводах, имевших свыше 500 чел.,— 77,8%. Это и была та революционная сила, которая сыграла решающую роль в октябрьские дни 1917 года.

Как уже отмечалось, одной из задач автора являлось выяснение общей численности рабочих в 1913 году. Анализируя различные данные, он составил таблицу, в которой приведена примерная общая численность лиц наемного труда в России в 1913 году. Людей такой категории имелось 17,8 млн. человек, в том числе фабрично-заводских и горнозаводских рабочих и служащих — 3,35 млн., рабочих, занятых на дому, на мелких предприятиях в городах и сельской местности,— 3 млн., строительных рабочих — 1,5 млн., рабочих и служащих транспорта и связи — 1,4 млн., сельскохозяйственных рабочих — 4,5 млн., чернорабочих и поденщиков — 1,1 млн., «прислуги» в учреждениях, на фабриках и заводах, в усадьбах и домовой — 550 тыс., рабочих, учеников и служащих в сфере торговли, в гостиницах и т. д.— 865 тыс., домашней «прислуги» — 1,55 млн. человек (стр. 171).

Наконец, в первом разделе монографии А. Г. Рашин характеризует труд женщин и подростков, динамику их численности и удельный вес в составе рабочего класса.

Второй раздел монографии — «Процессы формирования рабочего класса капиталистической России» — автор относит к числу основных (стр. 301). Однако здесь рассматривается лишь одна сторона проблемы — источники формирования рабочего класса, тогда как самый этот процесс означает и его становление, превращение отдельных категорий рабочих, которые вербовались из различных слоев населения, в промышленный пролетариат. Эта важнейшая часть проблемы не проанализирована не только в данном разделе, но и в последующих частях книги.

Важнейшей задачей второго раздела автор считает «изучение распространения промыслов крестьянского населения и состава промышленников[4] за период 1890—1913 гг., основанное на систематизации и анализе материалов земских подворных переписей» (стр. 305). А. Г. Рашин привлекает и другие источники, чтобы показать распространение отхожих промыслов. Попутно он подвергает критике изучаемые им материалы, разбирает взгляды различных авторов, освещавших отдельные вопросы рассматриваемой проблемы. Устанавливая данные об отходе крестьян на промыслы, А. Г. Рашин показывает, что главной фигурой среди «промышленников» был разорившийся крестьянин. Именно он составлял основной контингент, за счет которого пополнялись ряды промышленных рабочих. Извлекая данные из различных переписей и подсчетов других авторов, изучавших численность и состав «промышленников» тех или иных районов страны, А. Г. Рашин привел итоговую цифру — 11,5—12 млн. по 50 губерниям Европейской России (стр. 309). Правда, ниже он делает следующее заключение: «...число промышленников по 50 губерниям Европейской России, по нашим подсчетам, определено примерно в 11—11,5 млн. человек, а «лиц с побочными занятиями» в пределах той же территории оказалось лишь немногим более 5 млн. человек» (стр. 343).

Другим источником формирования рабочего класса были разорившиеся кустари. Лица этой категории по сравнению с крестьянами обладали уже некоторыми необходимыми для рабочих промышленных

[3] С. Г. Струмилин. Общий обзор Северной области. «Материалы по статистике труда Северной области». Вып. I. Птгр. 1918.

[4] Так А. Г. Рашин называет крестьян, работавших на промыслах. Это название вызывает сомнения, ибо промышленниками в собственном смысле слова следует считать хозяев предприятий. В. И. Ленин, употребляя данный термин, берет его в кавычки (Соч. Т. 3, стр. 203). А. Г. Рашин почему-то не всегда этого придерживается.

предприятий качествами: сноровкой и производственными навыками. Наконец, третьим источником были семьи самих рабочих. Сведения об этом источнике, его роли и значении в пополнении рядов рабочих автор привел в третьем разделе книги, где рассматривается вопрос о создании постоянных кадров промышленного пролетариата.

Далее в монографии исследуется рост городского населения России с 1863 по 1913 г. и устанавливается, что темпы его в два с лишним раза превышали темпы общего роста населения. В 28 городах темпы роста населения были в 4,1 раза выше, а в таких центрах, как Баку, количество жителей выросло в 16,7, Иваново-Вознесенск — в 13,4, Екатеринослав — в 10,6 раза (стр. 352—353). Эти данные представляют большой интерес, так как они показывают, как развивалась промышленность различных городов, в каких из них сосредоточивались массы рабочих, превращая эти пункты в центры революционного движения. Автору следовало бы, на наш взгляд, постоянно подчеркивать эту сторону проблемы, не ограничиваясь одними цифровыми характеристиками.

Предпоследняя глава второго раздела — 12-я — озаглавлена так же, как и весь раздел. Можно было бы предположить, что автор попытается здесь подвести итоги своего исследования. Между тем необходимость этой главы мотивируется следующими словами: «Помимо материалов, приведенных в предыдущих главах II раздела, касающихся общих условий формирования рабочих капиталистической России, считаем необходимым сгруппировать также ряд дополнительных данных, характеризующих условия формирования важнейших групп рабочих в различных районах страны» (стр. 409). Для чего же понадобилась в таком случае особая глава? Ведь такого рода данные можно было бы с успехом использовать и не прибегая к специальному обособлению материала. А. Г. Рашин приводит цифры по отдельным губерниям Московского и других промышленных районов и по ряду крупных заводов, делая вывод, что во многих местах рабочие состояли из лиц, живших поблизости от предприятий (стр. 436). Далее он показывает, что рабочие — выходцы из других губерний — составляли определенную часть в составе пролетариата данной области в зависимости от того, из каких районов они сюда пришли. Например, в 1864 г. в Петербурге больше всего среди рабочих было уроженцев Тверской губернии (22,3%), затем самого Петербурга и Петербургской губернии (20,8%) (стр. 436). В 1869 и 1910 гг. основной контингент рабочих складывался из крестьян примерно тех же губерний: Тверской в 1869 г.— 16,8%, в 1910 г.— 19,6%, Ярославской — соответственно 22,1 и 12,4%, Петербургской — 13,2 и 7,9% и т. д. (стр. 437—438).

Иначе обстояло дело на юге России. Сюда главная масса рабочих притекала из центральных губерний, причем это были не только выходцы из крестьян, но и лица, работавшие ранее на предприятиях. Так, среди заводского населения Юзовки в 1884 г. 41,2% прибыло из центральных губерний, 22,3% — из южных и юго-западных, 24,3% — из Екатеринославской губернии (стр. 443). На Днепровском заводе в первой половине 90-х годов около 55% рабочих были выходцами из великорусских губерний, 27% — из польских и 15% — из украинских (стр. 444).

Приводя эти, как и другие, данные, автор не делает, к сожалению, необходимых выводов, ограничиваясь ссылкой на работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»[5]. По нашему мнению, следовало бы отметить, что в южной металлургии рабочий класс рекрутировался из двух братских национальностей и в процессе его формирования изживались те незначительные националистические пережитки, которые имелись у отсталой части рабочих до прихода их на заводы.

В третьем разделе монографии исследуется процесс образования постоянных рабочих кадров. Автор начинает анализ с рассмотрения материалов, характеризующих продолжительность промысловой деятельности населения. Им приведены цифры работавших длительное время на фабриках выходцев из Тверской и Тульской губерний. Так как сведения по этим вопросам разрознены, поскольку сплошные обследования не проводились, А. Г. Рашину пришлось привлечь разнообразный материал, который дает основание утверждать, что процесс оседания «промышленников» на фабриках и заводах все более усиливался. При этом наиболее длительное время на заводах работали беспосевные крестьяне, то есть выходцы из беднейших слоев деревни. В Тульской губернии в 1910—1912 гг. работавшие в течение года «промышлен-

[5] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 482—483.

ники» составляли 61,4% их общего числа, в Тверской в 1911—1913 гг.—49,5% (стр. 487). Анализируя статистические материалы, автор приходит к выводу: «Приведенные разнородные материалы по 9 губерниям, относящиеся к 90-м годам и к началу XX века, свидетельствуют, что для большинства промышленников, и в особенности для отхожих, продолжительность промысловой деятельности была высокой и что промысловая деятельность становилась для значительных групп сельского населения уже постоянным занятием... Особенно продолжительными оказались промыслы в беспосевных и малоземельных хозяйствах» (стр. 493).

Изучая вопрос о производственном стаже промышленных и транспортных рабочих, А. Г. Рашин привел расчеты по Московской, Владимирской и другим губерниям, а также по ряду отдельных крупных предприятий. В Московской губернии в 1879—1885 гг. уже работало 63,4% рабочих, имевших 7-летний и более высокий производственный стаж (стр. 498). Во Владимирской губернии с 1897 г. с 5-летним и выше производственным стажем насчитывалось 44,4% рабочих (стр. 500). На Балтийском заводе в 1906 г. трудилось 34,7% рабочих со стажем свыше 5 лет (стр. 503). Среди петербургских металлистов в 1908 г. имелось 38,7% рабочих со стажем, превышавшим 5 лет, в том числе 12,9% пролетариев более чем с 10-летним стажем (стр. 504). Даже в угольной промышленности Донбасса, где всегда было занято много сезонников, создавались кадры постоянных рабочих. Это доказывается не только данными о среднегодовом стаже за ряд лет, но и анализом динамики населения рудничных поселков Донецкого бассейна за 1905—1913 гг. (стр. 511). А. Г. Рашин изучил материалы и о создании постоянных кадров рабочих на железнодорожном и речном транспорте.

В специальной главе монографии анализируется преемственность промышленного труда. Например, на московских фабриках по обработке волокнистых веществ в 1881 г. из обследованных рабочих 42,8% вышли из семей промышленных рабочих, среди прядильщиков таких было 82,1% (стр. 532). В трех уездах Московской губернии в 1884—1885 гг. из 18 576 фабричных рабочих 55,3% вышли из рабочих семей, на предприятиях по обработке волокнистых веществ процент таких пролетариев достиг 70,5 (стр. 534).

Из этих данных видно, как складывались кадры потомственных рабочих — костяк пролетарской армии. Правда, еще и до 1917 г. примерно 30% фабрично-заводских рабочих страны было связано с землей, а около 20% вело свое хозяйство при помощи членов семьи (стр. 577—578). Тем не менее постоянные кадры пролетариата были уже налицо. И А. Г. Рашин с полным основанием пишет, что в «капиталистической России уже были созданы значительные постоянные, в ряде случаев и потомственные, кадры рабочих со сравнительно продолжительным производственным стажем» (стр. 577, см. также стр. 480).

Последний раздел монографии состоит из одной главы и освещает образовательный уровень рабочих дореволюционной России. Автор приводит здесь данные переписи 1897 г. о грамотности населения. Всего грамотных было 21,1%, в том числе среди рабочих-мужчин — 47,2%, женщин-работниц и «прислуги» — 25,8%, поденных и чернорабочих — 28,7% (стр. 580, 583, 584). Среди рабочих и работниц московских фабрик и заводов процент грамотности в 1902 г. достигал 56, в том числе у мужчин — 69,9, у женщин — 19,3 (стр. 597). По данным 1918 г., среди 973,6 тыс. учтенных рабочих грамотных было 64%, в том числе мужчин — 79,2%, женщин — 44,2% (стр. 600—601). Эти хотя и неполные сведения говорят о медленном росте грамотности среди рабочих капиталистической России. Коренным образом изменилось положение лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Нам хотелось бы также остановиться на вопросах, которые не нашли достаточного освещения в книге или оставлены автором без внимания.

Подзаголовок первого издания труда А. Г. Рашина гласит: «Статистико-экономические очерки», во втором издании значится: «Историко-экономические очерки». Содержание монографии показывает, что можно было бы сохранить первый подзаголовок, поскольку автор ограничивается в своем исследовании анализом статистических материалов, не касаясь исторических событий, связанных с процессом формирования российского пролетариата. Обилие таблиц не только определяет характер работы, но и является недостатком книги, так как затрудняет ее усвоение. А. Г. Рашин дал двоякого рода таблицы: за номерами — как основные — и без нумерации — вспомогательные. В общей сложности они состав-

ляют 265 страниц из 615 имеющихся в книге. Таблицы комментируются, и в связи с этим многие цифры повторяются. Думается, что не было нужды в таком количестве статистических выкладок в тексте; значительная часть их могла быть помещена в приложении. Следует отметить, что первое издание книги было в меньшей степени перегружено таблицами.

Автор не указывает, почему одни таблицы являются основными, другие — дополнительными, и читателю не ясно, какой принцип положен в основу такого деления. Например, на стр. 33 приводятся две таблицы, одинаковые по объему и по типу: одна показывает динамику добычи каменного угля и железной руды, а также выплавки чугуна за 1890—1900 гг., другая — динамику численности рабочих каменноугольной промышленности за 1887—1900 годы. Первая дана как вспомогательная, вторая — как основная. На стр. 95 приводится таблица о распределении крупнейших фабрик Европейской России на группы по числу рабочих за 1879—1894/95 годы. Эта таблица дана как вспомогательная. Число таких примеров можно умножить (см., например, стр. 105, 180—183, 602 и др.).

А. Г. Рашин поставил перед собой задачу — изучить процесс формирования рабочего класса России в дооктябрьский период. С этой целью им проделана огромная работа по собиранию статистических данных, на основании которых он показал источники формирования рабочего класса, его концентрацию, увеличение числа постоянных рабочих к концу XIX в. и в начале XX в. и т. д. Но встает вопрос: что понимать под процессом формирования пролетариата? Можно ли ограничиться лишь показом источников этого процесса или есть и другая часть проблемы — процесс становления рабочего класса, превращения его в пролетариат в собственном смысле слова? Два года назад Л. М. Иванов, рассматривая исследования украинских историков по затронутому вопросу, отметил общий недостаток многих из них. «Как и у А. Рашина, так и в упомянутых работах (Ф. Е. Лося и А. А. Нестеренко.— *Н. Я.*).— пишет он,— речь идет не о формировании пролетариата, а о кадрах рабочих для промышленности и источниках их пополнения»[6]. Внес ли что-нибудь новое в этом отношении А. Г. Рашин во второе издание своей книги? Нет. Он по-прежнему оставляет в центре внимания вопрос об источниках формирования рабочего класса, о пополнении его рядов, проблему же становления пролетариата, по существу, не освещает.

Между тем в распоряжении автора был огромный фактический материал и основополагающие указания классиков марксизма-ленинизма. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс, показав, как пролетариат рекрутируется из всех классов населения, писали: «Пролетариат проходит различные ступени развития ... с развитием промышленности пролетариат не только возрастает численно; он скопляется в большие массы, сила его растет, и он все более ее ощущает. Интересы и условия жизни пролетариата все более и более уравниваются по мере того, как машины все более стирают различия между отдельными видами труда...»[7]. И действительно, мощь пролетариата как класса растет гораздо быстрее, чем его численность. Именно на эту сторону следовало обратить внимание, как и на то, что растущий пролетариат все более ощущает свою силу по мере скопления «в большие массы». Этот процесс тесно связан с концентрацией промышленности, в условиях которой рабочие значительно скорее превращаются в подлинных пролетариев.

«В крупной машинной индустрии,— писал В. И. Ленин, имея в виду предшествующие ей стадии развития капитализма,— все эти задержки (обилие мелких заведений, сохранение связи с землей, сохранение традиций в производстве.— *Н. Я.*) отпадают; крайности общественных противоположностей достигают высшего развития»[8]. Именно на этой стадии рабочие превращаются в пролетариев. «Крупная машинная индустрия,— продолжает В. И. Ленин,— доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает... особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных... Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками

[6] Л. М. Иванов. К вопросу о формировании пролетариата Украины. «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 140.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М. 1956, стр. 41—42.

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 478.

патриархальности и личной зависимости...» [9]. Эти ленинские высказывания дают ключ для анализа качественных изменений в составе пролетариата, собранного на крупнейших предприятиях и приобретающего там совершенно новые черты.

А. Г. Рашин привел многочисленные данные об отрыве рабочих от сельского хозяйства и концентрации их на крупных предприятиях. Но как шло превращение этих рабочих, пришедших из различных слоев населения и из разных мест страны, в настоящий пролетариат, в работе не показано. Правда, судя по содержанию монографии, А. Г. Рашин не ставил перед собой такой задачи, хотя она непременно должна быть в поле зрения ученого, исследующего процесс формирования пролетариата. Касаясь обобществления труда и характеризуя основные черты этого важнейшего процесса, В. И. Ленин писал: «...все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения. Скачкообразный характер экономического развития, быстрое преобразование способов производства и громадная концентрация его, отпадение всяческих форм личной зависимости и патриархальности в отношениях, подвижность населения, влияние крупных индустриальных центров и т. д.,— все это не может не вести к глубокому изменению самого характера производителей...» [10].

В. И. Ленин многократно подчеркивал качественно различные процессы в формировании рабочего класса; он указывал вместе с тем, что в уже сложившемся пролетариате есть различные слои. Имея в виду московских рабочих первого десятилетия XX века, трудившихся на крупных и мелких фабриках, он отмечал: «...перед нами совершенно различные социальные типы» и «статистика, которая их не различает, решительно никуда не годится...» [11]. Следовательно, даже в среде самих рабочих В. И. Ленин видел различные социальные типы, указывал, что подлинные пролетарии — это рабочие крупнейших предприятий. Металлистов он, например, прямо называл авангардом всего пролетариата [12].

Поэтому необходимо изучать не только источники формирования пролетариата, но и процесс превращения рабочих в настоящих пролетариев — с особой психологией, возникшей благодаря особым условиям труда, с особым строем всей жизни. Только в среде такого пролетариата рождается и развивается огромная восприимчивость к марксистской идеологии, именно этот сложившийся класс выступает авангардом всего народа в борьбе против капитализма, является великим созидателем социалистического общества. Вот почему процесс складывания и становления пролетариата — процесс его формирования — должен рассматриваться всесторонне, в свете указаний классиков марксизма-ленинизма. К сожалению, в серьезном исследовании А. Г. Рашина данная сторона проблемы не получила освещения.

Несмотря на этот существенный недостаток, фундаментальный труд А. Г. Рашина — большой вклад в изучение вопроса о формировании рабочего класса дореволюционной России.

Н. Н. Яковлев

[9] Там же, стр. 480.
[10] Там же, стр. 526—527
[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 240—241.
[12] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 370, 380.

Д. Л. ПОХИЛЕВИЧ. *Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.* Изд-во Львовского университета. Львов. 1957. 175 стр. Тираж 600. Цена 8 руб. 50 коп.

В монографии Д. Л. Похилевича излагается история крестьянства Белоруссии и Литвы с середины XVI по 60-е годы XVIII века. Выбор этого периода представляется очень удачным, так как на его протяжении произошли большие перемены в положении крестьян. Кроме того, именно этот отрезок времени в истории Белоруссии и Литвы в сравнении с другими менее изучен.

Изменение положения крестьян в середине XVI столетия произошло в связи с проведением так называемой волочной померы, которая должна была повсеместно ввести

и упрочить индивидуальное крестьянское землепользование, а вместе с тем и трехпольный севооборот. 60-е годы XVIII в. характеризуются развитием производительных сил, увеличением запашки, расширением экспорта зерна. Эти явления были тесно связаны с ростом фольварочного хозяйства, который вел к увеличению барщины и других повинностей крестьян.

В дореволюционной русской историографии уделялось значительное внимание истории аграрных отношений в Белоруссии и Литве [1]. Центрами изучения истории Белоруссии и Литвы были Киев и Москва, где работали Ф. И. Леонтович, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. В. Довнар-Запольский, М. К. Любавский и многие другие историки. Особенно много внимания крестьянскому вопросу, в частности волочной помере, уделил В. И. Пичета, монография которого «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» вышла в свет в 1917 году. Однако работы указанных историков хронологически доводились лишь до 1569 г., то есть до Люблинской унии. Д. Л. Похилевич начинает свое исследование с момента, являвшегося как бы рубежом, перешагнуть который дореволюционная русская историография так и не смогла.

После Великой Октябрьской социалистической революции появились новые работы, посвященные истории Великого княжества Литовского в XVI—XVIII веках. Среди них можно отметить статью М. В. Довнар-Запольского о социально-экономических отношениях в Белоруссии и Литве в XVI—XVIII столетиях [2]. Однако автор статьи не показал развития аграрных отношений. Он изложил почти исключительно материалы середины XVI и конца XVIII в., оставив неосвещенным, в сущности, промежуток в 200 лет. В статье совершенно отсутствуют также сведения о борьбе крестьян против феодального гнета и разорении хозяйства этого края во время Северной войны. Слаба и источниковедческая база работы. В монографии польского буржуазного ученого А. Жабко-Потаповича о применении наемного труда в сельском хозяйстве Великого княжества Литовского в XVIII в. [3] предмет исследования выбран крайне неудачно, так как наемный труд в феодальную эпоху, да еще в сфере сельского хозяйства, применялся в крайне ограниченных масштабах. Тем не менее в его работе есть огромный фактический материал, в большинстве случаев новый (о движении посевов, о росте фольварочного хозяйства, об оплате труда наемных рабочих и т. д.).

Другой польский буржуазный историк, С. Косцялковский, еще в 1911 г. указал, что в государственных имениях Великого княжества Литовского в XVII и XVIII вв. длительное время господствовала денежная рента [4].

Монография Д. Л. Похилевича начинается историографическим введением. Из-за недостатка места (о чем автор пишет на стр. 11) этот вопрос излагается слишком кратко, а обзор источников вовсе отсутствует, что является серьезным упущением работы.

В монографии впервые систематически освещено положение всех разрядов крестьян: государственных, частновладельческих, духовных. Основное внимание в книге уделено государственным крестьянам, так как об этой категории сельского населения в архивах имеется наибольшее количество материалов. В работе показана борьба белорусского и литовского крестьянства против феодального гнета и раскрыты изменения в аграрном строе деревни начиная со второй половины XVI до середины XVIII века.

Книга написана Д. Л. Похилевичем в основном по источникам, как опубликованным, так и архивным, значительная часть которых им впервые введена в научный оборот. Кроме материалов Литовской метрики (которыми пользовались почти все дореволюционные исследователи), автор широко использовал фонды архивов Вильнюса, Львова, Гродно. Необследованными остались только архивы Восточной Белоруссии и Ленинграда. Д. Л. Похилевичу

---

[1] Понятия «Белоруссия» и «Литва» в дореволюционной историографии почти не употреблялись, как и выражения «белорусское» и «литовское» крестьянство. Применялись понятия «Литовско-Русское государство», «литовско-русские крестьяне».

[2] М. В. Доунар-Запольскі. Сацыяльна-эканамічная структура Літоуска-Беларускае дзяржавы у XVI—XVIII ст. «Гістарычна-археолёгічны зборнік» № 1. Менск. 1927.

[3] A. Żabko-Potapowicz. Praca najemna inajemnik w rolnictwie w Wielkim księstwie Litewskim w wieku osiemnastym. Warszawa. 1929.

[4] S. Kościałkowski. Ze studjów nad dziejami ekonomji królewskich na Litwie. «Rocznik Towarzystwa Przyjacól Nauk w Wilnie», T. V. Wilno. 1911.

шлось проделать ту часть работы, ко-ую обычно выполняют авторы локаль-исследований, то есть произвести под-ы цифрового материала по таким гро-дким источникам, как инвентари круп-имений. Тщательное изучение этих ериалов дало ему возможность создать таблиц, характеризующих различные роны жизни крестьян. Вместе с тем ав-у следовало больше внимания уделить ому источнику, как постановления сей-и сеймиков, так как в них имеется мно-интереснейших данных об отношении яхты к крепостным.

Монография состоит из введения и че-рех глав. Три начальные главы охваты-от период с середины XVI до середины II века. Первая посвящена вопросу обес-ения крестьян землей, во второй гово-тся о повинностях разных разрядов кре-ян, третья представляет собой очерк рьбы крестьян против феодалов. Четвер-я глава, касающаяся положения крест-с середины XVII до середины XVIII сто-тия, состоит из разделов о повинностях, крестьянском движении и об общине.

В рецензируемой работе рассматривают-три основные проблемы: обеспечение естьян землей, их повинности и борьба отив феодального гнета.

Крестьянство в Великом княжестве Ли-вском делилось на группы, каждая из торых имела свои особенности. Автор от-чает, что положение крестьян столовых ономий (государственных, бывших в ве-нии королевской администрации) было носительно более легким, чем крестьян аростинских имений (тоже государствен-их, но переданных во временное владение стным лицам, преимущественно магна-м); а положение государственных кре-ьян в целом, по мнению Д. Л. Похилеви-, было менее тяжелым, чем помещичьих, т. д. Число государственных крестьян по м или иным причинам (пожалования т. д.) все уменьшалось. В основном они реходили в разряд помещичьих. В связи этим возникает вопрос, как происходило ерераспределение крестьян между их адельцами, иначе говоря, как изменялось личественное соотношение государствен-х и частновладельческих крестьян. Автор итает, что в середине XVI в. великому язю принадлежала примерно половина ех земель и населения (стр. 8) [5]. Однако он не указывает, чем владел великий князь во второй половине XVIII в., хотя такие данные (тоже ориентировочные) существуют. П. Жукович подсчитал, что в Восточной Белоруссии в 1772 г. помещикам принадлежало 62% крестьян, а государству — 38% [6].

Как бы ни были в обоих случаях приблизительны цифры, общую тенденцию они указывают верно: за истекшие 200 лет масса государственных крестьян, а значит, и земель, перешла в руки частных владельцев, в первую очередь магнатов, богатства которых и политическое влияние очень возросли в XVI—XVIII веках. О степени концентрации землевладения в XVIII в., в частности на белорусских землях, говорят следующие факты: в 1717 г. половина всех крестьянских хозяйств (дымов) Оршанского повета принадлежала 8 владельцам [7]. У князя К. Радзивилла (вторая половина XVIII в.) было 200 тыс. душ мужского пола [8], то есть около 400 тыс. крепостных, не говоря уже о том, что он владел многими местечками и городами, население которых также исчислялось десятками тысяч.

В своей работе Д. Л. Похилевич уделяет много внимания повинностям государственных крестьян Исходя из имеющихся у него материалов, автор стремится обосновать, как и в ряде своих предыдущих статей [9], схему движения феодальной ренты в XVI—XVIII веках. С начала XVI столетия в государственных имениях происходил переход от продуктовой и отработочной ренты к денежной, что было связано со значительным ростом производительных сил в стране. Однако уже в середине того же столетия, по мнению автора, государство внезапно перешло к диаметрально проти-

[5] См. также Д. Л. Похилевич. Земустройство и поземельный кадастр в Белоруссии, Литве и Украине в XVI—XVIII вв. «Материалы по истории земледелия СССР». Сборник I. М. 1952, стр. 329.

[6] П. Жукович. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II. «Журнал министерства народного просвещения». 1915. № 2, стр. 267.

[7] М. В. Доунар-Запольскі. Указ. соч., стр. 16—18.

[8] E. Tyszkiewicz. Birże. SPb. 1869, s. 99. Примечание.

[9] Д. Л. Похилевич. Изменение правового положения крестьян Великого княжества Литовского в XVI веке. «Ученые записки» Львовского государственного университета. Серия историческая. Вып. V. Львов. 1953, стр. 148; его же. Движение феодальной земельной ренты в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. «Исторические записки». Т. 31. 1950, стр. 210.

воположному курсу на основе «Уставы на волоки» 1557 года Проведенная в соответствии с ней аграрная реформа, или волочная помера, привела к созданию сети фольварков, в связи с чем утвердилась отработочная рента. Последняя, как считает автор, держалась в разных имениях от 25 до 75 лет, после чего вновь возобладала денежная рента, господствовавшая до 60-х годов XVIII в., когда она снова сменилась отработочной (существовавшей до самой отмены крепостного права).

Но Д. Л. Похилевич слабо аргументировал свое положение о внезапном переходе к отработочной ренте в середине XVI века. Говоря об аграрной реформе Сигизмунда-Августа и вообще об истории Великого княжества Литовского в XVI столетии, автор усиленно подчеркивает, что в этот период происходил бурный рост фольварков, в результате чего увеличивалась барщинная повинность, вытесняя все другие виды ренты. Положение это доказывается им прежде всего ссылками на «Уставу на волоки» 1557 г, в которой действительно очень много места отведено организации фольварков. Но ведь «Устава на волоки» выражала лишь определенные намерения правительства, указывала на возможность перемен. А между возможностью и действительностью существует, как известно, большая разница. Чтобы подтвердить тезис о господстве отработочной ренты, следовало прежде всего показать соотношение фольварочной и крестьянской земли и доказать, что в XVI в. оно резко изменилось в пользу фольварков.

«Удельный вес фольварочной запашки,— по мнению Д. Л. Похилевича,— в общем фонде пахоти поместья в XVI—XVII вв. значительно вырос по сравнению с XI—XIII веками. Ее отношение к крестьянскому сектору в XVI в колеблется от 1 : 7 (у господаря) до 1 : 4 (у шляхты), а в XVII в. вырастает до 1 : 2 и даже доходит до 1 : 1. Покоится фольварочная запашка исключительно на крестьянском труде, отсюда — и рост барщины» (стр. 7). Следовательно, в господарских (государственных) имениях фольварочная пашня занимала в XVI в 12,5%, а в помещичьих — 20%, в XVII же веке процент этот поднялся до 33 и даже до 50 (для XVII в. автор не указывает, касается ли это государственных или помещичьих имений). Приводя такое соотношение, Д. Л. Похилевич имеет в виду не всю вообще государственную или помещичью землю, а лишь те ис- ния, где были фольварки. Такой вывод с- зан с тем, что отношение 1 : 7 в господ- ских имениях устанавливает «Устава на в- локи» 1557 года. Но так как фольвар- были далеко не во всех имениях, то- действительности фольварочная пашня ставляла не 12,5%, а значительно меньш Так, в Кобринской экономии при ревиз 1563 г. фольварочная пашня составля только 3,4% всей пашни. Тяглых волок, есть крестьянских хозяйств, главной пови- ностью которых была барщина, в эконом насчитывалось 21,8% [10]. В соседней Гро- ненской экономии, по подсчетам издателя «Писцовой книги», имелось 75 460 крест- янских десятин и 4 400 фольварочных [11], есть фольварочные земли составляли 5,5% пашни, а тяглых хозяйств там было, по- видимому, меньше половины. При нали- чии такого количества фольварочной паш- ни говорить о бурном росте фольварков в государственных имениях и господстве от- работочной ренты нет оснований. Как видно, недостаточно обоснованным являет- ся и утверждение, что в XVII в. фольварки занимали от 33 до 50% пашни имений. Вполне возможно, что в некоторых имени- ях фольварки действительно занимали уже в то время половину пашни, но в целом та- кое соотношение характерно только для эпохи разложения феодально-крепостниче- ского строя, начало которой относится к концу XVIII века.

Данные о внутрипоместном распределе- нии земли, приводимые Д. Л. Похилеви- чем, отражают положение, сложившееся в конце 50 — начале 60-х годов XVI века. Росли или сокращались фольварки в госу- дарственных имениях во второй половине столетия? В Кобринской экономии в 1557—1563 гг. было 6 фольварков, из кото- рых 3 к 1563 г. были ликвидированы, так как не давали дохода, а пашня трех остальных составляла 3,4% пашни экономии. Установить по имеющимся материалам вре- мя создания оставшихся трех фольварков нельзя: возможно, они возникли при про- ведении реформы, но, может быть, и ранее. Таким образом, не ясно, привела реформа к увеличению числа фольварков или нет. Но зато совершенно очевидно, что к концу

[10] Н. Н. Улащик. Кобринская экономия после проведения волочной померы. «Ученые записки» Института славяноведения. Т. XV. 1957, стр. 258, 264.

[11] «Писцовая книга Гродненской экономии». Ч. 1. Вильно. 1881, стр. XII.

в. фольварочная пашня в Кобринской омии значительно сократилась, так как из трех фольварков был ликвидиро- а в другом пашня уменьшилась на лок. В результате в конце XVI в. на ьварки приходилось только 2% пашни. вух оставшихся фольварках чисто тяг- ая система была ликвидирована (стр. -38) [12]. Сокращение фольварков в тот од происходило и в других государ- енных имениях (стр. 38) и поэтому сло- Д. Л. Похилевича: «...проведение рефор- на огромных и экономически пестрых сторах Великого княжества Литовского янулось на многие десятки лет и законо- ось полным торжеством фольварочно- щинной системы и ренты работой» р. 10) — не подтверждаются прежде все- его же материалами.

асаясь обстоятельств, заставивших пра- ельство так круто изменить в середине I в. курс и перейти от денежной ренты отработочной, автор в ряде своих работ ывает несколько причин, и среди них кий уровень общественного разделения да, сопротивление крестьян и даже кон- вацию феодальных отношений. Д. Л. По- левич утверждает, что повысить обложе- деньгами и продуктами правительство рисковало, опасаясь противодействия естьян, но усилить барщину не боялось [13]. кое объяснение не вызовет у читателя него, кроме недоумения, потому что через о книгу проходит одна (совершенно раведливая) мысль, что из всех видов винностей крестьяне больше всего нена- дели барщину и всеми силами старались нее избавиться. Такое же недоумение зывает и ссылка на консервацию фео- льных отношений, поскольку середина I в. характеризуется как раз значитель- м ростом производительных сил.

Д. Л. Похилевич много занимался и во- осом о размерах волоки, то есть участка ли, который после реформы середины I в. стал основной единицей обложения. скольку размер волоки-надела был очень нообразным (несмотря на то, что по ставе на волоки» 1557 г. он должен был ть всюду одинаковым), то естественно, этот вопрос дебатируется в научной литературе уже больше сотни лет. Автор рецензируемой книги предложил свое реше- ние. По его мнению, в каждой крестьянской волоке было 33 морга пашни, но так как 3 морга отводилось на усадьбу, улицу, прогоны и т. д., то реально пашни на хо- зяйство приходилось 30 моргов, разделен- ных на три поля, применительно к трех- польной системе земледелия. Разницу же в размерах волоки автор объясняет тем, что при нарезывании участков среди пашни всегда попадались площади неудобной для обработки земли, и чем больше было та- ких вкраплений, тем больше была волока, хотя пашни в ней имелось всегда одинако- вое количество (стр. 13—14).

Такое объяснение, хотя и кажется весьма убедительным, противоречит некоторым фактам: в ряде полесских сел волока рав- нялась 30 моргам, надбавок там не было, и поэтому 30 моргов пашни никак не полу- чалось. Непонятным остается и самый ме- тод нарезывания участков. Ведь, кроме раз- личного размера волоки, крестьяне получа- ли еще прибавления, размер которых тоже был неопределенным. При таких условиях было целесообразнее либо выделять одина- ковые волоки, а затем надбавками доводить пашню до нормы, либо нарезывать волоки такого размера, чтобы все необходимое ко- личество пашни было дано сразу, без над- бавок.

Нельзя согласиться и с трактовкой вопро- са о происхождении и дальнейшей судьбе так называемых вольных людей. По мне- нию автора, это были, как правило, при- шельцы из-за границы или беглые, а также отпущенные рабы, причем число вольных людей якобы сокращалось (стр. 83). В дей- ствительности же их было много не только в конце XVIII в [14], но даже и накануне от- мены крепостного права, когда только в Ковенской губернии вольных людей оказа- лось 87 366 [15] — почти 9% всего населения губернии. При таком количестве спорным кажется не только утверждение, что число их в XVII—XVIII столетиях быстро умень- шалось, но и положение о том, что проис- ходили они в основном из иностранцев. Как видно, проблема эта нуждается в дальней- шем изучении.

---

[2] См. также Д. Л. Похилевич. Зем- стройство и поземельный кадастр в Бе- руссии, Литве и Украине в XVI—XVII вв., . 345.

[3] Д. Л. Похилевич. Движение фео- льной земельной ренты в Великом кня- стве Литовском в XV—XVI вв., стр. 210.

[14] L. Żytkowicz. Rządy Repnina w latach 1794—1797. «Rozprawy Wydziału III lowarzystwa Przyjacól Nauk w Wilnie». T. 10. Wilno. 1938, s. 394—395.

[15] «Материалы для географии и статистики России». Ковенская губерния. Состав- ил Д. Афанасьев. СПБ. 1861, стр. 291.

В рецензируемой книге обстоятельно освещается крестьянское движение в XVI—XVIII веках. Автор обнаружил много новых документов (например, интересные материалы о борьбе крестьян Слонимщины открывают малоизвестную страницу движения белорусских крестьян против своих угнетателей). К недостаткам этого раздела книги нужно отнести то, что автор не указывает четко ни районов наиболее напряженной борьбы крестьянства, ни того, какая из групп (помещичьи или государственные крестьяне) принимала в ней наиболее активное участие. Вопреки польским шляхетским и буржуазным историкам, утверждавшим, что крестьяне Белоруссии и Литвы были очень пассивны и безропотно подчинялись своим владельцам, Д. Л. Похилевич показал, как крестьяне этих областей боролись за свои права.

Автор полностью доказал положение о том, что с середины XVII до середины XVIII в. в Белоруссии и Литве преобладала денежная рента и, таким образом, аграрные отношения XVII—XVIII столетий в Великом княжестве Литовском не были простым продолжением отношений, существовавших там в XVI в., как об этом говорится, например, в «Истории Белорусской ССР»[16]. Если С. Косцялковский считал главной причиной перехода к денежной ренте разорение страны в результате войн, то Д. Л. Похилевич убедительно показал, что изменение формы феодальной ренты произошло в значительной мере вследствие крестьянских выступлений.

В книге довольно часто встречаются неизвестные широкому кругу читателей термины (староство, одверный, пенязь, копа и т. д.). В ранее опубликованных работах Д. Л. Похилевича такие термины объяснялись. Но читатели рецензируемой монографии оказались в значительно худшем положении, так как словарь терминов в ней отсутствует.

Книга перегружена цифровым материалом.

Д. Л. Похилевич часто применяет выражение «Восточная Белоруссия», противопоставляя ее обычно всей западной полов Великого княжества Литовского, одн нигде в книге не объяснено, что следует нимать под Западной и Восточной Бе руссией, между тем как в одной из оп ликованных ранее его работ такое разт нение есть[17]. Деление проведено приме по 27-му меридиану; таким образом, в падную часть входили Жемайтия, воев ства Трокское и Виленское и западные лости воеводств Берестейского, Новогр ского и Минского, к восточной же отно лись воеводства Полоцкое, Витебск Мстиславское и восточные волости Но грудского, Берестейского и Минского в водств.

К сожалению, автор дает, в сущнос историю не крестьян Белоруссии и Лит а в целом крестьянства Великого княж ства Литовского. Особенности каждой этих областей он показывает очень ма Д. Л. Похилевич четко разграничивает о становку в западной и восточной половин государства, но если к восточной полови вполне применимо выражение «Восточн Белоруссия», то в состав западной, кро Западной Белоруссии, входила и вся Ли ва. Поэтому ее следовало бы разграничи на белорусскую и литовскую, а кроме то и Литву тоже разграничить на западную восточную, так как разница между этим районами не меньшая, чем между запад ной и восточной частями Белоруссии.

Недостатком книги является то, что ав тор ведет изложение, по сути дела, в от рыве от политической обстановки в стран Краткие экскурсы в эту область ничего н дают читателю, незнакомому со специаль ной литературой.

В целом рецензируемая работа, бесспор но, представляет собой ценный труд п истории крестьянства Белоруссии и Литв в XVI—XVIII вв. и значительно расширяе знания по истории крестьян нашей Родины

Н. Н. Улащи

[16] «История Белорусской ССР». Т. I. Минск. 1954, стр. 174—175.

[17] Д. Л. Похилевич. Из истории аграрных отношений в западных воевод ствах Великого княжества Литовского в XVI и первой половине XVII века. Сборник «Средние века». Вып. VI. М. 1955, стр. 152

Всеобщая история

Е. Я. БЕДНЯК, А. Л. ГАЛЬПЕРИН, Л. Д. ГРИШЕЛЕВА, Г. И. ПОДАЛОВА, В. А. ПОПОВ, П. П. ТОПЕХА, Х. Т. ЭЙДУС. *Очерки новой истории Японии (1640—1917)*. Изд-во восточной литературы. М. 1958. 598 стр. Тираж 2 300 экз. Цена 26 руб. 80 коп.

Монография охватывает 250-летний период истории Японии: поздний феодализм (1640—1867 гг.), промышленный капитализм (1868—1895 гг.) и империализм (1896—1917 гг.) Структура работы представляется вполне удачной. Книга написана на основе глубокого изучения многочисленных и разнообразных источников. Авторский коллектив использовал основные исследования, изданные в Японии.

За послевоенные годы в Японии появилось значительное количество трудов по истории японского народа, в том числе книги, освещающие период новой истории[1]. До крушения милитаристской Японии официальная японская историография не отличалась ни достоверностью, ни исторической объективностью. Ценнейшая документация, относящаяся к внутренней и внешней политике, лежала под спудом в секретных архивах и была недоступна для исследователей.

В течение последних лет японские прогрессивные исторические общества (рэкиситаку кэнкюкай и др.), исторические журналы («Нихон рэкиси», «Рэкиси хёрон» и др.) и отдельные историки проделали большую работу по извлечению из архивов, изучению и публикации важнейших исторических материалов.

Следует отметить, однако, что в японской историографии почти ничего не изменилось в части характеристики и оценки переворота Мэйдзи, представляющего собой важнейший этап в новой истории Японии.

Основная часть японских историков продолжает неправильно считать, что революция Мэйдзи (1867—1868 гг.) являлась реформой. Этой точки зрения придерживаются, например, такие прогрессивные историки, как Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро и Судзуки Сёси в работе «Гэндай Нихон но рэкиси» («История современной Японии». М. 1955), а также авторский коллектив, выпустивший пятитомный труд «Тайхэйё сэнсо си» («История войны на Тихом океане». М. 1957—1958). Советские японоведы рассматривают «Мэйдзи исин» как незавершенную буржуазную революцию, исходя из анализа движущих сил революции 1867—1868 гг. и характера послереволюционной власти. Эта точка зрения нашла свое отражение и в рецензируемой книге, где с большой полнотой и убедительностью показана строго научная концепция советских историков.

Авторы обстоятельно разработали основные вопросы истории Японии в феодальный период. Прежде всего отметим вводную главу «Борьба за объединение страны и укрепление феодального строя» (60-е годы XVI — 30-е годы XVII в.). В ней отображены социально-экономические предпосылки движения за объединение страны и укрепление феодального строя. При этом автор исходит из того исторического факта, что «к середине XVI в. Япония была политически раздроблена, власть и влияние центрального правительства пришли в полный упадок» (стр. 11). С конца 60-х годов XVI в. начался новый этап истории феодальной Японии, когда преобладающее влияние в стране получили те группы господствующего класса, которые стремились положить конец междоусобным войнам, создать прочную центральную власть.

Несмотря на сохранение феодальных княжеств, к началу XVII в. была достигнута известная степень объединения страны и создана сильная центральная власть, добившаяся изоляции Японии от внешнего мира. Автор правильно утверж-

---

[1] Идзу Кимио. Нихон рэкиси (История Японии). Токио. 1953; Иноуэ Киёси. Нихон гэндай си (Современная история Японии). Токио. 1954; Иноуэ Киёси и Судзуки Сёси. Нихон киндай си (Новая история Японии). Т. I—II. Токио. 1956; Мория Футо. Нихон сихон сюги хаттацу си (История развития японского капитализма). Токио. 1956; Нисиока Тораноскэ. Нихон си (История Японии). Токио. 1955; Норо Атаро. Нихон сихон сюги хаттацу си (История развития японского капитализма). Токио. 1954; Нэдзу Масаси. Атарасий нихон рэкиси (История Японии в новом изложении). Т. I—III. Токио. 1949; «Синнихон рэкиси» («История Японии в новом изложении»). Т. I—VII. Токио. 1953—1954; Хани Горо. Нихон дзиммин но рэкиси (История японского народа). Токио. 1955, и др.

дает, что эта изоляция «обусловила экономическую и культурную отсталость Японии в XVII—XIX вв.» (стр. 25).

В первой части рецензируемой книги (гл. I—IV) на основе широкого привлечения японских источников и исторической литературы подробно рассматриваются важнейшие вопросы истории Японии в эпоху позднего феодализма: завершение объединения страны, период упадка феодального общества, кризис феодальной системы и становление капиталистического уклада, углубление кризиса натурального хозяйства и укрепление капиталистических отношений.

Достоинством книги в целом является тщательный анализ крестьянского движения в эпоху Токугава. Нельзя не согласиться с утверждением, что «крестьянское движение на всем протяжении токугавского периода было главной и решающей силой, систематически подрывавшей политическое господство правящей феодальной клики» (стр. 46).

До последнего времени в литературе по истории Японии было распространено мнение, что крестьянское движение XVII в. носило преимущественно петиционный характер. Используя большой фактический материал, авторы опровергают такую точку зрения.

Правильно говорится в книге о финансовом кризисе, имевшем место на рубеже XVII—XVIII веков. Главную причину финансового кризиса в этот период (1688—1703 гг.) надо искать не в балансе золота и серебра или роскоши Цунаёси, как считают некоторые японские историки, а «в самой феодальной системе того времени, в начавшемся расстройстве натурального хозяйства, происходившем в результате развития товарно-денежных отношений» (стр. 52).

В книге дан анализ кодекса законов из 100 статей, составленного в 1742 г. по распоряжению сёгуна Ёсимунэ, рассмотрен первый законодательный кодекс токугавского периода, раскрыто основное содержание этого документа: в кодексе «отразилось развитие товарно-денежных отношений, но он был составлен в первую очередь в интересах господствующего дворянского сословия» (стр. 74).

При изложении вопроса о народном движении в 50—80-х годах XVIII в. в книге отмечены характерные черты крестьянских восстаний этого периода (начиная с середины XVIII в.). В крестьянском движении (восстаниях) участвовали огромные массы крестьян; восстания охватывали отдельные провинции и ряд провинций; для подавления крупных восстаний не хватало войск одного княжества; восстания начинались с петиций, но большинство их перерастало в боевые выступления; в отдельных случаях восставшие нападали на защищенные замки даймё.

Данный этап истории Японии, как показано в монографии, был ознаменован бурным ростом крестьянских и городских восстаний в связи с отчаянным положением трудового населения в этот период. В монографии отмечается, что «80-е годы XVIII в.— самое тяжелое для японского народа время за весь токугавский период» (стр. 80). Знаменательно, что по количеству восстаний этот период уступал лишь кануну буржуазной революции (1866 г.).

Значительный раздел посвящен истории оппозиционной идеологии (стр. 83—88), возникшей вследствие безусловного ухудшения экономической обстановки в стране и обострения классовой борьбы. В этом разделе справедливо уделяется много внимания деятельности Андо Сёэки — крупнейшего мыслителя и беспощадного обличителя токугавского феодального абсолютизма. Андо предстает перед нами как атеист и социалист-утопист.

III глава рассказывает об осакском восстании под руководством Осио Хэйхатиро в 1837 году. Этот период в истории Японии — первая половина и середина XIX в.— характеризуется самым большим размахом крестьянских восстаний за все 250 лет токугавского периода (за 40 лет — 1804—1843 гг.— произошло 320 восстаний). Приводя пространные отрывки из наиболее известных прокламаций Осио, автор выделяет сильные и слабые стороны его идеологии. Он пишет, что «осакское восстание... открыло новый этап в истории народных движений в стране» и явилось показателем «серьезных сдвигов в политической обстановке» (стр. 106). Оценивая реформы начала 40-х годов XIX в. («реформы годов Тэмпо»), автор вполне обоснованно солидаризируется с японскими прогрессивными историками, расценивающими эти реформы как реакционные по существу, имевшие целью закрепить феодальные порядки.

В IV главе «Япония накануне буржуазной революции (1853—1867)» обстоятель-

рассмотрены углубление кризиса натурального хозяйства, укрепление капиталистического уклада к середине XIX в., расстановка классовых сил в этот период. разделе «Кабальные договоры США и опейских государств с Японией 56—1858)» раскрыта инициатива США в лючении с Японией неравноправных дооров (все последующие неравноправные оворы были составлены по образцу оно-американского договора от 29 июля 8 г.).

V глава в целом дает яркую картину нуна буржуазной революции, анализ ее новных этапов, движущих сил, составх элементов оппозиции, взаимоотношей между ними и т. д. В заключительном зделе этой главы — «Гражданская войи усиление иностранной интервенции 63—1867)» — подробно рассмотрена обновка в Японии данного периода.

Думается, что в разделе «Гражданская йна 1868—1869 гг.» второй части книги ичины победы правительственной армии д войсками сёгуната изложены очень ло (стр. 195). Слишком схематично обсован в разделе «Образование новой асти» государственный переворот 3 янва- 1868 года. Остается непонятным, кто изался во главе нового правительства эйдзи (по декрету от 17 мая 1868 г.) и нем состоит отличие сансёку от дадзёкан от последний вопрос, впрочем, частично зъясняется в указателе «Японские терны, встречающиеся в книге», но развертого объяснения в тексте читатель не йдет).

В разделе «Внешняя политика правительва Мэйдзи» правильно показана отличная политики западных держав политика ссии в отношении Японии. В частности, ращается внимание на тот факт, что Рос-, отклонив обращение сёгуната о помо-, не вмешивалась во внутренние дела понии накануне и во время революции 68 г. и гражданской войны.

Рассказывая (стр. 237) о военном похо- предпринятом правительством Ивакуокубо на китайский остров Тайвань, авр, к сожалению, не отметил, что японская енная экспедиция 1874 г. с целью отторния от Китая острова Тайвань была орнизована американцами [2]. Американский генерал в отставке Лежандр, принятый японским правительством по рекомендации американского посланника в Токио де Лонга на государственную службу (стр. 237), выглядит в книге чуть ли не скромным экспертом, использованным Японией в связи с его «прекрасным знанием» местных условий Тайваня.

Следует отметить, что в «Очерках новой истории Японии» значительное место отведено «движению за свободу и народные права» («дзию минкэн ундо»), достигшему большого размаха в конце 70-х и начале 80-х годов. В данной монографии это движение нашло несравненно более широкое отображение, чем во всех предыдущих советских изданиях по истории Японии. Более глубоко, чем ранее, в монографии освещен вопрос о создании первых политических партий. Возникшая в октябре 1881 г. партия дзиюто уже тогда была связана с фирмой Мицуи, а партия кайсинто, основанная в марте 1882 г.—с Мицубиси. Подробно излагая антиправительственное движение либеральной оппозиции в 1882—1884 гг., автор уделяет особое внимание левому крылу дзиюто. Он рассказывает о событиях в Фукусиме (ноябрь 1882 г.), знакомит читателя с деятельностью Окумия Такэюки (казненного в 1911 г. по «делу Котоку»). В ходе изложения приводится остававшийся до последнего времени неизвестным нашему читателю исторический документ — «клятва» членов группы дзиюто. Примечательна и следующая деталь: радикальные деятели дзиюто изучали идеи и тактику русских революционных народовольцев (стр. 275, 280).

Авторы разработали вопрос о генезисе капитализма в Японии. Этот вопрос сравнительно слабо изучен в японской исторической литературе, которая уделяла основное внимание началу становления капитализма, мануфактурной его стадии, то есть, по существу, концу XVIII и первой половине XIX в. (предисловие, стр. 4). Авторы, по нашему мнению, правильно считают, что обстановка, благоприятствовавшая возникновению первоначальных элементов капитализма в Японии, как и в некоторых других странах Востока, сложилась не в конце XVIII — начале XIX в., а значительно раньше, в конце XVI — начале XVII века.

Раздел «Формирование рабочего класса, его положение и борьба» рассказывает о первых выступлениях японского пролета-

[2] См. Табохаси К и ё с и. Ниссин сэньэки йко си но кэнкю (Дипломатическая исто- я японо-китайской войны 1894—1895 гг.). кио. 1951.

риата в 80-х годах, о его положении и возникновении первых профсоюзов. Однако автор должен был разъяснить, что эти первые организации рабочего класса еще не являлись профсоюзами в современном понимании этого слова.

Обстоятельно рассмотрена в работе японо-китайская война 1894—1895 гг., раскрыты ее экономические и политические причины, пособничество Англии и США агрессивной политике Японии в отношении Китая и Кореи. В главах о японо-китайской войне использован весьма ценный источник — японская пресса того периода, собранная в специальных сборниках [3].

Читатель с интересом прочтет раздел «Крестьянская война в Корее и японская военная интервенция», вскрывающий провокационную политику Японии в Корее. Корейский народ оказал упорное сопротивление интервентам. В книге описаны боевые действия крестьянской армии, занимавшей около $^3/_5$ корейской территории. «Крестьянское движение, начавшееся как антифеодальное, в процессе японо-китайской войны переросло в мощное национально-освободительное движение, привлекшее к себе широкие слои корейских патриотов» (стр. 326).

При изложении вопроса о Симоносэкском мирном договоре (17 апреля 1895 г.) следовало бы показать предыдущую стадию японо-американских переговоров в Хиросиме, сорванных Японией. Правительство Японии и военные круги считали, как отмечает в своей книге Т. Киёси, что на данной стадии (начало февраля 1895 г.) мирные переговоры преждевременны, что надо следовать примеру немцев в период франко-прусской войны 1870—1871 гг., то есть продиктовать условия мира в неприятельской столице. Не менее характерным для захватнической политики Японии было и то, что в японских требованиях, представленных 1 апреля 1895 г. на мирной конференции в Симоносэки, нашло отражение притязание на остров Тайвань. Это требование в значительной степени было обусловлено поддержкой дипломатии США, представитель которой — бывший государственный секретарь Джон Фостер — выступал в Симоносэки в роли советника китайской делегации, но действовал в интересах Японии. К сожалению, в данной главе рецензируемой книги слабо разоблачается деятельность Джона Фостера, немало способствовавшего тому, что Китай подписал желые и унизительные условия мира, двинутые Японией в Симоносэки.

Глава I третьей части рецензируем книги — «Эпоха империализма» — сод жит очерки рабочего, крестьянского профсоюзного движения. В ней расска вается о начале распространения социа стических идей, о борьбе буржуазии за у ление ее позиций в правящем помещич буржуазном блоке. В книге хорс показан переход японского капитализма монополистическую стадию своего раз тия на базе усиления концентрации про водства и централизации капитала в ко XIX века. Возникла партия сэйюкай во г ве с Ито Хиробуми, наделенным диктат скими полномочиями. Автор отмечает, ч «создание партии, представлявшей инте сы помещиков и буржуазии, в период рехода японского капитализма в монопол стическую стадию отразило особенно классовой структуры японского импер лизма как империализма военно-феода ного» (стр. 372). Но это важное замечан к сожалению, не нашло достаточно обоснования в монографии. Довольно чет изложен сложный вопрос об англо-япо ском союзе, освещены цели и задачи япо ской политики при заключении этого сою между двумя империалистическими го дарствами, преследовавшими агрессивн захватнические цели (стр. 387). Не упущ из виду и другой важный аспект англ японского союза — его направленность пр тив России.

В «Очерках» хорошо освещены внутре нее положение в Японии во время русс японской войны 1904—1905 гг., антивое ные настроения и антивоенное движение стране. Читатель с интересом прочтет ра дел о событиях 5—6 сентября 1905 г. в Т кио, продемонстрировавших ненависть н рода к военно-полицейскому режиму. Сл дует отметить, что эта яркая страни японской истории в данной монографии оп сана более полно, чем во всех предыдущ исторических работах по Японии на ру ском языке. Сентябрьские события 1905 отразили подъем революционных настро ний в стране.

Серьезное внимание уделено в кни влиянию русской революции на рабоч движение в Японии, где в феврале 1906 была создана японская социалистическа партия (сякайто). Многогранная деятел

[3] Например, «Симбун сюсэй», «Мэйдзи нэнси».

ть Котоку охарактеризована, в общем, вильно. «Допуская в этот период ошибки рхистского толка, Котоку субъективно л честным революционером и искренне олся за интересы рабочего класса» р. 425). При освещении рабочего движе- в Японии после русско-японской войны ло было подробнее рассказать о Сакаи сихико.

В содержательном разделе о межимпе- листических противоречиях на Дальнем стоке идет, в частности, речь об охлаж- нии японо-английских отношений (не- отря на наличие союза) и резком ухуд- нии японо-американских отношений. Чи- тель видит, как завязывались узлы глу- ких империалистических противоречий, иведших впоследствии к вооруженному олкновению на Тихом океане.

Интересен раздел, посвященный экономи- Японии в 1907—1914 годах. В эти годы зко усилилась роль монополистического питала, который (в лице концернов Ми- и, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда и др.) е контролировал важнейшие отрасли хо- йства. Несмотря на усиление реакции, ра- чее и социалистическое движение в Япо- и продолжало расти. Можно указать, на- имер, на такое яркое проявление револю- онной борьбы, как «Акахата дзи- н» — так называемый «инцидент с крас- ми флагами». Правящие круги сфабрико- ли в этот период провокационный про- сс против Котоку и его единомышленни- в. К сожалению, о «деле Котоку» расска- но всего лишь в нескольких строках тр. 443).

Международное положение Японии в 09—1913 гг. изложено широко и четко. днако англо-японский союз на данном апе, точнее, третье англо-японское согла- ение (подписанное 13 июля 1911 г.) осве- ено недостаточно. Ссылка на работу Л. Гальперина не может восполнить это- пробела книги.

Несколько слов о главах по истории куль- ры Японии. Первая из них — «Культура понии в период позднего феодализма» — ень схематична. В ней мало затронуты во- осы идеологии. Быть может, так полу- лось потому, что эти вопросы в значи- льной степени освещены автором основ- ых глав первой части книги. Глава «Куль- ра капиталистической Японии» произво- т лучшее впечатление Здесь правильно, тя и кратко, дана критика японской реак- онной историографии.

Несколько замечаний об отдельных ошибках и неточностях. На стр. 16 (сноска 12) сказано, что термин «содзэй» означает «налоговое обложение». Между тем это «налоги» (налоговое обложение — кадзэй). Досадная ошибка имеется на стр. 214. Здесь написано: «мидзонуми-хякусё», а должно быть: «мидзуноми-бякусё». На стр. 349 «родо кумиай кисэйкай» переводится как «общество содействия организации рабочих профсоюзов». Говоря точнее, это — «общество борьбы за профсоюзы». На стр. 353 «дакё» фигурирует как «соглашение»; между тем это «компромисс». На стр. 401 (сноска) выражение «рэймэйки-но Нихон родо ундо» переведено: «зарождение рабочего движения в Японии», но фактически оно означает: «новая эпоха в рабочем движении в Японии». «Кинъю сихон» (стр. 477) не денежный капитал, а финансовый капитал.

Ответственному редактору книги вместе с редакционным аппаратом издательства удалось по сравнению с предыдущими изданиями значительно улучшить русскую транскрипцию японских фамилий, географических названий и терминов, но все же погрешности, к сожалению, остались.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что одним из важнейших достоинств рецензируемой книги является показ истории Японии как прежде всего истории ее народных масс. Освещая развитие экономики страны от периода позднего феодализма, промышленного капитализма до становления и развития империализма, авторский коллектив сумел убедительно показать, что на всех этих этапах именно японский народ, а не императоры, сёгуны, крупные феодалы-даймё и другие деятели господствующих классов выступал в качестве движущей силы и творца исторического процесса. На любом этапе 250-летнего исторического периода авторы не забывают проследить и донести до читателя борьбу низов, ремесленников и крестьян против жестокого феодального строя токугавской Японии, а позднее, в эпоху промышленного капитализма и империализма,— борьбу рабочего класса и крестьянства против сил милитаризма, реакции и войны.

«Очерки новой истории Японии» относятся к числу работ, которые отражают значительные успехи советского востоковедения, достигнутые в последние годы.

Б. В. Родов

Е. М. ШТАЕРМАН. *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи.* Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1957. 509 стр. Тираж 2 000 экз. Цена 20 руб. 40 коп.

Падение античного рабства принадлежит к числу наиболее важных проблем древней истории. По своему методологическому значению она далеко выходит за свои хронологические рамки. Е. М. Штаерман, ограничившаяся в своей монографии исследованием в основном кризиса III в. в западной половине Римской империи, не поставила вопрос во всей его широте; однако самый характер темы подводит автора вплотную к общим проблемам, связанным с крушением рабовладельческого общества Средиземноморья.

Книга делится на четыре части: «Предпосылки кризиса», «Западные провинции накануне кризиса», «Начало кризиса» и «Обострение кризиса и его результаты». Хронологически исследование охватывает период от середины II до конца III века. Краткое введение посвящено разбору последних работ зарубежных и советских историков, а также характеристике важнейших источников.

В первой главе автор анализирует четыре формы собственности в Римской империи: рабовладельческую, или античную, общинную, частную (с нашей точки зрения, термин условный: в нее включаются поместья, выделенные из городских территорий и принадлежавшие частным владельцам) и, наконец, государственную, или императорскую.

Вторая глава рассматривает «проявления и причины кризиса античной формы собственности», симптомы которого стали обнаруживаться с полной ясностью с конца II века. Такими симптомами Е. М. Штаерман считает снижение производительности труда, что вело к запустению обрабатываемых земель, падению ремесла и сужению строительства, разорение городских землевладельцев, концентрацию земли в руках крупных собственников и как следствие этого упадок городской организации (полиса) и др.

Каковы же были причины кризиса? Автор пишет, что увеличение непроизводительных расходов благодаря главным образом росту паразитических слоев населения (вытеснение из производства свободных и превращение их в люмпенпролетариев), а также усиление товарности хозяйства привели к значительному повышению нормы эксплуатации рабов и, как следствие этого, к обострению противоречий между ними и рабовладельцами. Росли социальные противоречия и среди свободного населения. Возникала потребность в сильном, централизованном государственном аппарате для подавления не только рабов, но и свободной бедноты.

Глава третья посвящена исследованию развития крупного землевладения.

Здесь заслуживает особого внимания хорошо аргументированный вывод автора о том, что латифундии, в которых применялся труд колонов, являлись более прогрессивной формой хозяйства, чем виллы, основанные на рабском труде.

В IV главе, анализируя расслоение рабов, автор показывает, как благодаря практике предоставления рабам права свободного распоряжения пекулием, некоторые из них достигли известного благосостояния, что давало им возможность выкупаться на волю.

Вторая часть IV главы посвящена вопросу об идеологии рабов и свободных трудящихся[1]. Е. М. Штаерман выступает против имевшего место в литературе чрезмерного преувеличения роли восточных культов в западной половине империи. На ряде примеров она показывает, что в западных провинциях и в самой Италии старые местные культы оставались преобладающими во II и даже в III веке. Однако комплекс идей, связанных со старыми богами, не оставался неизменным. Локальные божества приобретали более широкое значение, им приписывались функции верховных богов, с ними связывались надежды на спасение.

В первых пяти главах второй части монографии исследуются экономика и социальные отношения западных провинций Испании, Галлии, Британии, Африки и придунайских провинций. Подвергая детальному анализу большой эпиграфический и археологический материал, Е. М. Штаерман устанавливает симптомы кризиса, прояв

[1] Здесь Е. М. Штаерман развивает взгляды, высказанные в ее предыдущих работах: «Отражение классовых противоречий в культе Геракла» («ВДИ», 1949, № 2), «Рабские коллегии и фамилии в период империи» («ВДИ», 1950, № 3), «Из истории идеологических течений II—III вв.» («Eos», 1956, XLVIII. 1).

шиеся в этих провинциях с некоторыми ебаниями во времени.

ретья часть монографии открывается вой «Политические программы и идеоло- еские течения». В ней рассматриваются овные политические программы трех пп правящего класса. В программе зе- ьной знати западных провинций выдви- ось требование максимальной самостоя- ьности провинциальной аристократии, едачи в ее руки государственных земель, борности императоров, власть которых аничена сенатом, и активной внешней итики. Автор отмечает, что программа пных земельных собственников восточ- к провинций с программой западной ти сходилась в требовании перехода ударственной земли в руки частных соб- енников. Она резко отлична от нее в отношении, что предполагала сильную ператорскую власть, централизацию го- арственного аппарата и сильную армию. программа предвосхитила будущую си- му домината. Программа муниципаль- к рабовладельческих кругов выдвигала бование сохранения городского строя и одской автономии, ограничения прав пных собственников, известной поддерж- свободной бедноты, наследственной и таточно сильной императорской власти, рной внешней политики и вместе с тем мания к войску. Анализ этих трех про- мм дает возможность разобраться в жной картине политической борьбы в мской империи начиная с конца II в., орию которой Е. М. Штаерман рассмат- ает в последующих главах.

Ознакомление с работой Е. М. Штаер- н позволяет говорить о том, что автору лось в основном правильно установить едпосылки кризиса III в. на Западе и на- ить основные линии его развития. В кни- широко привлекаются эпиграфический ериал, археологические источники, за- нодательные памятники и литературные изведения, в том числе и такие, которые вительно редко фигурируют в научной ературе, например, дистихи Дионисия тона, сентенции Публилия Сира, произ- дения Коммодиана и др. Широкое ис- льзование источников дало возможность тору наряду с общими чертами кризиса бовладельческой системы выяснить его цифические черты в отдельных запад- к провинциях.

монографии, по нашему мнению, есть спорных положений. Прежде всего это ается определения формы собственности (а следовательно, и эксплуатации), переходной от рабовладельческой к феодальной. На стр. 48 она названа формой эксплуатации, «предвосхищавшей крепостническую»; на стр. 116 — формой, «представленной «сальтусами и латифундиями»; на стр. 117—«формой, в которой уже зарождались элементы феодального способа производства»; на стр. 369 — формой собственности, «которая должна была прийти на смену античной и которая предполагала более мягкие формы зависимости непосредственного производителя»; на стр. 377— «формой собственности, которая развивалась вместе с экзимированными сальтусами». Эти определения явно недостаточны: они весьма «обтекаемы» и не дают ясного представления о той своеобразной переходной форме собственности, которую нужно определить.

С другой стороны, в монографии встречаются формулировки, которые наводят на мысль, что под переходной формой понимается феодальная. Так, на стр. 474 мы читаем: «Этот характер народных движений второй половины III в ...— один из важнейших показателей глубочайших изменений, происшедших в социальной структуре тогдашнего общества». Если в социальной структуре рабовладельческого общества произошли глубочайшие изменения, это говорит уже не о переходной, а о новой, то есть феодальной, форме. Несколькими строками ниже Е. М. Штаерман пишет: «Обострение этого противоречия показывает, как далеко уже зашло развитие элементов феодального способа производства».

Неточной нам кажется формулировка на стр. 505: «Одним из важнейших следствий событий III в. было формирование класса-сословия зависимых земледельцев, который должен был стать основным классом-сословием в новую феодальную эпоху». В этой формулировке почти забыта та роль, которую играли неримские, «варварские» племена в образовании феодального крепостничества, забыт «свободный франкский крестьянин», который стоял «между римским колоном и новым крепостным»[2]. По-видимому, здесь у Е. М. Штаерман звучат отголоски ее старой точки зрения, согласно которой решающим этапом в формировании феодальных отношений был кризис III века. В свое время Е. М. Штаерман писала: «Переломным моментом был

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 131.

так называемый «кризис III века», который явился выражением борьбы, с одной стороны, между представлявшей новый способ производства феодализирующейся земельной знатью и социальными группами, связанными с отживающим рабовладельческим способом производства, и рабовладельческой собственностью...» [3]. Результатом кризиса III в., по ее мнению, было полное поражение класса рабовладельцев: «Кризис III века» окончился поражением старых рабовладельческих групп»[4]; «в IV в., когда рабовладельческая собственность потерпела окончательное поражение...» [5]; «с начала IV в. уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации...»[6].

В завязавшейся на страницах «Вестника древней истории» дискуссии большинство историков выступило против точки зрения Е. М. Штаерман. Итоги дискуссии были сформулированы редакцией «Вестника» следующим образом: «Все эти соображения говорят против тезиса Е. М. Штаерман и Е. Э. Липшиц о гибели рабовладельческой формации к началу IV в. ...В IV в. не произошло переворота в основах общественного и политического строя Римской империи. Развитие элементов феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя приняло в этот период довольно широкие размеры, однако рабовладельческая формация в целом продолжала существовать» [7].

В рецензируемой книге старая точка зрения Е. М. Штаерман на характер кризиса III в. претерпела значительные изменения в духе итогов дискуссии. Однако, как было показано выше, некоторые ее формулировки возвращают нас назад, к взглядам 1953 года. Будем надеяться, что эти формулировки являются только случайными терминологическими оговорками.

Е. М. Штаерман нашла правильную классовую основу для объяснения смены римских императоров, начиная с конца II века. Эта основа — борьба «сенатских» импер[а]торов, представлявших интересы крупн[ых] земельных собственников, и «солдатски[х]» императоров, защищавших интересы мун[и]ципальных рабовладельцев и армии. В о[б]лом это объяснение правильное. Одна[ко] если мы не будем учитывать некотор[ые] другие факторы (правда, не основные), м[ы] рискуем впасть здесь в схематизм. Нам к[а]жется, что Е. М. Штаерман не учитыва[ет] например, такой момент, как чисто профе[с]сиональные солдатские интересы. Она пи[ш]ет: «...во время междоусобиц III в. арм[ия] была не сборищем деклассированных эл[е]ментов, стремившихся только к легкой н[а]живе, а организацией, желавшей видеть [у] власти того, кто, по ее мнению, мог прон[и]дить определенную политику в интерес[ах] определенной социальной группы» (стр. 396). Однако если мы полностью бу[-]дем игнорировать деклассированную со[л]датчину как фактор, игравший свою роль[ь] императорской «чехарде» II—III вв., на[м] не все будет понятно в политической исто[-]рии этого периода.

Весьма спорным нам кажется утвержд[е]ние Е. М. Штаерман, что христианств[о] «проповедовало общность имуществ[а]» (стр. 147). Прямое упоминание об этом ест[ь] только в двух местах «Деяний апостолов» (2, 44—45 и 4, 32, 34—35), памятника [в] своей большей части очень позднего. Об[а] эти места, так же как и рассказ о наказ[а]нии, постигшем Анания и Сапфиру [з]утайку части денег, явно преследуют пропа[-]гандистские цели. Данный вопрос такж[е] нуждается в дальнейшем исследовании.

Однако эти спорные моменты не должн[ы] скрывать от нас тот вклад в науку, кото[-]рый внесла своей монографией Е. М. Шт[а]ерман. Ряд вопросов поставлен ею заново и если не все они решены, то уже одна по[-]становка их является плодотворной для развития науки. Дальнейшая разработк[а] этих вопросов могла бы способствовать окончательному решению одной из наибо[-]лее важных и сложных проблем всемирной истории — проблемы гибели рабовладельче[-]ского общества Средиземноморья и рожде[-]ния западноевропейского феодализма.

С. И. Ковале[в]

[3] См. Е. М. Штаерман. Проблемы падения рабовладельческого строя. «ВДИ», 1953, № 2, стр. 76.
[4] Там же, стр. 77.
[5] Там же, стр. 60.
[6] Там же, стр. 79.
[7] «ВДИ», 1956, № 1, стр. 10.

В АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

бщее собрание Археографической комис-, состоявшееся в октябре 1959 г., было вящено задачам изучения палеографии. окладами выступили академик М. Н. Ти-иров и доктор исторических наук А. Сидорова.

. Н. Тихомиров обратил внимание неудовлетворительное состояние изуче- палеографии в стране: старые пособия чебники по палеографии не переиздают-а новых нет (за исключением книги В. Черепнина); в некоторых институтах азываются от преподавания этой дисцип-ы; отсутствуют описания многих руко-ных собраний; письмо XVIII—XIX вв. сем не исследуется; недостаточное вни-ие уделяется изучению русской скоро-и и т. д. М. Н. Тихомиров предложил жде всего печатать статьи о крупнейших описных собраниях наших библиотек. хеографический ежегодник» начинает с й целью публикацию описания рукопи-Саратовского университета, сделанного демиком В. Н. Перетцем. Другой не ме-важной задачей, по словам М. Н. Тихо-ова, является создание учебных пособий палеографии и в первую очередь пере-ание учебника В. Н. Щепкина («Учебник ской палеографии». М. 1918). Он обра-также внимание на то, что необходимо тельно изучить характерные особенности л писцов, в частности Андрониева мо-тыря в Москве, Троице-Сергиева и др. . Н. Тихомиров считает, что понятие леография» следует толковать более ширительно. Это наука о письменно-занимающаяся исследованием не толь-лисьменных, но печатных и машинопис-текстов. Поэтому, по мнению М. Н. Ти-ирова, палеографию более правильно ать не вспомогательной, а специальной особой исторической дисциплиной. астоящее время никто не занимается еографией XIX—XX веков. Следует, ска-М. Н. Тихомиров, начать сбор материа-по вопросам о штемпелях, печатях, гер-почтовых марках, сортах бумаги, ма-описных шрифтах и т. д. К этой работе Археографическая комиссия предполагает приступить в ближайшее время.

Выступавшие в прениях поддержали предложения М. Н. Тихомирова.

М. В. Щепкина (Государственный исторический музей) полагает, что, помимо учебника В. Н. Щепкина, следует переиздать также учебник А. И. Соболевского («Славяно-русская палеография». СПБ. 1908). В. И. Малышев (Институт русской литературы АН СССР, Пушкинский дом) остановился на вопросе изучения местного письма и познакомил собравшихся с работой Пушкинского дома над рукописями, собранными в районе Печоры. А. Н. Мальцев (МГУ) рассказал о трудностях преподавания палеографии в высших учебных заведениях. Он предложил издать альбомы с включением в них текстов XVIII—XIX и даже XX в. и краткое учебное пособие по этой дисциплине. А. Н. Мальцев отметил также, что на юридических и филологических факультетах палеография не читается совсем, диссертации по этой тематике не защищаются.

В. С. Люблинский (Лаборатория реставрации и консервации документов, Ленинград) посвятил свое выступление работе лаборатории в области фотографического анализа документов, издания трудновоспроизводимых текстов, воссоздания водяных знаков, скрытых под надписью или печатью и т. д., и сообщил о выходе в свет в ближайшее время работ по этим вопросам.

Е. Э. Гранстрем (Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) рассказала о состоянии дел рукописного отдела библиотеки, в котором хранятся ценнейшие фонды западноевропейских рукописей. Прежде это был центр, где начиналось изучение палеографии. В настоящее время комплектование отдела новыми поступлениями почти прекращено.

Д. П. Богдан (Румынская Народная Республика) сделал сообщение о состоянии славяно-румынской палеографии в Румынии и показал, какое влияние оказала на нее

русская наука. Он поделился своими впечатлениями о постановке преподавания этого предмета на историческом факультете Бухарестского университета.

А. А. Зимин (Институт истории АН СССР) отметил, что перед учеными стоит задача исследования не только древнего письма, но и письма вообще. Для этого нужна координация работы палеографов, которую должна осуществлять Археографическая комиссия. В настоящее время в Институте истории приступили к публикации актового материала. При Отделении литературы и языка создана группа по изучению памятников древней письменности и т. д. До сих пор, сказал А. А. Зимин, существуют разногласия о принципах передачи текста, а невнимательное отношение к палеографическим особенностям документов приводит зачастую к неправильным научным выводам. Он предложил перейти к фототипической публикации памятников, сохранив также издания типа летописей, и к изучению палеографии XIX—XX веков.

И. М. Кудрявцев (Государственная библиотека имени В. И. Ленина) указал, что особенно плохо обстоит дело с изданием описаний рукописей. Так, рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина составил описания ряда крупных собраний рукописей, но не имеет возможности их опубликовать. Б. И. Мусатов (Главное архивное управление РСФСР) обратил внимание на то, что во многих местных архивах отсутствуют историки-архивисты, знающие палеографию.

Заключая прения, академик М. Н. Тихомиров высказал некоторые практические соображения: создать при Археографической комиссии секцию палеографии; собрать к 1965 г. силами сотрудников комиссии материал по современной палеографии и подготовить проспект учебного пособия; расширить публикацию в «Археографическом ежегоднике» описаний рукописей и статей по вопросам палеографии.

С докладом «О задачах изучения палеографии по истории западноевропейского средневековья в СССР» выступила доктор исторических наук Н. А. Сидорова (Институт истории АН СССР). Она рассказала о состоянии палеографии во Франции на примере трех учреждений: рукописного отдела Национальной библиотеки Франции, Школы хартий и Института исследования и истории текстов. По ее мнению, из опыта работы французских ученых заслуживает внимания прежде всего полная каталогизация всех рукописей и публикация этих ка-логов, периодическое издание описей о-дов, хранящихся в рукописном отделе ци-ональной библиотеки Франции. У нас по-полного учета рукописного фонда в обла-западноевропейского средневековья, ск-ла Н. А. Сидорова, и предложила запро-все архивы страны об имеющихся у рукописях. Такую координационную раб-могла бы провести Археографическая ко-сия.

Вызывает интерес, по мнению докла-ка, деятельность Школы хартий по по-товке квалифицированных архивистов-па-графов. В наших архивах хранятся бо-тые коллекции документов по истории ср-невекового Запада, но они остаются не-ченными, так как отсутствуют специали-палеографы. В связи с этим Н. А. Сидор-предложила ввести в университетах Мос-и Ленинграда и высших учебных ведениях страны особую специализацию источниковедению и палеографии.

А. Д. Люблинская (Ленинградс-отделение Института истории АН СС-считает, что необходимо готовить ка-палеографов в высших учебных заведени-начиная с 3-го курса, так как палеог-фия — трудоемкая дисциплина, требую-более длительного срока обучения, предоставляет аспирантура Академии на-Она высказала также пожелание, что-советские палеографы принимали учас-в ряде международных мероприятий, пример, в составлении сводного катало-Т. П. Воронова (Публичная библиоте-имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) обрати-внимание на отсутствие каталогов осн-ных рукописных собраний, остановилась трудностях, с которыми приходится стал-ваться при издании обзоров и описан-Старые каталоги конца XIX — начала XX уже устарели, а новых нет. Е. В. Берна-ская (Публичная библиотека име-М. Е. Салтыкова-Щедрина) остановилась недостатках комплектования фондов ин-странной литературой по палеографии вспомогательным историческим дисципл-нам (оно носит случайный характер, с-сутствуют последние каталоги и справоч-ки и т. д.). Е. В. Бернадская высказала за проведение периодических совещаний обмену опытом работы, а также за расш-рение разделов публикаций в историческ-журналах.

В. И. Рутенбург (Ленинградское о-деление Института истории АН СССР) ра-сказал о работе архивов Италии, где цен-

изучения палеографии, дипломатики и гих вспомогательных исторических дис-лин является кафедра палеографии енуемая институтом) Римского универ-ета. Она объединяет всех палеографов аны, издает «Бюллетень Итальянского ива» (три раза в год). Существуют в лии также школы для палеографов с хгодичным сроком обучения. В. И. Ру-бург высказался за скорейшую публика-наших документальных богатств, меж-родный обмен студентами и аспиранта-работающими в области палеографии. В. Удальцова (Институт истории АН СР) остановилась на развитии греческой еографии и влиянии ее на византинове-ие. Важное значение для византинове-ия, сказала она, имеет папирология и еская эпиграфика, слабо развитые в тоящее время у нас. Основной задачей, ее мнению, является подготовка кадров. предложила просить Президиум АН СР выделять Археографической комиссии годно одно место в аспирантуре по омогательным историческим дисципли-; проводить обмен аспирантами и сту-тами со странами народной демократии ример, с Институтом греко-римских вностей в ГДР); провести семинар по еской палеографии, пригласив на него убежных специалистов.

. И. Киселева (Ленинградское отде-ие Института истории АН СССР) ука-а на необходимость создания нового бника по палеографии и альбомов. Сле-т также приобретать новые таблицы и нную литературу по палеографии, вы-шую за границей. В. С. Соколов ГУ) рассказал об истории создания и оте кафедры древних языков историче-го факультета МГУ. Е. Г. Гурари Э) считает, что изучающим западно-пейскую историю особенно важно за-аться письмом XVI—XVII вв., так как яду с печатными книгами сохранилось го рукописей и документов во всех нах, в том числе и в СССР. Необходимо изучение также шифрованного письма. Результатом пренебрежительного отношения к работе над рукописями является, по ее мнению, отсутствие справочного аппарата в рукописных отделах библиотек. Е. Ч. Скржинская (Ленинградское отделение Института истории АН СССР) обратила внимание на важность глубоких знаний по средневековой эпиграфике. С. В. Житомирская (Государственная библиотека имени В. И. Ленина) рассказала о состоянии и деятельности рукописного отдела библиотеки.

П. П. Гудзенко (Институт истории АН СССР) ознакомил участников совещания с результатами работы, проведенной на Украине в области вспомогательных исторических дисциплин, и с планом исследований созданного в Институте истории УССР отдела вспомогательных исторических дисциплин. Он высказал ряд пожеланий, в частности об улучшении подготовки кадров по вспомогательным дисциплинам в Историко-архивном институте. М. Н. Цетлин (МГУ) остановился на вопросе о правильной публикации источников и значении знания древних языков для работы в области западноевропейской палеографии. М. П. Лесников (Московский городской педагогический институт имени В. П. Потемкина) обратил внимание собравшихся на важность немецкой палеографии для изучения не только западноевропейской истории, но и истории СССР.

На заседании Археографической комиссии было принято постановление о дальнейшем развитии палеографии в нашей стране. При Археографической комиссии решено образовать отдел по изучению греческой, латинской и западноевропейской палеографии, а для расширения подготовки кадров по вспомогательным историческим дисциплинам просить Отделение исторических наук выделить два места в аспирантуре. При Археографической комиссии предполагается создать библиотеку по палеографии.

Н. А. Долдобанова

Хроникальные заметки

◆ В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде были обнаружены материалы, освещающие начало развития русско-американских отношений. Один из найденных документов, датированный 1 (13) апреля 1809 г., представляет собой именной указ Александра I государственной коллегии иностранных дел. В нем говорится о назначении первого русского посольства в Соединенные Штаты Америки и об учреждении первой русской дипломатической миссии в тогдашней столице США — Филадельфии. В другом обнаруженном документе указывается, что 24 октября (5 ноября) 1809 г. Россия принимала первого американского посла Джона Куинса Адамса, который впоследствии стал президентом Штатов.

◆ Летом 1866 г. конгресс США направил в Россию специальную миссию. Посланцев американского народа тепло и радушно встретили в Кронштадте. Их приветствовали затем в Петербурге и Москве, Костроме и Твери. Горячий прием ожидал заокеанских гостей и в Нижнем Новгороде, где в ту пору была ярмарка. Глава ярмарочного комитета А. Шипов, встречая гостей, сказал: «В Нижнем Новгороде представлена вся Россия — север, юг, восток и запад. Сибирь и Центральная Азия принимают участие в сегодняшних торжествах... Купцы Нижнего Новгорода оказывают американцам такой сердечный прием, понимая и должным образом оценивая тот факт, что Россия и Америка — друзья...».

Жить всегда в дружбе с Россией — к этому почти столетие назад стремились и прибывшие на берега Волги посланцы Соединенных Штатов Америки. Сделанные ими по этому поводу заявления были опубликованы в изданной еще в 1873 г. в Нью-Йорке книге «Миссия Фокса в Россию». «Мы как нельзя радушнее были приняты в Кронштадте, С.-Петербурге, Москве, и теперь здесь, в Нижнем Новгороде, нас снова встретило самое радушное гостеприимство,— заявил глава миссии Фокс.—...В этот знаменательный год, на этом вечере... заключим священный союз, не писанный на пергаменте, союз не для угрозы Европе, но нравственный союз соревнования: кто из двух народов сделает больше друг другу добра! Составимте этот священный союз, опять повторяю — в интересах мира, и подадим пример другим народам».

◆ В Центральном государственном архиве древних актов СССР была организована выставка на тему — установление и развитие дружественных связей между Россией и Китаем в XVII—XVIII веках. На выставке представлена рукопись И. Петлина «Роспись Китайскому государству» — первое русское географическое и экономическое описание Китая, которое в XVII—XVIII вв. неоднократно издавалось в Англии, Франции, Голландии и Германии, написанное И. Петлиным после поездки в Китай в 1618 году.

В 1730—1731 гг. в Россию прибыло большое китайское посольство, торжестве встреченное в Москве и Петербурге. сколько стендов отведено документам о т говых связях двух великих стран. Мно численные показания («сказки») торгов людей, ведомости, переписка пограничн властей рассказывают о том, что торго с Китаем занимала первое место во вне неторговых связях России со странами В тока. Русско-китайские культурные св также отражены в материалах, предст ленных на выставке. Здесь можно увид документы о русских юношах, обучавш ся в Пекине китайскому и маньчжурско языкам. Некоторые из них стали впосл ствии видными знатоками Китая. Их п принадлежат экспонируемые на выста переводы поэтических произведений кит ских авторов, сочинения по истории и лософии.

◆ В государственном архиве Свердловск области, в фонде Сибирского обербергам обнаружены сведения о пребывании посо ства Китая в Екатеринбурге. Из опубли ванных законодательных материалов изве но, что первый казенный торговый кара прибыл из России в Пекин в 1699 г., а 1731—1739 гг. существовал «Китайский раванный казенный торг». Начало «тор было положено указом Сената от 3 (14) варя 1731 года. В том же году в столи России отправилось китайское посольст 12 (23) сентября 1732 г. пушки Екатер бургской крепости известили о прибытии город китайского посольства, возвращав гося к себе на родину.

В Екатеринбурге останавливались пути в Китай члены русской миссии еще чаще купцы. Особенно ценны хранившиеся в архиве письма советни Л. Ланга, который некоторое время на дился в ведении екатеринбургского горн начальства и примерно с 1718 г. не раз б вал в Китае. В донесении от 8 июня 1738 например, он сообщил интересные данн о развитии промышленности Китая, о П кине, об искусстве китайских мастеров «р ды плавить и серебро с золотом раз лять».

В Екатеринбурге жили купцы, бывавш в Китае. В июле 1735 г. главная заводск канцелярия в Екатеринбурге выдала п порт екатеринбургскому «купецкому чел веку» Ивану Осеневу по его челобитной пропуске до китайской границы с вербл дами и обратно «с вымененными на он верблюды товары».

Торговый путь в Китай проходил чер Петропавловскую крепость и пограничн слободу Кяхтинскую. В Свердловском а хиве сохранился любопытный чертеж «Карта лежащей от города Екатеринбур дороге через разные города до Кяхты, бранная с разных карт Пермского наме ничества...».

◆ В конце 1959 г. состоялось расширенн заседание рабочего Ученого совета отде востоковедения и письменного наслед Академии наук Таджикской ССР. Был з

слушан доклад кандидата филологических аук А. Е. Бертельса об экспедиции на Памир по изысканию рукописного наследия для изучения общественной мысли народов Памира и, в частности, вопросов исмаилизма.

В различных селениях Памира экспедиция обнаружила 27 рукописей, касающихся философских вопросов исмаилизма и литературных воззрений народов Памира. Со всех 27 рукописей сняты микрофильмы.

Обнаружена редкая литография, изданная в Бомбее в 1933 г. Сеид Маниром. В нее входит малоизвестное произведение «Калами Хайрхах», как можно полагать, написанное муллой Хайрхах. На Памире считают автором этого произведения знаменитого уроженца Кабадиана, крупного мыслителя Востока — Насыри Хисрау. Это явно ошибочно, так как в произведении встречаются цитаты из Саади, Хафиза и других авторов, живших позднее Насыри Хисрау. В другой рукописи содержатся произведения Насыри Хисрау «Ваджхидин» и «Шаш фасл». Здесь же обнаружено «Усули адаб», приписываемое Насыри Хисрау.

Среди рукописей найден трактат, автором которого является Абдал-Азиз Мухаммад Ан-Насафи. Книга написана в Бухаре в 1272—1273 годах. В трактате упоминается о нашествии монголов, свидетелем которого был автор.

Известно, что таджикский поэт, ученый и путешественник Насыри Хисрау провел остаток своей жизни в Афганском Бадахшане, откуда он рассылал свои ученые трактаты и поэтические произведения по окрестным селениям Очень много произведений этого плодовитого мыслителя и поэта не дошло до наших дней, так как при нашествии Чингизхан безжалостно сжигал целые библиотеки в Самарканде, Бухаре, Мерве, Герате и в других городах Средней Азии. Однако в глухих и недоступных местах горного Бадахшана произведения Насыри Хисрау остались в сохранности.

Дальнейшее изучение и издание обнаруженных рукописей должно пролить свет на неизученную область общественной мысли не только народов Памира, но и других народов Среднего и Ближнего Востока.

▶ В 1574 г. в типографии русского первопечатника Ивана Федорова вышли первые печатные книги на Украине — «Апостол» и «Букварь». О «Букваре» до последнего времени ничего не было известно. Всего пять лет тому назад пресса сообщила о его существовании, и с этого времени открылась еще одна сторона многогранного таланта Ивана Федорова. Теперь его знают не только как пионера книгопечатания в России и на Украине, писателя и художника-гравера, но и как педагога, активного борца за просвещение украинского народа.

История открытия «Букваря» такова. Единственный известный сегодня экземпляр этой книги долгое время переходил из рук в руки, в XVII столетии попал в Италию, а оттуда — в США. Там его приобрел в 1953 г. Гарвардский университет, где он теперь хранится. В результате исследований советских и зарубежных ученых установлено, что это был первый печатный учебник не только на Украине, но и во всех славянских странах. Оказалось, что напечатанная в Москве в 1634 г. «Азбука» Василия Бурцева, которую до сих пор считали первой печатной учебной книгой, является шестым переизданием львовского «Букваря». И. Федоров был не только издателем этой книги, но и ее автором, что видно из послесловия, в котором он говорит о своих намерениях и дальше работать для просвещения народа: «...примите сия с любовью. А я и о иных писаниях... потрудитися хощу». Если вспомнить, как жестоко расправилась католическая инквизиция с краковским печатником Швайпольтом Фиолем в 1491 г., то этот почин Федорова следует считать настоящим подвигом. В конце учебника помещен герб города Львова и надпись: «Выдруковано во Львове, року 1574».

◆ В начале XVII в. русские люди, осваивая сибирскую землю, проникали в самую отдаленную таежную глухомань. Здесь на бескрайних просторах, вырастали первые поселения. Тогда землепроходцами из отряда Фирсова был построен Братский острог с четырьмя угловыми башнями. До наших дней сохранились две из них. Одна будет перенесена в Братск, другая перевезена в село Коломенское под Москвой — крупнейший музей русской деревянной архитектуры. Работа по сборке уникального строения, которому более 300 лет, уже заканчивается Вскоре древняя башня, «перекочевавшая» с берегов Ангары на берега Москвы-реки, станет доступной для обозрения.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВЕНГРИИ в 1957—1958 годах *

Освобождение Венгрии в 1945 г. явилось поворотным моментом как в жизни всего народа, так и в исторической науке. Благодаря овладению марксистско-ленинской теорией и созидательной работе нашей партии мы одержали победу над старыми идейными направлениями в истории, отражавшими интересы свергнутых эксплуататорских классов. В этой борьбе в основном наступил перелом в 1948—1949 гг., с началом работы Института истории Венгерской Академии наук. В последующие годы началась разработка проблем, которые буржуазная историография игнорировала или подвергала фальсификации. Прежде всего это были история рабочего класса и рабочего движения, крестьянства и крестьянских движений; история борьбы венгерского народа за независимость и его отечественных войн; экономическая история, в особенности проблемы зарождения и развития капитализма. Мы успешно исследовали историю периода всеобщего кризиса капитализма и приступили к изучению народно-демократического строительства. Большое внимание наши ученые уделяли русско-венгерским связям, а также отношениям между Венгрией и соседними странами народной демократии. В этот период, точнее, в 1951 г., мы приступили к составлению университетского учебника, что явилось, по существу, подготовкой первого марксистского труда по истории Венгрии.

Однако отрицательное воздействие на развитие исторической науки оказывали догматизм и субъективизм, связанные с культом личности. У нас отсутствовала атмосфера критики, проявлялись упрощенческие взгляды. И хотя вскоре мы осознали свои ошибки, но не смогли их исправить в частности не повели последовательной борьбы против проявлений национализма.

Так было до ознакомления венгерских ученых с материалами XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, который ярким светом озарил нам дальнейший путь. В это время положение в нашей исторической науке осложнилось. Руководители исторического фронта не возглавили движение за ликвидацию старых ошибок и творческое восприятие теоретических выводов XX съезда КПСС. Тогда как верные марксизму силы вели борьбу за возрождение нашей исторической науки, группа, которая ставила целью дискредитировать марксизм, активизировала свои выступления против венгерской марксистской историографии, пыталась подорвать доверие к ней и ликвидировать ее.

В октябре 1956 г. в Венгрии в целях уничтожения народной власти был поднят контрреволюционный мятеж, спровоцированный международным империализмом, и руководство марксистского исторического фронта временно прекратило свою деятельность.

Рабоче-крестьянское правительство, объединяющее весь наш революционный народ, с братской помощью Советского Союза положило конец разгулу контрреволюции. В развитии венгерской исторической науки начался новый этап.

---

* Статья не охватывает всех результатов, которых достигла историческая наука в Венгрии за 1956—1958 годы. Мы, например, не коснулись таких важнейших ее областей, как древнейшая история и археология, палеография и источниковедение, и только отчасти осветили главные итоги деятельности венгерских университетов и исследовательских институтов. Объясняется это рамками нашего сообщения и, кроме того, тем, что в этот впервые представившийся нам случай для выступления мы хотели бы обратить внимание прежде всего на основные проблемы нашей истории. В своем сообщении мы исходим из проблематики и обобщений, содержащихся в статье профессора П. Ж. Паха о работе Института истории Венгерской Академии наук за 1950—1955 годы («MTA. Történettudományi Intézetének Értesitöje», 1956, 1—2).

[1] Критику недостатков венгерской историографии см. Hanák P., Pach P. Z., Elekes L. Történettudományunk kérdései a XX. Kongresszus után «Szabad Nép», 1956, IV, 22.

★

Реорганизация исторических учреждений, плочение верных партии и народу сил и беспечение марксистского руководства сторическим фронтом являлись решением олько одной из задач, стоявших перед на-и. Кроме этого, была необходима длитель-ая, терпеливая разъяснительная работа, оследовательная борьба против ревизио-истских идей, а также сектантских, дог-атических ошибок, за возрождение мар-систско-ленинской историографии, повы-ление ее уровня, за последовательное осу-ествление принципа партийности в ауке [2]. Эта борьба, которая продолжается сегодня, определяла нашу идейно-поли-ическую линию в течение последних рех лет.

Представители буржуазно-националисти-еских течений в октябре 1956 г. и до него ральсифицировали идеи Петефи и Кошута, искаженном свете представляли насле-ие революции 1848—1849 гг., используя вои ложные посылки для обмана народных асс и прежде всего молодежи. Венгер-кая марксистская историография всегда ассматривала вопросы об общественном рогрессе и национальной независимости в х единстве. В 1956 г. ревизионисты в нтисоветских целях начали абсолютизиро-ать значение национальной независимости. Марксистская историография высоко оце-ивала Кошута, отмечала прогрессивную оль обуржуазившегося среднего дворян-тва, но одновременно подчеркивала его граниченность, прежде всего в решении грарного и национального вопросов. 1956 г. были предприняты попытки идеа-изировать Кошута и среднее дворянство. та идеализация шла прежде всего по ли-ии замалчивания и игнорирования огра-иченности и непоследовательности руково-ителей революции 1848—1849 годов.

Другое направление ревизионизма состоя-о в стремлении объективистски освещать ажнейшие исторические процессы. Основ-ыми чертами этого направления были от-ицание принципа партийности в историче-кой науке, спекуляция на отдельных шибочных оценках, возникших под влия-ием культа личности, отказ от творческо-о применения марксизма-ленинизма. Эти бъективистские тенденции нередко преподо-осились под лозунгом борьбы против убъективистских ошибок.

[2] Kállai G. Eszmei harc a Magyar Népköztársaságban. «Népszabadság», 1959, II, 24.

Венгерская марксистская историография повела борьбу против этого опасного направления, вскрыла его исторические корни и показала, как развивались «взгляды» Имре Надя и его сообщников, как они идеологически готовили свержение народной власти [3]. Она разоблачила подлинно контрреволюционные цели идеологов так называемого «национального коммунизма». Венгерским историкам в этом помогло изучение борьбы, которую вел В. И. Ленин против ревизионизма и догматизма [4]. Институт истории партии выпустил в свет сборник статей, в котором дан анализ идеологической подготовки контрреволюции, ее внутренних сил и разоблачена тактика империалистов накануне контрреволюционного путча. В этой книге прослеживается деятельность фашистских и полуфашистских эмигрантских организаций, «помощь» империалистов и антинародная поджигательская роль радиостанции «Свободная Европа» в период контрреволюции [5]. Большое значение в борьбе против буржуазного национализма имела дискуссия, организованная Институтом истории в сентябре 1958 года. Ее участники подвергли критике исторические взгляды «народных» писателей, пропагандировавших в 1956 г. особый, так называемый «третий путь» развития Венгрии, являвшийся, по существу, путем реставрации капитализма. Взгляды этих «народных» писателей переплелись с идеями «национального коммунизма» и оказали влияние на часть молодой интеллигенции. В ходе обсуждения были вскрыты корни подобных концепций, разоблачена их контрреволюционная сущность [6].

Следовательно, венгерские историки, с

[3] Kállai G. A magyarországi ellenforradalom a marxizmus-leninizmus fényében. «Társadalmi Szemle» (в дальнейшем — «T. Sz.»), 1957, 12; Nemes D. Nagy Imre eszméi és az áruiás ideológiai előkészítése. «T. Sz.», 1957, 7—8; его же. A magyarországi revizionizmus kifejlődése, mint az ellenforradalom eszmei előkészítésének szerves része. «T. Sz.», 1958, 1; его же. Népi demokráciánk fejlődése és az októberi ellen forradalom. «Párttörténeti Közlemények» (в дальнейшем — «P. K.»), 1957, 1.

[4] Fogarasi B. A marxizmus — és revizionizmus harca a tudományban. «Magyar Tudomány», 1958, 1i—12; его же. Lenin harca a revizionizmus és dogmatizmus ellen. «T. Sz.», 1958, 4.

[5] «Ellenforradalom Magyarországon. 1956». Tanulmányok I. Kiadta az MSZMP. KB. Párttörténeti Intézete. Bp. 1958.

[6] «Történészvita a «népi» irókról». «Századok» (в дальнейшем — «Sz.»), 1958, 5—6.

одной стороны, стремились ликвидировать последствия контрреволюции путем критики ревизионистских и националистических взглядов. С другой стороны, они использовали годовщины революционных событий 1917—1919 гг., чтобы показать пример подлинного патриотизма и пролетарского интернационализма, возродить лучшие революционные традиции нашего и других народов, укрепить идеи международной солидарности рабочего класса.

В связи с этим за последние два с половиной года у нас наблюдался ряд крупных сдвигов. В ноябре 1957 г. венгерские историки провели научную конференцию, посвященную сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Этой славной дате было посвящено также торжественное заседание Венгерской Академии наук [7]. В октябре 1958 г. в связи с 40-летием венгерской буржуазно-демократической революции 1918 г. состоялась конференция, на которой были заслушаны доклады академика Э. Мольнара, Л. Жигмонда, М. Балажа, А. Шиклоша, Т. Хайду [8]. Большое значение для развития венгерской исторической науки имела научная сессия, состоявшаяся в ознаменование 40-летия Венгерской Советской республики. С докладами выступили член-корреспондент Академии наук, кандидат в члены Политбюро Венгерской социалистической рабочей партии Д. Немеш, Э. Липтаи, Э. Памлени, А. Шиклош. В сессии приняли участие также зарубежные ученые [9].

★

Переходя к изложению результатов нашей повседневной работы, следует прежде всего сказать об университетском учебнике, который, как уже отмечалось, представляет собой первый обширный марксистский труд по истории Венгрии. Его первые три тома, опубликованные в 1957—1958 гг. [10], охватывают историю со времени поселения венгров на Дунае до 1849 года. В их подготовке участвовал большой коллектив сотрудников. Несмотря на то, что в этих томах имеются недостатки, прежде всего в освещении истории развития производительных сил, истории различных национальностей Венгрии, складывания венгерской нации и истории культуры, мы все же считаем значительным достижением то, что в противовес старым обобщающим работам создан труд, который дает правдивое представление о важнейших событиях в жизни нашего народа.

Продолжается подготовка последующих томов. Некоторое время тому назад увидел свет в виде университетского курса лекций выпуск, охватывающий период с 1849 по 1880 г., а теперь опубликована часть, относящаяся к 1880—1900 годам [11]. До сдачи в печать (в конце 1957 г.) подготовленные главы о периоде 1849—1880 гг. обсуждались широким коллективом. В ходе дискуссии была подчеркнута необходимость всестороннего анализа исторических фактов, международной обстановки, сопоставлений с развитием соседних стран и подробной разработки особенностей нашего аграрного развития. Со времени подготовки рукописей (1954 г.) у нашей исторической науки появились новые достижения, которыми могут воспользоваться авторы [12]. Последняя подготовленная часть, охватывающая период 1880—1900 гг., обсуждалась в октябре 1958 года. Ораторы обращали внимание на такие недостатки, как отсутствие детального анализа общественной структуры, схематическое изображение аграрного развития в конце XIX в., неразработанность истории национальных культур [13]. Наши исследователи мало сделали в области освещения истории Венгрии последнего полустолетия, еще недостаточно изучен период первой мировой войны.

Успешная подготовка университетского учебника позволила приступить к написа-

---

[7] См. «Studia Historica Académiae Scientiarum Hungaricae» (в дальнейшем — «St. H.»), 17. Отчет о научной сессии см.: «Sz», 1957, 5—6; «Acta Historica» (в дальнейшем — «A. H.»), 1958, 1—2.

[8] Отчет см. «Sz», 1959, 1.

[9] Отчет о сессии см. «Sz», 1959, 2—4, «A. H.», 1959, 3—4. Материалы ее будут изданы Институтом истории партии в сборнике: «A Magyar Tanácsköztársaság nemzetközi visszhangja».

[10] «Magyarország története». I/1. Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában a honfoglalástól 1526—ig. Bp. 1957; 1/2. Magyarország története a késői feudalizmus korszakában 1526—1790; Bp. 1957; II/1. Magyarország története a feudalizmusról a kapitalizmusra való átmenet korszakában 1790—1849. Bp. 1958.

[11] «Magyarország története az abszolutizmus és a dualizmus korában 1849—1918». 1. füzet. 1849—1867; 2. füzet. 1867—1880; 3. füzet, 1880—1900.

[12] «A «Magyarország története» c. egyetemi tankönyv 1849—1880— ig terjedő részének vitájáról». «Sz», 1958, 5—6.

[13] Lásd «Történelmi Szemle» (в дальнейшем — «Tört. Sz»), 1958, 1—2.

ию нового научно-популярного очерка истории Венгрии. Рукопись этой двухтомной работы подготовлена и обсуждена в институте. В ходе обсуждения были рассмотрены почти все важнейшие вопросы истории венгерского народа, выявлены ошибочные взгляды, определены наши задачи.

В 1956 г. нам приходилось констатировать известное отставание в области исследования народно-демократического периода истории Венгрии. Теперь мы можем говорить об успехах, достигнутых главным образом в тех областях, где мы вынуждены были в 1956 г. отмечать самое большое отставание. В первую очередь это относится к разработке аграрного вопроса и проблемы союза рабочих и крестьян. Обстоятельные статьи М. Шомяи позволяют приступить к созданию обобщающей теоретической работы по аграрному вопросу [14]. И. Шанта в своей статье исследовала проблему объединения двух рабочих партий [15]. Труд М. Лацко об экономических и политических боях осени 1945 г. — марта 1946 г. говорит о предпосылках и значении создания левого блока [15]. Отметим, что все остальные исследования также относятся только к периоду до 1948 года. Б. Балаж, широко используя личные воспоминания, осветил историю развертывания массового демократического движения и создания народных революционных органов власти [17]. Ш. Ауш впервые научно разработал экономическую историю страны за период 1945—1947 годов [18]. Опубликованы ценные материалы о так называемом движении похода в деревню в 1946—1948 годах [19]. Несколько сотрудников Сегедского университета занимаются изучением истории Сегеда [20]. Ценным вкладом в разработку политической истории является статья Ш. Орбана, разоблачающая антинациональную деятельность в Венгрии реакционного высшего духсвенства после 1945 года [21].

Однако в целом мы не можем быть удовлетворены исследованием истории нашей народной демократии. Необходимо осветить важнейшие вопросы ее первого этапа, не говоря уже о более позднем периоде.

Больше всего исследований посвящено 1849—1917 годам. Внимание венгерских историков приковано в основном к изучению истории венгерского рабочего класса и рабочего движения, развития капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве, политической истории, а также истории национальностей страны.

В первую очередь следует упомянуть работы, выходящие в серии «История венгерского рабочего движения». Коллективом сотрудников Института истории партии уже подготовлено 5 томов [22], отражающих борьбу самой могучей созидательной силы общества — рабочего класса, которая происходила на протяжении 1848—1945 годов.

Для изучения раннего периода рабочего движения большую важность имеет публикация переписки Маркса с Берталаном Семере, премьер-министром Венгрии в 1849 году. Назовем также статью Ф. Пелешкеи, посвященную крестьянскому движению, которое было направлено против соглашения 1868 года [23]. Работа Э. Ш. Винце рассматривает поворот, наступивший в 90-х годах в социал-демократической партии, объективные и субъективные причины влияния оппортунизма на рабочее движение [24]. Л. Кеваго пишет о совместных боях венгерских рабочих и сербских крестьян в 1905—1907 годах [25]. Статья Д. Фукаса характеризует существенные вопросы связи прогрессивной интеллигенции и рабочего движения в 1900—1918 годах [26].

Руководители Венгерской социалистической рабочей партии всесторонне осветили влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Венгрию [27]. Д. Немеш, Э. Мольнар и Ф. Мучи дали статьи обобщающего характера [28]. С. Габор и К. Петрак

---

[14] «Sz», 1957, 5—6; «Tört. Sz», 1958, 1—2.
[15] «P. K.», 1958, 3.
[16] «T. Sz», 1956, 3.
[17] «Sz», 1957, 1—4; «A. H.», 1958, 1—2 sz.; 3—4 sz.
[18] Ausch S. Az 1945—46 évi infláció s stabilizáció. Bp. 1958.
[19] Szinkovich B. M., Imre M. A falujáró mozgalom dokumentu maiból. 946—1948. «P. K.», 1958, 2.
[20] Gaál. E. Adalékok Szeged felszabadulásának történetéhez; H. Tóth E. Adatok három Csanád megyei nagyközség nemzeti bizottságának történetéhez. «Acta Universitatis Szegediensis». Történelem. I.
[21] «Sz», 1958, 1—4.
[22] «A magyarországi munkásmozgalom». 1848—1917; 1917—1919; 1919—1929; 1929—1939; 1939—1945. Kiadta az MSZMP. KB. Párttörténeti Intézete. Bp. 1957—1958.
[23] См. «Sz», 1956, 4—6.
[24] «P. K.», 1958, 2.
[25] «Sz», 1957, 5—6.
[26] «P. K.», 1958, 1.
[27] Kádár J. Az Októberi Forradalom nemzetközi jelentőségéről. «T. Sz». 1957, 6; Kállai G. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom és a kultura. (Там же.)
[28] Nemes D. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom és a magyar forradalmi erők fejlődése 1917—19—ben. «Sz». 1957,

показали отклики на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в Венгрии [29]. Й. Дьеркеи и А. Йожа осветили почти неизвестные до сих пор страницы из истории борьбы венгерских интернационалистов [30]. Й. Фаркаш проанализировал влияние Великой Октябрьской социалистической революции на венгерских писателей [31].

Опубликовано много документальных материалов о периоде кануна диктатуры пролетариата. Изданы избранные произведения видного деятеля левых социал-демократов Эрвина Сабо [32], до сих пор неизвестная листовка по национальному вопросу [33], записки Илоны Дучинской о предпосылках январской забастовки 1918 года [34]. Истории больших забастовок января и июня 1918 г. посвящены статьи И. Невеле и А. Фехера [35]. Й. Келен описала относящуюся к этому периоду деятельность Галилейского кружка [36]. Д. Милеи опубликовал документы об образовании венгерской группы РКП(б) [37]. Все это пополнил ценнейший том воспоминаний, среди которых есть и воспоминания бывших русских военнопленных о создании партии и первом периоде ее деятельности [38]. Период с 1917 по март 1919 г. освещен в серии «Избранных документов по истории венгерского рабочего движения» [39]. Много новых данных об этом времени содержат воспоминания Д. Хайду [40]. Вопросы культурного развития освещены в недавно вышедшей работе Элека Болгара [41].

Разработке истории первой диктатуры пролетариата в Венгрии в значительной мере способствовало опубликование произведений выдающихся деятелей нашей партии, руководивших революционным движением в 1919 г.: Бела Куна [42], Тибора Самуэли [43], Бела Санто [44], Йене Ландлера [45] и др. Подготовлены биографии Дьюлы Алпари и Йене Ландлера [46]. Интересные данные приводит Л. Рети в сообщении, посвященном Жигмонду Кунфи [47].

Сегодня мы еще не можем в полной мере учесть всю новейшую литературу по истории Венгерской Советской республики. Кроме цитированных докладов и статей, назовем прежде всего работу Ференца Мюнниха «Октябрьская революция и венгерская Красная Армия» [48]. Отдельным томом вышли документы по истории венгерской Красной Армии, снабженные ценнейшей вступительной статьей Э. Липтаи [49]. Обобщающую картину истории Советской республики с важнейшими теоретическими выводами дают упомянутый выше доклад Д. Немеша и доклад Э. Мольнара [50]. А. Мод изучал события революционного периода 1917—1919 годов [51]. Историю первых дней

1—4; его же. Az Októberi Szocialista Forradalom és a magyar nép harca az imperialista háboru és a monarchia ellen. «T. Sz», 1957, 6; Molnár E. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom. «Sz». 1957, 1—4. Mucsi F. Az 1917-es oroszországi februári forradalom hatása Magyarországon. «Sz», 1958, 5—6.

[29] Gábor S. Az oroszországi forradalmi mozgalmak visszhangja a magyar dolgozók hodifoglyokhoz irt leveleiben. «P K.», 1958, 2; Petrák K. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom visszhangja a fövárosi sajtóban. «P K.», 1958, 1.

[30] Györkei J, Józsa A. Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban. Bp. 1957; их же. Adalékok a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban és a Szovjetunió polgárháborujában résztvett magyar internacionalisták történetéhez. 1917—1922. «Hadtörténelmi Közlémények» (в дальнейшем — «H. K.»), 1957, 3—4.

[31] Farkas J. Rohamunk a forradalomba. Bp. 1958; см. также «P K.», 1958, 2.

[32] Szabó E. Válogatott irásai. Bp. 1958.

[33] «Sz», 1957, 5—6.

[34] «Tört. Sz», 1958, 1—2.

[35] «P. K.», 1958, 1—2.

[36] Kelen J. Galillei per a XX. században. Bp. 1957.

[37] «P. K.», 1958, 1. На основе широкого материала Милеи осветил историю создания партии коммунистов Венгрии. См. «P. K», 1958. 4.

[38] «Nagy idők tanui emlékeznek». Révai József bevezetésével. Bp. 1958.

[39] «A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott Dokumentumai. 1917. nov.— 1919. márc». Bp. 1956.

[40] Hajdu G. Harcban elnyomók és megszállók ellen. Emlékezés a pécsi munkásmozgalomra. Pécs. 1947.

[41] Bolgár E. Válogatott tanulmányok. Bp. 1958.

[42] Kun B. A Magyar Tanácsköztársaságról. Válogatott beszédek és irások. Bp. 1958.

[43] Szamuely T. Riadó. Válogatott cikkek és beszédek. Bp. 1957.

[44] «P. K.», 1959, 1.

[45] «P. K.», 1958, 4.

[46] Aranyosi P. Jules Alpári. «A. H.», 1959, 1—2; Gadanecz B. A forradalom vezérkarában. Landler Jenő életéről. Bp. 1959.

[47] «Sz», 1958, 1—4.

[48] См. «H. K.», 1959, 1.

[49] «A Magyar Vörös hadsereg. 1919». Válogatott dokumentumok. Bp. 1959.

[50] Molnár E. Magyar Tanácsköztársaság történelmi jelentősége. «Tört. Sz», 1959, 1—2; его же. Le role historique de la République Hongroise des Conseils. «Tört. Sz», 1959, 3—4.

[51] «Valóság», 1958, 1.

Советской республики на периферии освещает Т. Хайду [52]. Он же показал роль Советов той поры [53] и исследовал некоторые важнейшие вопросы истории Венгерской Советской республики [54]. Проблему союза рабочих и крестьян в тот период анализирует В. Семере [55]. Историю Советской власти за Дунаем исследовала в своих работах Ж. Л. Надь [56]. О совместной борьбе венгерских, чешских и словацких рабочих в 1917—1920 гг. говорит Э. Арато [57]. Много внимания историки уделили исследованию политики Венгерской Советской республики в области культуры. Упомянем труд, который дает представление о начальных связях социалистического движения с прогрессивной интеллигенцией в начале XX столетия и о политике Венгерской Советской республики по школьному вопросу [58]. Под редакцией К. Петрак и Д. Милеи вышел том документов о мероприятиях Советской республики в области культурной политики [59]. Э. Секель осветила подготовку квалифицированных рабочих [60]. Вышли также две статьи об откликах на Венгерскую Советскую республику в Польше [61]. Литература по истории славных событий 1919 г. продолжает расти. Все это дает возможность приступить к написанию обобщающего труда по истории Венгерской Советской республики.

Серьезные результаты достигнуты в исследовании развития капитализма в сельском хозяйстве. Д. Сабад на основе архивного материала одного из поместий показал процесс перехода от феодальной системы к капиталистическому хозяйству и расслоение крестьянства после освобождения от крепостной зависимости [62]. Работа П. Шандора освещает историю аграрного кризиса конца XIX в. и всесторонне анализирует его влияние на крестьянское движение, имевшее многочисленные вспышки в начале 90-х годов [63]. Ю. Пушкаш исследует состояние сельского хозяйства в период первой мировой войны [64]. Большое значение имеют статьи П. Ж. Паха [65]. Поставив перед собой цель исследовать особенности так называемого прусского пути развития капитализма в венгерском сельском хозяйстве, автор прежде всего выясняет общие черты прусского пути и особенности аграрного развития, проявившиеся в отдельных странах (например, в Пруссии и России).

В декабре 1958 г. в Будапеште была проведена научная конференция с участием чехословацких, польских, австрийских и румынских ученых на тему «Развитие капитализма в странах Австро-Венгерской монархии». Рассматривались следующие три проблемы: социально-экономическая структура Австро-Венгерской монархии; характер системы дуализма; рабочее движение и национальный вопрос. Участники конференции дали оценку социально-экономическому развитию отдельных частей многонациональной Австро-Венгерской монархии. Конференция рассмотрела вопрос о положении Венгрии в системе монархии и дружно отвергла господствовавшую прежде в нашей историографии точку зрения, вызывавшую уже на Пражской конференции в 1955 г. критику со стороны историков братских стран. В результате было решено отказаться от термина «полуколониальный период», который ранее применялся для характеристики периода дуализма. В связи с этим был по-

[52] «Sz», 1959, 1.
[53] Hajdu T. Tanácsok Magyarországon 1918—19-ben. Bp. 1958.
[54] Hajdu T. A Magyar Tanácsköztársaság történetének néhány kérdése. «Sz», 1958, 1—4.
[55] «P. K.», 1959, 1.
[56] «Az MTA Történettudományi Intézetének Értesitője», 1956, 1—2; «Tört. Sz.», 1958. 1—2.
[57] «Sz», 1959, 1.
[58] «A szocialista tanitómogalom Magyarországon. 1900—1920». A Tanácsköztársaság iskolapolitikája. Bp. 1958.
[59] «A Magyar Tanácsköztársaság müvelődéspolitikája». Válogatott rendeletek, dokumentumok, cikkek. Bp. 1959.
[60] «Uj tavaszi seregszemle». Szakmunkásnevelés a Magyar Tanácsköztársaságban. Bp. 1959.
[61] St. A. Sochacki. Az 1919-es nagyar proletárforradalom hatása Lengyelország belpolitikai és nemzetközi helyzetére. «P. K.», 1959, 2; Szokolay K. A Magyar Tanácsköztársaság visszhangia a lengvel nép körében. A magyar történészkongresszus 1953. junius 6—13. Bp. Akadémiai Kiadó, 1954.

[62] Szabad G. A tatai és gesztesi Eszterházy-uradalom áttérése a robotrendszerről a tőkés gazdálkodásra. Bp. 1957.
[63] Sándor P. A XIX. századvégi agrárválság Magyarországon. Bp. 1958.
[64] «Tört. Sz.», 1958, 1—2.
[65] Pach P. Zs. A magyarországi és oroszországi «porosz utas» agrárfejlődés egyező és eltérő vonásairól a 19. század második felében. «Közgazdasági Szemle», 1958, 1; ero же. A tőkés földjáradék keletkezése a nyugateurópai agrárfejlődésben. (A tőke III. kötetének 47. fejezetéhez). «Közgazdasági Szemle», 1958. 12; ero же. A földesuri gazdaság «porosz utas» fejlődése Oroszországban a 19. század második felében. «Sz», 1958, 1—4 (на русском языке см. «H. M.», 1959, 1—2).

ставлен вопрос об ответственности венгерских господствующих классов за положение в Австро-Венгерской монархии. В таком подходе проявилась самокритика венгерских историков и результат идеологического роста наших ученых после 1956 года [66]. В этом состоит самый значительный шаг вперед, сделанный Будапештской конференцией.

В двухтомном издании выйдут протоколы общих заседаний совета министров Австро-Венгерской монархии с 1867 по 1918 год. В стадии подготовки к публикации находятся также источники о правительственном кризисе 1905—1907 гг. (под редакцией П. Ханака и А. Вереша).

Несколько работ по истории эпохи дуализма посвящено национальному вопросу, который раньше в достаточной мере не исследовался. Г. Кемень подготовил к публикации труды прогрессивного венгерского политического деятеля Лайоша Мочари, а также второй выпуск документов, разоблачающих политику венгерских господствующих классов, направленную на угнетение других национальностей (1892—1900 гг.) [67]. И. Перени наметил основные этапы истории закарпатских украинцев с 1849 по 1914 год [68]. Работа Л. Катуша посвящена хорватской политике правительства Тисы [69]. В. Шандор исследовал движения угнетенных народов Австро-Венгрии, а также влияние Великой Октябрьской социалистической революции на эти движения в период распада монархии.

После событий 1956 г. мы обратили особое внимание на исследование истории периода контрреволюции (1919—1944 гг.). Первые успехи в ее изучении позволяют нам дать единую марксистскую концепцию этого периода. Сравнительно немногочисленной была продукция, относящаяся к рабочему движению в эти годы. Здесь можно назвать прежде всего несколько ценных публикаций документов (материалы пленума ВКП 1928 г., решение Коммунистической партии и Социал-демократической партии от 10 октября 1944 г. о совместной борьбе против фашизма и о единстве рабочего класса) [70], а также ряд исследований, посвященных истории забастовки против безработицы в январе 1930 г. [71], забастовки железнодорожников в 1933 г. [72], деятельности «Igaz Szó» — газеты венгерских военнопленных, выходившей в Советском Союзе [73]. Интересна статья Д. Ороса и И. Пинтера, показывающая, какими организационными мерами Венгерская компартия стремилась осуществить новые политические задачи, намеченные VII Конгрессом Коминтерна [74]. Много ценного материала содержит сборник воспоминаний, относящийся к истории молодежного рабочего движения этого периода [75]. Некоторыми вопросами международного рабочего движения занимается Я. Йемниц.

Следует отметить, что при написании истории партии мы еще не уделяем достаточного внимания анализу положения рабочего класса. Правда, в трудах, посвященных истории капитализма, данному кругу вопросов отводятся довольно объемистые главы. Но этого явно недостаточно. Среди имеющихся у нас исследований надо упомянуть работы М. Лацко, который, применив метод исторической статистики, проанализировал на основе данных переписей населения происхождение промышленного рабочего класса и источники его роста после 1949 года [76].

Благодаря трудам Д. Мереи, Э. Ледерер, В. Шандора, И. Беренда и Д. Ранки за последнее десятилетие разработана история промышленного развития Венгрии

---

[66] Sándor V. Magyarország függőségének jellege a dualizmus korában. «Tört. Sz», 1958, 1—2. Подробный отчет о конференции см. «Sz», 1959, 5—6

[67] Kemény G. Mocsáry Lajos. Bp. 1950; его же. Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában. II. 1892—1900. Bp. 1957.

[68] «St. H.», 14 sz.

[69] «Sz», 1958, 5—6; 1959, 2—4.

[70] «Részletek a Kommunisták Magyarországi Pártja 1928. juliusi plénumának anyagából». «P. K.», 1958, 3; Korom M. A kommunista párt és a szociáldemokrata párt 1944. okt. 10-i határozata a fasizmus elleni közös harcról és a munkásosztály egységének megteremtéséről. Там же.

[71] Réti L. Az 1930. jan 26.-i munkanélküliség elleni tüntetés. «P. K.», 1957, 3.

[72] Palotás I. A nagyobb darab kenyérért, az emberibb életért. Az 1933. októberi nagy épitőmunkás sztrájk 25. évfordulójára. «P. K.», 1958, 4.

[73] Pintér I. Az «Igaz Szó» — a magyar hadifoglyok lapja a Szovjetunióban. Megjelenésének 15. évfordulójára. «P. K.», 1958, 1.

[74] «P. K.», 1958, 3.

[75] «Vagyunk az ifju gárda». Emlékezések az ifjumunkás mozgalomra. 1900—1944. Bp. 1957.

[76] Lackó M. Adalékok ipari munkásságunk összetételének alakulásához. «T. Sz», 1958, 3; его же. A magyar ipari munkásság összetételének alakulásáról. 1930—1949. «Sz», 1958, 5—6; его же. Adalékok a budapesti munkásság összetételéhez az 1920-as évek végén. Bp. 1958.

790 по 1914 год. Под редакцией и при частии М. Инце издана книга о влиянии ирового экономического кризиса на Вен-рию в 1929—1933 годах [77]. И. Беренд и . Ранки подготовили второй том по исто-ии промышленного развития Венгрии — с 933 по 1944 г., в котором наряду с глав-ейшими тенденциями развития фабрично-аводской промышленности исследуются и отдельные отрасли, а также положение абочего класса [78].

Значительным шагом в изучении поли-ической истории и идеологии этого перио-а были работы Б. Балажа [79]. Главнейшие опросы, касающиеся 1919—1927 гг., полу-или и получат в дальнейшем подробное свещение в издании серии источников под азванием «Документы к истории контрре-олюции». Третий том этой серии подго-овлен Э. Каршаи, вступительная статья — . Немеша. Этот том охватывает период 5 1927 года. Истории внешней политики освящена работа М. Ормош — о вступле-ии Венгрии в Лигу Наций [80].

Известных сдвигов мы добились в ис-ледовании предпосылок второй мировой ойны и участия Венгрии в этих событиях. азовем статьи И. Беренда и Д. Ранки о рманской экономической экспансии и вен-рском военном производстве [81]. В другой аботе Д. Ранки на основе документов ан-лийского и германского министерств ино-ранных дел показал шовинистическую, грессивную политику венгерских господ-вующих классов в период фашистского падения на Чехословакию [82]. Ласло Жиг-онд в своей статье осветил политику Вен-рии в период мюнхенского сговора. Он публиковал также ценнейшие документы предыстории объявления Венгрией войны оветскому Союзу и об оккупации Венгрии ерманией [83]. М. Хорват подготовил к пе-ати том документов, в котором показан азгром Советскими Вооруженными Сила-и II венгерской армии на Дону [84].

Вопросам внутреннего положения Венгрии в последние годы второй мировой войны посвящены две статьи. Автор первой из них, М. Кором, проанализировал правительственную политику в последние годы хортистского режима (1943—1945) и борьбу народных масс под руководством Компартии за создание антифашистского фронта независимости [85]. Однако выдвинутый в статье тезис о революционной ситуации в Венгрии в 1943—1944 гг. оспаривается многими нашими историками. Во второй статье, А. Рожньои, на основе не использовавшихся до сих пор архивных материалов показаны предпосылки событий 15 октября 1944 года [86].

Вышли интересные документы по истории международного положения Венгрии в 1944 году [87]. Близка к завершению книга группы историков (Д. Юхас, Л. Керекеш, М. Адам), которые на протяжении нескольких лет систематически изучают архивные материалы министерства иностранных дел, связанные с участием Венгрии во второй мировой войне. В ходе этой работы был опубликован сборник документов [88].

☆

Если прежде исследование истории феодализма было направлено главным образом на освещение борьбы нашего народа за независимость, отечественных войн и чувствовалось известное отставание в изучении общественно-экономического развития, то теперь этот недостаток постепенно устраняется.

Результаты археологических раскопок, раскрывающие историю Карпатского бассейна до прихода венгров на Дунай, обобщил Э. Ференци [89]. Во многих отношениях новую картину истории венгров IX—XI вв. рисуют статьи Д. Дьерфи [90], использовавшего достижения археологии, языкознания и других наук. Этим же автором составлен сборник источников о вен-

[77] «Az 1929—1933-as világgazdasági válság hatása Magyarországon». Bp. 1955.

[78] Berend I., Ránki G. Magyarország-ráripara a második világháború előtt és há-ru időszakában. (1933—1944). Bp. 1958.

[79] Balázs B. A Horthy-fasizmus társa-lmának és ideologiájának néhány jellemző onása. «MTA. Társ.-tört. Osztály Közle-ényei». 1959, 1.

[80] «Sz», 1957, 1—4.

[81] «Sz», 1957, 5—6; «A. H.», 1958, 3—4.

[82] «Sz», 1959, 1—4.

[83] «A. H.», 1959, 3—4; «Tört. Sz», 1958, —2.

[84] Horváth M. A 2. magyar hadsereg egsemmisülése a Donnál. Bp. 1958.

[85] «P. K.», 1957, I; 1958, I.

[86] «Sz», 1959, 2—6.

[87] «Vádirat a nácizmus ellen». Iratok a magyarországi zsidóüldözés történetéhez. I. Bp. 1958.

[88] «Magyarország és a második világháború». Titkos diplomáciai okmányok a háború előzményeihez és történetéhez. Bp. 1959. Подробнее о работе группы см. «А. Н.», 1958, 3—4.

[89] Ferenczy E. A magyar föld népeinek története a honfoglalásig. Bp. 1958.

[90] «Sz», 1958, 1—6.

грах периода создания отечества [91]. Д. Дьерфи подготовил к печати I том «Исторической географии Венгрии», в котором полностью использован документальный материал периода Арпадов [92]. П. Ваци в дискуссионной статье, написанной на основе обширной литературы, дает картину (она нуждается еще в некоторых уточнениях) истории материальной культуры венгров IX—X веков [93]. Готовится к печати большая работа Э. Ледерер, которая с марксистских позиций рассматривает важнейшие вопросы раннего феодализма Венгрии. Расширились наши познания о социально-экономическом развитии в XV веке. Э. Маюс издал три тома источников, содержащих грамоты периода Сигизмунда; в большой статье им рассмотрен вопрос о складывании права верхнего патроната в Венгрии [94]. В другой его работе проанализирована политика централизации в 1440—1450 годах [95]. Он же готовит к изданию хронику Яноша Туроци. Главные черты централизации периода Матьяша обобщил Л. Элекеш [96]. Э. Х. Балаж составила сборник избранных источников периода короля Матиаса [97]. Л. Надь подготовил публикацию документов по истории восстания Бочкая [98]. Следует отметить вступительные статьи Л. Бенеди и Г. Перйеш к новому изданию военных трудов Миклоша Зрини [99].

Много внимания мы уделяем исследованию освободительной войны под руководством Ракоци. Отдельные работы посвящены биографиям ее видных руководителей [100]. Б. Кепеци опубликовала письма Ракоци [101], освещающие внешнюю политику освободительной войны. И. Перени, К. Бенда и Б. Кепеци продолжают работу по изданию источников, в которых показываются внешнеполитические связи Ракоци с Россией и Францией.

Статья Д. Эмбера о внешней торговле XVI в. освещает первоначальное накопление капитала в Венгрии [102]. Монография Т. Витмана исследует влияние «революции цен» на социально-экономические изменения в европейских странах [103]. Работы Ф. Максшаи [104] и Л. Маккаи [105] посвящены развитию крестьянского и помещичьего хозяйств XVI—XVII веков. И. Берлас рассматривает историю крестьянства Трансильвании в XVIII веке [106]. Два крупных издания источников рассказывают о жизни крестьян этой эпохи: документы помещичьего судопроизводства в XVI—XVIII столетиях и урбарии, определявшие повинности крепостных крестьян [107].

Если в прежние годы наши научные интересы концентрировались на истории революции и освободительной войны 1848—1849 гг., то теперь акцент делается на исследовании кризиса феодализма. В статьях Э. Х. Балаж [108] и Ф. Экхарта [109] изучение этого вопроса доводится вплоть до второй половины XVIII века. Большой интерес представляет публикация важнейших документальных материалов о венгерском якобинском движении 1795 года [110]. Выпущены государственно-правовые и политические документы одного из его руководителей, Хайноци [111]. Эти публикации и ряд статей К. Бенды [112] разоблачили фаль-

---

[91] «A magyarok elődeiről és a honfoglalásról». Kortársak és krónikások hiradásai. Bp. 1958.

[92] См. рецензию на эту работу: «А. Н.», 1959, 1—2

[93] «Sz», 1958, 1—4.

[94] Mályusz E. Zsigmondkori oklevéltár. 2. 1400—1410. 2. rész. 1407—1410. Bp. 1958; его же. Das Konstanzer Konzil und das königliche Patronatsrecht in Ungarn. «St. H.», 18.

[95] «Sz», 1957, 1—6.

[96] Elekes L. Mátyás és kora. Bp. 1956.

[97] Balázs E. Mátyás a kortársak között. Bp. 1957.

[98] «H. K.», 1957, 3—4.

[99] Zrinyi M. Hadtudományi munkái. Bp. 1957.

[100] Baksay Z. Czelder Orbán, a Rákóczi szabadságharc brigadérosa «Sz», 1957, 5—6.; Tóth G. Balogh Ádám kuruc brigadéros. Bp. 1958.

[101] «A. H», 1958, 1—2; Köpeczi B. Rákóczi Ferenc levelei. Bp. 1958.

[102] «MTA Társ.Tört. oszt. Közleményei», 1958. 4.

[103] Wittmann T. Az «árforradalom» és a világpiaci kapcsolatok kezdeti mozzanatai. Bp. 1957.

[104] Maksay F. Parasztság és majorgazdálkodás a XVI. századi Magyarországon. Bp. 1958.

[105] Makkai L. Paraszti és majorsági mezőgazdasági termelés a 17. században. Bp. 1957.

[106] Berlász J. Az erdélyi jobbágyság gazdasági helyzete a 18. században. Bp. 1958.

[107] «Uriszéki iratok». Bp. 1958; «Urbáriumok XVI—XVII. század». Bp. 1959.

[108] «A. H.», 1956, t. III, f. 3.

[109] «Sz», 1956, 1—2.

[110] Benda K. A magyar jakobinusok iratai. II. Magyar Történelmi Társulat 1957; См. также К. Бенда. История венгерского якобинского движения. «А. Н.», 1958, 3—4; 1959, 1—2

[111] «Hajnóczy József közjogi-politikai munkái». Bp. 1958.

[112] См. Benda K. Ujabb adatok a magyar jakobinusok történeténez. «Tört. Sz», 1958. 1—2.

ификации, господствовавшие в буржуазной стериографии. Якобинское движение освещается как движение прогрессивное. Прогрессивную роль мелкого дворянства в тот ериод на примере биографии Гергеля Бервици показывает Э. Х. Балаж в готовящейся сейчас работе. Посмертно изданное исследование Ф. Экхарта освещает на основе документальных материалов венского государственного совета колонизаторскую экономическую политику венского двора в 780—1815 годах [113].

Созревание предпосылок буржуазной революции в сельскохозяйственном производстве исследуют Д. Мереи, Я. Варга и Л. Шпира [114], которые рассматривают конкретное проявление кризиса феодализма в Венгрии. В статье Э. Арато прослеживается политика венгерского господствующего класса по национальному вопросу в десятилетия, предшествовавшие освободительной войне [115]. И. Барта готовит большую работу о дворянском движении периода реформ. О Сечени писал Л. Тилковский [116]. Публикация А. Вереша содержит неизвестную до сих пор ценную рукопись революционного демократа Михаила Танчича [117]. Предпосылки революции освещаются в новом томе полного собрания сочинений Кошута (IV том сообщений сейма) [118].

Истории самой революции 1848—1849 гг. освободительной борьбе посвящено меньше работ. Нужно упомянуть обобщающую статью Д. Шпира [119] и дискуссию, связанную с ней, а также том документов, относящихся к деятельности Кошута в министерстве финансов 1848 г. (под редакцией Л. Шинковича) [120]. В статьях Э. Кова́ча [121] и Я. Варги [122] содержатся новые данные о национальном вопросе периода освободительной борьбы. И. Ревес выяснил происхождение и судьбу манифеста о независимости 1849 года [123]. Статья П. Ж. Паха, построенная на русских архивных материалах, рассматривает заключительный этап освободительного движения и показывает путь Гергея к измене [124]. В работе И. Хайнала охарактеризована внешняя политика правительства Батьяни [125]. В стадии подготовки находится том источников под редакцией Э. Андич, в котором разоблачается контрреволюционная роль венгерской аристократии в 1848—1849 годах. Готовится также другая ее работа, исследующая вопрос об объединенном выступлении венского и петербургского правительств для подавления революции в Венгрии.

Центром исследований по истории городов является Исторический музей в Будапеште. В его издании под редакцией Л. Геревича выходят серийные выпуски [126], которые представляют собой подготовительные материалы для многотомной монографии по истории Будапешта. Отметим также работу Л. Хусара о средневековой чеканке монеты в Буде [127] и новое издание средневековой юридической книги этого города [128]. Интересно исследование вопроса о начале развития венгерских городов [129]. А. Кубини изучает образование слоя служащих центральных учреждений [130]. Э. Фюгеди разрабатывает статистические источники по истории города [131]. И. Сюч написал работу об организации труда на средневековых строительствах [132]. О. Паулини в статье [133], а также в подготавливаемой им большой моно-

---

[113] Eckhart F. A bécsi udvar gazdaságpolitikája Magyarországon 1780—1815. Magyar Történelmi Társulat. Bp. 1958.

[114] «Sz», 1956, 4—6; 1958, 5—6; «Tört. Sz», 1958, 1—2;

[115] «Sz», 1955, 2.

[116] «Valóság», 1959, 1.

[117] «Tört. Sz», 1958, 1—2.

[118] «Országgyülési Tudósitások 4. kötet». Magyar Történelmi Társulat. Bp. 1958. О подробностях издания собрания сочинений Кошута см. «A. H.», 1958, 3—4.

[119] Spira G. A honvédsereg stratégiai ellentámadása és a szabadságharc egységfrontjának felbomlása 1849 tavaszán. «H. Sz.», 1956, 1—2.

[120] «Kossuth Lajos első magyar felelős minisztériumban. 1848. április-szeptember». Bp. 1958.

[121] «H. K.», 1956, 3—4; см. также Kovács E. Magyar — délszláv megbékélési törekvések 1848—49—ben. Bp. 1958.

[122] «Sz», 1958, 1—4.

[123] «St. H.», 15

[124] «Sz», 1957, 1—4.

[125] Hajnal I. A Batthyány kormány külpolitikája. Bp. 1957.

[126] «Tanulmányok Budapest multjából»; «Budapest régiségei».

[127] Huszár L. A budai pénzverés története a középkorban. Bp. 1958.

[128] «Das Ofner Stadtrecht». Hrsg. von Mollay Károly. Bp. 1959.

[129] Székely G. A pannóniai települések kontinuitásának kérdése és a hazai városfejlődés kezdetei. «Tanulmányok Budapest multjából». XII. Bp. 1957.

[130] Kubinyi A. A kincstári személyzet a 15. század második felében. «Tanulmányok Budapest multjából». XII.

[131] Fügedi E. Középkori várostörténetünk statisztikai forrásai. «Történetstatisztikai Közlemények», 1957, 1—4.

[132] Szücs J. A középkori építészet munkaszervezetének kérdéséhez. «Budapest régiségei». 18. Bp. 1958.

[133] «Tört. Sz», 1958, 3—4.

графии прослеживает создание горных городов в Гарамском крае.

В последние годы началось изучение истории материальной культуры Венгрии. Первые результаты этой работы освещены в специальном номере журнала «Történelmi Szemle» (1958. 3—4). Здесь помещены статьи А. Баргы о кузнечном мастерстве периода IX—X вв., В. Эндреи о технике текстильной промышленности в средневековье. Э. Вереш написала статью о составе крепостной семьи в XVII в., Г. Хекенаст — об источниках по истории металлургической промышленности в XVIII веке.

Исследование феодального периода не свободно от недостатков. Если мы и согласны с главным направлением в этой деятельности, то не можем, например, закрывать глаза на то, что в области изучения истории невенгерских народов до 1790 г. сделано крайне мало, а это осложняет решение других важнейших проблем.

Чехословацкие историки уже обращали наше внимание на то, что мы, по их мнению, до некоторой степени идеализируем дворянских руководителей движения за независимость в XVI—XVII вв., рассматриваем эту борьбу в недостаточно тесной связи с развитием невенгерских народов нашей страны. Эти замечания, а еще более опыт 1956 г. показали нам, что прежде всего необходимо пересмотреть вопрос о связи между независимостью и общественным прогрессом. Было установлено, что при оценке венгерской истории XVI—XVII вв. главный упор надо делать на проблемы общественного развития, внимательнее прослеживать развитие невенгерских народов страны и связи между ними. При этом, очевидно, следует пересмотреть одно из прежних высказываний Э. Мольнара, считавшего, что в этот период централизация должна была осуществляться в более широких масштабах. Надо учитывать, как нам кажется, и то, что Венгрия рисковала тогда своей политической и экономической независимостью, то есть, ища спасения под эгидой Габсбургов, она в то же время ставила на карту свою свободу. Следовательно, историю этого периода нужно изучать сызнова, строго придерживаясь метода исторического материализма, заново исследуя все источники.

Важное место в венгерской историографии занимают работы, освещающие совместные прогрессивные традиции нашего и соседних народов Результаты предыдущих исследований венгеро-русских исторических связей Институт истории подытожил в сборнике статей в 1956 году [134]. В ближайшем будущем выйдет в свет большое издание документов о дипломатических связях Петра I и Ференца Ракоци II. На страницах журнала «Szásadok» (1957, 1—4; 1958, 1—4) велась длительная дискуссия о деятельности ученого-юриста Михаила Балугьянского в Венгрии и России. Недавно И. Долманьош опубликовал книгу о русско-венгерских культурных контактах в эпоху дуализма [135]. Имеется большая литература о революционных традициях двух народов в 1917—1919 годах.

Из работ по истории венгеро-чешских связей следует упомянуть статью Д. Секели, исследующую гуситское движение и отклики на него в Венгрии [136]. Польско-венгерские связи изучаются Э. Ковачем, который после нескольких частных статей выпустил обобщающую работу [137]. Вышла биография румынского революционера-демократа Н. Бэлческу, написанная З. И. Тотом [138]. Венгеро-румынским связям, главным образом новейшего периода, посвящена работа Д. Чатари [139]. В статье Л. Лукача приводятся интересные данные о связях Кошута и Гарибальди в 1860—1861 годах [140].

★

В противовес старым представлениям, будто в Венгрии нет условий для разработки всеобщей истории, важно отметить, что этот раздел венгерской историографии неуклонно продолжает развиваться. П. Вади исследует историю фландрской текстильной промышленности в XIII—XIV столетиях [141]. Много интересных материалов о начальном развитии итальянского капитализма содержится в томе статей о Ренессансе [142]. Э. Нидерхаузер в большой моногра-

---

[134] «Magyar-orosz történelmi kapcsolatok». Bp. 1956; см. также Niederhauser E. Geschichtswissenschaftliche Arbeiten in Ungarn über die Beziehungen zu den slavischen Völker. «Studia Slavica», 1956, 1—4.

[135] Dolmányos I. Költők barátságától népek testvériségéig. Bp. 1959.

[136] «Sz», 1956, 3—6.

[137] Kovács E. A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon. Bp. 1959.

[138] Tóth Z. I. Balcescu Miklós élete (1819—1852). Bp. 1958.

[139] Csatáry D. Román-magyar kapcsolatok. Történelmi vázlat. Bp. 1958.

[140] «Sz», 1958, 1—4.

[141] Váczy P. A szövőipar technikai és szervezeti átalakulása Flandriában a 11—13. században. «Az Eötvös Lóránd Tudomány Egyetem Évkönyve». I. kötet. 1957.

[142] «Renaissance tanulmányok». Bp. 1957.

ии и ряде статей, применяя сравнитель-ый метод, исследует процесс освобожде-ия крепостных крестьян в Восточной вропе [143]. Историю чартизма изучает . Х. Харасти. Л. Жигмонд в серии статей, редшествующих большой работе, просле-ивает возрождение немецкого империа-изма в 1918—1923 годах [144]. Большое зна-ение имеет новая книга Э. Мольнара [145], которой анализируются некоторые эконо-ические проблемы современного капита-изма. Ее центральная глава посвящена бщим экономическим законам капитализ-а. На основе широкого материала автор арактеризует развитие английского и аме-иканского капитализма за последние сто ет, процесс первоначального накопления апитала, техническое развитие, развитие роизводства и внешней торговли. В книге сследуются также кризисы перепроизвод-тва, положение рабочего класса в Англии Соединенных Штатах, проблема абсолют-ого обнищания.

Крупный недостаток нашего прошлого — тставание в изучении истории культуры. еперь в этой области мы можем конста-ировать известный прогресс. Л. Маккаи оказал взгляды венгерских пуритан на нглийскую революцию [146]. Л. Матраи ос-етил борьбу прогрессивных и реакцион-ых течений в венгерской философии VII века [147]. Широкая литература посвя-ена Я. Коменскому [148]. И. Бан написал иографию мыслителя-картезианца Яноша пацаи Чере [149]. О. Шашхедьи исследовал опрос о цензуре просвещенного абсолю-изма в период Иосифа II [150]. И. Ревес про-ледил взгляды Ламеннэ — прогрессивного атолического мыслителя кануна революции 1848—1849 годов [151].

★

В чрезвычайно запущенном состоянии на-одилась в прошлом наша историография. По инициативе исторического общества у нас была создана группа по изучению исто-рии исторической науки [152]. Прежде всего мы начали с критики шовинистических и националистических извращений в историо-графии периода контрреволюции. Особенно важна критика исторических работ Дьюлы Секфю [153]. Монография А. Варкони о тру-дах историка прошлого века Калмана Та-ли [154] остро критикует националистическую историографию конца XIX века. Изучались также труды историков начала XIX в. Бе-недека Вирага и Иштвана Хорвата. П. Гунст подготовил биографию виднейше-го исследователя конца прошлого века Игнаца Ачади. Статья Л. Маркуша дает ответ на вопрос о том, какое влияние ока-зало знакомство с ленинизмом на истори-ческие взгляды социал-демократов в период Венгерской Советской республики. Ряд то-варищей, прежде всего Ж. Л. Надь и А. Шиклош, занимаются историографией Советской республики. Все эти работы, по существу, лишь предварительные исследова-ния, которые позволят в будущем создать обобщающие труды по истории венгерской исторической науки новейшего периода.

Упомянем и о библиографических рабо-тах. Некоторое время тому назад вышла в свет трехтомная библиография наших исторических исследований с 1825 по 1867 год. Сейчас выходит та часть библио-графии, которая относится к истории на-циональных меньшинств. На стадии редак-тирования находится еще одна часть, охва-тывающая период с 1867 по 1919 год. Наконец, в значительной мере продвинулся вперед сбор материалов для раздела, от-носящегося к периоду с 1919 по 1945 год. К XI Международному конгрессу истори-ков, который состоится в этом году, Инсти-тут истории выпустит аннотированную би-блиографию избранных исторических работ, вышедших в 1945—1958 годах.

★

Необходимо кратко остановиться на важ-нейших задачах, которые нашей историче-ской науке предстоит решить в самом бли-жайшем будущем. Успехи в исследователь-

[143] См. «Tört. Sz», 1958, 1—2.

[144] «Az MTA Történettudományi Intézeté-ek Értesitője», 1956, 1—2; «Sz», 1957, 1—4; A. H.», 1958, 1—2.

[145] Molnár E. A jelenkori kapitalizmus éhány gazdasági problémája. Bp. 1959.

[146] «A. H.», 1958, 1—2.

[147] «Sz», 1957, 1—4.

[148] О новейшей литературе, посвященной . Коменскому см. Kovács E. A magya-orzági Comenius kutatás ujabb eredmé-yei. «Sz», 1958, 5—6.

[149] Bán I. Apáczai Csere János. Bp. 958.

[150] «St. H.», 16; «Sz», 1958, 1—4.

[151] «St. H.», 15.

[152] О работах по историографии см. «A. H.», 1958, 3—4.

[153] Szigeti J. A magyar szellemtörténet birálatához. «Magyar Filozófiai Szemle», 1958, 2—4; Mérei G. Szekfü Gyula történetirásának birálatához. «T. Sz», 1959, 7.

[154] Отчет об обсуждении монографии см. «Tört. Sz», 1958, 1—2.

ской деятельности определяются большой помощью культурному фронту, в том числе и работникам исторической науки, которую нам оказывает Венгерская социалистическая рабочая партия. Согласно духу ее решений, нашей исторической науке необходимо вести борьбу за последовательное проведение в жизнь принципов партийности и исторического материализма: с одной стороны, против субъективистского волюнтаризма и догматизма, с другой — против возросших под влиянием ревизионизма и ныне представляющих существенную опасность буржуазного объективизма и националистических течений. Важнейшими проблемами являются преодоление буржуазного объективизма, борьба со старыми буржуазными школами, позитивизмом и антиисторизмом.

Чтобы достигнуть всех этих целей, необходимо прежде всего поднять теоретический уровень наших исследований. В планах на будущий год у нас фигурирует несколько трудов, связанных с центральными проблемами венгерской истории, которые поднимают существенные теоретические вопросы. Повышению теоретического уровня будут способствовать тесные связи с исторической наукой Советского Союза и социалистических стран; эти связи и прежде оказывали плодотворное влияние на развитие нашей науки.

Нужно улучшить и работу в области планирования, которое отстает от развития исторической науки. Необходимо ликвидировать распыленность в деятельности историков и в центр их внимания последовательно ставить важнейшие задачи.

Нам предстоит в более быстром темпе разрабатывать историю венгерского народа в период с 1945 года. Нужно достичь того, чтобы в самое ближайшее время основными вопросами истории этого времени занималось большое число идеологически хорошо подготовленных, квалифицированных ученых. Исследования ждут такие вопросы, как значение демократических преобразований, социалистическое преобразование промышленности и сельского хозяйства, история нашей культурной революции, борьба трудящихся под руководством Венгерской социалистической рабочей партии за победу социализма в Венгрии.

И в будущем большое внимание мы будем уделять исследованию истории периода контрреволюции. Здесь главная задача — преодолеть идеологические последствия контрреволюции, вести последовательную, всестороннюю, свободную от схематизма критику контрреволюционной идеологии. Кроме того, необходимо разработать экономическую и аграрную историю всего контрреволюционного этапа, а также продолжать исследования, относящиеся к истории Венгрии периода второй мировой войны.

При изучении революции 1917—1919 гг. наряду с освещением частных вопросов необходимо стремиться к научному обобщению основных проблем этого времени, и особенно истории Советской республики.

Мы будем и дальше изучать историю рабочего класса, покажем процесс его формирования, а также историю профсоюзного движения; будет продолжено изучение связей с международным рабочим движением и в монографическом плане разработан вопрос о положении рабочего класса.

Важнейшей проблемой экономической истории является развитие капитализма в сельском хозяйстве Венгрии по так называемому прусскому пути. Дальнейшие исследования положения Венгрии в составе Австро-Венгерской монархии также займут определенное место. Однако для этого необходима более интенсивная разработка истории отдельных национальностей. Нам нужно сделать шаг вперед в исследовании политической истории 1907—1917 гг., особенно истории первой мировой войны.

В исследовании периода феодализма и в дальнейшем центральной задачей будет изучение развития производительных сил. Ждут изучения следующие серьезные вопросы: процесс создания наций в период образования капитализма, развитие промышленного капитализма, этапы цеховой промышленности, работавшей на рынок, и развитие ранней мануфактуры.

В ближайшие годы нужно подготовить условия для создания обобщающего труда по венгеро-русским и венгеро-советским связям, а также обобщающих работ, показывающих прогрессивные связи с братскими соседними странами

В области всеобщей истории необходимо изучать внутреннее развитие зарубежных стран. В этом направлении мы уже сделали первые шаги; нет сомнения, что в дальнейшем наши историки расширят кругозор и изживут так называемые венгероцентристские взгляды; в то же время это будет способствовать более глубокому освещению

общих и специфических черт венгерской истории.

В области изучения истории культуры дальнейшим работам должна предшествовать основательная разработка теоретических и методических вопросов.

Особенно большие задачи стоят в области историографии. Здесь намечаются два направления. С одной стороны, составление обобщающего обзора венгерской историографии 1790—1945 годов. При этом мы должны показать развитие венгерской марксистской историографии. С другой стороны, нужно постоянно разоблачать фальсификацию истории в буржуазной историографии. Нам надо быть более бдительными и активными, чем раньше.

★

В Венгерской Народной Республике обеспечены огромные возможности для развития науки. Пользуясь этими возможностями, нам нужно стремиться к тому, чтобы на основе марксистско-ленинского мировоззрения глубоко исследовать борьбу нашего народа за общественный прогресс и национальную независимость, за построение социалистического общества. Наш труд послужит развитию социалистического сознания и патриотизма венгерского народа. Этой цели марксистская историческая наука в Венгрии служила на протяжении почти 15 прошлых лет, ей мы будем служить и в последующие годы.

Эрвин Памлени

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 15-летию ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

16—17 декабря 1959 г. в Варшаве состоялась научная сессия, посвященная 15-летию народной республики, созванная Польской Академией наук. Открывая сессию, президент академии проф. Т. Котарбиньский призвал историков уделить больше внимания изучению новейшей истории, особенно такого важного в развитии Польши периода, как 1944—1959 годы.

С приветствием от советских историков обратился к участникам сессии заместитель директора Института славяноведения АН СССР И. А. Хренов. Он сказал, что Институт славяноведения АН СССР совместно с соответствующими учреждениями ПАН ведет в настоящее время работу над сборником материалов о польском восстании 1863 года. Советские ученые включились также в работу над сборником документов и материалов о польско-советских отношениях.

Доклад о состоянии и перспективах научных исследований по истории Польской Народной Республики сделал на сессии проф. Ст. Арнольд. Он отметил, что среди опубликованных в последние годы исследований имеется мало работ по проблемам новейшего времени. Между тем зарубежная буржуазная историография всячески искажает новейшую историю Польши. В этих условиях объективный анализ событий последних десятилетий приобретает громадное политическое значение. Ст. Арнольд призвал польских историков глубоко и всесторонне изучать перемены, происшедшие в народной Польше за последние 15 лет.

Далее докладчик коснулся успехов научных коллективов Института истории партии при ЦК ПОРП и Высшей школы общественных наук в области изучения рабочего движения. Важные исследования по истории вооруженной борьбы польского народа в годы второй мировой войны проводит Военный исторический институт. Ст. Арнольд остановился также на работе исторической комиссии Объединенной крестьянской партии, Западного института в Познани, Силезского института в Ополе и др.

В заключение докладчик сформулировал следующие основные задачи польской исторической науки: 1) переход к изучению современности; 2) выработка новых методов подготовки научных кадров для проведения широких исследований по проблемам современности; 3) составление в рамках перспективного и пятилетнего планов развития науки подробного плана научных исследований по вопросам развития народной Польши как в учреждениях

ПАН, так и на университетских кафедрах; 4) развертывание комплексных исследований, охватывающих проблематику различных отраслей науки

Доклад Ю. Ковальского и В. Гуры о создании и укреплении народно-демократического государства в Польше в 1944—1946 гг. был прочитан на сессии заместителем директора Института истории партии при ЦК ПОРП проф. Ю. Ковальским. Участники сессии заслушали доклад проф. К. Пиварского «Возвращение Польши на западные земли».

С докладом «15-летие техники в народной Польше» выступил проф. И. Малецкий. Докладчик высказался за широкое исследование истории и современного состояния экономики и техники народной Польши.

Затем сессия продолжила работу в трех секциях (политической истории, хозяйственных и общественных проблем, истории техники). Руководители секций — профессора Ст. Арнольд, Б. Минц и Е. Ольшевский — сообщили на пленарном заседании о результатах деятельности секций.

Научная сессия, посвященная 15-летию Польской Народной Республики, вызвала большой интерес у общественности страны.

И. В. Созин

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ГДР В БЕРЛИНЕ

В Берлине в декабре 1959 г. состоялась научная конференция, посвященная теме «Германский империализм и вторая мировая война».

Подлинно научное освещение истории второй мировой войны и в частности той роли, какую играл германский империализм, развязавший эту самую кровопролитную войну в истории человечества, является актуальной задачей марксистских историков. Правда о второй мировой войне — важное оружие в борьбе народов за обеспечение прочного мира и ликвидацию международной напряженности. Разработка истории второй мировой войны непосредственно перекликается с наиболее злободневными политическими вопросами современности и в первую очередь с борьбой за обуздание агрессивных сил западногерманского империализма и милитаризма, выступающих ярыми и упорными противниками международного взаимопонимания и ликвидации остатков войны.

Книжные рынки Западной Германии, а также США, Англии, Франции и других капиталистических стран наводнены различными изданиями о второй мировой войне, в которых ее история искажена и зачастую сознательно и грубо фальсифицирована. Задача марксистских историков, в особенности советских и немецких, состоит в том, чтобы противопоставить историческую правду подобным фальсификациям.

Комиссия историков СССР и ГДР взялась за выполнение этой ответственной задачи, направив внимание исторической науки СССР и ГДР на изучение проблем второй мировой войны, чему способствовали результаты работы Лейпцигской научной сессии, проходившей в ноябре 1957 года [1]. На сессии подробно обсуждался вопрос об основных направлениях реакционной историографии о второй мировой войне [2]. Результаты работы данной конференции особенно наглядно свидетельствуют о заметном сдвиге в изучении истории второй мировой войны. Ее созыв представляет собой важное событие в международной научной жизни 1959 года [3].

О большом научном и политическом значении конференции говорилось в приветствии ЦК СЕПГ [4], оглашенном на ее первом заседании. С приветствиями на конфе-

[1] См. отчет о сессии в журнале «Вопросы истории», 1958, № 1.

[2] См. «Проблемы истории второй мировой войны». М. 1959.

[3] В конференции участвовали ученые из 21 страны: Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Испании, Италии, МНР, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, Финляндии, ФРГ, Чехословакии, Швеции и Японии. Кроме того, на конференции присутствовали представители посольств и миссий ДРВ, КНР, КНДР и Югославии.

[4] «Neues Deutschland», 15 декабря 1959 года.

ции выступили также президент Народ-
палаты ГДР И. Дикман, статс-секре-
ь по делам высшего и специального обра-
ания В. Гирнус, президент Германской
демии наук в Берлине В. Хартке и
дседатель президиума Германского об-
тва историков Э. Энгельберг.

На пленарных заседаниях было заслуша-
восемь докладов, в которых освещались
личные аспекты проблемы «Германский
ериализм и вторая мировая война».

Заместитель директора Института мар-
зма-ленинизма при ЦК КПСС Е. А.
олтин в докладе «О характере второй
ровой войны» [5] остановился на итогах
скуссии по этому вопросу, проходившей
Советском Союзе. Вторая мировая война
зникла в результате конфликта двух им-
риалистических группировок и в первой
зе с обеих сторон носила несправедли-
й, захватнический характер. Под влия-
ем роста антифашистской борьбы народ-
х масс начиная с лета — осени 1940 г.
я стран, противостоявших гитлеровской
рмании, война постепенно стала приобре-
ть справедливый, освободительный ха-
ктер. В полной мере освободительный ха-
ктер второй мировой войны начал прояв-
ться с лета 1941 г., после того, как Со-
тский Союз вынужден был вступить в
йну вследствие нападения на него гитле-
вской Германии. Тогда СССР стал основ-
й силой в борьбе народов и государств
ротив фашистской Германии и ее союзни-
в, а советско-германский фронт превра-
лся в решающий театр военных действий.
этого времени война для всей антигитле-
вской коалиции окончательно приобрела
тифашистский, справедливый и освободи-
льный характер. Для фашистской Герма-
и война на всем протяжении носила импе-
алистический, захватнический характер.

Л. Штерн (ГДР) выступил с докладом
акономерность и историческая обуслов-
нность поражения германского империа-
зма в двух мировых войнах». Буржуаз-
я историография, заметил он, отрицает
только закономерность, но даже и суще-
вование объективных причин поражения
рманского империализма как в первой,
к и во второй мировых войнах. На самом
е деле не случайности или ошибки отдель-
х политических и военных деятелей ре-
или исход войны. Германский империа-
зм выступил в первой и в особенности
во второй мировой войне с авантюристиче-
ской программой завоевания мирового гос-
подства, встретившей отпор со стороны на-
родов стран, обладавших гораздо большим
военно-экономическим потенциалом. Во вто-
рой мировой войне ясно сказалось действие
основной закономерности нашей эпохи:
превосходство социализма над капитализ-
мом. Именно потому, что решающей силой
антигитлеровской коалиции явился Совет-
ский Союз, поражение германского импе-
риализма во второй мировой войне было
столь сокрушительным. Военная доктрина
германского милитаризма, в основу кото-
рой был положен расчет на «блицкриг» и
другие авантюристические планы, недооце-
нивала значение постоянно действующих
факторов войны. В настоящее время запад-
ногерманский империализм снова вынаши-
вает преступные замыслы развязывания
войны, строящиеся, в сущности, на том же
авантюризме, который дважды привел гер-
манский народ к национальной катастрофе.

Генерал-майор Н. Г. Павленко
(СССР) в своем докладе показал, что глав-
ную роль в деле разгрома фашистской Гер-
мании во второй мировой войне сыграл Со-
ветский Союз [6].

Как утверждает реакционная буржуазная
историография, Советская Армия победила
будто потому, что обладала многократным
перевесом в численности войск. В действи-
тельности победа Советских Вооруженных
Сил язилась результатом превосходства со-
циалистического общественного и полити-
ческого строя над капиталистическим.

Генерал-лейтенант бывшей германской
армии И. Цуккерторт (ГДР) выступил
с докладом «Германский милитаризм и ле-
генда о «превентивной войне» гитлеровской
Германии против Советского Союза». Вер-
сия о якобы существовавшей опасности
нападения СССР на Германию распростра-
нялась германскими милитаристами в
1941 г. лишь для того, чтобы оправдать фа-
шистскую агрессию. Ныне милитаристские
круги Западной Германии снова подогре-
вают старую фашистскую ложь, чтобы этим
способствовать созданию антикоммунисти-
ческого психоза и оправдать подготовку
атомной войны против ГДР и других со-
циалистических стран.

А. С. Ерусалимский (СССР) оста-
новился на идеологии германского импери-
ализма, раскрыв преемственность в этом

[5] Основные положения доклада Е. А. Бол-
на изложены в его статье в журнале
опросы истории КПСС», 1959, № 4.

[6] Доклад Н. Г. Павленко опубликован в
«Военно-историческом журнале», 1960, № 1.

вопросе кайзеровской, веймарской, гитлеровской и аденауэровской Германии. Изменились формы, кое в чем и методы, но основное содержание идеологии германского империализма — проповедь войны — осталось прежним.

Возрождение германского империализма и милитаризма после второй мировой войны в Западной Германии сопровождалось воскрешением здесь его идеологии. На смену обанкротившейся фашистской демагогии выдвигаются клерикализм и космополитизм. Ныне идеология западногерманского империализма представляет собой мешанину старых идей фашизма и политического клерикализма.

Директор Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Л. Эйнике сделал доклад на тему «Антифашистское движение Сопротивления и освободительная борьба народов как один из важнейших факторов поражения германского империализма во второй мировой войне». Народные массы стран антигитлеровской коалиции и всех стран, временно оккупированных фашистскими захватчиками, показал он, приняли активное участие в борьбе за освобождение человечества от угрозы фашистского порабощения. Самыми последовательными в этой борьбе во всех странах были коммунистические партии. Антифашистское движение Сопротивления явилось составной частью освободительной борьбы народов стран антигитлеровской коалиции, решающей силой в которой был Советский Союз.

С докладом «Всемирно-исторические итоги победы свободолюбивых народов над германским империализмом во второй мировой войне» выступил Д. Е. Мельников (СССР).

С. Дернберг (ГДР) осветил тему «Германская Демократическая Республика — оплот борьбы против германского империализма и милитаризма».

На пленарных заседаниях был заслушан ряд сообщений. Х. Галан (Испания) остановился на проблеме антифашистской освободительной войны испанского народа 1936—1939 гг., являвшейся одним из важнейших событий кануна второй мировой войны. Генерал-майор С. Окенский (Польша) обрисовал узловые проблемы антифашистской освободительной борьбы польского народа и раскрыл ее значение для победы народно-демократического строя в Польше. К. Фассбиндер (ФРГ) рассказала о попытках искажения антифашистской борьбы, предпринимаемых особенно в школах Западной Германии, и [illegible]ратила внимание на необходимость изв[illegible]чения правильных уроков из истории в[illegible]рой мировой войны. Вместе с тем в св[illegible] сообщении она пыталась преуменьш[illegible] опасность, исходящую в настоящее вре[illegible] от правящих кругов ФРГ, и представ[illegible] послевоенное развитие Западной Герма[illegible] таким образом, что ответственность за [illegible] милитаризацию якобы несут только зап[illegible]ные державы, а не германский империал[illegible] и руководство партии Аденауэра.

Э. Раджионери (Италия) останов[illegible]ся на политике создания широкого сою[illegible] рабочего класса с другими классами и [illegible]циальными слоями и значении этого сою[illegible] в антифашистской борьбе. Е. Л. Хмел[illegible]ницкая (СССР) осветила проблемы р[illegible]вития государственно-монополистическо[illegible] капитализма в Германии в период втор[illegible] мировой войны. Г. Кеншерпер (ГДР) [illegible] своем сообщении раскрыл пагубную, антин[illegible]циональную роль руководящих реакцио[illegible]ных церковных кругов Западной Германи[illegible] принимающих активное участие в идеол[illegible]гической подготовке новой войны герма[illegible]ским империализмом. Л. Н. Смирно[illegible] (СССР) проанализировал значение Нюр[illegible]бергского процесса над главными военным[illegible] преступниками фашистской Германии. Бы[illegible]ший полковник германской арми[illegible] Л. Штейдле (ГДР) познакомил собра[illegible]шихся с деятельностью Национального ко[illegible]митета «Свободная Германия» в перио[illegible] второй мировой войны. Интересные сообщ[illegible]ния сделали на пленарных заседаниях та[illegible]же О. Ржига (Чехословакия), Э. Ро[illegible]штейн (Великобритания), генерал-пол[illegible]ковник И. Кинов (Болгария) и П. Цис[illegible]сис (Греция).

Основная часть сообщений была заслу[illegible]шана в четырех секциях, где выступил[illegible] 172 ученых.

В первой секции обсуждалась тема «Под[illegible]готовка германским империализмом второй мировой войны». В сообщениях Г. Ра[illegible]дандта (ГДР), В. Шумана (ГДР) Г. Людемана (ГДР) и других была рас[illegible]крыта роль германских монополий в деле активной подготовки и развязывания войны. Г. Ф. Заставенко (СССР), П. А. Жилин (СССР) и К. Шюцле (ГДР) рассказали о деятельности руководства рейхсвера и генерального штаба, сознательно готовивших новую агрессивную войну. О внешнеполитических акциях, способствовавших развязыванию войны, и о позиции различных государств по отношению к дей-

ям германского империализма нака-
е войны говорили в своих сообщениях
Оберман (ГДР), А. В. Березкин
СР), Т. Влахов (Болгария),
Мартинмэки (Финляндия), А. Тей-
а (Чехословакия) и другие. А. Ан-
ле (ГДР), И. Пецольд (ГДР),
Фальта (Чехословакия) и другие
тили идеологическую подготовку войны
стороны германского империализма.
ьба СССР за мир в предвоенные годы
а показана в сообщении И. К. Кобля-
за (СССР). С сообщениями о борьбе
грессивных сил немецкого народа во гла-
КПГ против фашистской политики раз-
ывания войны выступили Э. Лабоор
ДР), Л. Бертольд (ГДР) и другие.
торая секция сосредоточила свое вни-
ие на проблеме «Германский империа-
м во время второй мировой войны и его
нное, экономическое и морально-полити-
кое поражение». О развертывании военных действий и решающих, поворотных моментах второй мировой войны выступили Г. Павленко (СССР), О. Корфес (ГДР), Э. Шгенцель (ГДР), М. Малиновский (Польша), Ф. И. Тамонов (СССР), Вицлебен (ГДР), М. Хорват (Венгрия) и другие. Вопросам военно-экономического ведения войны и поражения германского империализма посвятили свои сообщения Е. Л. Хмельницкая, Энгельберг, И. Рахмут (Румыния). Э. Винтер (ГДР) раскрыл связи Ватикана с германским империализмом в период второй мировой войны. О влиянии побед Советской Армии на морально-политическое состояние в фашистской Германии говорили в своих сообщениях Д. Е. Мельников и К. Попёлек (Польша).

На третьей секции обсуждалась тема «Внутренняя и оккупационная политика германского империализма и антифашистское движение Сопротивления в Германии на оккупированных территориях». С сообщениями об оккупационной политике германского империализма и ответственности монополистического капитала за зверства фашистов выступили В. Кёллер (ГДР), Зебер (ГДР), К. Дробиш (ГДР), Каминский (Польша), К. Попёлек (Польша) и другие. К. Квast (ГДР), Л. Роггенбук (ГДР), Бишофф (ГДР), Л. Е. Кизя (Украинская ССР), И. С. Кравченко (Белорусская ССР), Н. Горненский (Болгария), Ф. Ферри (Италия), Константинеску-Яшь (Румыния), П. Мавроматис (Греция), И. Зота (Албания), П. Борх и А. Иенсен (Дания), генерал-майор Я. Кучера (Чехословакия), Б. Кобучевский (Польша), Я. Дебрувер (Бельгия), К. Фассбиндер (ФРГ), В. Марков (ГДР) и другие значительное внимание уделили обсуждению проблем антифашистского движения Сопротивления в Германии и освободительной борьбе народов, порабощенных фашистскими захватчиками. Они привели много новых интересных фактов, свидетельствующих о том большом размахе, которого достигло антифашистское движение в годы войны в разных странах. Э. Цорн (ГДР), Е. А. Бродский (СССР) и С. Окенский (Польша) в своих сообщениях осветили сотрудничество немецких, советских, польских и французских антифашистов в борьбе против гитлеризма. Н. И. Саморуков (СССР) проанализировал тактику антифашистской борьбы, разработанную Коммунистическим Интернационалом, и политику социал-демократических партий.

Темой дискуссии в четвертой секции явилась проблема «Итоги и последствия разгрома германского империализма во второй мировой войне». В центре обсуждения находились такие вопросы, как создание единства рабочего класса в Германии, проблемы антифашистско-демократического этапа революции в Восточной Германии и срыв денацификации и демократизации в западных зонах, становление истинного гуманизма и новой прогрессивной культуры в ГДР и процесс культурного упадка в Западной Германии, рост международного авторитета ГДР и развитие ее миролюбивой внешней политики, ремилитаризация и фашизация Западной Германии.

В сообщениях А. Шнейдарека (Чехословакия), Г. Вунш (ГДР), Б. Спиру (ГДР) и других были разоблачены действия и методы западногерманских реваншистов и их различных организаций.

На заключительном пленарном заседании конференции были заслушаны итоговые сообщения о работе секций.

Участники конференции единогласно приняли заявление, в котором выразили свое одобрение действиям правительств Советского Союза, Германской Демократической Республики и других социалистических стран, а также миролюбивых сил во всем мире, направленным на ликвидацию международной напряженности и остатков второй мировой войны.

Правительство Германской Демократической Республики устроило прием для участников конференции, на котором выступил первый секретарь ЦК СЕПГ, первый заместитель председателя Совета Министров ГДР Вальтер Ульбрихт, отметивший большое значение конференции в борьбе за дело мира, против происков реваншистских сил в Западной Германии и прочих поджигателей войны.

После окончания конференции Комиссия историков ГДР и СССР на специальном заседании приняла постановление, в котором подчеркивалось научное и политическое значение конференции.

Комиссия историков ГДР и СССР отметила также и ряд недостатков, имевшихся при подготовке и проведении конференции. Так, некоторые доклады, и особенно сообщений, страдали расплывчатостью носили в большей или меньшей степени щий характер. Организаторам конферен не удалось также обеспечить заранее ее участников текстами основных докла

По решению немецкой секции Комис материалы конференции будут издан пяти томах. В Советском Союзе тан готовится сокращенное издание материа конференции. Важнейшие материалы ференции предполагается опубликовать научных журналах, а также в серии циальных брошюр, выпуск которых на чается к пятнадцатой годовщине (1960 г.) освобождения немецкого наро Советской Армией от фашистского ига.

С. Дернбе

СЪЕЗД ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ

В сентябре 1959 г. в Праге состоялся III съезд чехословацких историков, который явился большим событием в общественно-политической и культурной жизни страны. На съезде обсуждались важнейшие вопросы современного состояния исторической науки и ее задачи в период завершения строительства социализма в Чехословакии.

Делегатами съезда были члены Чехословацкого исторического общества при Чехословацкой Академии наук (ЧАН), сотрудники научных учреждений, руководители кафедр университетов и других высших учебных заведений, преподаватели, работники архивов, исторических музеев, печати.

В работе съезда приняли участие секретари ЦК КПЧ И. Гендрих и В. Коуцкий, президент Чехословацкой Академии наук министр З. Неедлы и заведующий отделом школ, науки и культуры Центрального Комитета партии З. Урбан.

В качестве гостей на съезде присутствовали делегации историков Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР.

Открыл съезд председатель Чехословацкого исторического общества член-корреспондент ЧАН В. Гуса. Он подчеркнул, что главная цель съезда состоит в определении конкретных задач, поставленных перед работниками идеологического фронта, и в частности перед исторической наукой, XI съездом Коммунистической партии Чех словакии.

Основным содержанием минувшего эта развития исторической науки в Чехослов кии, подчеркнул выступавший, были борь за утверждение марксистско-ленинского м ровоззрения, подготовка молодых научны кадров. III съезд чехословацких историко ках отметил В. Гуса, начинает новый этап развитии чехословацкой историографии этап, связанный с задачами построения с циализма и коммунизма в стране.

На первом пленарном заседании съезд был заслушан доклад члена-корреспондент ЧАН, директора Института истори И. Мацека о состоянии и задачах чехо словацкой исторической науки в период за вершения строительства социализма[1].

Выступивший затем директор Институт истории Словацкой Академии наук (САН Л. Голотик остановился на некоторы вопросах словацкой исторической науки. О рассказал о работе съезда словацких исто риков, состоявшегося в начале июля 1959 г и задачах словацкой марксистской историо графии. Ученые много сделали по исследо ванию истории словацкого рабочего движе ния. Издан ряд документов и монографиче

[1] Сокращенный текст доклада публикуется в данном номере журнала.— *Ред.*

трудов, освещающих классовую борьбу тьян против феодалов, рабочих против куазии. Большое значение имели научн конференции, посвященные жизни и де ьности выдающегося представителя ацкого национального возрождения Штура, историческим взаимоотношениям в и словаков, словацкому народному танию 1944 г. и др. Развитию марксист историографии в Словакии в значи ной степени способствовало плодотворн сотрудничество чешских и словацких риков.

настоящее время уделяется особое вни ие изучению народно-демократического иода в истории Словакии. Л. Голотик от ил, что борьба против позитивизма, бурж зного объективизма по-прежнему ется одной из актуальных задач сло кой марксистской историографии.

ехословацких историков приветствовали оводители зарубежных делегаций: акаи ик Б. А. Рыбаков (СССР), профессора нислав Хербст (Польша), Макс Штейн ц (ГДР), Христо Гандев (Болгария) и тор Георги Ранки (Венгрия).

На съезде выступил член Политбюро и ретарь ЦК КПЧ И. Гендрих[2], кото от имени Коммунистической партии Че ловакии выразил уверенность, что съезд риков будет содействовать мобилизации лий ученых на завершение социалисти кой культурной революции в стране.

И. Гендрих отметил успехи марксистской ической науки и подчеркнул, что боль о роль в этом сыграло создание при под жке Коммунистической партии широкой и научно-исследовательских учреждений, оторых ныне работают сотни квалифици анных историков.

Современная чехословацкая историогра , заметил И. Гендрих, поставлена на ствительно научные основы. Абсолютный евес в историографии имеют марксисты. о обстоятельство, сказал он, существенно ичает III съезд историков от предше ующих съездов.

И. Гендрих дал глубокую оценку исследо ельской работе, проделанной чехослоскими историками, подчеркнув особенно ное значение создания коллективных об ающих трудов — «Истории Чехослова » и учебника по истории Коммунистиче й партии Чехословакии. Были отмечены также большие успехи, достигнутые в области археологии.

И. Гендрих обратил внимание на то, что чехословацкие историки должны более глубоко изучать всеобщую историю, международные связи в развитии прогрессивных движений различных народов и прежде всего в развитии рабочего движения.

Среди актуальных задач, стоящих перед чехословацкой исторической наукой, И. Гендрих назвал также изучение истории германского империализма, разоблачение его агрессивной сущности, показ реакционной роли Ватикана и католицизма, развертывание критики правосоциалистических и ревизионистских фальсификаций истории.

И. Гендрих говорил о прогрессивных традициях в развитии чехословацкой исторической науки, об историографическом наследстве. В то же время он указал на опасность оживления позитивистских тенденций. Выступавший отметил, что успешное развитие исторической науки невозможно без знания экономики и философии.

Недостаточное внимание уделяется учеными разработке проблем народно-демократического периода истории Чехословакии. Работа в этой области требует серьезной теоретической подготовки, богатого практического и политического опыта, тесной связи с Коммунистической партией и народом, с его повседневным созидательным трудом. Следует приветствовать, сказал И. Гендрих, инициативу вузовских кафедр истории КПЧ, Высшей партийной школы и Института общественных наук, поставивших перед собой задачу систематического изучения проблем социалистической революции и строительства социализма в Чехословакии и подготовки научных кадров для этой работы. Он отметил, что неправильно поступают ученые, когда основное внимание чешские историки сосредоточивают на разработке истории чешских земель, а словацкие — на истории Словакии. Необходимо, сказал он, изучать историю чешского и словацкого народов в единстве, особенно после 1918 г., когда чешские и словацкие рабочие вели совместную революционную борьбу.

В заключение И. Гендрих выразил уверенность, что историки Чехословакии правдиво и ярко раскроют славную и великую историю своего народа, покажут его героическую борьбу за лучшее будущее.

Историк И. Гайек призвал работников исторического фронта активно участвовать в борьбе социалистического лагеря и всех прогрессивных сил против империализма, за

Речь И. Гендриха опубликована в жур е «Tvorba», 1959, № 39.

победу ленинских принципов мирного сосуществования и соревнования двух общественно-экономических систем. Он подробно остановился на способах фальсификации чехословацкой истории в современной буржуазной литературе, показав, что это вызвано реваншистскими притязаниями западногерманских монополистов в отношении Чехословакии, ненавистью империалистов к чехословацкому народу и его революционным преобразованиям, осуществленным в стране, стремлением реставрировать в Чехословакии капитализм. Поэтому одной из самых важных и боевых задач марксистской исторической науки является последовательное и решительное разоблачение фальсификации чехословацкой истории идеологами империалистической буржуазии.

Профессор О. Ржига подчеркнул значение исторической науки и главным образом изучения новой и новейшей истории в социалистическом обществе. Доктор Ф. Граус говорил о необходимости вести более активную борьбу против реакционной буржуазной историографии, о важности разработки проблем всеобщей истории, в частности истории народов Китая, стран Азии и Африки. Министр школ и культуры Ф. Кагуда остановился на некоторых вопросах преподавания истории в школе, роли истории в формировании человека нового общества, воспитании социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. Он раскрыл значение тесной связи преподавания истории с жизнью, с практическими задачами современности.

М. Кропилак говорил о том, что необходимо уделять больше внимания разработке новейшей истории, в частности национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов в годы второй мировой войны, которую буржуазные историки особенно фальсифицируют. Следует, сказал он, ярче показать ведущую роль Коммунистической партии страны на отдельных этапах национально-освободительного движения, проанализировать боевые действия во время Словацкого народного восстания, расширить издание документальных материалов.

Профессор Я. Харват остановился на вопросах преподавания истории в школе.

Ректор Пражского университета Я. Прохазка посвятил свое выступление изучению истории международного коммунистического движения, истории СССР и Коммунистической партии Советского Союза. З. Брадач обратил внимание собравшихся на значение исследований в области новейшей истории. Й. Ружичка отметил в... ность разработки региональной истор... Д. Барта — теоретических вопросов ... исследовании истории.

С исключительной теплотой было вст... чено делегатами съезда выступление вы... ющегося ученого-историка и общественн... деятеля академика Зденека Неедл... Он подчеркнул большую роль историчес... науки в современном обществе и напом... чехословацким историкам о том, что ис... рическая наука, как всякая другая нау... должна содействовать развитию нового...

На съезде работали три секции: истор... феодализма, истории капитализма до 1918... новейшей истории.

На заседаниях первой секции были засл... шаны выступления по отдельным проблем... древней и средневековой истории.

С докладом об актуальных задачах изуч... ния античной истории выступил П. Олив... Этому же вопросу посвятили свои высту... ления доктор Печирек и Й. Бурия...

Доктор Ф. Граус остановился на пр... блемах чехословацкой медиевистики. ... считает необходимым уделить больше вн... мания исследованию возникновения фе... дальных отношений, истории колонизаци... политической истории. Мало изучены еще... по его мнению, история земледелия, горо... дов, идеологические вопросы, связанные ... гуситским движением.

Доктор П. Раткош сосредоточил вни... мание чешских и словацких историков н... проблемах возникновения феодализма, фор... мирования чешской и словацкой народно... сти.

По вопросам, связанным с разработко... истории средних веков, выступили также... М. Штепанек, Д. Тржештик, З. Фи... ала, польские историки Е. Малечин... ская и С. Хербст.

Директор Института археологии ЧАН... академик Й. Бем познакомил делегато... съезда с новейшими данными археологиче... ских раскопок и подчеркнул их значение для... исторической науки. Акад. Б. А. Рыбако... (СССР) отметил ряд проблем, в разработ... ке которых заинтересованы как чехословац... кие, так и советские историки, занимающиеся изучением феодализма.

В. Прохазка остановился на некото... рых вопросах истории права, Й. Яначек — на возникновении многонациональной мо... нархии Габсбургов, профессора Й. Шеба... нек и А. Гущава, доктор Е. Ногейлова-Пратова — на проблемах вспомогательных исторических дисциплин.

а этой секции также обсуждался текст ада А. Климы и Й. Мацурека зопросу о переходе от феодализма к тализму в Центральной Европе (XVI—II вв.)», подготовленного для предстоя- в 1960 г. Международного конгресса риков в Стокгольме.

качестве содокладчика выступил доктор ис, сосредоточивший внимание на про- е перехода от феодализма к капитализ- Словакии, где этот процесс был более образным и сложным, чем в чешских иях.

обсуждении доклада А. Климы и Мацурека приняли участие С. Хербст, Раткош, А. Мика, Й. Петрань, Валка, Й. Полишенский, Й. Ра- ский, З. Антош, К. Ребро, Грох.

а заседаниях второй секции с докладом роблемах всеобщей истории выступил рессор О. Ржига. Важное значение, етил он, представляет изучение между- одного рабочего движения, истории ко- иальных и зависимых стран, империа- ма, истории СССР, проблем новейшей рии, истории естественных наук и ники. О. Ржига высказался за издание циального журнала по всеобщей рии.

прениях по докладу О. Ржиги выступи- П. Рейман (о некоторых вопросах работки истории международного рабо- движения), З. Индра (об изучении рии германского империализма и его в истории Чехословакии), И. Гау- т (об изучении истории естествознания ехники), Я. Пурш (о значении разра- ки социально-экономической истории). Гандев (о важности борьбы против кционной буржуазной историографии), Шолле (о некоторых проблемах исто- рабочего движения), Ю. Кржижек необходимости глубокого изучения объ- ивных условий развития рабочего движе-), О. Кодедова (об издании источни- по новой и новейшей истории), К. Гер- н (об исследовании истории чешско- ских и чехословацко-советских связей) и гие.

а заседании третьей секции с докладом адачах в области новейшей истории Че- ловакии выступил Я. Кладива.

. Крамер остановился на некоторых росах создания обобщающих трудов по рии Чехословакии, подчеркнув важность бокой разработки истории классовой ьбы и национального вопроса в буржуаз- ной Чехословацкой республике. З. Урбан говорил о тесной связи экономических и политических процессов в истории общества, в частности о месте экономики Словакии в народном хозяйстве страны, о позиции словацкой буржуазии и национальных отношениях в домюнхенской ЧСР. Г. Бареш посвятил свое выступление проблемам истории буржуазной Чехословацкой республики. Он также подчеркнул важность изучения истории науки и техники.

В. Оливова остановилась на вопросах соотношения методов анализа и синтеза в научно-исследовательской деятельности, подчеркнув необходимость единства этих методов для успешного развития исследовательской работы в области истории.

М. Стрган говорил о том, что история чешского и словацкого народов после 1918 г. должна изучаться как история единого государства. А. Добрый посвятил свое выступление некоторым проблемам экономической истории. Б. Легар говорил о необходимости издания истории фабрик и заводов. На этом материале, отметил он, можно проследить богатую событиями историю рабочего класса Чехословакии. К тому же интерес к истории фабрик и заводов проявляют не только научные работники, студенты, но прежде всего сами рабочие. Он рассказал о деятельности комиссии по истории фабрик и заводов, созданной при Институте истории ЧАН.

З. Сладек остановился на состоянии изучения истории СССР в Чехословакии, Я. Пахта — на общественно-политическом значении истории и на некоторых проблемах чехословацкой историографии, З. Шамбергер — на задачах государственных архивов в обработке архивного материала по новейшей истории, на необходимости расширения публикаторской работы. И. Нешетршил остановился на вопросах улучшения состояния и упорядочения архивных источников, особенно по новейшей истории. В. Сояк посвятил выступление вопросам изучения международных отношений, В. Котык — проблематике исследования истории послевоенной Германии, имеющего большое значение и для борьбы против современного западногерманского реваншизма. М. Климеш, Я. Опат, Я. Козак в своих выступлениях осветили проблемы разработки истории народно-демократического периода и подчеркнули необходимость уделения ему большего внимания, имея в виду огромное общественно-политическое значение этого периода. В. Врабец (ре-

дакция газеты «Rudé Právo») призвал историков выступать на страницах газет, в частности в «Rudé Právo». О. Папеж поднял вопрос об изучении истории профсоюзного движения.

На заседании секции выступили также М. Калаб, Л. С. Гапоненко (СССР), Т. Силлаба, В. Краль, И. Гайек, Я. Кубат.

На заключительном пленарном заседании доклад «Роль рабочего класса в истории Чехословакии» прочитал директор Института истории КПЧ И. Веселы[3].

Борьбе словацкого рабочего класса за победу социализма посвятил свое выступление профессор Братиславского университета М. Госиоровский. Он охарактеризовал условия, в которых развивалось рабочее движение в Словакии, показал их своеобразие.

Участники съезда единодушно приняли резолюцию, в которой были сформулированы основные задачи, стоящие перед чехословацкой исторической наукой. Съезд призвал историков решительнее бороться с пережитками буржуазной идеологии, выступать против всяких извращений и ревизии марксистско-ленинского учения, за идейную чистоту марксистско-ленинской исторической науки; непрерывно повышать теоретический уровень работ в области истории, вести систематическую борьбу против тенденций позитивизма, мелкобуржуазного объективизма, либерализма и примиренчества; расширять коллективные методы работы, активизировать научную критику и самокритику; последовательно увязывать научную деятельность с актуальными проблемами общественно-политической жизни страны, с социалистическим строительством; сосредоточить усилия историков на работе в области новейшей истории, создать труды, показывающие величие социалистической действительности как самой славной эпохи в истории чехословацкого народа.

В изучении более ранних периодов истории выбирать темы, имеющие актуальное политическое значение, способствующие решению принципиальных научных проблем и воспитанию народных масс в духе социалистического патриотизма и интернационализма; в области всеобщей истории сосредоточить внимание на изучении политически важных вопросов, прежде всего н и новейшей истории.

Съезд обратил внимание чехослова историков на разработку истории межд родного рабочего движения и истори седних с Чехословакией народов; систе тическое разоблачение реакционной по тики империализма, в особенности за ногерманского.

Чехословацкие историки должны пре левать узкую специализацию, создав синтетические научные труды, коллек ные обобщающие работы; усиливать и стоянно укреплять братское сотрудниче чешских и словацких историков в реше задач, стоящих перед чехословацкой ис рической наукой; всемерно поддержив работу в области изучения местной ис рии (истории городов, сел, фабрик, заво и т. д.), привлекать к этому делу широ круги трудящихся.

Необходимо расширять и укреплять трудничество с историками Советского С за и народно-демократических стран, также с прогрессивными историками д гих стран; знакомить международную щественность с результатами деятельно чехословацких историков, содействова усилению международного авторитета м ксистской историографии.

Следует больше внимания уделять пуляризации исторических знаний в ши ких слоях народа. Коренным образом на улучшить преподавание истории в шко повысить ее роль в воспитании молодо поколения в коммунистическом духе. Пр влечь наиболее видных ученых и опытн педагогов к созданию новых учебников истории. Проводить конкурсы на лучш учебники с участием в их обсуждении ко лективов ученых, педагогов и широкой о щественности.

Делегаты съезда обратились с приве ственным письмом к Центральному Ком тету Коммунистической партии Чехослов кии, в котором выразили горячую благо дарность за заботу партии о развитии ист рической науки. Сознавая свой обществен ный долг и высоко ценя доверие, оказы ваемое Коммунистической партией, чехосло вацкие историки писали, что они оправда ют это доверие и с честью выполнят стоя щие перед ними задачи, вытекающие и решений XI съезда КПЧ.

И. Н. Мельникова
Н. А. Шленов

[3] Сокращенный текст доклада см. «Вопросы истории», 1960, № 2.— *Ред.*

ВСТРЕЧИ СОВЕТСКИХ И ДАТСКИХ ИСТОРИКОВ

4 ноября по 7 декабря 1959 г. в Дании илась делегация деятелей советской уры, прибывшая в эту страну по при-ению датского «Общества сотрудни-а между народами» («Меллемфолькe-Самвирке»). В советскую делегацию пла группа историков в составе про-ра А. Л. Нарочницкого (МГПИ име-П. Потемкина), доцента Л. К. Роотс уский университет), кандидата исто-ких наук М. А. Возчикова (Совет по религиозных культов при Совете стров СССР) и кандидата педагоги-х наук Г. В. Клоковой (Академия пе-ических наук). Советские и датские ики должны были встретиться для об-ения вопросов о более полном и глу-освещении истории СССР в датских ории Дании в советских учебниках, содействовать установлению луч-взаимопонимания между народами стран.

ветские и датские историки провели в нгагене три продолжительных совеща-в которых с датской стороны участво-советники датского Министерства про-ения, авторы учебников и пособий для азий, начальных и народных школ, ые ученые-историки, в том числе рукова, И. Лундквист, Г. Енсен, орретрандерс, П. Арентофт, Э. Лунд, груве и другие. Некоторые из этих лиц ются деятелями «Меллемфолькелигт ирке», издателями, журналистами, ди-рами крупных гимназий. Во время даний была организована выставка их учебников, а также книг, привезен-советскими историками.

докладу А. Л. Нарочницкого об ос-нии истории СССР в датских учебни-и по другим докладам развернулась ленная дискуссия. Датские историки сились с замечаниями советских уче-относительно необходимости повысить тских учебниках научный уровень ос-ния истории СССР до 1917 года. Чле-оветской делегации показали, что в орых датских учебниках (особенно в ике Э. Лунда) история Великой Ок-ской социалистической революции, й мировой войны, внешняя политика и многие другие вопросы истории и стран народной демократии часто аются на основе недоброкачественных ников, недоброжелательно и необъек-тивно, а многие достижения СССР и других стран социализма замалчиваются. Советские историки отметили и многие положительные стороны датских учебников (в частности учебника для народных школ Б. Барлезе и ряда других книг).

Датские историки не смогли противопоставить доводам наших ученых относительно необъективного освещения в ряде датских учебников советского периода истории СССР убедительные аргументы, но изъявили готовность и желание изучать отмеченные вопросы с привлечением советских и других отвечающих научным требованиям источников и литературы и более обстоятельно освещать достижения СССР.

Б. Норретрандерс сделал интересный критический доклад об освещении истории Дании в БСЭ и других советских изданиях. По докладу г-жи К. Струве был намечен ряд практических мер, связанных с книгообменом и развитием контактов и сотрудничества между советскими и датскими историками. Дискуссии и встречи советских и датских историков выявили различие в подходе к ряду коренных вопросов истории, вытекающих из противоположности социалистической и буржуазной идеологий, но в то же время эти дискуссии проходили в атмосфере взаимного желания найти путь к лучшему взаимопониманию между народами обеих стран. Высказывалось мнение, что преподавание истории не должно прививать датской молодежи враждебность и недоверие к СССР. К сожалению, некоторые датские учебники не отвечают этому требованию.

Датские газеты отмечали заявления советских историков о значении преподавания истории для развития взаимного понимания между народами. Особенно важно для этого было бы непосредственное знакомство датских историков с советскими источниками и литературой.

Кроме выступлений на упомянутых совещаниях, А. Л. Нарочницкий прочел доклады для учителей истории Копенгагена и Орхуса о преподавании истории в СССР и лекцию для студентов Копенгагенского университета об исследовательской работе в области истории в Советском Союзе. Л. К. Роотс выступала с сообщениями об исследованиях советских ученых по истории скандинавских стран и о «Скандинавском сборнике». Г. В. Клокова рассказала

о школьной реформе в СССР. Все эти выступления прошли в атмосфере внимания и интереса к советской науке и сопровождались оживленной дискуссией.

Советские ученые имели встречи и беседы с историками, ведущими научную и преподавательскую работу в Копенгагенском и Орхусском университетах,— А. Фриис, С. Хеннигсеном, Р. Томпсоном, Г. Клаусеном, Р. Шмидтом, К. Стифом и другими.

Можно надеяться, что поездка советских историков в Данию будет содействовать контактам между датскими и советскими учеными и преподавателями. Это тем более полезно, что организации ЮНЕСКО в Западной Европе обычно проводят встречи историков европейских стран без участия советских историков (за исключением некоторых мероприятий по так называемому «большому проекту: Восток — Запад»).

А. Л. Нарочницкая

К ПРЕДСТОЯЩЕМУ XI МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Ниже публикуется предварительный список докладов и сообщений XI международного конгресса исторических наук, составленный Организационным комитетом конгресса *. Как уже сообщалось в печати, конгресс состоится в августе 1960 г. в Стокгольме. На конгрессе с докладами и сообщениями выступят следующие советские ученые: академики Е. М. Жуков, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин, М. Н. Тихомиров, чл.-корр. АН СССР В. М. Хвостов, доктора исторических наук Б. Н. Аракелян, А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, В. А. Голобуцкий, Г. А. Меликишвили, Б. Ф. Поршнев, А. Л. Сидоров, кандидат исторических наук Н. И. Шатагин.

I. СЕКЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ

Доклад 1. «Влияние философии истории на современную историческую науку» Е. Ротхакер (ФРГ).

Доклад 2. «История исторической науки» Х. Баттерфилд (Великобритания).

Сообщения: «Вопросы метода средневековой историографии» Х. Бойман (ФРГ); «Испанская историография средневековья: проблемы и современное состояние знаний, или точнее, дух средневековой историографии» Элой Бенито Руано (Испания); «Обзор шведской историографии» Х. Борн (Швеция); «Начало русской историографии» М. Н. Тихомиров (СССР); «Проблема сообщения в исторической науке» Л. Готтшалк (США); «Решающие исторические события и их влияние на процесс развития историографии» В. Новак (Югославия); «Становление зарубежной историографии России» Х. Хальм (Австрия).

Доклад 3. «История культуры и ее проблемы» Ф. Джилберт (США).

Сообщения: «Проблемы и методы историографии коллективной психологии» А. Дюпон (Франция); «Хейсинга об исторической науке» Е. Е. Ж. Вермеулен (Нидерланды); «Образование светской интеллигенции и ее культура до начала XVIII века в Трансильвании» С. Жако (Румыния); «Вена в конце века **: социальный кризис и его проявление в области культуры» С. Шорске (США).

Доклад 4. «История науки и техники» А. Ж. Форбс (Нидерланды).

Сообщения: «Отношение дискуссии XVII в. об экспериментальном методе к революции в науке» А. К. Кромби (Великобритания); «Наука и техника в социальной истории» Л. Бульферетти (Италия); «Эйлер и Лейбниц: возникновение современной профессиональной натурфилософии» Е. Фютер (Швейцария); «Взаимоотношения медицины

* В список не включены сообщения шведских ученых: С. Болена «Международные отношения на Севере в эпоху викингов» и Ф. Линдберга «Балтика» (предварительное название темы), а также не учтена тематика международных исторических комиссий, которые будут заседать до открытия конгресса. Информация о работе исторических комиссий будет опубликована после получения от Организационного комитета конгресса списка докладчиков и тем их выступлений.

** Имеется в виду XIX век.

вропе и США в течение XIX в.» Р. Х. иок (США).

оклад 5. «Периодизация всемирной ис- ии» Е. М. Жуков (СССР).

ообщения: «Некоторые методологические ечания по проблеме периодизации все- ной истории» В. Гуса (Чехословакия); спорных вопросах периодизации всемир- истории» Б. Джурджев (Югославия).

оклад 6. «Последние открытия в изуче- демографии прошлого» М. Анри и Шевалье (Франция).

ообщения: «Труды каталонской демогра- еской школы по всеобщей демографиче- й истории» Х. Надаль (Испания); «Очер- по переписи и толкованию источников по ографической истории Франции в в.» Ж. Глениссон (Франция), «Новые ографические исследования Мексики века: социальные и экономические по- дствия катастрофического сокращения ленности населения» В. Бора (США); помогательные исторические науки и ивоведение» Х. О. Мейснер (ФРГ).

. СЕКЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ***

оклад 1. «Греки в период бронзового а» Стерлинг Дау (США).

ообщения: «Микенские государства и их ошения с Западным Средиземноморьем» . Пульези Каратели (Италия); «Истори- кое значение эгейских документов» Фурумарк (Швеция).

оклад 2. «Демократизация культуры в ом Царстве» С. Мазарино (Италия).

ообщения: «О материальной культуре мении в период античности» Б. Н. Ара- ян (СССР); «Основные вопросы исто- Наири — Урарту в свете новейших ис- дований» Г. А. Меликишвили (СССР); хословацкая область в период Римской ерии» Ж. Добиаш (Чехословакия).

оклад 3. «Источник по экономической и ансовой истории. Нумизматика Римской ерии» М. Гей (Франция).

ообщения: «Городские монетные дворы Малой Азии периода Римской империи» Крафт (ФРГ); «Находки и циркуляция ет в Испании в период господства рим- времен империи. Данные для изучения номики и экономических отношений Ис- ии в эпоху империи» А. Балиль (Испа-); «Сведения о римской императорской администрации в монетах начала IV века» П. Бруун (Финляндия); «Наиболее крупные выпуски римской монеты (асов) в начальный период Римской империи» М. Грант (Великобритания).

Доклад 4. «Рабство в греческо-римском мире» С. Лауффер (ФРГ).

Сообщения: «Значение рабов для перехода от античности к средневековью в Западной Европе» Фр. Виттингоф (ФРГ); «Экономическая и общественная роль рабства в Египте в I и II веках нашей эры» И. Бежуньска-Маловист (Польша); «От римского раба до колона» Д. Стойцевич (Югославия); «Рабство в Сирии и Палестине в греко-римский период по современным еврейским источникам» Е. Е. Урбах (Израиль).

Доклад 5. «Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья» В. Д. Блаватский (СССР).

Сообщения: «Черноморский район и работорговля в античный период» М. И. Финлей (Великобритания); «Греческие колонии Добруджи в эпоху эллинизма» Д. М. Пиппиди (Румыния).

Доклад 6. «Человеческое общество в низовьях Дуная от предримской эпохи до раннего средневековья» С. Дайковичу-Ясь и И. Нестор (Румыния).

Сообщения: «Переселение славян на Балканы в VI—VII веках» Г. Лабуда (Польша); «Народности и цивилизация на карпатско-дунайской территории в первой половине первого тысячелетия» М. Петреску-Димбовца (Румыния); «Замечания к вопросу об антах» В. Фрице (ФРГ); «Деятельность дунайских монетных дворов как источник по римской провинциальной истории» Е. М. Кондурачи (Румыния); «Археология и история Древней Палестины» В. Ф. Олбрайт (США).

III. СЕКЦИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Доклад 1. «От Тан до Сун: переходный период в истории Восточной Азии» Т. Ямамото (Япония).

Сообщения: «Новые фазы китайской цивилизации в эпоху Сун» Миязаки Ишизада (Япония); «Социальная структура Японии в раннем средневековье» Нагахара Кэйдзи (Япония); «Характерные черты перехода от феодализма к капитализму в Японии» Иноуэ Киёси (Япония); «Проблемы роста японской империи с точки зрения европейского ученого» Р. Лоренц (Австрия).

** Деление на секции определено организаторами конгресса в соответствии с существующей в западноевропейской исторической литературе периодизацией истории.

Доклад 2. «Общественный строй России в раннем средневековье» К. Рабек-Шмидт (Дания).

Сообщения: «Новгородское общество в раннем средневековье» Д. Оболенский (Великобритания); «Спорные вопросы образования Киевской Руси» Б. А. Рыбаков (СССР); «Новгород Великий в XI—XIV вв.» А. В. Арциховский (СССР); «Общественная структура южных славян в раннем средневековье» Б. Графенауер (Югославия); «Принятие христианства Русью как проблема для исследования» Л. Мюллер (ФРГ).

Доклад 3. «Право и средневековый историк» В. Ульман (Великобритания).

Сообщения: «Средневековые цеховые уставы в Германии» Х. Ленце (Австрия); «Феодальное право и его терминология» С. Ф. Ниермейер (Нидерланды); «Значение классической канонистики для изучения истории средних веков» А. Штикклер (Ватикан); «Земское законодательство в Швеции как исторический источник» Ж. Хафстрем (Швеция); «Религиозные законы ислама и история» Синази Алтундаг (Турция).

Доклад 4. «Характерные черты итальянского городского движения XII и XIII вв. в сравнении с городскими движениями в других европейских странах» Е. Сестан (Италия).

Сообщения: «Характер городов в Альпийской области в XII и XIII вв.» Х. Амман (Швейцария); «Политическая и социальная структура города в Юго-Западной Германии в XII—XIII веках» Е. Машке (ФРГ); «Соляной налог в финансовой системе итальянских коммун в эпоху средневековья» Ж. Ле Гофф (Франция); «Византийский город» Г. Острогорский (Югославия); «Генуэзские купцы, их капиталовложения и контракты, 1155—1230» Х. С. Крюгер (США).

Доклад 5. «Историческое значение древнегерманских представлений о роли государства и знати» К. Хаук (ФРГ).

Сообщения: «Знать и монархия в политической структуре Кастилии в XV веке» Л. Суарес Фернандес (Испания); «Возникновение княжеской власти в Богемии» Ф. Граус (Чехословакия); «Дворянская аристократия и княжества в Лотарингии» А. Женико (Бельгия).

Доклад 6. «Проблема изучения церковных учреждений средневековья» Ж. Ле Бра (Ватикан).

Сообщения: «Идея юбилейного года у теологов и канонистов (XII—XIII вв.)» [illegible] учреждения римского юбилейного го[illegible] Р. Форевиль (Франция); «Континентали[illegible] влияние на английские церковные собра[illegible] в XI и XII вв.» К. Н. Л. Брук (Великоб[illegible] тания); «Взгляды на светский «чин» в [illegible] горианской реформе» А. Фругони (Итали[illegible] «Скандинавия и конфликт между импер[illegible] и папством, 1070—1170 гг.» А. О. Юн[illegible] (Норвегия); «Реформа и развитие мона[illegible] ской жизни при Иннокентии III» М. М[illegible] карроне (Ватикан).

IV. СЕКЦИЯ НОВОЙ ИСТОРИИ

Доклад 1. «Балтийская проблема в [illegible] и XVII веках» Л. Чаплинский (Польш[illegible]

Сообщения: «Политика протестантс[illegible] князей в странах Балтики в XVI [illegible] В. Хубач (ФРГ); «Английский навигаци[illegible] ный акт 1651 г. и балтийская торгов[illegible] С. Эллехёй (Дания); «Коммерческая ко[illegible] юнктура в конце XVI и начале XVII в.: [illegible] таможенным данным Зунда» П. Жа[illegible] (Франция); «Кромвель и Балтика» М. [illegible] бертс (Ирландия); «Экономическая бор[illegible] на Балтике во второй половине XVI ве[illegible] Ф. Б. М. Тангельдер (Нидерланды).

Доклад 2. «Структура государственн[illegible] администрации в XVI—XVII вв.» В. Ви[illegible] (Испания).

Сообщения: «Развитие централизации [illegible] папском государстве в XVI в.» Ж. Делю[illegible] (Франция); «Государственное планиро[illegible] ние в раннетюдоровской Англии» Д. Р. З[illegible] тон (Великобритания); «Формы самоупр[illegible] ления на Востоке» Г. Штадтмюллер (ФРГ); «Причины упадка германских сословн[illegible] учреждений» Ф. Л. Карстен (Великобрит[illegible] ния); «Государство и администрация [illegible] дейских общин в испанских владениях Ам[illegible] рики» С. Верлинден (Бельгия).

Доклад 3. «Церковная реформация в [illegible] верных странах» Г. Юханссон (Швеция)

Сообщения: «Проблемы контрреформац[illegible] в Скандинавии в период до основания св[illegible] той конгрегации пропаганды веры в 1622 [illegible] О. Гарстейн (Норвегия); «Культурные св[illegible] зи между Польшей и Швецией в XVI и н[illegible] чале XVII в.» К. Лепши (Польша); «Р[illegible] форма в скандинавских странах: продолж[illegible] ние связи или разрыв с католицизмо[illegible] Д. Галлен (Финляндия); «Исповедовани[illegible] веры и государственная религия в поздн[illegible] реформации в Швеции» С. Гераннсон (Шв[illegible] ция); «Внешняя политика и христианск[illegible] этика в раннем германском протестантизм[illegible] Х. Холборн (США).

клад 4. «К вопросу о переходе от фео-
ма к капитализму в Центральной Ев-
(XVI—XVIII века)» А. Клима и
ацурек (Чехословакия).
общения: «Экономическое развитие в
дственных владениях австрийской мо-
ии в XV—XVII вв.» О. Л. Бруннер
); «Отклонения венгерского аграрного
тия от западноевропейского пути
опросу об особенностях перехода от
ализма к капитализму в Венгрии)»
. Пах (Венгрия); «Феодальный режим
ецкая империя» О. Л. Баркаи (Тур-
«Проблема второго издания крепост-
тва в Средней и Восточной Европе»
. Сказкин (СССР); «О сравнительно-
ическом анализе проблемы генезиса
гализма в Центральной и Восточной
пе» В. А. Голобуцкий (СССР).
клад 5. «Просвещение в Европе
I в.» Ф. Вентури (Италия).
общения: «Энциклопедия и иллюстра-
в испано-итальянской культуре
I в.» Мигель Батльори (Испания);
итический опыт и идеология просвеще-
в XVIII в. в Америке» Б. Бейлин
А); «Струэнзе и движение за реформу
нии» Х. С. Коммеджер (США).
клад 6. «Политические отношения ме-
Западом и Востоком Европы во время
цатилетней войны» Б. Ф. Поршнев
СР).
общения: «Возникновение социальных
посылок абсолютизма во владениях ав-
йских Габсбургов в начале Тридцати-
ей войны» Л. Маккаи (Венгрия); «Шве-
и Россия во время Тридцатилетней вой-
В. Там (Швеция); «Венецианская по-
ка и первый период Тридцатилетней
ы в Италии 1618—1631» Р. Питон
ейцария); «Некоторые данные об из-
ии отношений между Испанией и
ьшей в XVI—XVII веках» Э. Сарабло
ания).

СЕКЦИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

клад 1. «Британские переселенческие
нии и самоуправление с 1783 г.» В. Т.
оу (Великобритания).
общения: «Южная Африка 1906—
гг.; цена величия» П. Н. С. Мэнсерг
икобритания); «Изменение отношения
ША к заморской экспансии 1895—
гг.» Х. К. Бил (США); «Американская
нтропия в колониях» Мерле Кэрти
А); «Внешняя политика Германии в
годах XIX в.— в свете русских архив-
источников» В. М. Хвостов (СССР).

Доклад 2. «Проблемы эмиграции в XIX и XX вв.» Ф. Тистлтуайт (Великобритания).

Сообщения: «Развитие испанской эмиграции после войны 1914—1918 годов» М. И. Висент (Испания); «Некоторые аспекты итальянской иммиграции в Парижском районе со времени Второй империи» П. Жорж (Франция); «Итальянская эмиграция с 1876 г. до наших дней» Дж. Паренти (Италия); «Эмиграция из Норвегии, ее причины и характерные черты» И. Семмингсен (Норвегия); «Культурное влияние скандинавской эмиграции в США на скандинавские страны» Ф. Д. Скотт (США).

Доклад 3. «Немецкая социал-демократия и первая мировая война» Х. Хааг (Бельгия).

Сообщения: ««Центральная Европа» Науманна и европейские социалистические партии» Ж. Дроз (Франция); «Социалистическое итальянское движение в период нейтралитета и вступления в войну (3 августа 1914—24 мая 1915 г.)» Л. Вальяни (Италия); «К состоянию изучения в Швейцарии швейцарского социализма периода первой мировой войны» Е. Грунер (Швейцария); «Первая мировая война и РСДРП» Н. И. Шатагин (СССР); «Военные цели различных течений в немецкой социал-демократии» Ш. Блох (Израиль).

Доклад 4. «Проблема национальностей в Габсбургской монархии» Ф. Цвиттер (Югославия).

Сообщения: «Национальность и границы в конце XIX и в начале XX века» Х. Ротфельс (ФРГ); «Как французские дипломатические и консульские агенты рассматривали проблему национальностей в Габсбургской монархии во второй половине XIX века» Х. Контамин (Франция); «Интеллигенция и национализм в Восточной Европе 1848—1918 гг.» Г. Х. Н. Сетон-Уотсон (Великобритания); «Национальная проблема Триеста в австрофильской и ирредентистской историографии» С. Шиффрер (Италия); «Связи национального болгарского движения с революционными и демократическими кругами Западной Европы в XIX веке» Д. Косев (Болгария).

Доклад 5. «Традиционная культура и современное развитие Индии» Н. Браун (США).

Сообщения: «Изучение современной социальной истории Индии» Ч. Х. Филипс (Великобритания).

Доклад 6. а) «История предприятий в XIX веке» М. Жирар (Франция);

б) «Структура предприятия в XIX веке на примере Великобритании и Германии» Давид С. Лендс (США).

Сообщения: «Французский капитал и европейские железные дороги, 1852—1857» Б. Жиль (Франция); «Социальная структура французского банка в середине XIX в.» А. Тюдеск (Франция); «Структурные изменения в шведских экспортных предприятиях в XIX веке» Е. Зедерлунд (Швеция); «О структуре промышленности России в конце XIX в.» А. Л. Сидоров (СССР); «Анализ культурных и экономических отношений между Египтом, Византией и Западной Европой и знания последних о завоевании Египта арабами» К. Ханнестад (Дания).

КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТОВ (19—20 АВГУСТА 1960 ГОДА)

Доклад 1. «Изучение истории университетов средневековья и эпохи Возрождения в последние 25 лет» С. Стеллинг-Мишо (Швейцария).

Сообщения: «Города и университеты в конце средневековья на примере Лувена» Ж. Пакэ (Бельгийское Конго); «Метод изложения и конструкции системы у итальянских магистров в XIV в.» Б. Парад (Италия); «Иностранные студенты анг германского происхождения в Парижск университете в XV веке» А. Л. Габри (США); «Священная война, инквизиц университет и проповеди в начале XIII ка» К. Деларюэль (Франция); «Роль у верситетов в культурных связях между падной и Восточной Европой во врем гуманизма эпох реформации и контрреф мации» И. Матль (Австрия); «Юрисп денция гуманистов» Гидо Киш (СШ «Джон Коле и Оксфорд эпохи Ренессан С. Джейн (США).

КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ ЦЕН (19—20 АВГУСТА 1960 ГОДА)

Доклад 1. «История цен до 1750 Д. Гамилтон (США).

Сообщения: «Порча монеты и инфляц в средневековой Европе: положение в А лии и Италии» С. М. Чиполла (Итали «Революция цен в Центральной Европе XVI и XVII веках» С. Хошовский (По ша); «Архивы в Дубровнике (Рагуза) к источник общей истории цен» Ж. Тад (Югославия).

內 容

論 文

共产主义突击队员和共产主义劳动队运动的产生……謝・拉・盖尔什别格
产与苏联共产党的莫斯科組織……格・第・科斯托馬罗夫
哈薩克人从游牧过渡到定居生活史……沙赫・尤苏波夫（阿拉木图）
俄国无产阶級史的情况和任务……列・米・伊凡諾夫
古学上实用自然科学的方法……波・亚・科尔欽，亚・里・蒙加伊特
联爱国志士1943—1944年在法国領土上的战斗活动……米・亚・科科林，阿・亚・斯特卢契科夫
斯洛伐克科学在社会主义建設的完成阶段……約・馬采克（捷克斯洛伐克）

討 論

再度奴役化的若干一般現象和特点……尼・費・菲罗宁科—阿列克謝耶夫

情 报

联工人羣众的发明和合理化建議……弗・謝・波兹南斯基
西斯党在德帝国主义准备的第二次世界大战中的作用（1929—1932年）…瓦・德・庫里巴金

書 評

历史科学在苏联

古文献学委员会里……尼・安・多朵巴諾娃

历史科学在海外

7—1958年匈牙利历史科学的发展……艾尔文・帕姆里尼（匈牙利）
况波兰人民共和国十五周年的科学会議……伊・瓦・索津
关和德意志民主共和国历史家委员会的柏林科学会議……斯・捷尔別格（德意志民主共和国）
克斯洛伐克历史学家的代表大会……伊・尼・麦尔尼科娃（基輔），尼・亚・什列諾娃
关和丹麦两国历史学家的会見……阿・列・諾罗契尼茨基
接第十一次国际历史科学代表大会

CONTENTS

ticles: **S. R. Gershberg.** The Birth of the Soviet Movement of Communist Labour ams and Shock-Workers; **G. D. Kostomarov.** V. I. Lenin and the Moscow CPSU Organi-ion; **S. Yusupov** (Alma-Ata). From the History of the Settlement of Kazakh Nomads; **M. Ivanov.** The State and Tasks of the Study of History of the Russian Proletariat; **A. Kolchin** and **A. L. Mongait.** The Application of Natural Science Methods in Archaeol-; **M. A. Kokorin** and **A. A. Struchkov.** Military Operations by Soviet Patriots on French ritory in 1943-44; **J. Macek** (Czechoslovakia). Czechoslovak Historical Science in the al Phase of Socialist Construction. Discussion: **N. F. Filonenko-Alexeyev.** Some neral and Specific Features of Re-Serfage in Czechia. Reports: **V. S. Poznansky.** Development of the Mass Worker Invention and Rationalization Movement in the .S.R.; **V. D. Kulbakin.** The Fascist Party's Role in German Imperialist Preparation of rld War II in 1929-32. Criticism and Bibliography. Historical Sci-ce in the U.S.S.R.: **N. A. Doldobanova.** In the Archeographic Commission. His-rical Science Abroad: **Erwin Pamleni** (Hungary). The Development of torical Science in Hungary in 1957-58; **I. V. Sozin.** The Scientific Session Commemorat-the Fifteenth Anniversary of the Polish People's Republic; **St. Dörnberg** (G.D.R.). Berlin Scientific Conference of the Commission of U.S.S.R. and G. D. R. Historians; **N. Melnikova** (Kiev) and **N. A. Shlenova.** The Czechoslovak Historians' Congress; **L. Narochnitsky.** The Meetings of Soviet and Danish Historians; On the Eve of the venth International Historical Science Congress.

SOMMAIRE

Articles: **S. R. Guerchberg.** Naissance du mouvement des équipes et des oudarnik du travail communiste en U.R.S.S. ; **G. D. Kostomarov.** V. I. Lénin et l'organisation d Moscou du P.C.U.S. ; **Ch. Youssoupov** (Alma-Ata). De l'histoire du passage de population nomade kazakh à la vie sédentaire ; **L. M. Ivanov.** L'état et les tâche des études de l'histoire du prolétariat de la Russie; **B. A. Koltchin, A. L. Monguait** Application des méthodes scientifiques naturelles à l'archéologie ; **M. A. Kokorin** **A. A. Stroutchkov.** A propos de l'activité de guerre des patriotes soviétiques sur le terr toire de la France en 1943-1944 ; **J. Macek** (Tchécoslovaquie). L'historiographie tchécoslo vaque au cours de la période de l'achèvement du socialisme. Discussions: **N. F. Fi lonenko-Alexéev.** Quelques traits généraux et spécifiques de la deuxième promulgatio du servage en Bohême. Communications: **V. S. Poznansky.** Sur le développemen du génie inventeur ouvrier de masse et de la rationalisation en U.R.S.S. ; **V. D. Koulba kin.** Rôle du parti fasciste à la préparation de la deuxième guerre mondiale par l'impéria lisme allemand (1929-1932). Critique et bibliographie, Science his torique en U. R. S. S. : **N. A. Doldobanova.** A la commission archéographique. Scien ce historique à l'étranger: **E. Pamleni** (Hongrie). Progrès de la scienc historique en Hongrie en 1957-1958 ; **I. V. Sozin.** La session scientifique, consacrée a 15-e anniversaire de la République Populaire Polonaise ; **St. Dörnberg** (R.D.A.). La confé rence scientifique de la commission des historiens de l'U.R.S.S. et de la R.D.A. à Berlin **I. N. Melnikova** (Kiev), **N. A. Chlenova.** Congrès des historiens tchécoslovaques ; **A. L. Na rotchnitzky.** Rencontres des historiens soviétiques et danois ; Au XI-e Congrès Internationa prochain des sciences historiques.

INHALT

Beiträge: **S. R. Gerschberg.** Die Entstehung der Bewegung für Brigaden und Aktivisten der kommunistischen Arbeit in der UdSSR; **G. D. Kostomarow.** W. I. Lenin und die Moskauer Organisation der KPdSU; **Sch. Jusupow** (Alma-Ata). Zum Übergang des kasachischen Nomadenvolkes zur Ansässigkeit; **L. M. Iwanow.** Stand und Aufgaben zur Erforschung der Geschichte des russischen Proletariats; **B. A. Koltschin, A. L. Mongait** Die Anwendung der naturwissenschaftlichen Methoden in der Archäologie; **M. A. Kokorin** **A. A. Strutschkow.** Die Kampftätigkeit der sowjetischen Patrioten in Frankreich (1943—1944); **J. Macek.** (Tschechoslowakei). Die tschechoslowakische Geschichtswissenschaft in der Periode der Vollendung des sozialistischen Aufbaues. Diskussionen: **N. F. Filo nenko-Aleksejew.** Einige allgemeine und spezifische Züge der zweiten Leibeigenschaft in Böhmen. Mitteilungen: **W. S. Posnanski.** Die Entwicklung des Erfindertums und der Rationalisierungen unter den Arbeitern der UdSSR; **W. D. Kulbakin.** Die Rolle der faschistischen Partei bei der Vorbereitung des zweiten Weltkrieges durch den deutschen Imperialismus (1929—1932). Kritik und Bibliographie. Die Geschichts wissenschaft in der UdSSR: **N. A. Doldobanowa.** Von der archäographischen Kommission. Die Geschichtswissenschaft im Auslande: **Erwin Pam leni** (Ungarn). Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft in Ungarn (1957—1958) **I. W. Sosin.** Die wissenschaftliche Tagung zum 15. Jahrestag der Volksrepublik Polen **St. Dörnberg** (DDR). Die wissenschaftliche Konferenz der Kommission der Historiker der UdSSR und der DDR in Berlin; **I. N. Melnikowa** (Kiew), **N. A. Schlenowa.** Kongreß der tschechoslowakischen Historiker; **A. L. Narotschnizki.** Begegnungen sowjetischer und dänischer Historiker; Zum bevorstehenden XI. Internationalen Kongreß der Geschichtswissenschaften.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора); А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 00861 Подписано к печати 10/III 1960 г. Тираж 22 800.
Изд. № 442. Заказ № 314. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1960 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

«Военно-исторический журнал» публикует статьи, освещающие руководящую и организующую роль КПСС в деле мобилизации всех сил Советского государства на разгром империалистических захватчиков в годы гражданской и Великой Отечественной войн, ведет научную разработку важнейших вопросов истории Великой Отечественной войны и второй мировой войны, освещает историю партизанского движения.

Журнал публикует статьи о фронтовых и армейских операциях, о боевых действиях корпусов и дивизий, о партийно-политической работе в Армии и на Флоте.

В журнале публикуются архивные документы и материалы по важнейшим событиям второй мировой войны, а также воспоминания активных участников гражданской и Великой Отечественной войн.

Журнал систематически дает критическую оценку выходящей из печати советской и иностранной военно-исторической литературы. Он ставит своей задачей разоблачение буржуазных фальсификаторов, извращающих роль Советского Союза и его Вооруженных Сил во второй мировой войне.

«Военно-исторический журнал» имеет целью распространение военно-исторических знаний среди широких кругов читателей. На примерах героической борьбы нашего народа журнал будет способствовать воспитанию высоких патриотических качеств у советской молодежи.

Подписная цена:

на 1 год	**— 48 руб.**
на 6 месяцев	**— 24 руб.**
на 3 месяца	**— 12 руб.**
на 1 месяц	**— 4 руб.**

Подписка принимается без ограничения во всех городских и районных отделах «Союзпечати», в конторах, отделениях и агентствах связи.

Цена 7 руб.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

В начале 1960 года в Издательстве социально-экономической литературы выйдут в свет две фундаментальные монографии:

1) Л. В. ЧЕРЕПНИНА **«Образование Русского централизованного государства** (Очерки социально-экономической и политической истории Руси XIV—XV веков)» и 2) А. А. ЗИМИНА **«Реформы Ивана Грозного».**

Автор первой книги — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, видный специалист в области истории России феодального периода. Исследование посвящено важной исторической проблеме. Его задача — раскрыть на примере России общие закономерности образования централизованных государств и выяснить конкретные особенности этого процесса в России. Первая половина работы содержит анализ социально-экономических причин, подготовивших объединение Руси и образование централизованного государства. Здесь рассматривается развитие производительных сил в сельском хозяйстве, рост феодального землевладения, эволюция форм феодальной собственности на землю и видов феодальной ренты. Детально исследованы положение различных категорий русского крестьянства, борьба крестьян и горожан с феодально-крепостническим гнетом, роль русских городов в процессе создания централизованного государства.

Во второй половине книги автор анализирует ход политического объединения русских земель вокруг Москвы. Перед читателем встает яркая картина борьбы между отдельными феодальными княжествами за политическое преобладание, раскрывается отношение народных масс к феодальным войнам. Особенное внимание автор уделяет народным движениям XIV—XV вв. и освободительной борьбе русского народа против татаро-монгольского ига и наступления литовских феодалов.

Исследование открывается большой историографической главой, в которой дается критическая оценка точек зрения по данной проблеме, высказанных как в дореволюционной, так и в советской литературе, а также в работах современных зарубежных историков.

Автор второй книги, посвященной проблеме укрепления Русского централизованного государства в середине XVI в.,— доктор исторических наук А. А. Зимин.

В книге делается попытка на основании широкого привлечения как опубликованного, так и архивного материала вскрыть социально-экономические предпосылки и показать сущность реформы Ивана Грозного 50-х годов XVI века.

Загадочная и величественная фигура царя Ивана Грозного вот уже много веков приковывает внимание не только историков и писателей, художников и композиторов, но и всех интересующихся прошлым нашей Родины.

Характеризуя политический строй Русского государства, автор показывает напряженную борьбу за власть, которую вели в малолетство Ивана Грозного различные группы представителей феодальной аристократии. Автор подробно останавливается на особенностях классовой борьбы в России 30—50-х годов XVI века.

Книга поможет читателю узнать о том, как были подготовлены блестящие победы русского оружия под Казанью и Астраханью, о боярских смутах; в ней разносторонне показаны этапы преобразований центрального и местного правительственного аппарата 50-х годов XVI в., которые имели своей целью укрепить централизованный аппарат власти, консолидировать господствующий класс в целом, обеспечить подавление антифеодальных выступлений народных масс.

В монографии освещается, как складывались те социальные и политические условия, которые привели в 60-х годах XVI в. к созданию опричнины.

Многочисленные иллюстрации из фондов Государственного исторического музея помогают лучше представить основное содержание книги.

Монографии Л. В. Черепнина и А. А. Зимина, помимо своего большого научного значения, могут служить пособием для учебных занятий в высшей школе со студентами и аспирантами.

Объем книги Л. В. Черепнина — 56 печатных листов, ориентировочная цена — 24 рубля.

Объем книги А. А. Зимина — 20 печатных листов, цена — 9 рублей.

Просим сдать заказ в местные магазины книготорга и потребкооперации.

Соцэкгиз СОЮЗКНИГА